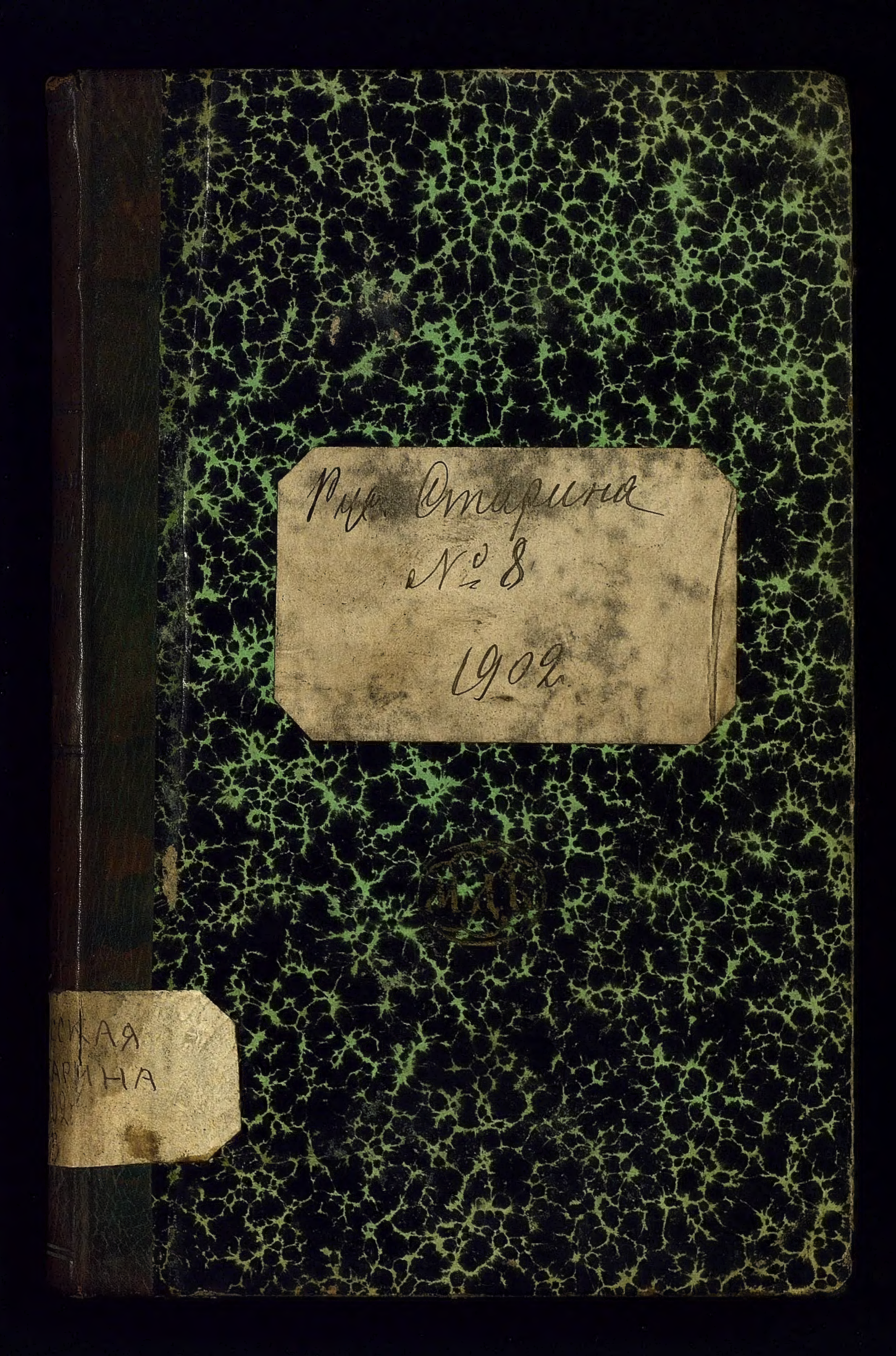
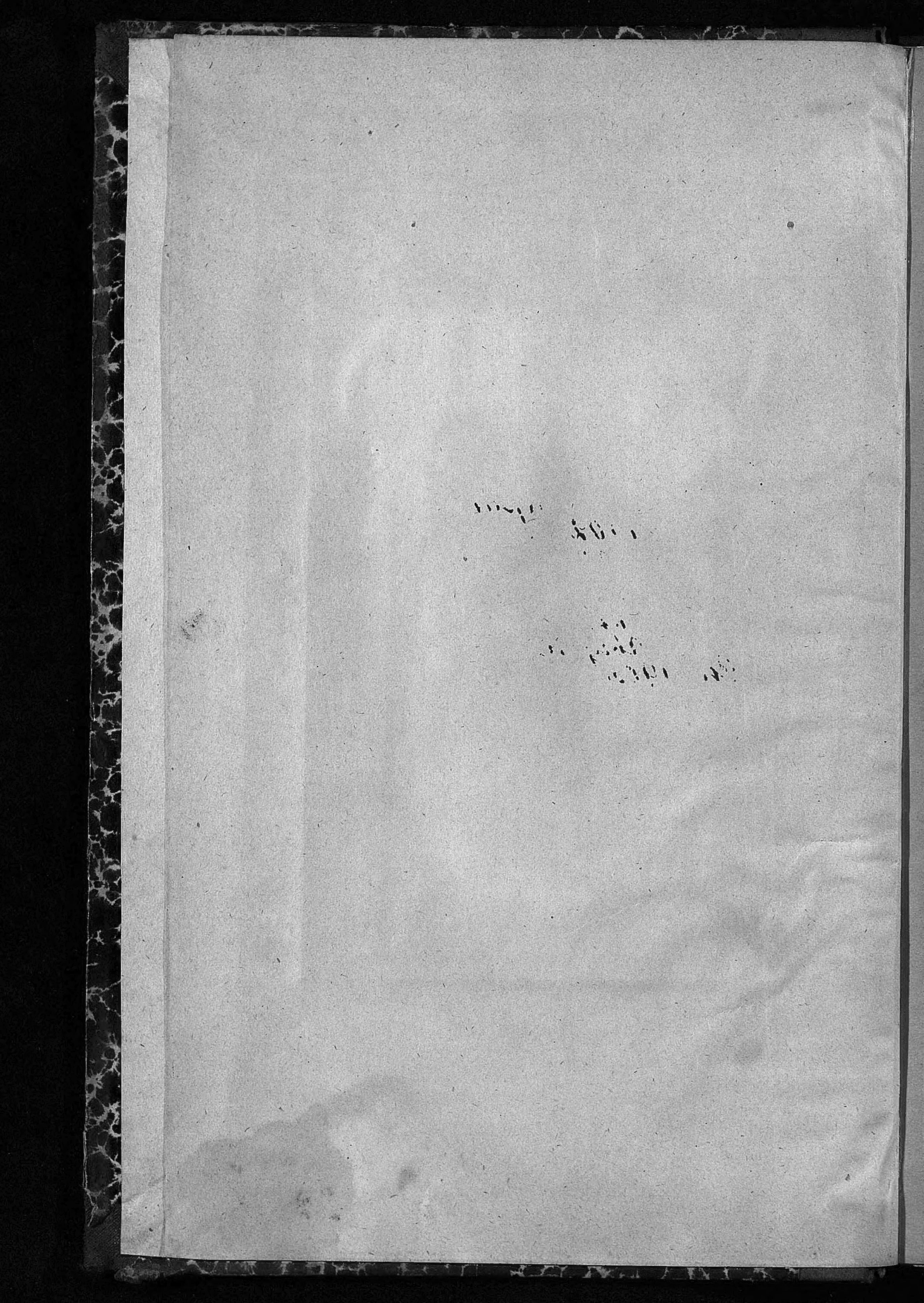

Рус. Старина
№ 8
1902
СКАЯ
АРИНА

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня Московскаго Совета Профессіональныхъ Союзовъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIII-й. АВГУСТЪ. 1902 годъ.

Книги на домъ не выдается.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX в. Н. Дубровина. 225—247

II. В. А. Жуковскій какъ народникъ. (Ко дню пятидесятилѣтія кончины). Пав. Висковатова. 249—266

III. Русская журналистика въ 1849—1874 гг. (Изъ бумагъ М. В. Авдѣева) Сообщила К. Четверикова. 267—287

IV. Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ. (1810—1833). 289—309

V. Наслѣдіе Петра Великаго. (Окончаніе). П. 311—329

VI. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина. 331—347

VII. Изъ переписки М. Н. Загоскина: V. Письма П. А. Корсакова. — VI. Письма Н. И. Гнѣдича.—VII. Письма М. П. Погодина. Сообщ. И. А. Бычковъ. 349—365

VIII. Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853 — 1856 гг. В. В. Тимощукъ. 367—398

IX. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 399—426

X. Экспедиція Государственнаго Хозяйства. (1797—1803 гг.). (Оконч.) В. И. Вешнякова. 427—438

XI. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ. 439—448

XII. Записная книжка „Русской Старины“: Прототипъ Бобчинскаго. Сообщилъ В. Н. Строевъ (стр. 248).—Распоряженіе одного изъ мировыхъ посредниковъ, 5-го февраля 1862 года. Сообщ. П. Н. Вереха. (288).—Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранные журналы. 15 февраля 1824 г. (310).—Образцы дворянскихъ дипломовъ. Сообщ. Н. Мурзановъ (330). — Поправки неточностей въ «Пушкинскомъ сборникѣ». Сообщ. Евгенія Клебанская (248).—Двѣ награды Д. В. Давыдову. Письмо Д. В. Давыдова—генералъ - адъютанту Васильчикову. 12-го декабря 1812 года. Сообщ. В. И. Харкевичъ (366).

XIII. Библіографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ великаго князя Константина Павловича.

1030

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Большая Подъяческая, № 39.
1902.

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1902 года.

12

Библіографическій листокъ.

Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По порученію министерства иностранныхъ дѣлъ составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ XIII. Трактаты съ Франціею. 1717—1807. СПБ. 1902.

Неутомимый изслѣдователь, извѣстный знатокъ международнаго права, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ уже въ продолженіе тридцати лѣтъ обогащаетъ нашу историческую литературу своими капитальными трудами.

Исключительная особенность разсматриваемаго нами изданія заключается въ историческихъ очеркахъ, предпосланныхъ тексту отпечатанныхъ международныхъ актовъ и составленныхъ, почти исключительно, на основаніи источниковъ, непосредственно почерпнутыхъ въ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Эти историческіе очерки составляютъ самую интересную и поучительную сторону изданія.

Разсматриваемый нами тринадцатый томъ труда г. Мартенса имѣетъ своимъ предметомъ международныя отношенія Россіи съ Франціей съ самаго ихъ начала до заключенія въ 1807 г. знаменитаго Тильзитскаго трактата.

Первый историческій очеркъ этого тома,— подъ № 471,—относится къ Амстердамскому союзному трактату, заключенному между Россіей, Пруссіей и Франціей 4-го (15-го) августа 1717 г. (П. С. З. № 3098), которымъ открывается рядъ франко-русскихъ союзовъ и актовъ послѣ Вестфальскаго мирнаго трактата.

Въ обширномъ введеніи къ своему труду авторъ подробно излагаетъ исторію возникновенія и развитія дипломатическихъ сношеній между Россіей и Франціей до 1717 года. Ни естественныя условія, ни политическія стремленія обоихъ государствъ,—по словамъ автора,—первоначально не могли содѣйствовать развитію между ними правильно организованныхъ международныхъ отношеній. Когда же въ XVI столѣтіи возникли между ними непосредственныя сношенія, — починъ принялъ на себя московскій царь, а не французскій король. Между тѣмъ въ сношеніяхъ Московскаго государства со всѣми остальными западно-европейскими народами починъ обыкновенно принадлежалъ послѣднимъ, но не московскому правительству. Но до конца XVIII вѣка отношенія между Россіей и Франціей были далеко не искренно-дружескими: монархическая Франція временъ „Ancien regime“ a не могла отречься отъ своихъ политическихъ традицій, не допускавшихъ удаленія на задній планъ въ европейской политической системѣ вѣковыхъ своихъ союзниковъ.

Ни настоятельныя предложенія Петра Великаго, во время его знаменитаго визита въ Версалѣ въ 1717 году,—вступить въ постоянный союзъ съ Россіей, ни искренняя привязанность императрицы Елисаветы Петровны къ королю, народу, нравамъ и обычаямъ Франціи временъ Людовика XV не въ состояніи были существеннымъ образомъ улучшить взаимныя отношенія обѣихъ державъ.

Въ историческомъ очеркѣ къ акту приступленія Россіи къ Версальскому трактату, заключенному 1-го мая 1756 г. (П. С. З. № 10680), подробно изложена исторія дипломатической миссіи маркиза Шетарди, заслуживающей особеннаго вниманія съ точки зрѣнія нравовъ и обычаевъ дипломатовъ XVIII вѣка. Маркизъ де-ла-Шетарди прибылъ въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1739 г., послѣ торжественнаго путешествія черезъ прибалтійскія провинціи. Чрезвычайный французскій посолъ повсюду наблюдалъ за отдаваніемъ ему должнаго почета со стороны мѣстныхъ властей и былъ неумолимъ въ случаяхъ нарушенія строгаго этикета. Вопросы этикета поглощали бо́льшую часть времени маркиза. При назначеніи его посломъ при Петербургскомъ дворѣ, кардиналъ Флёри выразилъ увѣренность, что маркизъ постоянно будетъ обнаруживать свойственный ему «характеръ, полный ума и мягкости», которымъ онъ всегда отличался въ продолженіе пребыванія своего при Берлинскомъ дворѣ. Но поведеніе Шетарди при русскомъ дворѣ весьма скоро показало, что кардиналъ Флёри совсѣмъ не зналъ избраннаго имъ для Россіи французскаго представителя.

Инструкція 1-го іюля 1739 г., данная маркизу Шетарди, весьма подробно разбираетъ взаимныя отношенія между Франціею и Россіею, объясняя послѣдовавшее ихъ охлажденіе политикою Россіи въ главнѣйшихъ европейскихъ вопросахъ. Особенное вниманіе долженъ былъ Шетарди обращать на внутреннее состояніе Россіи, которое не настолько упрочено, чтобъ нельзя было ожидать новыхъ переворотовъ. Когда Шетарди прибылъ въ Россію, политическое положеніе Франціи было блистательное: въ ея помощи нуждались Россія, Австрія и Турція, воевавшія другъ съ другомъ, а Швеція опять подпала ея полному вліянію. Успѣхи французской политики окончательно вскружили голову тщеславному французскому дипломату. Съ небывалою пышностью устроилъ онъ свой посольскій домъ и съ несокрушимою энергіею защищалъ, въ переговорахъ съ русскими министрами, свои права по этикету и церемоніямъ. Всѣ его донесенія, за первые мѣсяцы пребыванія при русскомъ дворѣ, были почти исключительно полны разсужденіями объ этикетѣ и о почестяхъ, на которыя претендовалъ французскій посолъ. Такой образъ дѣйствій маркиза Шетарди долженъ былъ вызвать сильнѣйшее неудовольствіе въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, тѣмъ болѣе, что онъ сталъ выказывать особенное почтеніе великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая счита-

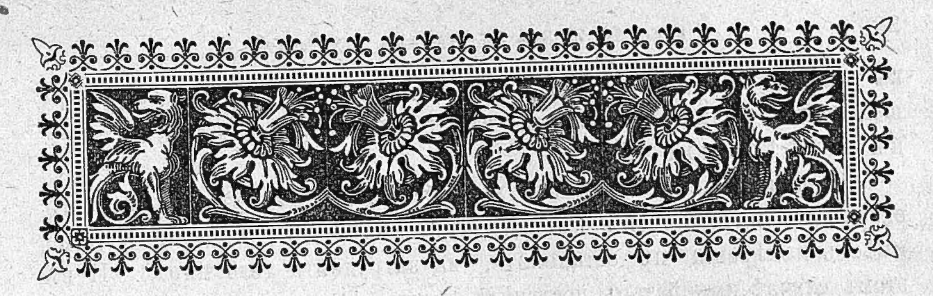
Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Дозв. ценз. Спб., 26 июля 1902 г. Тип. Тов. „Общ. Польза", Б. Подъяч., д. 39.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ.

(Съ наброска, сдѣланнаго въ частномъ альбомѣ).

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московского Совета
Профессиональных Союзов.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

25159
49 г.

XIX [1]).

Шенбрунскій миръ и его послѣдствія.—Дипломатическіе переговоры по заключенію особой конвенціи относительно Польши.—Князь А. Чарторыйскій какъ ходатай о возстановленіи Польши. — Его бесѣды съ императоромъ Александромъ.—Вопросъ объ образованіи великаго княжества Литовскаго или соединеніе подъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ управленіемъ восьми западныхъ губерній. —Мнѣніе объ этомъ кн. Чарторыйскаго. — Его записка, поданная императору Александру. — Появленіе въ Петербургѣ новаго ходатая по дѣламъ Польши.—Графъ Михаилъ Огинскій и его прошлое.—Состояніе Литвы.

Шенбрунскій миръ, какъ мы видѣли, не удовлетворилъ Александра и былъ оскорбителенъ для Россіи. Онъ вызвалъ продолжительную дипломатическую переписку, тянувшуюся, съ разными перерывами, почти до начала военныхъ дѣйствій въ 1812 году.

«Императоръ французовъ,—писалъ графъ Румянцевъ Коленкуру [2]),—распорядился единственно въ видахъ своихъ выгодъ тою частью австрійскихъ владѣній, которая была завоевана войсками моего государя, предоставивъ въ пользу Россіи округъ съ 400 тыс. населенія и увеличивъ силу герцогства Варшавскаго почти на два милліона какъ бы въ подкрѣпленіе общаго мнѣнія, что оно предназначается

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

[2]) Отъ 22-го октября 1809 г. А. Н. Поповъ.—Польскій вопросъ. „Русская Старина“ 1893 г. № 3, стр. 692 и 693.

къ тому, чтобы сдѣлаться Польскимъ королевствомъ. Его величество прямо объявляетъ, что былъ въ правѣ ожидать инаго рѣшенія.

«Обращая вниманіе на это неудобство, императоръ находитъ его огромнымъ въ отношеніи къ выгодамъ своего государства; но онъ не имѣетъ намѣренія ни остановить, ни затруднить дѣло мира... И въ этомъ случаѣ императоръ поступилъ также, какъ и всегда поступалъ, какъ вѣрный и добросовѣстный союзникъ. Онъ свидѣтельствуетъ предъ всею Европою, какъ дорого для него сохраненіе того направленія своей политики, которое она приняла послѣ тильзитскаго мира, и, не скрывая своихъ мыслей, какъ бы на его мѣстѣ поступилъ иной государь, явно выражаетъ ихъ своему союзнику. Онъ обращается къ императору Наполеону съ настояніемъ самой искренней дружбы и приглашаетъ его принять участіе такое же, какое онъ принимаетъ въ сохраненіи великаго дѣла,—союза между двумя имперіями».

Въ виду сохраненія союза графу Румянцеву поручено было возобновить Коленкуру предложеніе заключить конвенцію, которая навсегда убѣдила бы Россію, что она безопасно владѣетъ провинціями, пріобрѣтенными отъ Польши. Въ конвенціи этой должно быть выражено, «для убѣжденія какъ подданныхъ его величества, такъ и подданныхъ Варшавскаго герцогства, что новое увеличеніе его области и его силъ никогда не поведетъ къ возстановленію Польскаго королевства».

Румянцевъ говорилъ, что союзныя отношенія Россіи съ Франціею заставляютъ императора Александра предполагать, что «императоръ Наполеонъ не имѣетъ намѣренія въ заключенномъ имъ мирномъ договорѣ съ Австріею оставить зародышъ новой войны и самъ согласится [1]), что нѣтъ удобнѣе способа для устраненія такого предположенія, какъ заключеніе конвенціи, которую онъ предлагаетъ.

Въ письмѣ къ императору Александру Наполеонъ грубо и самонадѣянно обѣщалъ не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, говоря, что подданные ей поляки не могутъ разсчитывать на его покровительство, т. е. другими словами, что онъ не возбудитъ волненій во владѣніяхъ своего союзника. Предъидущая дѣятельность Наполеона не внушала довѣрія къ его словамъ и обѣщанію. Вотъ почему петербургскій кабинетъ такъ усиленно настаивалъ на заключеніи конвенціи.— Не получая никакихъ опредѣленныхъ указаній изъ Парижа, Коленкуръ не могъ ничего сказать на наше требованіе. Положеніе его нѣсколько

[1]) Набранныя разрядкой слова внесены въ текстъ самимъ императоромъ Александромъ въ черновой нотѣ, написанной собственноручно графомъ Румянцевымъ.

облегчилось, когда въ Петербургѣ была получена нота Шампаньи на имя графа Румянцева отъ 8-го (20-го) октября.

«Императоръ,—сказано въ ней,—не только не желаетъ вызвать мысль о возстановленіи Польши, которая такъ далека отъ его видовъ, но онъ готовъ содѣйствовать императору Александру во всѣхъ тѣхъ мѣрахъ, которыя могли бы истребить навсегда воспоминанія о ней въ ея прежнемъ населеніи. Его величество согласенъ на то, чтобы слова: Польша и поляки не только бы исчезли изъ всѣхъ политическихъ договоровъ, но даже и изъ исторіи».

Такимъ образомъ Наполеонъ, повидимому и только повидимому, признавалъ полезнымъ для Европы, чтобы Польша не существовала. Въ рѣчи своей законодательному корпусу 21-го ноября (3-го декабря) 1809 г. онъ сказалъ:

— Союзникъ и другъ мой присоединилъ къ своей обширной имперіи Финляндію, Молдавію (?), Валахію (?) и часть Галиціи. Я не сожалѣю ни о чемъ, могущемъ служить ко благу этой имперіи. Мои чувства въ отношеніи къ знаменитому ея повелителю согласны съ моими политическими видами.

Такое искаженіе фактовъ еще болѣе выразилось въ отчетѣ министра иностранныхъ дѣлъ Шампаньи за тотъ же 1809 г. Министръ объяснилъ самымъ неточнымъ и двусмысленнымъ образомъ причины, побудившія Наполеона увеличить герцогство Варшавское.

«Герцогство Варшавское,—говорилъ онъ 12-го (24-го) декабря [1]),— увеличено присоединеніемъ части Галиціи. Императору было бы весьма не трудно присоединить къ герцогству и всю Галицію; но онъ не желалъ ничего такого, что̀ могло бы возбудить безпокойство и опасеніе въ его другѣ и союзникѣ, русскомъ императорѣ. Галиція прежняго раздѣла вся цѣликомъ оставлена во владѣніи Австріи. Его величество не имѣлъ вовсе въ виду возстановленія Польши. То, что сдѣлалъ императоръ для новой Галиціи, его побудила сдѣлать это, конечно, гораздо менѣе политика, чѣмъ его достоинство: онъ не могъ предоставить мщенію неумолимаго (implacable) принца (австрійскаго) народъ, который показалъ себя столь горячо преданнымъ Франціи.

«Молодой австрійскій принцъ, тотъ самый, который командовалъ подъ Ульмомъ въ 1805 году, столь же надменный, сколько несвѣдущій въ военномъ искусствѣ, не зналъ съ 40.000 человѣкъ, что будетъ разбитъ княземъ Понятовскимъ, имѣвшимъ только 13.000. Вслѣдствіе дурныхъ разсчетовъ своего генерала, австрійскій домъ потерялъ Западную Галицію, жители которой съ энтузіазмомъ стряхнули иго, тя-

[1]) «Moniteur» 1809 г. № 348.

готѣвшее надъ ними. Не подчинять ихъ снова тому же дому было обязанностію императора. Его величество желаетъ, чтобы подъ мудрымъ правленіемъ саксонскаго короля жители великагс герцогства Варшавскаго обрѣли спокойствіе и наслаждались счастіемъ, не дѣлая безпокойства своимъ сосѣдямъ».

Рѣчь эта была такова, что могла быть перетолкована каждымъ въ свою пользу. Поляки могли видѣть въ ней сочувствіе къ нимъ Франціи; Россія, напротивъ, что Наполеонъ не думалъ о возстановленіи Польши. Но для императора Александра было недостаточно этихъ словъ, и онъ требовалъ, чтобы Наполеонъ обязался письменно въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Поводомъ къ такому требованію послужило то, что черезъ шесть дней, послѣ письма Шампаньи къ графу Румянцеву, въ Вѣнѣ была подписана конвенція, въ которой войска саксонскаго короля назывались польскими войсками и говорилось о польской арміи; въ гамбургской газетѣ писали, что князю Понятовскому вѣроятно предназначается носить корону Польши. Во избѣжаніе подобныхъ недоразумѣній, графъ Румянцевъ предлагалъ Коленкуру испросить полномочіе у своего правительства на заключеніе особой конвенціи, которая бы навсегда устранила столь жгучій вопросъ о Польшѣ. 24-го декабря 1809 г. (5-го января 1810 г.) конвенція была подписана Коленкуромъ и заключала въ себѣ слѣдующія обязательства:

1) Королевство Польское никогда не будетъ возстановлено.

2) Высокія договаривающіяся стороны позаботятся о томъ, чтобы наименованіе Польши и поляковъ не было присваиваемо ни одной изъ областей, входившихъ въ составъ королевства, ни ея обитателямъ, ни войскамъ и исчезнуло бы навсегда изъ всѣхъ публичныхъ актовъ, какого бы рода они ни были.

3) Ордена прежняго королевства Польскаго будутъ уничтожены и вновь никогда возобновлены не будутъ.

4) Никто изъ прежнихъ поляковъ, а теперь подданныхъ россійскаго императора, впредь не можетъ быть принимаемъ на службу его величества, короля саксонскаго, въ качествѣ герцога варшавскаго, и, наоборотъ, ни одинъ изъ подданныхъ саксонскаго короля, какъ герцога варшавскагс, не можетъ быть принятъ въ русскую службу.

5) Постановляется постояннымъ и неизмѣннымъ правиломъ, что герцогство Варшавское не будетъ увеличиваемо никакою изъ областей, входившихъ прежде въ составъ Польскаго королевства.

6) Не будетъ болѣе признаваемо смѣшанныхъ подданныхъ Россіи и герцогства Варшавскаго; тѣмъ же, которые въ настоящее время считаются таковыми, дается 12-ти мѣсячный срокъ, со дня ратификаціи этой конвенціи, для объявленія, какому государству хо-

тятъ принадлежать, и 3-хъ лѣтній срокъ для отчужденія имуществъ, находящихся въ томъ государствѣ, отъ подданства которому они отказались.

7) Его величество императоръ французовъ обязывается привлечь къ этому договору саксонскаго короля и обезпечить его исполненіе на дѣлѣ.

8) Настоящая конвенція будетъ ратификована высокими договаривающимися сторонами и ратификаціи размѣнены въ Петербургѣ въ продолженіе 50 дней или скорѣе, если будетъ возможно.

Въ Парижѣ были очень недовольны этимъ договоромъ, недовольны, по словамъ Шлоссера [1]), потому что Коленкуръ не съумѣлъ вставить въ условія такой лазейки, которая давала бы возможность впослѣдствіи перетолковать эти условія, какъ угодно. Наполеонъ не утвердилъ конвенціи и требовалъ другой редакціи. Онъ говорилъ, что не можетъ принять на себя такого обязательства, которое нельзя исполнить, что событія могутъ совершиться помимо его воли, и онъ не будетъ въ состояніи ихъ отвратить. Наполеонъ предлагалъ свой проектъ, въ которомъ говорилось, что императоръ Франціи обязывается самъ не содѣйствовать возникновенію Польши и не помогать никакой державѣ, которая имѣла бы такое намѣреніе; что онъ обязывается не одобрять и не помогать никакому возстанію или бунту обывателей тѣхъ областей, кои составляли королевство.

Относительно статьи пятой конвенціи Наполеонъ предлагалъ постановить правиломъ на будущее время, что ни Россія, ни герцогство Варшавское не могутъ увеличивать своихъ владѣній на счетъ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ бывшаго Польскаго королевства, исключая того лишь случая, который можетъ состояться по соглашенію высокихъ договаривающихся сторонъ.

Статью шестую тюльерійскій кабинетъ предлагалъ изложить такъ: «Тѣ изъ смѣшанныхъ подданныхъ, которые состоятъ въ войскахъ того или другаго государства, если захотятъ остановить ихъ, будутъ уволены въ отставку. Во всякомъ случаѣ ихъ имущество будетъ имъ возвращено, и они воспользуются всѣми льготами, предоставляемыми этою статьею вообще всѣмъ смѣшаннымъ подданнымъ» [2]).

Императоръ Александръ не могъ согласиться съ предложеніемъ Наполеона.

— Только для того и заключается конвенція,—говорилъ государь,—чтобы въ ней положительно было выражено, что Польское королевство не будетъ никогда возстановлено. Ослабленіемъ смысла этой статьи уничтожается вся польза этой конвенціи.

---

[1]) Шлоссеръ.—Всемірная Исторія. Изд. 1872 г., т. VI, стр. 586.
[2]) Вопросъ польскій, А. Н. Попова „Рус. Стар." 1893 г., № 5, стр. 362 и 363.

Наполеонъ не ратификовалъ ее и говорилъ, что это споръ о словахъ, который поддерживаютъ съ упрямствомъ; что онъ не можетъ подписать неисполнимое обязательство. Переговоры затянулись, и вопросъ о конвенціи не получалъ никакого рѣшенія. Нашъ посланникъ въ Парижѣ кн. Куракинъ писалъ графу Румянцеву, что достоинство Россіи требуетъ не настаивать болѣе на заключеніи этой конвенціи, и получилъ повелѣніе императора прекратить переговоры.

Здѣсь невольно является вопросъ: имѣлъ ли Наполеонъ когда-нибудь серьезное намѣреніе возстановить Польшу настолько, чтобы сдѣлать изъ нея самостоятельное государство? Конечно, нѣтъ, и въ этомъ согласны были даже наблюдательные и безпристрастные поляки. Всѣ тѣ,—говоритъ графъ Огинскій въ одной изъ своихъ записокъ,—которые безъ предубѣжденія наблюдали за характеромъ Наполеона, за его политикой, могутъ легко разрѣшить этотъ вопросъ. Чтобы возстановить независимую страну, нужно бы было предположить у Наполеона тотъ характеръ воздержанности, безкорыстія и великодушія, который не имѣетъ никакого сходства съ ненасытной алчностью побѣждать, съ необходимостью ослаблять, раздроблять и разрушать всѣ государства Европы. Конечно, Наполеонъ понималъ, сколь важно было бы для Франціи имѣть между Россіею и Австріею государство всегда союзное и готовое раздѣлить вполнѣ судьбы Французской имперіи. Но какъ это сдѣлать, не нарушая мысли и желанія всемірнаго владычества? Какъ предположить, что человѣкъ, который не умѣетъ ограничить свое честолюбіе, будетъ въ состояніи отказаться отъ подчиненія себѣ созданнаго имъ же государства? Можно ли было допустить, чтобы человѣкъ, считавшій себя посланнымъ Богомъ для устройства всего міра, чтобы человѣкъ, разрушившій столько престоловъ и постоянно подкапывавшійся подъ основанія тѣхъ, которые еще существовали, и воздвигалъ нѣкоторые только для того, чтобы помѣстить на нихъ своихъ родственниковъ, чтобы этотъ человѣкъ могъ содѣйствовать образованію самостоятельнаго государства. Наполеону нужна была не самостоятельная Польша, а поляки, готовые всегда принять его сторону и пополнять ряды его арміи. Въ этомъ направленіи онъ и велъ дѣла съ ними. Когда въ 1806 году прибыла къ Наполеону депутація подъ предводительствомъ графа Дзялынскаго и предложила императору содѣйствіе всего польскаго шляхетства, то Наполеонъ, не довѣряя пышнымъ и громкимъ рѣчамъ, отложилъ дѣло до личнаго прибытія въ Польшу. Впослѣдствіи, послѣ двухнедѣльнаго пребыванія въ Познани, императоръ убѣдился, что съ поляками никакого дѣла, требующаго многихъ и трудныхъ усилій, имѣть нельзя; что для него гораздо выгоднѣе манить поляковъ, показывать независимость издали, но не давать ее въ руки.

Такъ, послѣ своей рѣчи законодательному корпусу и отчета министра

иностранныхъ дѣлъ, Наполеонъ тотчасъ же отправилъ въ Варшаву курьера для успокоенія и увѣренія поляковъ, что цѣлью его рѣчи было собственно усыпленіе Россіи въ виду намѣреній его относительно Польши. Вслѣдъ за тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Монталиве произнесъ рѣчь, подобную рѣчи министра иностранныхъ дѣлъ, и въ варшавскихъ газетахъ она была перепечатана съ пропускомъ словъ, относящихся до Польши. Въ Парижѣ приближенные Наполеона увѣряли поляковъ, что слова министра внутреннихъ дѣлъ «были не болѣе какъ любезность относительно русскаго посланника» [1].

Поляки легко запутывались въ ловко сплетенной имъ паутинѣ и не видѣли ея. Въ западныхъ нашихъ губерніяхъ польское населеніе встрепенулось и стало волноваться. Тогда императоръ Александръ выразилъ Коленкуру свое неудовольствіе, обвиняя Наполеона въ недобросовѣстности и говоря откровенно, что присоединеніемъ части Галиціи къ герцогству Варшавскому онъ нарушилъ всѣ бывшіе трактаты.

Какъ ни скрытно велась дипломатическая переписка, но поляки, жившіе въ Парижѣ и окружавшіе Наполеона, знали о переговорахъ Александра съ Коленкуромъ относительно конвенціи и конечно потеряли надежду получить что-либо отъ русскаго императора, въ особенности послѣ указовъ о конфискаціи имѣній лицъ, удалившихся въ Варшаву.

«Мы получили здѣсь (въ Варшавѣ)—писалъ М. Солтанъ князю А. Чарторыйскому [2],—указы его императорскаго величества, относительно русскихъ подданныхъ, находящихся за границею; но губернскія правленія истолковываютъ ихъ такъ произвольно, что мы не знаемъ, какъ быть. По крайней мѣрѣ, что касается меня, то я очень затрудняюсь относительно своей особы и прошу васъ помочь мнѣ вашимъ совѣтомъ.

«Указами 24-го августа и 5-го октября 1809 г. [3]) повелѣвается наложить секвестръ и конфисковать имѣнія всѣхъ эмигрантовъ, оставившихъ страну безъ разрѣшенія правительства и поступившихъ на службу въ иностранную армію. Въ этихъ указахъ говорится, что и самые эмигранты, которые возвратятся въ Россію, будутъ преданы суду.

«Повидимому, это относится лишь къ тѣмъ лицамъ, кои выѣхали изъ Россіи безъ паспорта—таково мое положеніе. Я оставилъ Россію въ 1808 году, имѣя безсрочный паспортъ, выданный министромъ внутреннихъ дѣлъ мнѣ и моему сыну. Мой сынъ, которому въ то время было 17 лѣтъ, вступилъ въ началѣ кампаніи въ отрядъ летучей (польской) артиллеріи. Военныя дѣйствія уже начинались; я не могъ воспрепятствовать моему сыну и, какъ русскій подданный, не могъ ничего имѣть противъ

---

[1]) Записка гр. Огинскаго, поданная императору Александру 15-го мая 1811 г. „Русскій Архивъ" 1874 г., Т. I, стр. 647—652.

[2]) Отъ 15-го февраля 1810 г. Варшава.

[3]) См. „Русскую Старину", 1902 г. іюль, стр. 24 и 25.

этого, зная, что указами Петра Великаго разрѣшалось русскому дворянству служить въ иностранномъ войскѣ и что Россія дѣйствовала въ то время совмѣстно съ герцогствомъ Варшавскимъ противъ общаго врага. Вотъ эти соображенія даютъ мнѣ право думать, что мой сынъ совершенно свободно могъ поступить на иностранную службу.

«Между тѣмъ появился указъ 17-го декабря, касающійся лицъ, кои оставили Россію безъ разрѣшенія правительства [1]). Этимъ указомъ смягчены строгія мѣры, принятыя по отношенію къ эмигрантамъ, и данъ шестимѣсячный срокъ всѣмъ, кто пожелалъ бы возвратиться въ Россію, съ оговоркою, что въ противномъ случаѣ они будутъ подлежать наказаніямъ, указаннымъ въ предыдущихъ указахъ. Губернаторы и губернскія правленія утверждаютъ, что указъ 17-го декабря можетъ касаться только имущества эмигрантовъ, а не ихъ личности, и что надъ тѣми, кои оставили Россію безъ паспорта и служили въ какой-либо иностранной арміи, по-прежнему тяготѣетъ отвѣтственность.

«Я спрашиваю ваше сіятельство, таково ли намѣреніе его императорскаго величества и не было ли бы это равносильно нежеланію, чтобы хотя одинъ эмигрантъ возвратился въ Россію? ибо кто захочетъ обезпечить свое имущество, рискуя своей личностью? Къ чему сохранять имущество, если рискуешь лично подвергнуться непріятностямъ?

«Изложивъ все сказанное выше, мнѣ остается напомнить вамъ два обстоятельства, изъ коихъ одно касается лично меня и моего сына.— Соблаговолите сказать мнѣ, могутъ ли вышеупомянутые указы какимъ бы то ни было образомъ относиться къ намъ, уѣхавшимъ изъ Россіи съ паспортомъ? Можетъ ли сынъ мой согласно регламенту Петра Великаго служить за границею? Дѣйствителенъ ли паспортъ, полученной мною и моимъ сыномъ на неопредѣленное время, или же надобно просить о выдачѣ новаго? Въ такомъ случаѣ прошу васъ выхлопотать его мнѣ, такъ какъ увеличивающаяся слабость моего зрѣнія и здоровье моего сына, разстроенное утомленіемъ во время похода, настоятельно требуютъ, чтобы мы лѣчились и поѣхали на воды.

«Второе обстоятельство, о которомъ я хочу говорить съ вами, касается всѣхъ эмигрантовъ вообще. Надобно разъяснить смыслъ указа 17-го декабря 1809 г. настолько ясно, чтобы губернскія правленія не могли истолковывать его не согласно съ благодѣтельными видами его императорскаго величества. Повторяю, ни одинъ эмигрантъ не захочетъ возвратиться въ Россію, если ему не будетъ обезпечена личная безопасность. Мнѣ кажется, что слѣдуетъ испросить у его величества всеобщую амнистію для всѣхъ эмигрантовъ, или же слѣдуетъ разъяснить указъ 17-го декабря настолько точно и опредѣленно, чтобы онъ не могъ пода-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, іюль, стр. 25.

вать повода къ какому-либо двусмысленному или превратному толкованію. Я долженъ присовокупить, что во всѣхъ этихъ указахъ не упоминается о смѣшанныхъ подданныхъ, которые по своему положенію могутъ проживать или служить въ той или другой странѣ, и что относительно ихъ не сдѣлано никакого исключенія.

«Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна ваша преданность къ вашимъ соотечественникамъ, ваше желаніе быть полезнымъ всѣмъ тѣмъ, кто угнетенъ и несчастенъ, и ваша дружба ко мнѣ лично, чтобы не льстить себя надеждою, что вы отнесетесь благосклонно къ моей просьбѣ и удостоите меня отвѣтомъ, каковой я буду ожидать съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ.

P. S. Выданный мнѣ паспортъ помѣченъ 28-мъ мая 1808 г. и подписанъ графомъ Румянцовымъ. Губернское правленіе утверждаетъ, что этотъ безсрочный паспортъ можетъ быть годенъ и дѣйствителенъ только на одинъ годъ. Могъ ли я это знать, коль скоро срокъ въ немъ не указанъ? Говорятъ, будто его величество разрѣшаетъ молодымъ людямъ служить въ иностранномъ войскѣ. Если бы была возможность получить такое разрѣшеніе для моего сына, то я попросилъ бы васъ ходатайствовать за него. Узы дружбы и родства дѣлаютъ пребываніе въ этой странѣ для моего сына гораздо пріятнѣе, нежели гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ весьма полезно для поправленія его здоровья».

Еще ранѣе полученія этого письма князь Чарторыйскій имѣлъ объясненіе съ императоромъ по поводу изданныхъ указовъ. На протестъ объ этомъ князя государь отвѣчалъ, что обстоятельства вынудили его предпринять эту мѣру; что онъ недавно получилъ отъ своего посла въ Парижѣ извѣстіе, что находящіеся тамъ поляки, подданные Россіи, «производятъ разные маневры и ведутъ самыя странныя рѣчи, не могущія не навлечь на нихъ строгости правительства» [1]).

Князь Чарторыйскій доказывалъ, что мѣра эта несправедлива, потому что существуетъ разрядъ смѣшанныхъ подданныхъ, и что нельзя винить ихъ за то, что они, живя въ Галиціи и герцогствѣ Варшавскомъ, поступили тамъ на службу, не бывъ предупреждены о томъ, что ихъ дѣйствія будутъ считаться незаконными и что, такимъ образомъ, указы имѣютъ какъ бы обратное дѣйствіе.

— Всякому дворянину изъ русскихъ подданныхъ,—говорилъ Чарторыйскій,—предоставлено право поступать на иностранную службу, не подвергаясь конфискаціи имущества; почему же поляки составляютъ исключеніе?

---

[1]) Разговоръ кн. Ад. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 12-го ноября 1809 г. „Русскій Архивъ“ 1871 г., Т. I, 751.

— Есть обстоятельства,—отвѣчалъ Александръ,—при которыхъ безопасность государства требуетъ исключеній. Мѣра эта вызвана поведеніемъ поляковъ по единогласному мнѣнію министровъ.

— Я нисколько не удивляюсь тому,—замѣтилъ Чарторыйскій,—что министры не приняли въ соображеніе страданій (?) столькихъ семействъ, но я надѣялся, что императоръ взглянетъ на дѣло иначе и положитъ конецъ притѣсненіямъ... Впрочемъ, я не знаю, въ чемъ можно упрекать поляковъ, которые желали принадлежать ему (императору) всѣ и постоянно встрѣчали отказъ.

Чарторыйскій упрекалъ Александра въ томъ, что онъ отвернулся отъ поляковъ, сдѣлался главнымъ врагомъ, первымъ гонителемъ націи и даже самаго имени Польши; «что лишь въ угоду ему Польша была покинута (Наполеономъ), обманута во всѣхъ своихъ надеждахъ и что онъ простираетъ ожесточеніе до того, что хотѣлъ бы вычеркнуть изъ исторіи и самое имя Польши».

Императоръ увѣрялъ, что личныя его чувства къ полякамъ нисколько не измѣнились, но что онъ стѣсненъ обязанностями своего положенія и что русскому государю иначе дѣйствовать нельзя.

«Я отвѣчалъ,—пишетъ Чарторыйскій [1]),—что относительно этого пункта мнѣ невозможно раздѣлять два качества, соединенныя въ лицѣ императора; что самъ онъ призналъ, что возстановленіе Польши можетъ совершиться не только безъ нарушенія интересовъ Россіи; но, напротивъ того, къ великой его пользѣ черезъ соединеніе обѣихъ коронъ на главѣ его величества. Императоръ отвѣчалъ, что все это можетъ быть, но что такъ какъ это неосуществимо, то необходимо было избрать иной образъ дѣйствій».

Чарторыйскій возражалъ, говоря, что первымъ дѣломъ не слѣдуетъ уязвлять націю суровыми мѣрами.

Императоръ Александръ признавалъ, что суровыхъ мѣръ можно было бы избѣжать въ томъ случаѣ, если бы отъ поляковъ можно было ожидать какой-либо взаимности и быть увѣреннымъ, что они не будутъ дѣйствовать враждебно.

«Я отвѣчалъ,—пишетъ Чарторыйскій,—что не вижу, что̀ было сдѣлано для того, чтобы пріобрѣсти привязанность поляковъ, что слѣдуетъ быть справедливымъ, что ссылаюсь на самаго императора относительно всего того, что выстрадала эта страна. Что могло быть возмутительнѣе поведенія трехъ державъ относительно Польши? И удивляться ли тому, что мысль о возстановленіи родины воспламеняетъ и соединяетъ всѣхъ поляковъ».

---

[1]) Разговоръ кн. А. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 12-го ноября 1809 г. „Русск. Арх.“ 1871 г., Т. I, стр. 754.

— Теперь,—говорилъ Чарторыйскій,—льстятъ себя надеждою, что миръ ослабитъ этотъ энтузіазмъ. Я же сужу о дѣлѣ иначе, и ликующій тонъ, съ которымъ провозглашали здѣсь (въ Петербургѣ), что всѣ надежды поляковъ рушились, на мой взглядъ скорѣе принесетъ пользу, чѣмъ вредъ Наполеону, ибо обратитъ всю ненависть на русскаго императора. Никто теперь не станетъ сомнѣваться въ томъ, что лишь по настояніямъ вашего величества, и для того, чтобы избѣгнуть войны съ Россіею, Наполеонъ уступилъ въ дѣлѣ, отъ коего иначе онъ никогда бы не отступился, которое остается постояннымъ предметомъ его заботъ, а такой взглядъ на вещи лишь болѣе ожесточитъ сердца поляковъ... Строгости, коими ихъ преслѣдуютъ, довершатъ дѣло, ибо они раздражаютъ ихъ тѣмъ болѣе, что всѣ эти бѣдствія налагаются на нихъ именемъ государя, въ руки коего они согласились бы предать свою судьбу...

Чарторыйскій предупреждалъ Александра, что Наполеонъ съ своей стороны постарается лестью и всевозможными обѣщаніями привлечь поляковъ на свою сторону.

— Не слѣдуетъ думать,—присовокупилъ князь,—чтобы онъ всюду говорилъ однимъ языкомъ... Наполеонъ умѣетъ искусно вести самыя противуположныя рѣчи. Болѣе чѣмъ когда-либо дѣлаетъ онъ это теперь, когда, какъ увѣряютъ, онъ посылаетъ польскую армію въ Испанію... Если онъ двинетъ поляковъ въ походъ, онъ съумѣетъ сказать имъ, что тутъ онъ требуетъ отъ нихъ послѣдней услуги, что это для нихъ способъ окончательно усовершенствоваться въ военномъ искусствѣ, что послѣ этого ничто не помѣшаетъ ему исполнить ихъ желанія, что до сихъ поръ связывала его одна необходимость, что тому причина Русская имперія, этотъ вѣчный врагъ Польши. Такими рѣчами уничтожитъ онъ все дурное дѣйствіе своихъ поступковъ, и его словамъ повѣрятъ, потому что они польстятъ надеждамъ націи, потому что съ другой стороны (т. е. со стороны Россіи) не только не дѣлается ничего, чтобы уравновѣсить это впечатлѣніе, но, напротивъ того, дѣлается все, чтобы придать ему силы.

Императоръ Александръ напомнилъ другу своей юности, что онъ знаетъ, какъ государь относился къ раздѣлу Польши; что онъ считаетъ дѣло это несправедливымъ и что отсюда происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, коимъ подвергается нынѣ Европа, но поправить этого нельзя. Возстановленія Польши подъ своимъ скипетромъ Александръ считалъ теперь невозможнымъ, но возможнымъ дать особую организацію для польскихъ областей, присоединенныхъ къ Россіи; впрочемъ и этотъ планъ,—говорилъ онъ,—встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе со стороны русскихъ людей.

— Что касается того,—отвѣчалъ Чарторыйскій,—чтобы дать обла-

стямъ, нынѣ принадлежащимъ Россіи, особое устройство и самостоятельность, то я не знаю, что объ этомъ сказать... Дѣло, конечно, само по себѣ хорошее, но весьма естественно, что оно встрѣтитъ здѣсь (въ Петербургѣ) сопротивленіе еще бо́льшее, чѣмъ идея о присоединеніи (къ Россіи) всей Польши. Полагаю, что и ваше величество когда-нибудь припомните, что нужно будетъ прибѣгнуть къ этому средству; что въ немъ заключается спасеніе Россіи; но очень боюсь, что когда это поймутъ, будетъ поздно.

Александръ отвѣчалъ, что, безъ сомнѣнія, въ случаѣ войны съ Франціею было бы ему кстати объявить себя королемъ Польши, чтобы привлечь умы на свою сторону.

— Тогда будетъ поздно,—повторилъ Чарторыйскій.

Мѣсяцъ спустя онъ опять старался доказать императору Александру, что принятыя мѣры противъ поляковъ отклоняютъ ихъ отъ русскаго правительства и внушаютъ имъ нерасположеніе къ нему.

Государь отвѣчалъ, что мѣры строгости, принятыя противъ поляковъ, будутъ отмѣнены; что это дѣло рѣшенное, но что это будетъ обнародовано только черезъ нѣкоторое время; что поводы къ этимъ мѣрамъ исчезли, и теперь онъ имѣетъ основаніе быть спокойнымъ относительно поляковъ....

Зная хорошо императора, его уклончивость въ раскрытіи своихъ дѣйствительныхъ намѣреній и, наконецъ, его тактику «подносить каждому то кушанье, которое, по его мнѣнію, можетъ нравиться его собесѣднику»—зная все это, князь Чарторыйскій не особенно довѣрялъ послѣднимъ словамъ Александра и старался доказать, что спокойствіе его относительно поляковъ неосновательно и что въ душѣ онъ самъ сознаетъ это.

— Событія,—говорилъ князь,—заставили умы вернуться къ настроенію, господствовавшему пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Было время, когда обстоятельства наложили нѣкоторую повязку на раны, нанесенныя полякамъ и, быть можетъ, нѣсколько ослабили ихъ ощущеніе. Надежда на возстановленіе ихъ родины на минуту показалась имъ менѣе осуществимою, ихъ настоящее положеніе менѣе переходнымъ. Но теперь полузажившая рана словно внезапно раскрылась. При томъ существованіе герцогства Варшавскаго, значительно увеличеннаго послѣднею войною, содѣйствуетъ тому, чтобы поддерживать патріотическія чувства. Это словно призракъ старой Польши, производящій неотразимое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, которые считаютъ эту разрушенную страну истиннымъ своимъ отечествомъ. Въ моихъ глазахъ человѣкъ, не привязанный къ своей родинѣ, есть человѣкъ презрѣнный. Отрекаться отъ своей вѣры, отъ своихъ родныхъ, отъ своей страны, по моему мнѣнію, одинаково преступно.

— Нѣтъ инаго средства все это уладить,—отвѣчалъ императоръ Александръ уклончиво, давая надежду на будущее,—какъ старинный нашъ планъ, какъ дарованіе отдѣльной конституціи и самостоятельности Польскому королевству, съ присоединеніемъ этого титула къ русской коронѣ. Нужно подождать, чтобы Австрія сдѣлала глупость и вызвала новый разрывъ съ Франціею; тогда можно найти средство сговориться съ Наполеономъ и вознаградить короля Саксонскаго.

«Императоръ,—прибавляетъ Чарторыйскій [1]),—присовокупилъ, что покуда было бы умѣстно дѣйствовать въ этомъ смыслѣ въ областяхъ, нынѣ принадлежащихъ Имперіи, и принять титулъ великаго князя Литовскаго; но что, имѣя дѣло съ противникомъ столь искуснымъ, какъ Наполеонъ, онъ боится возбудить его подозрѣнія и внушить ему мысль противодѣйствовать Россіи тѣмъ же способомъ; что при искусствѣ этого человѣка легко остаться позади его».

Выражаясь такимъ образомъ, Александръ скрывалъ истинное свое поведеніе относительно поляковъ. На вопросы кн. Чарторыйскаго не приходилось ли ему въ разговорахъ съ Наполеономъ коснуться польскаго вопроса, императоръ постоянно уклонялся отъ опредѣленнаго отвѣта.

— Въ Тильзитѣ, — говорилъ онъ, — Наполеонъ выразился слегка о всемъ, что касалось Польши и поляковъ, а въ Эрфуртѣ было слишкомъ много дѣла, чтобы заняться этимъ вопросомъ.

Не зная, что происходило въ дѣйствительности въ этихъ двухъ свиданіяхъ, Чарторыйскій и его соотечественники неудомѣвали, почему Наполеонъ распространялъ самыя противоположныя догадки и мнѣнія и заставлялъ имъ вѣрить; почему онъ вселилъ убѣжденіе, что онъ не только принимаетъ къ сердцу интересы Польши, но и питаетъ къ полякамъ особое чувство пріязни, ихъ любитъ и желаетъ имъ блага.

— Для того,—говорилъ Чарторыйскій,—чтобы возбудить энтузіазмъ, Наполеону достаточно обнародовать газетную статью, послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ-поляковъ, который, принятый всюду въ общество, повторяетъ какое-либо слово Наполеона или разсказываетъ какой-нибудь анекдотъ, расшевеливающій патріотизмъ...

— Ахъ! что вы говорите,—прервалъ его Александръ.—Все это еще ничто, ибо мнѣ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, что въ то самое время, какъ онъ заставлялъ Монталиве произносить свою рѣчь, онъ говорилъ совершенно противное вашимъ соотечественникамъ и старался разрушить дурное впечатлѣніе, которое должно было произвести на ихъ умы извѣстное мѣсто въ этой рѣчи и оживить ихъ надежды разными объясненіями и обѣщаніями.

---

[1]) Разговоръ кн. Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ 26-го декабря 1809 г. „Русскій Арх." 1871 г. Т. I, стр. 764 и 765.

Изъ своихъ объясненій съ императоромъ Чарторыйскій вынесъ однако же убѣжденіе въ неустойчивости Александра, въ скрываніи имъ истинныхъ намѣреній, въ невозможности положиться на его слова и обѣщанія, и, наконецъ, въ весьма малой надеждѣ, что онъ что-либо сдѣлаетъ для поляковъ. «При малѣйшемъ препятствіи,—записалъ князь [1]),—намѣреніе, повидимому, самое твердое, будетъ оставлено. Отъ того здѣсь опасно и скользко, что такъ мало можно полагаться на того, кому пришлось бы играть главную роль».

Спустя нѣсколько дней, князь Чарторыйскій повторилъ свою просьбу о дарованіи прощенія всѣмъ тѣмъ полякамъ, которые подвергались секвестру имѣній и другимъ мѣрамъ строгости, но получилъ отъ Александра совершенно неожиданный отвѣтъ. Императоръ сказалъ, что ожидаются нѣкоторыя извѣстія изъ Парижа, и тутъ же прибавилъ, что даровать прощеніе значитъ привлечь въ страну людей, на которыхъ положиться нельзя, въ особенности по легкомыслію поляковъ. Чарторыйскій отвѣчалъ, что не по легкомыслію поляки уклоняются отъ Россіи, а отъ привязанности къ отечеству и постояннаго желанія видѣть всѣ части Польши собранными во-едино. Тогда, въ угоду князю Чарторыйскому и изъ желанія показать податливость и расположеніе къ полякамъ, Александръ высказалъ мысль, что можно бы было соединить подъ отдѣльнымъ управленіемъ восемь польскихъ губерній и спросилъ своего собесѣдника, можно ли будетъ тогда разсчитывать на преданность жителей этихъ губерній?

«Ваше императорское величество повелѣли мнѣ,—писалъ князь Чарторыйскій въ отвѣтъ на вопросъ [2]),—повергнуть на ваше благоусмотрѣніе мой взглядъ на проектъ образованія изъ восьми польскихъ губерній отдѣльнаго государства, съ цѣлію обезпечить преданность жителей, на случай войны съ Франціей, въ которой Варшавское герцогство могло бы принять участіе.

«Поставленный моею любовью къ родинѣ и преданностью, которую я питаю къ вашему величеству, въ положеніе, которое становится труднѣе съ каждой минутой, я принялъ за неизмѣнное правило быть правдивымъ. Поэтому, какъ бы искренно я ни желалъ блага моимъ соотечественникамъ, я долженъ, съ другой стороны, отвѣтить съ полнымъ чистосердечіемъ на вопросъ, съ коимъ вы, государь, соблаговолили обратиться ко мнѣ.

«Для того, чтобы обезпечить себѣ преданность поляковъ и упрочить ее навсегда, существуетъ въ настоящее время только одно средство,—это возстановить ихъ отечество и включить въ него всѣ разрозненныя

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1871 г., т. I, стр. 771.

[2]) Отъ 2-го апрѣля 1810 г. Арх. Собственной Его Величества Канцеляріи.

части Польши. Истина этого факта кажется мнѣ слишкомъ очевидною, чтобы нужно было доказывать ее.

«Всякая иная мѣра, какая бы она ни была, будетъ только полумѣрою до тѣхъ поръ, пока какія-либо чрезвычайныя событія не возбудятъ въ полякахъ болѣе существенныхъ и заманчивыхъ надеждъ, и всѣ таковыя мѣры будутъ соотвѣтствовать указанной цѣли лишь по столько, по сколько онѣ удовлетворяютъ этимъ надеждамъ въ бо́льшей или меньшей степени.

«Если это такъ, то, во избѣжаніе ложнаго истолкованія всего сказаннаго, я присовокуплю, что всѣ смягчающія и успокоивающія мѣры, не излѣчивая недуга радикально, могутъ его ослабить и дать времени возможность оказать свое, подчасъ, благотворное вліяніе.

«Поэтому я полагаю, что русскому правительству надобно совѣтовать снискать расположеніе населенія этого края и прежде всего надобно избѣгать того, что̀ должно озлоблять поляковъ, а тѣмъ болѣе отталкивать ихъ. Я хочу сказать, что поляковъ не слѣдуетъ безъ надобности мучить и надобно уважать признанныя ихъ уже права и собственность и не брать назадъ разъ оказанныхъ благодѣяній.

«Въ числѣ разныхъ соображеній, которыя можно бы высказать по этому поводу, возникаетъ прежде всего слѣдующее:

1) Надобно прекратить всякіе секвестры, конфискаціи и преслѣдованія со стороны губернаторовъ и возвратить всѣ отобранныя земли, объявивъ всеобщее прощеніе.

2) Не уничтожать того, что ваше величество сами постановили относительно амфитріоновъ, такъ какъ это основано на правѣ и справедливости; и не утверждать, напротивъ того, этого рода землевладѣнія въ общемъ.

3) Не трогать капиталовъ, положенныхъ на общественное образованіе и торжественно гарантированныхъ старинными законами страны и указами вашего императорскаго величества, а довершить ихъ организацію, изъявъ ихъ изъ вѣдѣнія казначейства и предоставивъ завѣдываніе ими національной магистратурѣ, подъ главнымъ надзоромъ министерства народнаго просвѣщенія.

4) Относиться ко всѣмъ губерніямъ вообще и къ литовскимъ въ особенности, какъ ко всѣмъ прочимъ губерніямъ Россіи въ вопросѣ о взиманіи налоговъ, не требуя уплаты ихъ наличными деньгами, что̀ обходится имъ въ три-дорога, тогда какъ закрытіе портовъ столь же невыгодно для нихъ, какъ и для всей Имперіи, и они обременены, сверхъ того, постояннымъ постоемъ войскъ. Эти мѣры справедливы; онѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ предыдущему образу дѣйствія правительства и даннымъ имъ обѣщаніямъ, отъ которыхъ ему было бы весьма невыгодно и неблагоразумно отказаться.

5) Можно присовокупить, какъ общее правило, что необходимо избѣгать всего, что могло бы дать понять, будто русское правительство, озлоблено противъ всего, что носитъ польское имя. Оно не должно разыгрывать роль заклятаго врага возрожденія Польши, а напротивъ должно пользоваться каждымъ случаемъ, при помощи котораго ваше величество могли бы доказать свою справедливость и свое доброжелательство къ этой націи; наконецъ

6) Можно бы было учредить высшую и безапелляціонную судебную инстанцію, которая засѣдала бы въ Вильно и разсматривала бы въ послѣдней инстанціи дѣла восьми губерній на основаніи мѣстныхъ законовъ и на польскомъ языкѣ. Эту послѣднюю мѣру можно бы считать вытекающею изъ желанія вашего величества учредить въ этой губерніи департаменты Сената.

«Такъ какъ все вышесказанное не измѣняетъ настоящаго хода дѣлъ и можетъ быть выполнено, не вызвавъ ни внутреннихъ, ни внѣшнихъ волненій, то эти мѣры не сопряжены, повидимому, ни съ какими неудобствами. Это были бы только пробныя и подготовительныя мѣры къ тѣмъ преобразованіямъ, которыя ваше величество намѣрены провести впослѣдствіи.

«Если бы ваше величество дѣйствительно пожелали впослѣдствіи сдѣлать нѣчто бо̀льшее, если бы вы захотѣли вернуться къ прежнимъ мыслямъ, которыя однѣ могутъ имѣть рѣшающее значеніе, то прежде всего необходимо ясно и опредѣленно выяснить ваши собственныя намѣренія и желанія. Не считая ихъ вполнѣ опредѣлившимися, предвидя, что исполненіе ихъ будетъ сопряжено съ множествомъ препятствій, не ожидая, чтобы эти препятствія захотѣли преодолѣть здѣсь, дѣйствуя съ этой цѣлью твердо, послѣдовательно и систематично, не зная, къ тому же, какъ далеко заходятъ эти желанія, я не знаю и колеблюсь среди тысячи всевозможныхъ смутныхъ предположеній, которыя не позволяютъ мнѣ высказать по этому поводу что-либо опредѣленное.

«Я ограничусь поэтому тѣмъ, что предложу вашему величеству нѣкоторые вопросы, которые обратятъ ваше вниманіе на сущность общей идеи и помогутъ уяснить и освѣтить ее.

«Если бы ваше величество возымѣли намѣреніе образовать со временемъ изъ восьми губерній отдѣльную провинцію, то пожелали ли бы вы въ этомъ случаѣ поставить во главѣ ея должностныхъ лицъ изъ поляковъ? сформировать въ странѣ отдѣльные корпусы польскихъ войскъ? Пожелали ли бы вы, какъ это сдѣлано по отношенію къ вновь пріобрѣтенной Финляндіи, чтобы управленіе этой провинціей было ввѣрено канцеляріи, находящейся въ Петербургѣ, по примѣру таковой, учрежденной для управленія Венгріей и Богеміей въ Вѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы

эти губерніи не были бы подчинены непосредственно Сенату и министерствамъ?

«При дальнѣйшемъ обсужденіи вопроса возникаютъ слѣдующія соображенія: намѣрены ли ваше величество, по прежнему предположенію, соединить всѣ части бывшей Польши, включая Варшавское герцогство? Хотите ли вы сдѣлать изъ него королевство и провозгласить себя королемъ? Разрѣшите ли вы въ такомъ случаѣ сформировать національную армію? Согласитесь ли вы ввѣрить управленіе королевствомъ Польскимъ министрамъ, которые будутъ жить въ Польшѣ? Однимъ словомъ, пожелаете ли вы дать странѣ конституцію, которою будутъ опредѣлены права правительства и привилегіи націи въ будущемъ?

«Обсудивъ эти пункты, ваше величество обнимете вопросъ почти во всей его совокупности, и, ежели вашему величеству придется со временемъ заняться имъ, то вамъ будетъ не безполезно ознакомиться заблаговременно съ ихъ главнѣйшими основами.

«Я присовокуплю къ этому еще одно соображеніе, а именно, что всему бываетъ свое время. Благопріятное время для осуществленія идей прошло. Всегда непріятно прибѣгать къ какому-либо средству въ послѣдній моментъ, когда получается такое впечатлѣніе, какъ будто это дѣлается противъ воли. Въ такомъ случаѣ средство рѣдко удается, въ особенности когда непріятель опередилъ васъ на этомъ пути. Всегда лучше взяться за него заблаговременно, когда масса не видитъ еще въ этомъ необходимости. Вотъ почему, если настоящій кризисъ разрѣшится благопріятно для вашего императорскаго величества, то я смѣлѣе посовѣтую привести въ исполненіе эти намѣренія, потому что оказать благодѣяніе добровольно бываетъ полезно и великодушно именно въ тотъ моментъ, когда всѣ выгоды и преимущества на нашей сторонѣ. Каково бы ни было счастье, благопріятствующее правительству, никогда нельзя ручаться за будущее и, во всякомъ случаѣ, вмѣсто недовольнаго и недоброжелательнаго населенія гораздо лучше имѣть преданныхъ подданныхъ, которые будутъ служить оплотомъ Имперіи».

25/159

Передавая это письмо лично, князь Чарторыйскій выразилъ удивленіе, что императоръ занимается этимъ предметомъ, въ виду подготовляемой конвенціи съ Франціею. Чарторыйскому было хорошо извѣстно, что цѣлью этой конвенціи было уничтоженіе всѣхъ надеждъ поляковъ и исключеніе ихъ имени изъ жизни европейскихъ народовъ [1]).

Императоръ Александръ былъ смущенъ такимъ замѣчаніемъ, старался уклониться отъ прямаго отвѣта и сваливалъ всю вину на Шам-

---

[1]) Разговоръ князя Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ I 5-го апрѣля 1810. „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 771.

паньи. Государь говорилъ, что не онъ, а Шампаньи желалъ помѣстить въ трактатъ статьи, уничтожающія и самое имя Польши, но что онъ измѣнилъ эти статьи. Чарторыйскій зналъ точно, кому принадлежалъ починъ въ этомъ дѣлѣ, и потому позволилъ себѣ высказать сожалѣніе, что императоръ такъ часто мѣняетъ свое мнѣніе о польскихъ дѣлахъ. Александръ отговаривался тѣмъ, что если повидимому онъ такъ поступаетъ, то единственно потому, что «постоянно примѣшиваетъ къ этимъ дѣламъ господствующую мысль, трудно-осуществимую, и что это-то затрудненіе постоянно его останавливаетъ; что не только на случай войны, но и вообще, чтобы пріобрѣсти привязанность поляковъ, онъ желаетъ для нихъ что-нибудь сдѣлать».

«Затѣмъ,—пишетъ князь Чарторыйскій [1],—онъ (императоръ) выслушалъ чтеніе записки, не произнося ни слова, но съ большимъ вниманіемъ. Лишь въ концѣ онъ прервалъ меня на томъ мѣстѣ, гдѣ было сказано, что самое благопріятное время для того, чтобы сдѣлать что-либо въ пользу поляковъ, уже пропущено».

— Вы, конечно, когда писали это, думали о 1805 годѣ,—замѣтилъ Александръ,—и о моемъ тогдашнемъ пребываніи въ Пулавахъ [2]). Я самъ теперь вижу, что то была минута благопріятная, быть можетъ, единственная. Тогда можно было сдѣлать легко то, что теперь можно сдѣлать лишь съ большимъ трудомъ; но не слѣдуетъ забывать, что мы имѣли бы противъ себя всю прусскую армію.

— Другой весьма благопріятный случай,—отвѣчалъ Чарторыйскій,—представлялся во время послѣдней войны съ Австріею; тогда Россія легко могла добиться возстановленія Польши.

— Это значило бы,—замѣтилъ Александръ,—подготовить окончательную гибель Австріи.

— Однако же несомнѣнно, — присовокупилъ Чарторыйскій, — что образъ дѣйствій Россіи въ то время былъ самый неразумный; ибо онъ не спасъ Австріи, которая оттого бросилась въ объятія Франціи; онъ возбудилъ неудовольствіе Наполеона и не принесъ никакой существенной выгоды Россіи.

Касаясь вопроса объ общемъ настроеніи поляковъ, князь Чарторыйскій высказалъ, что лишь на мѣстѣ можно судить объ этомъ и о способѣ, которымъ слѣдуетъ бороться противъ всесильнаго вліянія Наполеона.

— О!—сказалъ Александръ,—и не находясь на мѣстахъ, не трудно знать, что думаютъ въ областяхъ и въ герцогствѣ (Варшавскомъ); это можно выразить въ немногихъ словахъ: поляки пойдутъ за самимъ

---

[1]) „Русскій Арх.“ 1871 г., т. I, стр. 773.

[2]) Имѣніе князей Чарторыйскихъ, нынѣ посадъ Новая Александрія.

чортомъ, если чортъ поведетъ ихъ къ возстановленію ихъ отчизны. Впрочемъ, я доволенъ тѣмъ, что̀ вы написали: это поможетъ моимъ размышленіямъ о предметѣ, такъ давно меня занимающемъ. Я придумывалъ разныя средства для осуществленія моихъ желаній и не дошелъ ни до чего удовлетворительнаго. Главное затрудненіе заключается въ томъ, какъ вознаградить саксонскаго короля. Этого никакъ не сдѣлаешь, не обобравъ еще бѣднаго короля прусскаго.

— Главное затрудненіе,—замѣтилъ князь Чарторыйскій,—заключается въ томъ, чтобы добиться согласія Франціи, и, по достиженіи этого, все остальное сдѣлается легкимъ.

— Это всего труднѣе,—отвѣчалъ Александръ,—потому что Наполеонъ гораздо менѣе озабоченъ благомъ Польши, чѣмъ возможностью пользоваться этою страною, какъ орудіемъ, въ случаѣ войны съ Россіею; онъ заинтересованъ тѣмъ, чтобы настоящее положеніе дѣлъ не измѣнилось, для того, чтобы имѣть подъ руками, въ случаѣ нужды, подготовленныя имъ средства.

При этомъ императоръ выразилъ сомнѣніе, чтобы поляки покинули Наполеона и перешли на сторону Россіи.

— Соображая,—говорилъ Александръ,—обоюдныя силы двухъ державъ, таланты и опытность генераловъ и армій и вѣроятности побѣды, имѣвшіяся во всякой войнѣ на сторонѣ Наполеона, поляки не захотѣли бы кинуться въ объятія Россіи, изъ опасенія лишиться плода усилій, производимыхъ ими съ столь долгихъ поръ.

Князь Чарторыйскій не возражалъ, и императоръ, чтобы угодить ему, высказалъ по отношенію къ устройству Польши нѣсколько проектовъ, отчасти, по словамъ князя, неисполнимыхъ и причудливыхъ, и кончилъ тѣмъ, что обѣщалъ заняться этимъ дѣломъ, и просилъ своего собесѣдника помочь ему.

«Я отвѣчалъ,—пишетъ князь Чарторыйскій [1],—что я далекъ отъ желанія охладить добрыя намѣренія его величества, но что откровенно сознаюсь, я не знаю, какъ за это приняться; что, по моему мнѣнію, мѣры, предложенныя въ запискѣ, представленной мною императору, суть единственныя, которыя могутъ быть приняты немедленно; что я смотрю на этотъ годъ, какъ на важную эпоху, что онъ не можетъ истечь, не принесши съ собою событій важныхъ, болѣе важныхъ и рѣшительныхъ, чѣмъ всѣ видѣнныя нами до сихъ поръ. Императоръ прервалъ меня и сказалъ, тономъ глубокаго убѣжденія, что онъ не думаетъ, чтобы это было въ нынѣшнемъ году, ибо Наполеонъ слишкомъ занятъ своею женитьбою; но что онъ ожидаетъ кризиса на будущій годъ. «Теперь апрѣль мѣсяцъ,—сказалъ онъ,—итакъ это будетъ черезъ

---

[1]) „Русскій Арх." 1871 г., т. I, стр. 777.

девять мѣсяцевъ». При этихъ словахъ и вообще во время всего разговора, у императора былъ взглядъ неподвижный и строгій, напоминавшій мнѣ напряженное выраженіе его глазъ въ эпоху Аустерлица».

Такимъ образомъ, не получивъ никакого опредѣленнаго отвѣта, князь Чарторыйскій ушелъ отъ императора Александра съ сознаніемъ полнаго своего безсилія сдѣлать что-либо для соотечественниковъ. Скоро онъ уѣхалъ сначала въ Вильну, а затѣмъ въ Пулавы. Въ это время прибылъ въ Петербургъ изъ Вильны графъ Михаилъ Огинскій, уполномоченный отъ дворянства, для исходатайствованія разныхъ льготъ литовскому краю.

Уроженецъ Минской губерніи, графъ Михаилъ Огинскій началъ свою политическую дѣятельность въ 1790 году въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Польши при Голландской республикѣ и въ Англіи. Вслѣдъ за тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ поддержаніи конституціи 3-го мая, и когда императрица Екатерина II противопоставила тарговицкую конфедерацію, то графъ Огинскій удалился въ Пруссію, за что всѣ его помѣстья въ Литвѣ и Бѣлоруссіи были конфискованы. Личное ходатайство въ Петербургѣ освободило его имѣнія, но во время гродненскаго сейма графъ Огинскій вновь навлекъ на себя негодованіе русскаго посла Сиверса и принужденъ былъ удалиться въ свое имѣніе близъ Варшавы.

Кровавыя событія въ Варшавѣ въ 1794 году заставили Огинскаго переѣхать въ свои литовскія имѣнія, и, когда вспыхнуло возстаніе въ Вильнѣ, то онъ принялъ въ немъ дѣятельное участіе, а по подавленіи мятежа, бѣжалъ въ Галицію, потомъ въ Вѣну и, наконецъ, въ Венецію, гдѣ въ то время собирались польскіе эмигранты. Они тотчасъ же открыли сношенія съ враждебными Россіи европейскими кабинетами, и когда рѣшено было въ нѣкоторыхъ столицахъ Европы имѣть тайныхъ польскихъ агентовъ, то графъ Огинскій былъ отправленъ въ Константинополь.

Въ 1797 году онъ переселился въ Парижъ, потомъ въ Берлинъ, гдѣ былъ милостиво принятъ королемъ, и по совѣту его послалъ просьбу императору Павлу о дозволеніи возвратиться на родину, но получилъ отказъ. Со вступленіемъ на престолъ Александра I всѣ эмигранты получили прощеніе, и графъ М. Огинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ милостиво принятъ императоромъ. Поселившись въ Вильнѣ, онъ оставался тамъ не долго и, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ 1806 г., не зная, какой оборотъ примутъ дѣла, поспѣшилъ уѣхать за границу.

«Я считалъ неблагоразумнымъ,—говоритъ онъ,—проживать въ глуши провинціи и подвергаться пересудамъ, которыхъ не избѣгаетъ ни одинъ человѣкъ, принимающій дѣятельное участіе въ дѣлахъ своего отечества. Я страшился ихъ тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени тайные агенты

Наполеона разъѣзжали по польскимъ областямъ, подчиненнымъ Россіи, а многія лица, не зная этого, имѣли неосторожность писать на мое имя письма, которыя могли компрометтировать меня предъ императоромъ французовъ».

Подъ предлогомъ болѣзни жены графъ отправился сначала въ Италію, а оттуда пробрался въ Парижъ, гдѣ и оставался до 1810 года, пока окончилась война съ Австріею. Временное затишье отъ бранныхъ тревогъ и дѣла по имѣніямъ заставили графа Огинскаго возвратиться въ Россію, и въ маѣ 1810 года онъ прибылъ въ Вильну, а вслѣдъ за тѣмъ отправился въ Петербургъ, въ качествѣ уполномоченнаго отъ дворянъ, для исходатайствованія разныхъ льготъ Литовскому краю.

Приглашенный, 25-го іюня, къ высочайшему столу, графъ Огинскій доложилъ государю о цѣли своего пріѣзда и получилъ разрѣшеніе представить памятную записку. При этомъ императоръ бесѣдовалъ съ нимъ въ продолженіе двухъ часовъ и между прочимъ говорилъ о происках Наполеона съ цѣлью привлечь къ себѣ поляковъ. Огинскій жаловался на безразсудство своихъ соотечественниковъ, старался показать себя человѣкомъ умѣреннымъ, безпристрастнымъ и говорилъ, что хотя онъ самъ никогда не одобрялъ раздѣла Польши, сражался за отечество во время возстанія 1794 года, но тѣмъ не менѣе считаетъ несправедливымъ дѣлать новое русское поколѣніе отвѣтственнымъ за прежнія несчастія поляковъ [1]).

— Я знаю все,—замѣтилъ Александръ,—что вы сдѣлали для отечества, и тѣмъ болѣе цѣню васъ за это. Я не говорилъ бы съ вами такъ отровенно, если бы не довѣрялъ вамъ. Человѣкъ, служившій вѣрою отчизнѣ, не можетъ измѣнить своему долгу. Наполеону понадобилось привлечь къ себѣ поляковъ, и онъ будетъ увлекать ихъ самыми лестными надеждами. Что касается меня, то я всегда высоко цѣнилъ вашъ народъ и надѣюсь современемъ доказать вамъ это, не руководствуясь въ моихъ дѣйствіяхъ видами личной пользы.

Вскорѣ послѣ того Огинскій, произведенный въ тайные совѣтники и назначенный сенаторомъ, отправился въ Парижъ къ своему семейству. Онъ унесъ съ собою благосклонный пріемъ императора, его увѣреніе въ расположеніи къ полякамъ и обѣщаніе исполнить ихъ желаніе. Эти обѣщанія быстро распространились между поляками и вызвали благодарность со стороны князя Чарторыйскаго.

«Милостивое обращеніе ваше, государь,—писалъ онъ [2]),—съ графомъ Огинскимъ и надежды, которыя вамъ благоугодно было разрѣ-

---

[1]) Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру. „Русскій Архивъ“ 1874 г., т. I, стр. 640 и 641.

[2]) Въ письмѣ изъ Вильны отъ 25-го іюля 1810 г. Арх. Собствен. Его Величества Канцеляріи.

шить ему подать жителямъ Литвы, относительно вашихъ отеческихъ намѣреній по отношенію къ нимъ, исполнили ихъ всѣхъ благодарностію и радостью, въ ожиданіи скораго облегченія ихъ бѣдствій.

«Всѣ мои желанія ограничиваются въ настоящую минуту стремленіемъ свидѣться поскорѣе съ моими родными. Благоволите, государь, сохранить мнѣ ваше прежнее благоволеніе. Вашему императорскому величеству извѣстны благодарность и преданность, издавна привязывающія меня къ особѣ вашей».

Уѣзжая изъ Вильны, князь Чарторыйскій жаловался императору на то, что въ Литовскомъ краѣ появилось много бумажныхъ ассигнацій и чувствуется отсутствіе звонкой монеты.

«Я только-что получилъ,—писалъ онъ [1]),—письмо отъ министра народнаго просвѣщенія, который сообщаетъ мнѣ, что министръ финансовъ намѣренъ выдавать ежегодную сумму, причитающуюся университету, ассигнаціями. Эта мѣра, если она будетъ приведена въ исполненіе, будетъ истиннымъ бѣдствіемъ для края. Она разоритъ профессоровъ и будетъ имѣть для Литвы самыя пагубныя послѣдствія. Огромное количество бумажныхъ денегъ, которое наводнитъ университетъ и городъ, будетъ причиною, что цѣнность ихъ упадетъ гораздо ниже номинальной ихъ стоимости; изъ обращенія исчезнетъ остатокъ звонкой монеты, появившейся въ странѣ исключительно изъ суммъ, отпускаемыхъ на университетъ. Въ силу акта, подписаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ, и статутовъ, вами утвержденныхъ, всѣ лица, служащія при университетѣ, должны получать жалованье звонкою монетою. Сообразно съ этимъ заключены условія съ профессорами. Ассигнаціи не имѣютъ здѣсь обращенія въ повседневной жизни, и на рынкѣ ничего нельзя купить иначе, какъ на звонкую монету. Къ тому же было бы трудно фиксировать курсъ, такъ какъ онъ падалъ бы при каждомъ новомъ платежѣ, произведенномъ ассигнаціями. Поэтому частныя лица, весь край и казна будутъ нести все болѣе и болѣе значительныя потери, не говоря уже о томъ, что отъ этой мѣры несомнѣнно пострадаетъ университетъ.

«Въ то время какъ край собираются наводнить ассигнаціями, казна требуетъ уплаты всѣхъ податей серебромъ. Откуда же его возьмутъ? Могу удостовѣрить ваше величество, что и теперь нѣкоторые помѣщики продаютъ свои земли, потому что они не въ состояніи уплатить налоги, въ три и четыре раза превышающіе таковые въ остальной Имперіи. У многихъ помѣщиковъ секвестрованы имѣнія за невзносъ податей, которыя они не въ состояніи уплатить, и съ ними поступаютъ по всей стро-

[1]) Въ письмѣ отъ 12-го іюля 1810 г. Срав. „Русскій Арх." 1871 г. (т. 1, 778), въ которомъ письмо это отнесено къ 12-му января 1810 г.

гости законовъ. Всѣ налоги, включая косвенные, каковы вѣсовыя деньги за пересылку писемъ, гербовая бумага, пріемъ рекрутъ и другіе, взимаются не по курсу, но по номинальной стоимости денежныхъ знаковъ, а это увеличиваетъ налоги приблизительно въ той же пропорціи, въ какой падаютъ ассигнаціи и въ какой уменьшаются средства въ краѣ.

«Особенно тяжелы, повидимому, злоупотребленія, происходящія при пріемѣ рекрутовъ, такъ какъ на одного взятаго человѣка приходится приводить ихъ шесть, семь и даже до десяти, чтò значительно увеличиваетъ расходъ; ни одного рекрута не принимаютъ безъ крупной взятки. Судя по всѣмъ даннымъ, общая сумма серебра, находящагося въ обращеніи въ краѣ, не соотвѣтствуетъ суммѣ взимаемыхъ налоговъ.

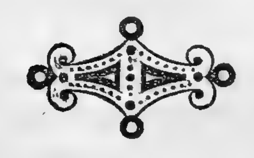
«Несомнѣнно одно, что Литва находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи и настоятельно требуетъ, чтобы ваше императорское величество обратили на нее свои отеческіе взоры... Соблаговолите, государь, быть защитникомъ этого края передъ собственнымъ вашимъ правительствомъ, такъ какъ, вѣроятно, о немъ никто не позаботится; напротивъ, найдется не мало людей, которые захотятъ притѣснять и угнетать его, а между тѣмъ изъ какого бы начала мы ни исходили и какія бы предсказанія мы ни дѣлали относительно будущаго этого края, я не думаю, чтобы оказывали вамъ услугу, давая совѣты, которые, будучи приведены въ исполненіе, могутъ разорить значительную часть вашихъ владѣній и лишить васъ любви ея жителей.

«Во время послѣдняго разговора съ вашимъ величествомъ, котораго я удостоился, я забылъ сказать, что, во время моего пребыванія въ Пулавахъ, мнѣ, вѣроятно, придется побывать въ Варшавѣ».

Этимъ послѣднимъ заявленіемъ императоръ Александръ воспользовался впослѣдствіи, стараясь поставить князя Чарторыйскаго въ положеніе посредника между имъ и варшавскими поляками.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Прототипъ Бобчинскаго.

Кто изъ читавшихъ безсмертное произведенiе Гоголя не поминаетъ классическихъ словъ, съ которыми Бобчинскiй обращается къ Хлестакову: «Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскiй», но едва-ли кому-либо приходила мысль о томъ, что Бобчинскiй имѣлъ историческiй прототипъ. Въ одномъ изъ нашихъ архивовъ хранится дѣло о глупыхъ письмахъ, написанныхъ императрицѣ Екатеринѣ II Гамалѣемъ. Вотъ что пишетъ лицо, наводившее о немъ справки, по порученiю Трощинскаго, въ письмѣ къ послѣднему:

Милостивый государь мой Дмитрiй Прокофiевичъ.

Возвращая письмо Гамалѣи, дошедшее къ ея императорскому величеству, доношу объ немъ. Онъ въ отставкѣ ротмистръ, живетъ въ селѣ Борщевѣ, женатъ, имѣетъ дѣтей и болѣе двухъ сотъ за нимъ крестьянъ; ума скуднаго и въ домоводствѣ слабъ, зараженъ древностiю дворянской своей породы, при томъ мнитъ себя вѣдающимъ Священное Писанiе и богомольнымъ. И все такое мечтанiе своего достоинства такъ имъ овладѣло, что наконецъ ему возмнилось весьма необходимымъ дѣломъ, чтобъ написать такого содержанiя письмо къ ея императорскому величеству, о которомъ и нынѣ говоритъ онъ, смысла сокровеннаго, какъ-де и Священное Писанiе, въ томъ себя расположенiи, что онъ и самъ любитъ прославленiе всемилостивѣйшей государыни, но чрезъ то однакожъ, дабы знать дать, что онъ есть изъ рода Гамалѣевъ. Впрочемъ оказалось, онъ былъ сперва по женидьбѣ щедръ, но впалъ отъ того въ долги, не превосходящiе однакожъ его именья, нынѣ же сталъ радѣтеленъ о домоводствѣ своемъ и нѣтъ отъ него ни своевольства, ни кому либо обидъ, а только, какъ выше пишу, зараженъ знатностiю своего происхожденiя и желаетъ, чтобъ былъ онъ извѣстенъ государынѣ.

Затѣмъ я есть съ истиннымъ почтенiемъ милостиваго государя моего вашего высокородiя покорнѣйшiй слуга Ларiонъ Алексѣевъ.

Декабря 18-го дня
1794 года
Новгородъ-Сѣверскiй.

Самыя письма Гамалѣи дотого нелѣпы и безсмысленны, что мы затрудняемся ихъ печатать. Какъ извѣстно, Гоголь въ молодости былъ близокъ къ Трощинскому, а поэтому могъ слышать отъ него о Гамалѣѣ и вспомнить о страстномъ желанiи послѣдняго дать о себѣ знать государынѣ, во время созданiя своей безсмертной комедiи.

Сообщ. **В. Строевъ**.

В. А. Жуковскій какъ народникъ [1]).

(Ко дню пятидесятилѣтія его кончины).

> Для самыхъ позднихъ правнуковъ звучитъ
> Его благое слово, и живетъ
> Его благое дѣло.
>
> Гёте.

Жуковскаго на всѣ лады называютъ у насъ отцомъ романтизма.

Безъ малаго 50 лѣтъ назадъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти поэта нашего, въ торжественномъ собраніи Московскаго университета (12-го января 1853 г.) профессоръ Шевыревъ говорилъ рѣчь о значеніи Жуковскаго въ русской жизни и поэзіи. При этомъ почтенный ораторъ не могъ не попытаться «вкратцѣ разъяснить понятіе о романтизмѣ», признавъ, что «романтизмъ принадлежитъ къ числу самыхъ неясныхъ, самыхъ неопредѣленныхъ понятій».

Въ разборъ и опредѣленіе романтизма я не буду вдаваться, но укажу на одну громадную заслугу романтизма—это пробужденіе народности. Романтизмъ обратился къ изученію прошлаго народа, занялся его ми-

---

[1]) Въ засѣданіи историко-филологическаго факультета С.-Петербургскаго университета было рѣшено почтить память Жуковскаго ко дню 50-лѣтней годовщины его смерти. Меня, какъ сотрудника д-ра Зейдлица при составленіи біографіи поэта (Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго, съ предисл. П. А. Висковатова", Спб. 1883), просили приготовить рѣчь къ торжественному акту. Торжество не состоялось, и предлагаемый очеркъ представляетъ собою дополненную и снабженную примѣчаніями рѣчь, произнести которую не пришлось. П. В.

ѳеологіей, исторіей, бытомъ, вѣрованіями, повѣріями, правомъ... А такъ какъ въ исторіи развитія всѣхъ народовъ, начиная съ древнѣйшихъ египетскихъ и ассиро-вавилонскихъ, книга смерти—книга жизни, т. е. все: отъ погребальныхъ обычаевъ до вѣрованій въ загробное существованіе, имѣетъ едва ли не первенствующее значеніе, то романтизмъ долженъ былъ заинтересоваться особенно всѣмъ чудеснымъ, надземнымъ въ вѣрованіяхъ, наполнявшихъ народную фантазію. Эта фантазія естественно получила въ творчествѣ народа реальное значеніе.

Но гдѣ же, какъ не въ поэзіи, въ пѣсняхъ народа и выступаютъ, и сохраняются завѣщанные идеалы, воззрѣнія и пониманія народнаго. «Пѣсня—быль», мѣтко опредѣляетъ значеніе ея нашъ народъ.

Только съ изученіемъ этой «были» возможно начало національнаго самосознанія, т. е. начало упроченія и развитія народности. «Das Kind ist des Mannes Vater», сказалъ Гёте, величайшій поэтъ-мыслитель новыхъ вѣковъ, которому была и звѣздная книга ясна, кто чувствовалъ «травъ прозябанья, преданья, завѣты минувшихъ вѣковъ, грядущихъ вѣковъ созиданья».

Да, только пройдя сквозь годы ученія и воспитанія, чрезъ всякаго рода опытъ, человѣкъ, приглядываясь къ чертамъ дѣтства своего, сознательно развивая индивидуальные свои задатки, становится мужемъ, личностью, и тутъ только оправдываетъ изреченіе Гёте: «дитя—отецъ зрѣлаго мужа». «Выше лба не перескачешь», говоритъ народная пословица, и не стать человѣку выше врожденныхъ способностей, сказывающихся въ немъ въ первомъ его дѣтскомъ возрастѣ. Увлеченія и отклоненія въ юности, подъ давленіемъ чужаго вліянія, по большей части непродолжительны. Изреченное Гёте, великимъ знатокомъ души: Макрокосма и Микрокосма, выражено нашею пословицей: «Каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ». Но къ тому, что было въ колыбелькѣ, надо подходить съ пониманіемъ. Оно требуетъ изученія.

Справедливое по отношенію къ лицу имѣетъ отношеніе и къ цѣлому народу. Дѣйствительно, что высказалъ народъ въ началѣ своего существованія, то скажется со всею ясностью и въ зрѣломъ его возрастѣ, и къ концу существованія, разумѣется, если конецъ этотъ естественъ, а не насильственъ и преждевременъ.

И такъ, упроченію индивидуальной силы и зрѣлости въ отдѣльномъ индивидуумѣ, какъ и въ цѣломъ народѣ, должно предшествовать изученіе основъ всего, т. е. дѣтства.

Это-то изученіе было предпринято романтизмомъ, или, по меньшей мѣрѣ, романтизмомъ данъ первый толчекъ къ нему. Въ каждомъ народѣ романтизмъ проявляется иначе, и въ каждомъ народѣ онъ приводитъ къ народничеству. Не даромъ же и про отдѣльную личность,

работающую надъ индивидуализаціей своего я, говорятъ: «онъ переживаетъ романтическую эпоху».

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка западная Европа переживала новую эпоху романтизма, сказавшагося въ дѣятельности лучшихъ и самыхъ жизненныхъ представителей ума, знанія и таланта.

Съ романтизмомъ въ Германіи, напримѣръ, появились дѣятели, для которыхъ участіе въ рѣшеніи крупныхъ вопросовъ жизни, въ широкомъ значеніи слова, было непреодолимой потребностью. Назовемъ Александра Гумбольдта и Арндта. Гумбольдтъ, великій популяризаторъ науки, въ своемъ «Космосѣ» дѣлаетъ сводъ всему современному знанію и является передъ дружески расположеннымъ къ нему королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV ходатаемъ за либеральныхъ писателей, за гонимыхъ дѣятелей, какъ, напримѣръ, за изгнанныхъ геттингенскихъ профессоровъ; Арндтъ, этотъ восторженный поэтъ-патріотъ, является пѣвцомъ-патріотомъ, пробуждающимъ германское народное самосознаніе. Онъ спутникъ и сотрудникъ прусскаго министра Штейна въ его политическомъ паломничествѣ при организаціи противодѣйствія завоевательнымъ планамъ Наполеона. За Арндтомъ выступаетъ и юный пѣвецъ-воинъ, сложившій свою голову въ бою за національную свободу—Теодоръ Кёрнеръ.

Въ самомъ фантастичномъ изъ романтиковъ, Гофманѣ, въ которомъ порою съ трудомъ можно отличить серьезную мысль отъ безумнаго бреда, мы встрѣчаемъ черты реализма, затрогивающаго самые жгучіе жизненные вопросы и бичующаго недостатки соціальныхъ явленій безпощаднымъ юморомъ. Вотъ почему этотъ писатель вліялъ такъ сильно на реалиста-мечтателя, юмориста-этика—на нашего Гоголя.

Реальныя черты въ романтизмѣ [1]) побуждаютъ нѣкоторыхъ представителей его, какъ Беттина, и жить романтически. Князь Пюклеръ тратитъ огромное свое состояніе на устройство парковъ и зáмка, въ которомъ хочетъ сплести природу и искусство въ романтическо-реальномъ объединеніи [2]) и 86-лѣтнимъ старцемъ (онъ умеръ въ 1871 г.), во время франко-прусской войны, пытается вступить въ ряды прусской арміи.

---

[1]) Въ реализмѣ тайна обаянія такого произведенія, какъ „Ундина“ Ламотфукэ, на которомъ остановилъ свое вниманіе Жуковскій, давъ произведенію французско-нѣмецкаго автора обаятельную форму, ставящую русскій переводъ во многихъ отношеніяхъ выше подлинника. Въ „Ундинѣ“ реально изображается сказочное. Послѣдователемъ реальнаго въ произведеніи Фукэ является Шамиссо въ своемъ „Петрѣ Шлемилѣ“. Тотъ самый Шамиссо, который въ стихахъ своихъ подражаетъ Беранже.

[2]) Такимъ послѣднимъ романтикомъ въ жизни является и король баварскій Людвигъ II, этотъ близкій другъ и покровитель Вагнера и врагъ Бисмарка—и потому погибшій ужасною смертію.

Характеренъ и другой практическій романтикъ, близкій другъ послѣднихъ лѣтъ жизни Жуковскаго, которому онъ сообщалъ свои литературные планы и начинанія, Юстинъ Кёрнеръ, пережившій его на 10 лѣтъ. «Этотъ неуклюжій на видъ филистръ съ широкимъ лицомъ, которое въ шутку самъ онъ сравнивалъ съ тыквой, была высоко поэтическая натура. Кёрнеръ обладалъ способностью обращать жизнь въ поэзію. Въ его живописный, утопавшій въ цвѣтахъ домикъ, полный тихой, безмятежной радости и любви, стекались гости со всѣхъ концовъ: тихій Уландъ, бурный Фрейлигратъ, привѣтный Мерике, претенціозный Ленау и Варнгагенъ и Грюнъ, и принцы крови, и бездомные бѣглецы-поляки». Тутъ чувствовалъ себя дома и Василій Андреевичъ.

Здѣсь жилося такъ сладко, здѣсь сердцу было пріятно.

Здѣсь поэзія завоевывала дѣйствительную жизнь, т. е. исполнялись великіе завѣты Гёте [1]).

Романтизмъ, обратясь къ изученію элементовъ народности, не могъ не остановиться на собираніи памятниковъ народнаго творчества. Оно сказалось въ открытіи и занятіи древними эпическими пѣснями, особенно «пѣснью Нибелунговъ»; въ появленіи сборника старинныхъ пѣсенъ (des Knaben Wunderhorn), составленнаго трудами Арнима и Брентано и изданнымъ въ 1806 году; въ народныхъ сказкахъ, собранныхъ братьями Гриммами и пр. Все это привело къ познанію старины и нѣмецкаго народнаго духа. А все-таки значеніе этихъ произведеній оставалось неяснымъ для людей порою даже изъ-ряду вонъ умныхъ и понимающихъ. Такъ Фридрихъ II издѣвался надъ изученіемъ народной литературы и страстью собирателей памятниковъ его творчества. У насъ чуткій Бѣлинскій глумился надъ интересомъ къ былинамъ нашихъ первыхъ народниковъ, называя ихъ въ насмѣшку «славянофилами». Кличка, которая за ними и осталась, какъ кличка гезовъ за славными дѣятелями патріотами въ Нидерландахъ, брошенная имъ въ посмѣяніе презрительнымъ непониманіемъ [2]).

Въ изученіи народнаго творчества и крылось начало новой эры. Лучшіе умы искали связь съ прошлымъ народа, старались воскресить его индивидуальность, попранную историческимъ ходомъ событій и антинаціональнымъ строемъ, царившимъ надъ всѣмъ соціально политическимъ порядкомъ.

---

[1]) Ср. Richard Meier „Die deutsche Litteratur im XIX J." 2-te Auflage 1900.

[2]) Позднѣе, даже враги славянофильскаго направленія почувствовали несправедливость смѣшиванія этихъ первыхъ нашихъ народниковъ съ шишковистами и стали называть ихъ направленіе московскимъ славянофильствомъ въ отличіе отъ „оффиціальнаго славянофильства", понятіе и объясненіе немного смутное и искусственное. См. Пыпинъ: Характеристика литературныхъ мнѣній.

Въ этомъ отношеніи романтизмъ сказался еще раньше, въ дѣятельности Муціана Руфа и его учениковъ, между которыми славнѣйшимъ является Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ. Эпоха гуманизма можетъ быть названа первою эпохою бурныхъ стремленій или первою эпохою романтизма, а время конца XVIII столѣтія можно назвать второю эпохою бурныхъ стремленій, второю эпохою романтизма въ Германіи. Но, если изученіе народнаго составляетъ одну изъ задачъ романтизма, то, понятно, что это должно было въ концѣ концовъ привести къ реализму. Отъ изученія прошлаго естественно перешли къ изученію настоящаго, и въ то время какъ въ западной Европѣ одни изъ романтиковъ боязливо держались въ области фантазіи, другіе шли къ жизненному, и для нихъ

„Жизнь и поэзія одно".

Тезисъ—формулированный этими словами Жуковскимъ.

При этомъ изученіи своего прошлаго, результаты въ западной Европѣ и у насъ были совершенно другіе. Когда западные романтики взялись за ознакомленіе съ прошлымъ народа и за воскрешеніе его основъ, заглушенныхъ ходомъ цивилизаціи, чуждыми наслоеніями, имъ пришлось имѣть дѣло съ давно умершими элементами. Не было ни народныхъ пѣсенъ, ни эпоса; т. е., въ устахъ народа ихъ не было; ихъ выносили на свѣтъ Божій изъ старыхъ кодексовъ и сборниковъ. Церковь и латинское просвѣщеніе давно уничтожили, смыли въ народѣ всѣ слѣды самобытности. Въ Россіи—совершенно обратное явленіе. Когда у насъ взялись за изученіе народныхъ элементовъ, народной словесности и обычаевъ на европейскій ладъ и подъ европейскимъ вліяніемъ, произошло что-то совсѣмъ неожиданное.

Намъ ничего воскрешать не приходилось! Пѣсни, эпосъ, міровоззрѣніе, древнія вѣрованія, обычаи—все оказалось еще живымъ, реальнымъ.

Нашъ эпосъ не является въ искусственной переработкѣ, изъ которой надо выдѣлять пѣснь рапсодовъ, а поютъ его еще и по сю пору сами рапсоды. Пѣсни народныя пѣлись и еще поются, и ихъ записывали и записываютъ съ устъ живыхъ пѣвцовъ, а не выуживаютъ, какъ пришлось это дѣлать романтикамъ на западѣ, изъ пыльныхъ, забытыхъ сборниковъ. Вотъ почему нашъ романтизмъ сталъ тотчасъ по своемъ появленіи реализмомъ. И въ то время какъ на западѣ писатели то болѣзненно держались фантастическаго, то бросались въ какой-то «идеальный реализмъ», у насъ лучшіе писатели и съ ними вся литература наша непомѣрно быстро дѣлается строго реалистическою и вполнѣ жизненною. Глава нашей реальной школы Гоголь сейчасъ за выступленіемъ на литературное поприще, изъ подражателя романтика въ «Ганцѣ Кюхельгартенѣ», увлекающагося до того, что «поетъ свою Германію»,

почти непосредственно дѣлается реалистомъ [1]). То же можно сказать и о Пушкинѣ, да и о Лермонтовѣ. Этотъ юноша пишетъ свою знаменитую пѣсню о Іоаннѣ Грозномъ и Калашниковѣ, совсѣмъ въ духѣ и даже размѣромъ нашихъ былинъ, въ то время когда чуткій Бѣлинскій отрицательно относится къ народной поэзіи. Но въ это время Лермонтовъ встрѣтился съ Хомяковымъ и находился подъ его вліяніемъ, и весьма любопытное стихотвореніе Лермонтова рисуетъ очень наглядно разницу въ успѣхѣ обновленія народностью нашей и европейской національностей. Лермонтовъ, въ попыткѣ европейскаго міра воскресить черезъ романтизмъ народное право, видитъ тщетное усиліе. Во слѣдъ за восторженнымъ настроеніемъ нашихъ «народниковъ-славянофиловъ» онъ провозглашаетъ въ Европѣ паденіе и смерть; у насъ же народность должна повести къ жизненности и оздоровленію.

Эта мысль высказывается въ строкахъ, приписанныхъ Лермонтовымъ 2-го февраля 1836 года къ стихотворенію его «Умирающій гладіаторъ».

. . . .

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клонишься безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей
Безъ вѣры, безъ надеждъ—игралище дѣтей.
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны [2]).

---

[1]) Очень любопытно и еще не изслѣдовано сильное вліяніе нѣмецкихъ поэтовъ-романтиковъ Фосса, Гёте, Шиллера, Гофмана и др. на Гоголя. Ужъ не говоря о томъ, что его „Ганцъ Кюхельгартенъ" представляетъ рабское почти подраженіе Луизѣ Фосса, а „Италія"—Миньонѣ Гёте съ мотивами изъ напромантичнѣйшихъ разсказовъ Гофмана. Послѣдній писатель сильно вліялъ на него. Въ Гоголѣ, особенно въ его первыхъ повѣстяхъ, необузданная фантазія, какъ у Гофмана, соединяется съ юморомъ, съ тою только разницею, что у Гофмана этотъ юморъ, часто хоть и весьма жизненный, не имѣетъ народнаго характера, какъ у Гоголя. Вліяніе Гофмана признавалъ надъ собою и Гоголь, о чемъ свидѣтельствовала и А. О. Смирнова.

[2]) См. мою біографію Лермонтова, изд. Рихтера, Москва, 1891 года, стр. 222. Интересно, что сношенія Лермонтова съ Хомяковымъ относятся къ 1836 году и что тогда же онъ работалъ надъ „Пѣснью о Калашниковѣ.

Итакъ наши изучатели народности, наши романтики—это славянофилы. Любопытно, что сами они себя не называли этимъ именемъ. «Мы, пишетъ И. С. Аксаковъ, мы, славянофилы, этой клички никогда не признавали и сами себя такъ не именуемъ никогда, хотя и допускаемъ у другихъ это именованіе, данное какъ Sobriquet Бѣлинскимъ (въ воспоминаніе сатиры на старика Шишкова), но ставшее уже нѣсколько почетнымъ» [1]).

Если раньше говорится, что однимъ изъ важнѣйшихъ значеній романтизма и жизненности его было изученіе народности и воскрешеніе его элементовъ, то то же можно сказать о значеніи «Московскаго славянофильства». Побывавъ за границею, увлекшись шеллингіанизмомъ, во всеоружіи романтизма, основали они (Иванъ Кирѣевскій) даже журналъ «Европеецъ», стараясь познакомить русское общество съ стремленіемъ западной романтической литературы. Но вотъ нѣкоторые (Петръ Кирѣевскій) указываютъ на то, что зачѣмъ же намъ, русскимъ, изучать прошлое европейскихъ народовъ, когда ближе отдаться изученію своего? «Не былъ ли уже Карамзинъ своею Исторіею родоначальникъ направленія народнаго!»... И началось это оздравляющее увлеченіе нашимъ прошлымъ, изученіемъ народности. По разсказамъ Авдотьи Петровны Елагиной [2]), сильные споры поднялись въ лагерѣ славянофиловъ. Хомяковъ и Петръ Кирѣевскій увлекли другихъ, и Иванъ Кирѣевскій изъ европейца сталъ славянофиломъ, т. е. народникомъ.

---

[1]) Письмо Аксакова отъ 29-го февраля 1884 года ко мнѣ по поводу вышеприведенныхъ строкъ Лермонтова, впервые мною напечатанныхъ тогда въ „Руси“ 1884 г., № 5. Иванъ Сергѣевичъ не на шутку осерчалъ на меня. „Какъ вы могли н а с ъ н а р о д н и к о в ъ называть славянофилами? Вы и себя порочите, отъ васъ я этого не ожидалъ...“ Статью мою „Славянофильскія сомнѣнія“ въ Лермонтовѣ онъ исказилъ и извиняется: „Ну, Павелъ Алекс., будете вы меня бранить, увидавъ вашу статью въ такомъ сокращенномъ видѣ“ и т. д. Аксаковъ никакъ не хотѣлъ допустить, что въ Лермонтовѣ жили чувства и интересы народника. Однако, все же пишетъ: „по всей вѣроятности, Лермонтовъ кончилъ бы тѣмъ, что сталъ славянофиломъ н а р о д н и к о м ъ, какъ сталъ имъ и Пушкинъ, сознательнымъ или несознательнымъ—все равно... Я самъ читалъ въ его (Лермонтовской) рукописи—о сравненіи русскаго народа съ Ильею Муромцемъ“... Но объ этомъ въ другой разъ. Мнѣ только хотѣлось указать на то, какъ сами славянофилы считали себя народниками. Въ другой разъ по поводу высылки изъ Москвы „за непатріотическое направленіе“ Иванъ Сергѣевичъ писалъ мнѣ: „Меня с т а р а г о н а р о д н и к а за отсутствіе патріотизма!! даже смѣшно сказать“... и т. д.

[2]) Авдотья Петровна Елагина, по первомъ мужѣ Кирѣевская, мать Ивана и Петра Кирѣевскихъ, полтора послѣднихъ года жизни своей провела въ Дерптѣ. Она пріѣхала къ сыну своему Василію Алексѣевичу Елагину, тоже извѣстному славянофилу, женатому на Екатеринѣ Ивановнѣ Мойеръ, дочери Маріи Андреевны Протасовой—„Машѣ Жуковскаго“. Жилъ еще въ Дерптѣ

Любопытно, что воспитаніемъ Кирѣевскихъ съ раннихъ лѣтъ руководилъ Жуковскій. Онъ направлялъ его, назначалъ и рекомендовалъ учителей и воспитателей, выбирая ихъ изъ питомцевъ Дерптскаго университета—изъ людей, романтически настроенныхъ. Жуковскій настаиваетъ на отправкѣ молодыхъ Кирѣевскихъ за границу, а затѣмъ принимаетъ дѣятельное участіе въ ихъ литературныхъ начинаніяхъ. Изъ первыхъ указываетъ на необходимость имъ изучать нашу народную словесность, какъ и самъ это дѣлалъ по мѣрѣ силъ и возможности. Онъ мечталъ о томъ, чтобы написать поэму «Владиміръ Красное Солнышко» и еще въ 1810 году подъ руководствомъ Карамзина изучалъ древнюю исторію Россіи, а въ 1816 г. онъ съ тою же цѣлью посѣщалъ въ Дерптѣ лекціи профессора Эверса и мечталъ о поѣздкѣ въ Кіевъ для ознакомленія съ самымъ мѣстомъ дѣйствія предполагаемой поэмы [1]). Около этого же времени Жуковскій занимается «Словомъ о полку Игоревѣ» и перекладываетъ его на современную рѣчь.

Явившійся въ Европѣ интересъ къ изученію прошлаго народа и воскрешенію его жизни и идеаловъ нашелъ откликъ въ душѣ Жуковскаго. Жуковскій получилъ рѣдкое для того времени образованіе, и пополнялъ онъ его ревностно изученіемъ иностранныхъ литературъ. Черезъ Карамзина его живо коснулись традиціи гуманныхъ стремленій кружка Шварца и Новикова. 2-го января 1801 года Жуковскій вмѣ-

---

другъ и біографъ Жуковскаго Карлъ Карловичъ Зейдлицъ и Эмануилъ Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Всѣ они полны были памятью о Жуковскомъ. Дерптъ со своими традиціями романтизма пріютилъ и послѣднихъ его представителей. Но въ этомъ почтенномъ и тепломъ гнѣздышкѣ добраго стараго времени не всѣ члены его могли вполнѣ ужиться. Э. А. Мамоновъ вступилъ даже въ полемику съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ относительно стараго и новаго славянофильства. Василій Алексѣевичъ и особенно Екатерина Ивановна Елагина идеализировали современную жизнь и во что бы то ни стало хотѣли видѣть въ ней тождественность съ 20-ми годами прошлаго столѣтія. Авдотья Петровна тосковала въ чуждой ей обстановкѣ, тосковала болѣе, чѣмъ въ одиночествѣ своего Петрищева (Орловскаго имѣнія). Она пережила всѣхъ своихъ современниковъ, но отличалась до послѣдняго дня (умерла въ 1878 году въ Дерптѣ) свѣжестью всѣхъ умственныхъ и, пожалуй, физическихъ силъ. Она мыслила, слышала и видѣла вполнѣ отчетливо (мнѣ передъ самой смертью связала кошелекъ изъ тончайшихъ шелковъ) и много бесѣдовала о прежнихъ дняхъ, отвѣчая на запросы мои и дополняя уже извѣстное.

[1]) См. Вас. Андреевичъ Жуковскій, столѣтняя годовщина дня рожденія. Очерки П. А. Висковатаго... Письма Жуковскаго. „Русская Старина" 1883 г., стр. 148, 150, и разсказанное мнѣ Авд. Петровной; объ этомъ подробнѣе въ другомъ мѣстѣ. Сравни тоже Зейдлицъ, стр. 119. См. Рѣчь мою, стр. 9 и Зейдлицъ, стр. 78 и 107. Тоже, Очеркъ жизни и поэзіи В. А. Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота, читанная въ академическомъ собраніи 30-го января 1883 года, отдѣльный оттискъ, стр. 9.

стѣ съ братьями Тургеневыми и другими товарищами-друзьями основываетъ новое дружеское литературное общество. Въ уставѣ его сказано между прочимъ: «мы всѣ высоко цѣнимъ талантъ трогать и убѣждать другихъ словесностью. Мы удивляемся тѣмъ великимъ умамъ, которые въ безсмертныхъ своихъ сочиненіяхъ заронили божественную искру, могущую зажечь въ сердцахъ любовь къ добродѣтели и истинѣ. Служить имъ есть божественная и главнѣйшая наша должность. Всѣ мы льстимся найти и образовать въ себѣ этотъ талантъ. Да будетъ же сіе образованіе въ честь и славу добродѣтели и истины, цѣлію нашихъ упражненій».

Такимъ образомъ Жуковскій рано задается цѣлію послужить родинѣ своимъ талантомъ. Для него литературная работа и творчество не упражненіе силъ, не забава, а серіозная служба на поприщѣ нравственнаго и умственнаго совершенствованія людей и прежде всего русскаго общества и народа [1]).

Литературу признаетъ онъ тѣмъ свѣточемъ, который свѣтитъ впереди всякаго начинанія и совершенствованія народнаго. Радѣя о нравственномъ совершенствованіи, онъ освѣщаетъ этимъ свѣточемъ величайшія произведенія геніевъ человѣчества. Переводя ихъ на русскій языкъ, онъ вноситъ въ сокровищницу своего народа выработанное представителями другихъ націй. Онъ расширяетъ кругозоръ своихъ согражданъ, дѣлаетъ лучшихъ представителей соучастниками общечеловѣческихъ задачъ. Онъ отлично понимаетъ, что каждый народъ призванъ внести свое въ человѣческое совершенствованіе, но можетъ сдѣлать это только тогда, когда задачи общечеловѣческаго развитія дѣлаетъ своими задачами. Народность и ея развитіе не исключаетъ общечеловѣческаго. Первый народникъ въ Германіи «германофилъ» Ульрихъ-фонъ-Гуттенъ былъ въ то же время величайшій изъ гуманистовъ, дерзнувшій писать на языкѣ народномъ и крикнувшій безсмертный кличъ: «Вставайте! Заря новой жизни зажглась. Духъ воскресаетъ, живется радостно!» И сѣтью по западной Европѣ распространились гуманисты и ихъ начинанія, связывая въ одно общее братство безъ уставовъ или орденскихъ правилъ всѣхъ, кто исполненъ любви къ совершенствованію человѣка и любви народной; и рушатся преграды, взведенныя эгоизмомъ темныхъ людей.

«Я дерзнулъ» «Iacta alea est», ставитъ девизомъ гуманистъ-народ-

---

[1]) Еще въ 1816 году писалъ онъ А. И. Тургеневу: ...„поэзія часъ отъ часу становится для меня чѣмъ-то возвышеннымъ. Не надобно думать, что она только забава воображенія: она должна имѣть вліяніе на душу всего народа, и она будетъ имѣть это вліяніе, если поэтъ обратитъ свой даръ къ этой цѣли. Поэзія принадлежитъ къ народному воспитанію“. Зейдлицъ: Ein russisches Dichesleben, стр. 142.

никъ,—и откликъ его воззваній бѣжитъ по Европѣ и съ новою силою раздается въ рядахъ романтиковъ, а у насъ, подхваченный Новиковымъ и Карамзинымъ [1]), западаетъ въ чудесную душу Жуковскаго, этого «запѣвалы всѣхъ русскихъ пѣвцовъ».

„Все въ жизни—къ великому средство".

кричитъ онъ современникамъ и потомкамъ; и вѣруя, что

„Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!

онъ служитъ своему народу подъ благословеніемъ этого Бога, и ту глубокую вѣру онъ вкладываетъ въ души такихъ людей, какъ Пушкинъ и Гоголь.

Послѣднему онъ пишетъ: «Жизнь поэта въ его поэзіи: дѣла его—слова его». И къ этимъ словамъ Жуковскій относится какъ къ службѣ своей на пользу родины, свято и высоко чтя зажигаемый имъ свѣточъ.

Начавъ съ элегіи Грея, поразившей въ свое время теплотою отношенія къ меньшей братіи, о которой едва думали лучшіе люди, онъ взволновалъ современниковъ такъ, что Карамзинъ, передавая Жуковскому редакторство «Вѣстника Европы» и рекомендуя его читателямъ, для характеристики Жуковскаго счелъ достаточнымъ сказать, что юный другъ его извѣстный переводчикъ Греевой элегіи. Въ этой элегіи дремлетъ зародышемъ то высокое настроеніе поэта, которое воспитало его питомца, освободителя милліоновъ рабовъ, и которому еще ребенку онъ говорилъ:

„Будь на тронѣ человѣкомъ".

Жуковскій не былъ бойцомъ. Но истина и любовь, горящія яснымъ огнемъ, зажигаются не только бойцами. Можетъ быть, истина и любовь тѣмъ сильнѣе и прочнѣе дѣйствуютъ, если сіяютъ не безпокойнымъ огнемъ битвы, а спокойнымъ сіяющимъ пламенемъ любви и мира. Если люди ясной и спокойной дѣятельности позднѣе и вызываютъ борьбу, то это по несовершенству людей, вносящихъ въ дѣла свои личный эгоизмъ. Отъ столкновенія убѣжденій и борьбы выясняется истина, но формулируется она не бойцами, а философами-наставителями, отъ предтечей Сократа и Пиѳагора и до великихъ мастеровъ и художниковъ слова нашихъ дней.

Отъ элегіи Грея Жуковскій переходитъ къ пѣснѣ, въ которой отдаются звуки подъёма народнаго духа въ 12-мъ году [2]).

---

[1]) Вліяніе Карамзина на Жуковскаго есть одно изъ тѣхъ событій въ исторіи русской словесности, на которое нельзя не обратить вниманія. Карамзинъ—родоначальникъ направленія народнаго (Шевыревъ), которое черезъ Жуковскаго отразилось на Пушкинѣ и другихъ писателяхъ.

[2]) Я употребляю выраженіе двѣнадцатый годъ, какъ совокупность всѣхъ лѣтъ съ начала XIX стол. до 20-хъ годовъ, годовъ нашей реакціи и нахлынувшей тьмы.

Его «Пѣсни барда на гробѣ славянъ-побѣдителей», «Пѣвецъ въ станѣ русскихъ воиновъ» и пр. въ наше время не трогаютъ читателя. Намъ какъ будто чужды эти россіяне подъ шлемомъ и бронею, вооруженные мечами и копьями; но подъ шлемомъ со щитомъ и мечемъ давно стоитъ на петербургскомъ морозѣ памятникъ чудеснаго нашего народнаго героя Суворова. Въ одѣяніи классическихъ героевъ изображенъ русскій царь и Россія 1812-го года въ безсмертныхъ медальонахъ графа Ѳедора Петровича Толстаго, поднимающихъ въ насъ благородство духа не меньше «Войны и мира» другаго графа Толстаго, еще живущаго среди насъ Льва Николаевича.

Во всѣхъ этихъ и подобныхъ твореніяхъ нашихъ художниковъ живетъ народность. Увлеченный ею, Жуковскій написалъ и гимнъ, который сталъ и гимномъ народнымъ, и пока живетъ русская земля нераздѣльною, не умолкнутъ звуки его, раздающіеся вмѣстѣ съ гимномъ народной свободы другаго намъ дружественнаго народа, и если бы Жуковскій умеръ молодымъ человѣкомъ и не написалъ ничего болѣе, онъ все же жилъ бы между нами со славою, какъ выразитель народнаго чувства.

Жуковскій почитался у насъ близорукими начетчиками переводчикомъ иностранныхъ поэтовъ. Онъ самъ, въ письмѣ къ Стурдзѣ называя себя «поэтическимъ дядькою на Руси англійскихъ и нѣмецкихъ вѣдьмъ и чертей», давалъ поводъ къ такому сужденію, но уже Бѣлинскій произноситъ о немъ иное мнѣніе:

«О Жуковскомъ говорятъ, что у него мало своего, но почти все переводное. Ошибочное мнѣніе! Жуковскій поэтъ, а не переводчикъ: онъ возсоздаетъ, а не переводитъ. Онъ беретъ у нѣмцевъ и англичанъ только свое, пригодное ему или намъ, русскимъ».

Молодой поэтъ сознаалъ очень быстро, что въ задачахъ романтизма лежитъ поднятіе народнаго духа въ сознаніи своего прошлаго и присущихъ ему свойствъ. Ему захотѣлось поэзіею своею способствовать пробужденію народнаго сознанія и достигнуть этого сознанія, какъ уже сказано, путемъ поэтическаго творчества.

Онъ вѣрилъ, что

„Художники, какъ боги,
Входятъ въ Зевсовы чертоги“,

а, слѣдовательно, и книга прошлаго и будущаго должна быть имъ ясна. Но ничего не дается безъ труда, и, желая проникнуть въ тайники нашего еще не познаннаго прошлаго, онъ бросился изучать его. Попытка дать русскій характеръ нѣмецкимъ и англійскимъ балладамъ, переименовывая «Леонору» въ «Людмилу» и заставляя ее бѣжать навстрѣчу не нѣмецкой рати, а славянской, не удовлетворила Жуковскаго,

*

хотя современники наивно думали, что «Людмила» русская дѣвушка и вся баллада русская [1]).

Жуковскій пытается въ «Свѣтланѣ» дать обстановку и характеръ народный. Но хотя у него дѣвушки и гадаютъ въ Крещенскій вечерокъ по обычаю народному и хотя женихъ и пріѣзжаетъ за героиней не въ видѣ рыцаря верхомъ на лошади, а въ образѣ русскаго молодца на тройкѣ, Василій Андреевичъ все-таки въ концѣ своей баллады признается, что

„Въ ней большія чудеса,
Очень мало складу".

Недовольный своими попытками возсоздать русское народное, онъ серіозно начинаетъ заниматься русскимъ прошлымъ, русскою исторіей. Изъ небольшаго запаса нашей эпической поэзіи, извѣстной въ началѣ вѣка, Жуковскій выводитъ заключеніе, что народный былинный матеріалъ группируется около Владиміра Красное Солнышко, и что историческія событія лежатъ въ основѣ ихъ. Онъ задумываетъ поэму «Владиміръ» и ищетъ въ Дерптѣ у историка Эверса указаній, какъ углубиться въ нѣдра прошлаго Россіи. Изъ этихъ попытокъ вышли его баллады-поэмы «Громобой и Вадимъ», гдѣ опять-таки кромѣ именъ и названій немного чертъ народныхъ. Жуковскій, какъ поэтъ, столкнулся съ препятствіями непреодолимыми—т. е. съ общимъ недостаткомъ знанія прошлаго, знанія народа, его творчества и вѣрованій. А Жуковскій, не смотря на весь свой идеализмъ, почиталъ жизнь реальную—дѣйствительною и въ нее вносилъ свой идеальный міръ. «Жизнь и поэзія—одно», говаривалъ онъ.

«Не ринулся ли Жуковскій, — замѣчаетъ Бѣлинскій, — отважно и смѣло въ такой міръ дѣйствительности, о которомъ, если знали и говорили, то какъ о мірѣ искаженномъ... Не былъ ли онъ для своихъ современниковъ Колумбомъ?»

— Да былъ! Онъ указалъ путь къ нашему народничеству,—отвѣчу я.

Народничество въ Жуковскомъ сказалось и еще въ одномъ. «Народничество или славянофильство,—пишетъ Ив. Серг. Аксаковъ,—немыслимо безъ религіозной основы» [2]).

---

[1]) Як. Карл. Гротъ въ рѣчи своей, читанной въ академическомъ собраніи 30-го января 1883 года говоритъ: „Впрочемъ, несправедливо было бы отрицать въ Жуковскомъ всякое отраженіе народнаго духа: оно явно въ его „Свѣтланѣ", въ его поэмѣ „Двѣнадцать спящихъ дѣвъ", въ его „Сказкахъ".

[2]) Письмо ко мнѣ отъ 29-го февраля 1884 года. Замѣчательно, что Гёте характеризуетъ романтизмъ, называя его „новонѣмецко-религіозно-патріотическимъ искусствомъ".

Эта истина подтверждается уже тѣмъ, что не только наша народная жизнь вся группируется около религіознаго начала, но и величайшіе наши писатели вносятъ элементъ этотъ въ свои творенія. Не чужды ему рано погибшіе Пушкинъ и Лермонтовъ. Сильно сказался онъ въ Гоголѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, даже, въ наши дни, въ гр. Львѣ Толстомъ. Знатокъ русской жизни, нѣмецкій писатель Боденштетъ, въ одной изъ послѣднихъ статей своихъ характеризуя Россію, говоритъ о сильной религіозной жизни въ ней. Онъ объясняетъ нѣмцамъ, что если бы въ западной Европѣ кто-либо кликнулъ кличъ идти на завоеваніе Гроба Господня, то вызвалъ бы всеобщій смѣхъ и недоумѣніе. Но если бы въ Россіи царь кликнулъ такой кличъ, многіе милліоны отозвались бы на зовъ его. И дѣйствительно, не есть ли появленіе у насъ разныхъ сектъ и религіозныхъ ученій доказательство сильной религіозной жизни?! Въ Германіи съ половины прошлаго столѣтія образовалась одна только религіозная секта «когитантовъ», просуществовавшая не долго и походившая скорѣе на философское общество, чѣмъ на религіозную секту. А у насъ сколько попытокъ, сколько религіознаго движенія! Если же это такъ, если религіозное начало столь сильно въ нашей народной жизни, то понятно, что и великіе наши національные писатели должны въ своихъ твореніяхъ, въ своемъ душевномъ мірѣ отражать религіозность началъ нашей народной жизни, и что чѣмъ народнѣе писатель, тѣмъ болѣе въ немъ религіознаго элемента. Что наша отбившаяся отъ народности интеллигенція не понимаетъ этого и подчасъ считаетъ народнѣйшими нашими писателями Некрасова, Щедрина, Глѣба Успенскаго и другихъ, а въ наши дни Максима Горькаго, что она перемѣшала не только понятія народнаго съ простонароднымъ—эта ошибка выяснится, какъ только пройдетъ немного времени и прояснится историческій взглядъ на нашу современность. Не даромъ гр. Алексѣй Толстой, значеніе котораго все больше сознается и распространяется въ нашемъ отечествѣ, уже указалъ на эту сбивчивость въ понятіяхъ народнаго и бичуетъ его въ извѣстной сатирѣ своей [1]).

Считая призваніемъ своимъ службу родному отечеству и народу, посредствомъ Богомъ даннаго таланта писателя, Жуковскій строго и неуклонно исполнялъ долгъ свой и работалъ на поприщѣ литературы. Одно только обстоятельство могло побудить его отойти отъ этого пред-

[1]) Потоку-богатырю кричитъ патріотъ-интеллигентъ въ Петербургѣ:
„Знай, что только въ народѣ спасенье!"
Но Потокъ говоритъ:—Я вѣдь тоже народъ,
Такъ за что жъ для меня исключенье?
Но къ нему патріотъ:—Ты народъ, да не тотъ,
Править Русью призванъ только черный народъ;
То по старой системѣ всякъ равенъ,
А по нашей лишь онъ полноправенъ!" и т. д.

начертаннаго пути своего—это призывъ его воспитать будущаго государя той страны, которой онъ посвящалъ всѣ свои силы. Но и тутъ, строго говоря, онъ не отшатнулся отъ своего убѣжденія, по которому «задачею поэта считалъ воспитаніе народа». Воспитывая государя и человѣка въ государѣ, онъ сдѣлалъ благое дѣло, не противорѣчившее его божественному призванію. И какъ высоко и свято выполнялъ онъ новый принятый на себя долгъ, мы знаемъ. Девять лѣтъ съ 1823—1830 гг. онъ сравнительно пишетъ весьма мало. Все время уходитъ на подготовку и выполненіе важной педагогической задачи. Когда въ концѣ 30-хъ годовъ совершено было возложенное на него высокое для блага Россіи порученіе и Жуковскій могъ опять нераздѣльно отдать силы свои литературѣ, литературныя вѣянія, вкусы и потребности общества перемѣнились. Пушкинъ сошелъ въ могилу, создавъ новую эру. Гоголь написалъ своего «Ревизора» и былъ провозглашенъ критикою и всею молодой Россіей представителемъ обличительнаго направленія, что его такъ испугало.

Жуковскій почувствовалъ себя чуждымъ среди новаго поколѣнія [1]). Онъ искалъ такого пристанища, гдѣ бы безъ помѣхи могъ отдаться творчеству, исполняя «задачу поэта какъ воспитателя народа». На берегу романтическаго Рейна спѣшилъ онъ основать свое домашество, зажить семейною тихою жизнію, въ которой ему отказано было въ молодости. Шестидесятилѣтній старецъ еще разъ протягиваетъ руки къ завѣтному кубку. Молодая, красивая, обожающая его жена даетъ ему желанное счастье. Двое малютокъ пополняютъ картину семейную. Литературная работа закипаетъ. Но скромный идеалъ Жуковскаго далеко не вполнѣ осуществляется. Спокойствіе на берегу романтическаго Рейна нарушается революціонными движеніями, которыя, сказавшись на всемъ континентѣ, находятъ сильный откликъ въ южной Германіи. Жена хвораетъ, пріютъ въ утопающемъ въ цвѣтахъ и зелени домѣ Юстина Кернера не даетъ желаннаго покоя, и его опять влечетъ на родину, гдѣ снится ему покой, довольство, гдѣ нѣтъ революціонной лихорадки [2])

„Его влечетъ подъ тѣнь березы,
Подъ кровъ земли своей родной“,

---

[1]) См. стихотвореніе Жуковскаго „Царскосельскій Лебедь“, гдѣ онъ говоритъ, что его образъ пугаетъ молодежь.

„Онъ на нихъ наводитъ,
Скуку и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи“.

Не безъинтересна замѣтка въ „Рижской Газетѣ“ (№ 287, 9-го сентября 1853), гдѣ О. Сталь печатаетъ и переводитъ на нѣмецкій языкъ „Лебединую пѣснь“ Жуковскаго. (Extrablatt zur rigasch. Zeit. 9 Dec. 1853).

[2]) См. его стихотвореніе къ „Русскому великану“, писанное въ 1848 г.

и особенно въ колыбель романтическихъ дней юности, въ Дерптъ и его окрестности.

Василій Андреевичъ сознавалъ, однако, что жизнь европейскаго, а потому и русскаго общества и народа нуждается въ реформѣ, что сказалась потребность инаго строя, и вотъ откуда тревоги и судороги болѣзненныхъ явленій въ жизни. Но какъ осуществить эту реформу? Что можетъ обновить увядающія начала? И вотъ, онъ приглядывается къ явленіямъ: съ конца XVIII вѣка, съ великой французской революціи началась попытка переустройства общественнаго строя съ внѣшней стороны, уничтоженіемъ прежнихъ святынь, и привела къ несчастію не только для Франціи, но и къ горю всѣхъ образованныхъ націй. Любопытно, какъ Жуковскій высказываетъ эти свои мысли въ произведеніи «Четыре сына Франціи», гдѣ доходитъ до пророческаго ясновидѣнія, о которомъ говоритъ самъ съ нѣкоторымъ страхомъ [1]).

И вотъ вдумываясь въ грозныя явленія и требованія жизни, онъ приходитъ къ заключенію, что человѣчеству поможешь не внѣшнимъ переустройствомъ формъ жизни, т. е. соціальнаго и политическаго строя, а этическою переработкою внутренняго *я*. Вопросы этическіе связаны съ религіозными, и съ начала 40-хъ годовъ, а особенно съ середины ихъ, Жуковскій выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ этико-религіозныхъ и мистическихъ произведеній, въ которыхъ рисуетъ онъ силу и необходимость внутренняго религіознаго перерожденія человѣка. Таковы его: «Выборъ Креста», «Капитанъ Боппъ» и въ особенности лебединая пѣснь старца-поэта «Агасферъ», которая блещетъ высоко поэтическими достоинствами и исполнена желаніемъ уяснить и показать, какъ любовь, любовь величайшая, любовь божественной религіи, черезъ страданіе приводитъ человѣка къ ясности и обновленію. «Вѣчный Жидъ» Жуковскаго черезъ страданія познаетъ Христа, познаетъ спокойствіе, величіе души и истину черезъ любовь, какъ апостолъ Павелъ, гнавшій Христа, вдругъ увидавъ его, понимаетъ доктрину религіи любви. Въ рѣчахъ Агасфера Жуковскаго, увидавшаго въявь Христа, мы находимъ и перефразъ знаменитаго, ничѣмъ не превышеннаго опредѣленія любви, сдѣланнаго въ посланіи къ коринѳянамъ апостоломъ Павломъ.

Любовью къ людямъ безнаградной—я
Любовь къ Спасителю, любовь къ царю
Любви, къ ея источнику, къ ея
Подателю питаю. И съ тѣхъ поръ,
Какъ этотъ міръ любви меня проникнулъ,
Моя любовь къ нимъ есть любовь къ тому,

---

[1]) Стихотвореніе начато въ 1846 г. и дописано въ 1852 г. Ср. примѣчаніе къ нему самого Жуковскаго.

Кто первый возлюбилъ меня, любовь,
Которая не ищетъ своего,
Не превозносится, не мыслитъ зла,
Не знаетъ зависти, не веселится
Неправдою, не мститъ, не осуждаетъ,
Но милосердствуетъ, но вѣру емлетъ
Всему, смиряется и долго терпитъ,—
Такой любовію я близокъ къ людямъ...

Еще болѣе высказывается религіозно-нравственное воззрѣніе Жуковскаго въ его перепискѣ послѣднихъ годовъ. То, что дремало въ юношѣ-поэтѣ, теперь является созрѣвшимъ въ пѣвцѣ-философѣ. Народные мотивы трогаютъ его. Оттуда его занятія народнымъ эпосомъ у грековъ, персіянъ, индусовъ, интересъ къ сказкамъ, а главное къ тому, что составляетъ основу каждой народности—къ этико-религіозному началу, къ основамъ безсознательнаго, а потомъ и сознательнаго міровоззрѣнія.

Жуковскій всегда, а особенно при концѣ жизни придавалъ поэтическому призванію высокій смыслъ. И въ этомъ отношеніи онъ сходится съ Гоголемъ. Два писателя столь различныхъ лѣтъ и направленія подаютъ руку другъ другу, сходятся, вступаютъ въ тѣсный духовный союзъ. Не только переписка ихъ того времени свидѣтельствуетъ о религіозномъ направленіи, но и литературное творчество всецѣло носитъ этотъ характеръ. Оба стремятся зажечь свѣточъ религіозно-нравственнаго начала и, пробуждая его, совершить реформу въ отдѣльныхъ лицахъ, а черезъ нихъ въ обществѣ и народѣ. Не здѣсь мнѣ вдаваться въ подробный анализъ творчества и вѣры нашихъ двухъ великихъ дѣятелей, 50 лѣтъ тому назадъ покинувшихъ насъ почти одновременно. Но какъ они были близки, какъ понимали другъ друга и направляли, видно изъ почти предсмертнаго письма Жуковскаго къ Плетневу въ отвѣтъ на извѣщеніе о смерти Гоголя. Письмо это писано 2-го марта 1852 г.— черезъ нѣсколько дней Жуковскаго не стало.

«Какою вѣстью вы меня оглушили! И какъ она была для меня неожидана! Весьма недавно я получилъ еще письмо отъ Гоголя и сбирался ему отвѣчать и хотѣлъ дать ему отчетъ въ своей теперешней стихотворной работѣ, то-есть поговорить съ нимъ подробно о моемъ «Жидѣ» (Агасферъ), котораго содержаніе ему было извѣстно, который пришелся бы ему особенно по сердцу—и занимаясь которымъ, я особенно думалъ о Гоголѣ... И вотъ уже его нѣтъ! Я жалѣю о немъ несказанно собственно для себя: я потерялъ въ немъ одного изъ самыхъ симпатическихъ участниковъ моей поэтической жизни и чувствую свое сиротство въ этомъ отношеніи. Теперь мой литературный міръ состоитъ изъ четырехъ лицъ, изъ двухъ мужескаго

пола и изъ двухъ женскаго: къ первой половинѣ принадлежите вы и Вяземскій, къ послѣдней двѣ старушки!

— Елагина и Зонтагъ [1]).

«Какое пустое мѣсто оставилъ въ этомъ маленькомъ мірѣ мой добрый Гоголь! Я жалѣю объ немъ еще для его начатыхъ и неоконченныхъ работъ: для нашей литературы онъ потеря незамѣнимая. Но жалѣть ли о немъ для него? Его болѣзненная жизнь была и нравственно мучима. Настоящее его призваніе было монашество.

«Я увѣренъ, что еслибы онъ не началъ свои «Мертвыя души», которыхъ окончаніе лежало на его совѣсти и все ему не удавалось, то онъ давно бы былъ монахомъ, и былъ бы успокоенъ совершенно, вступивъ въ ту атмосферу, въ которой душа его дышала бы легко и свободно. Его авторство, по особенному свойству его генія, въ которомъ глубокая меланхолія соединялась съ рѣзкостью ироніи, было въ противорѣчіи съ его монашескимъ призваніемъ и ссорило его съ самимъ собою. По крайней мѣрѣ такъ это мнѣ кажется изъ тѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ его смерти, которыя вы мнѣ сообщаете. Гоголь, долгіе часы стоящій на колѣняхъ передъ образомъ, отказываю-

---

[1]) Одна изъ этихъ старушекъ Авдотья Петровна Елагина доживаетъ свой вѣкъ въ Дерптѣ, и въ концѣ 70-хъ годовъ еще свѣжая, въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей, она сообщаетъ мнѣ въ разсказахъ своихъ многое о Жуковскомъ (и другихъ). Никакіе мемуары и записки не могутъ замѣнить живую рѣчь. Помню я хорошо и Плетнева, который въ 1858 году, больной, проѣзжалъ съ семьею черезъ Баденъ-Баденъ. Я съ матерью жилъ въ томъ же домѣ, который занималъ Жуковскій. Плетневъ, знакомый моего отца, посѣтилъ насъ и познакомилъ съ докторомъ Куккартомъ, лѣчившимъ Жуковскаго. Онъ сталъ нашимъ врачемъ и разсказывалъ о Жуковскомъ. Изъ этихъ разсказовъ я почерпнулъ не много. Но въ Петербургѣ, когда я былъ студентомъ, Плетневъ, въ то время ректоръ, взялъ меня подъ особое свое покровительство и руководилъ моими занятіями. Онъ же убѣдилъ меня, когда начались студенческіе безпорядки 60-хъ годовъ, уѣхать за границу, начерталъ планъ занятій литературой и помогъ получить заграничный паспортъ въ періодъ времени, когда его студентамъ не выдавали. Близость моя съ Э. А. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, подарившимъ мнѣ портретъ, снятый съ Гоголя незадолго до смерти, съ дочерью Марьи Андреевны Майеръ, рожденной Протасовой, и ея семьей, съ Зейдлицемъ, другомъ и товарищемъ Жуковскаго, знаніе задушевнѣйшихъ сторонъ въ жизни Жуковскаго, возможность заглянуть въ самыя завѣтныя письма Жуковскаго—все это дало мнѣ случай ознакомиться съ подробностями жизни и характера Жуковскаго, какъ писателя и человѣка, тѣмъ болѣе, что я съ 80-тилѣтнимъ Зейдлицемъ переработывалъ біографію поэта, писанную на нѣмецкомъ языкѣ. У меня и теперь хранятся ненапечатанныя письма Жуковскаго интимнаго характера, рукописи его и пр. Кое-что отдалъ я въ Публичную библіотеку и остальное будетъ мною передано въ вѣрное хранилище. Кое о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

щійся отъ пищи и кротко говорящій тѣмъ, которые о немъ заботились: оставьте меня, мнѣ хорошо—какъ это трогательно! Нѣтъ, тутъ я не вижу суевѣрія: это набожность человѣка, который съ покорностью держится установленій православной церкви. Что возмутило его страждущую душу въ послѣднія минуты? я не знаю. Но онъ молится, чтобы успокоить себя. И, конечно, ему было въ эти минуты хорошо, какъ онъ самъ говорилъ,—и путь, которымъ онъ вышелъ изъ жизни, былъ самый успокоительный и утѣшительный для души его. Оставьте меня, мнѣ хорошо! Такъ; никому нельзя осуждать по себѣ того, что другому хорошо по его свойству. И эта долгая молитва на колѣняхъ есть нѣчто вселяющее глубокое благоговѣніе. Такъ бы онъ умеръ, еслибы, послушавшись своего естественнаго призванія, провелъ жизнь въ монашеской кельѣ. Теперь конечно душа его нашла все, что искала... Перейдемъ теперь къ земному»... и Жуковскій говоритъ о необходимости изданія соч. Гоголя...

Черезъ нѣсколько дней не стало и этого свѣточа. Не допѣлъ старый лебедь своей лебединой пѣсни:

Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало [1].

Но живетъ онъ въ народѣ русскомъ и будетъ жить еще реальнѣе. Образъ его все будетъ становиться народнѣе, когда станетъ отходить въ забвеніе партійное, мелкое сужденіе о немъ.

Жуковскій, какъ вноситель міра душевнаго, мотивовъ этико-религіозныхъ въ содержаніе русской поэзіи, является родоначальникомъ всѣхъ русскихъ поэтовъ-писателей отъ Пушкина и Гоголя до Аполлона Майкова и Льва Толстаго включительно. И чѣмъ сознательнѣе будетъ очерчиваться наша народная жизнь и мы—вноситъ лепту свою въ культурное развитіе человѣчества, тѣмъ ярче будетъ стоять образъ Жуковскаго, этого запѣвалы всѣхъ русскихъ пѣвцовъ!—И позвольте мнѣ кончить словами поэта:

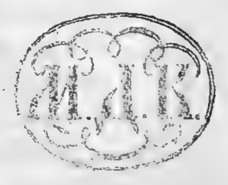
То мѣсто, гдѣ былъ добрый, свято.
Для самыхъ позднихъ правнуковъ тамъ звучитъ
Его благое слово, и живетъ
Его благое дѣло.

Пав. Висковатовъ-Висковатый.

---

[1]) „Царскосельскій Лебедь" писанъ въ 1851 году.

Русская журналистика въ 1849—1874 гг.

(Изъ бумагъ М. В. Авдѣева).

Извѣстный беллетристъ, авторъ многихъ романовъ и повѣстей, Михаилъ Васильевичъ Авдѣевъ родился въ Оренбургѣ 22-го сентября 1821 г. Получивъ домашнее воспитаніе и частію въ Уфимской гимназіи, онъ поступилъ въ Институтъ путей сообщенія и на 17 году отъ роду написалъ первую свою повѣсть. По окончаніи въ 1842 году курса, М. В. Авдѣевъ былъ опредѣленъ въ Нижегородскую губернскую строительную и дорожную коммиссію, и съ этихъ поръ началась его кипучая литературная дѣятельность. Онъ печаталъ свои романы, повѣсти, путевые очерки и проч. почти во всѣхъ современныхъ ему журналахъ и газетахъ и велъ переписку со многими литераторами. Въ 1852 году онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и скончался 1-го февраля 1876 г. Часть обширной и интересной его переписки печатается нынѣ на страницахъ журнала. Ред.

1.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

30-го мая 1849 г. С.-Петербургъ.

Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу повѣсть. Въ ней много хорошаго, и вы имѣете несомнѣнный талантъ. Повѣсть ваша будетъ напечатана не позже какъ въ 9-й книжкѣ «Современника» на 1849 годъ. Впрочемъ, напишите, если вы къ 9-й или 10-й книжкѣ можете при-

слать намъ другую свою повѣсть, въ такомъ случаѣ «Вариньку» я напечатаю теперь же, то-есть въ 7 №. Что касается до вознагражденія, то, начиная со второй вашей повѣсти, вы будете получать столько, сколько получаютъ всѣ наши лучшіе сотрудники, то-есть два рубля серебромъ за печатную страницу. За первый же трудъ каждаго новаго автора, выводимаго въ публику, журналы обыкновенно ничего не платятъ. Впрочемъ, если есть особыя причины, то я могу до нѣкоторой степени сдѣлать для васъ исключеніе, о чемъ потрудитесь написать.

Напишите мнѣ также, сколько вамъ лѣтъ, гдѣ вы служите, куда думаете выступить изъ Нижняго. Все, что напишете, присылайте смѣло ко мнѣ: годное будетъ напечатано и будутъ вамъ тотчасъ высланы деньги (по 32 рубля серебромъ съ каждаго печатнаго листа). Что же окажется неудовлетворительнымъ, на то я не полѣнюсь прислать вамъ свои замѣчанія, ибо вашъ талантъ меня очень заинтересовалъ. Высылайте мнѣ поскорѣй.

Свидѣтельствую вамъ мое истинное почтеніе, имѣю честь быть вашъ покорный слуга Н. Некрасовъ.

На конвертѣ написано: Въ Нижній-Новгородъ, Михаилу Васильевичу Авдѣеву.

2.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

11-го января 1850 г. С.-Петербургъ.

Милостивый государь!

Сегодня только я немного успокоился, выпустивъ третьяго дня первую книжку «Современника». Въ этой книжкѣ я помѣстилъ половину вашей повѣсти. Скажу вообще: эта повѣсть настолько хороша, что можно ее напечатать въ журналѣ съ удовольствіемъ; но сходство всей ея постройки и даже нѣкоторыхъ частностей слишкомъ явно напоминаетъ Лермонтова. Впрочемъ, объ этомъ надо говорить много, а мнѣ теперь некогда; итакъ скажу только общій выводъ: не смотря на свою подражательность, повѣсть эта выказываетъ въ авторѣ талантъ, а еще болѣе умъ и тактъ. Это такія вещи, съ которыми смѣло можно продолжать писать, что я вамъ и совѣтую. Я убѣжденъ, что вы напишете много хорошихъ вещей, да еслибъ вы и не писали ничего лучше первыхъ вашихъ трудовъ, то и тогда жаль было бы, еслибъ вы перестали писать. Это мнѣніе не только мое, но и многихъ другихъ.

Изъ первой половины вашей повѣсти вышло 3 листа, изъ второй—выйдетъ $2^1/_2$. Посылаю вамъ при семъ до разсчета сто рублей серебромъ. Какъ только вашей повѣсти вторая половина пройдетъ черезъ

цензуру, я тотчасъ вышлю вамъ остальныя деньги. Напишите, высылать ли вамъ «Современникъ» въ Ярославль? Вы, кажется, сюда хотѣли пріѣхать; очень будетъ пріятно познакомиться.

Извините, что мало пишу. Вашъ покорнѣйшій слуга Н. Некрасовъ.

P. S. Письма иногороднимъ подписчикамъ пишетъ по большей части Дружининъ.

3.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

17-го іюня 1852 г. С.-Петербургъ.

Любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ! Мы съ Панаевымъ жалѣли, что ни онъ, ни я не имѣли случая лично сказать вамъ, что вашъ послѣдній разсказъ есть безподобнѣйшая вещь,—очень умная, даровитая и прекрасно написанная. И таково общее мнѣніе. Затѣмъ просимъ васъ не забыть объ насъ и написать намъ къ осени повѣсть или къ зимѣ романъ или то и другое. Пожалуйста не обойдите насъ. Краевскій, говорятъ, заваленъ романами, а мы бездѣйствуемъ. 3.400 экз. «Современника» разошлись всѣ до единаго. И безподобно! скажетъ Анненковъ, но, въ томъ-то и дѣло, что хотѣлось бы не ослабѣвать къ концу года, а матеріаловъ нѣтъ; пожалуйста не забудьте «Современникъ». Будьте здоровы! Душевно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

Напишите намъ о себѣ. А что ваши путевыя письма?

4.

Ив. Аксаковъ—М. В. Авдѣеву.

26-го іюля 1852 года.

Любезнѣйшій другъ Авдѣевъ. Спасибо тебѣ за твое длинное, большое письмо. Видѣлъ ли ты литографированную картину коммиссіи. Я получилъ 10 экземпляровъ и нашелъ, что литографія хуже оригинала. Всѣ мои знакомые здѣсь находятъ, что въ портретѣ моемъ нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Не похожъ также и Унковскій. Лучше всѣхъ самъ Поповъ, потомъ графъ, потомъ Хомутовъ, Оболенскій, ты... [1]) Это правда, что и ты нѣсколько старообразнѣе на портретѣ и сдѣланъ нѣсколько смахивающимъ на чувашскій типъ!.. Повѣсть твою въ «Современникѣ» я прочелъ съ большимъ удовольствіемъ. Разсказано такъ мило, просто, какъ только ты умѣешь разсказывать теперь, но это не все. Хорошъ также этотъ типъ вывѣтрившагося петербургскаго молодаго чиновника,

---

[1]) Какъ здѣсь, такъ и далѣе точки въ оригиналѣ письма.

совершенно гнилаго и чортъ знаетъ зачѣмъ существующаго на землѣ, потому что и жизнью онъ не живетъ живо, и не одушевленъ никакимъ благороднымъ побужденіемъ, никакою высокою цѣлью, даже не честолюбивъ очень... Таковы въ С.-Петербургѣ чиновники большею частью, но для того, чтобы сдѣлать этого Чернова типомъ, надо бы шаржировать (charger) его образъ, сдѣлать черты болѣе рѣзкими, т. е. рѣзче выставить въ немъ всю эту пустоту души, а для сего потребно самому почувствовать къ нему глубокое омерзеніе. У тебя же не слыхать никакого личнаго негодованія, даже твое собственное мнѣніе остается неизвѣстнымъ. Въ твоемъ юморѣ не слышно слезъ, оттого онъ и не очень ѣдокъ. Вообще, ты до тѣхъ поръ не сдѣлаешь ничего крупнаго, покуда не установишь своихъ убѣжденій, не выработаешь нравственной точки зрѣнія, не будешь самъ знать: во имя чего писать!

Да, скажи пожалуйста, къ чему въ ряду всѣхъ этихъ забавныхъ образовъ влюбленныхъ, выставлять въ глупомъ видѣ дѣтину и дѣвку. Всѣ эти строчки предурацкія и портятъ все дѣло. И любятся они вовсе не такъ. Я написалъ для 2-го тома «Моск. Сборн.» (въ Смѣси) статью объ общественной жизни въ провинціи. Если ее пропустятъ, ты прочтешь ее и увидишь, съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть и описывать губернскія общества: я отвалялъ ихъ на обѣ корки. Ты написалъ также великую нелѣпость по поводу статьи брата о родѣ и семьѣ и проч. Вотъ что значитъ судить о статьѣ, не прочитавъ ее до конца. Родовой бытъ—значитъ бытъ, признающій верховную и неограниченную власть родоначальника, такую власть, при которой слабѣетъ даже значеніе отца семейства и самой семьи; бытъ общинный или общинно семейный—бытъ демократическій съ мірскимъ управленіемъ. Братъ опровергаетъ мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ вралей, что у насъ былъ прежде родовой бытъ, и доказываетъ существованіе быта семейно-общиннаго. Статья его въ ученомъ мірѣ произвела переворотъ въ мнѣніяхъ. Скажи пожалуйста, кто это у васъ тамъ пишетъ въ фельетонѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» и настрочилъ дурацкій, только въ Петербургѣ возможный, разборъ «Сборника»? Вѣрно онъ тебѣ пріятель, по крайней мѣрѣ изъ свиты «Отечественныхъ Записокъ» и «Современника». Хоть бы ты его пристыдилъ. Сдѣлай одолженіе пиши свой разсказъ. Я тебѣ безъ церемоній скажу, годится ли онъ или нѣтъ для «Сборника». Если не годится для «Сборника», такъ пригодится для петербургскихъ журналовъ. Простота, совершенная искренность, трезвость и бодрость— вотъ чего намъ нужно...

Съ отзывомъ твоимъ о «Бродягѣ» я совершенно согласенъ, нахожу даже, что твои похвалы преувеличены. Никто не судитъ строже меня самого о моихъ произведеніяхъ.

Прощай, душа моя, крѣпко тебя обнимаю, твой Ив. Аксаковъ.

5

Ив. Аксаковъ—М. В. Авдѣеву.

22-го декабря 1853 г. Харьковъ.

Рѣшительно не помню, любезный другъ Авдѣевъ, отвѣчалъ ли я на твое послѣднее письмо, полученное мною передъ отъѣздомъ? Кажется, нѣтъ. Во всякомъ случаѣ да будетъ тебѣ извѣстно, что письмо это все-таки меня порадовало: я видѣлъ изъ него, что въ тебѣ пробуждается потребность вложить въ самого себя болѣе серьезное содержаніе, писать для чего-нибудь и во имя чего-нибудь. Да, любезный другъ, твой прекрасный талантъ будетъ безплоденъ, если не воодушевится какимъ-нибудь искреннимъ задушевнымъ убѣжденіемъ, любовью къ чему-нибудь внѣ себя, не къ чему-нибудь частному и исключительному, но къ чему-нибудь общему, къ общей идеѣ, къ вопросу общему. Поясню это тебѣ примѣромъ. Тургеневъ былъ весьма плохъ во всѣхъ своихъ повѣстяхъ и сочиненіяхъ, покуда выражалъ самого себя или относился къ жизни только въ качествѣ присяжнаго литератора. Какъ скоро же онъ проникся искреннимъ, теплымъ сочувствіемъ къ народу, то обнаружилъ сильный талантъ, пишетъ не даромъ и не имѣетъ надобности спрашивать себя и другихъ, какъ одинъ мой знакомый въ одной своей повѣсти: «Господа, зачѣмъ мы всѣ пишемъ?» Точно также и Григоровичъ, отъ нѣкоторыхъ произведеній котораго вѣетъ искреннею любовью, задушевнымъ сочувствіемъ. Твой «Огненный змій» написанъ прекрасно, читается съ удовольствіемъ (особенно хорошо мѣсто, гдѣ выражается чувство дали и глуши), но тѣмъ не менѣе слышишь, что это произведеніе умнаго литератора, задавшаго себѣ работу обработать сюжетъ въ этомъ родѣ. Все зависитъ отъ отношенія автора къ своему произведенію. Вовсе не даю я тебѣ совѣта—писать непремѣнно въ «русскомъ» родѣ, брать непремѣнно содержаніе изъ простонароднаго быта. Самъ сдѣлайся другимъ человѣкомъ, и тогда уже будешь знать, откуда черпать содержаніе, что проповѣдывать людямъ, на что раскрывать имъ глаза, въ чемъ добиваться отъ нихъ сочувствія. Если я тебѣ указалъ на чтеніе Евангелія, то я вовсе не требовалъ отъ тебя, чтобы ты сталъ человѣкомъ вѣрующимъ. Этого требовать нельзя, да и кто «вѣрующій»? Но надобно однако же опредѣлить свои нравственныя понятія, различить самому себѣ добро и зло; надобно мнѣ знать въ состояніи ли ты напримѣръ зарѣзать человѣка, или нѣтъ,—и если не въ состояніи, то вслѣдствіе ли слабости духа, или нравственнаго принципа? Эта-то безнравственность, т. е. отсутствіе положительныхъ нравственныхъ основъ и убѣжденій (а не порочная наклонность) и слышится въ произведе-

ніяхъ, и она-то приводитъ читателя въ непріятное недоумѣніе. Думаю, что чтеніе Евангелія, возбуждая постоянно нравственные вопросы, заставитъ человѣка дать самому себѣ какой-нибудь положительный отвѣтъ на эти вопросы, и вотъ почему я присовѣтовалъ тебѣ это чтеніе. Не предполагалъ я также, чтобъ ты, благодаря этому чтенію, составилъ себѣ формальнымъ образомъ кодексъ нравственныхъ правилъ. Я имѣлъ въ виду болѣе непосредственное впечатлѣніе, производимое Евангеліемъ на самое художественное чувство читателя, благодѣяніе нравственной доктрины, которое невольно обдаетъ душу читающаго. А потому, если ты послѣдовалъ моему совѣту, или послѣдовалъ ему въ началѣ, потомъ отложилъ его въ сторону,—то совѣтую и теперь—продолжать чтеніе.

Что сказать тебѣ о себѣ. Совѣтовать вообще я гораздъ, но самъ не доволенъ ни собою, ни жизнью. Я, впрочемъ, добился, чего искалъ,—но теперь зима, слѣдовательно, путешествіе самое лишено пріятности; къ тому же я уже почти три недѣли сижу въ Харьковѣ и буду сидѣть еще до февраля, занимаясь своимъ порученіемъ,—дѣломъ довольно скучнымъ. Но лѣтомъ—думаю—много испытаю я наслажденій середи чудной малороссійской природы. Любопытно знать: скоро ли дойдетъ это письмо до Стерлитамака, и найдетъ ли оно еще тебя въ этомъ татарскомъ захолустьѣ! Мнѣ во всякомъ случаѣ отвѣчай въ Харьковъ. Если ты давно не получалъ писемъ изъ Ярославля, то скажу тебѣ, что Оболенскій переведенъ въ г. Калугу, что Унковскій еще прокурорствуетъ въ Ярославлѣ, что Стенбокъ на ревизіи въ Саратовской губерніи, что Хомутовъ правителемъ дѣлъ коммиссіи, учрежденной въ Ярославлѣ въ замѣнъ нашей, но непохожей на нашу. Прощай, любезный другъ Авдѣевъ, будь здоровъ, обнимаю тебя крѣпко, пиши ко мнѣ и выбирайся вонъ изъ этой глуши, гдѣ жить я никогда бы не согласился. Тургеневъ прощенъ и, я думаю, уже въ Петербургѣ. Твой Ив. Аксаковъ.

6.

Е. Вердеревскій—М. В. Авдѣеву.

6-го декабря 1854 г. Тифлисъ.

Письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, отъ 15-го ноября я получилъ 1-го декабря, и съ фельетономъ, который украситъ собою 96 № нашей газеты [1]). Я не ожидалъ отъ васъ такъ скоро исполненія нашего условія, предполагая, что фельетонная корреспонденція наша начнется только съ 1855 года,—что и было мною обѣщано подписчи-

[1]) Газеты „Кавказъ“.

камъ въ объявленіи. Но тѣмъ пріятнѣе подарокъ, чѣмъ онъ неожиданнѣе,—и мнѣ остается только благодарить васъ за поспѣшность. Вы просите со всею откровенностью сказать, доволенъ ли я содержаніемъ и объемомъ вашего перваго письма. Исполняю ваше требованіе. Объемъ его $3^1/_2$ листа, почти достаточенъ для нашего фельетона, такъ что еслибы еще $^1/_2$ листа,—то было бы и очень хорошо; надѣюсь, что это незначительное прибавленіе въ будущихъ вашихъ письмахъ не составитъ для васъ большаго затрудненія. Что касается до содержанія письма, то оно не все удовлетворяетъ требованіямъ закавказской публики. На Кавказѣ вообще жизнь крупная, явленія жизни—все болѣе или менѣе патетическія, самая шутка или веселость должны быть прямодушно размашистыя; дендизма здѣсь нѣтъ, а мелочными общественными забавами (les petits amusements de société) мы не занимаемся. Поэтому ваше объясненіе въ любви къ нашей публикѣ—намъ понравится; замѣтка объ упадкѣ моды на оперу тоже пройдетъ; замѣтки о литературѣ, въ концѣ письма,—туда и сюда; параллель между политическимъ любопытствомъ Москвы и Петербурга—очень хороша, но дагерротипъ и гальваническое освѣщеніе пройдутъ равнодушно; но отсутствіе политическаго элемента въ письмѣ—будетъ съ неудовольствіемъ замѣчено. Впрочемъ, не стѣсняйтесь моими замѣчаніями; пишите свои—какъ вздумаете, только не жалѣйте крупной соли, пишите, снявъ перчатки, а когда будете смѣяться или острить, смѣйтесь громче и острите, не боясь, что кто-нибудь замѣтитъ: «это ужъ слишкомъ»! Здѣсь край еще первоначальный, и то, что показалось бы outré въ Петербургской газетѣ,—здѣсь возбудитъ восторгъ. Мы здѣсь всѣ деремся или работаемъ; въ обоихъ случаяхъ часто утомляемся, а утомленному человѣку до тонкостей ли элегантнаго разсказа, въ которомъ, чтобы уловить хитро-прикрытую соль, нужно снова напрягать свои силы, т. е. снова утомляться? Я думаю, что вообще это примѣняется ко всей провинціальной массѣ читаемаго (читающаго) русскаго міра [1]), и что поэтому-то крупныя гротески Ѳ. Булгарина находятъ себѣ такъ много постоянныхъ читателей. Но здѣсь, на Кавказѣ, рѣшительный и смѣлый тонъ, какъ кавалерійская атака, или веселый, какъ погоня за разстроеннымъ и бѣгущимъ непріятелемъ,—въ особенности вкушается. Не знаю, успѣлъ ли я выразить вамъ мою мысль. Но распространяться о ней больше не стану, чтобы не наскучить вамъ теперь и не стѣснить васъ впослѣдствіи. Въ одной фразѣ скажу: сюжеты выбирать должно порельефнѣе, а если не наберется рельефныхъ сюжетовъ, такъ выѣзжать на стилистикѣ.

---

[1]) Только по другимъ причинамъ.

Примѣч. Вердеревскаго.

Чтобы вы не прогнѣвались за неисполненіе одного вашего требованія,—исполняю, хоть и не вполнѣ, второе. Посылаю вамъ вмѣсто 100 рублей только 50. Это, во-первыхъ, потому, что подписка до сихъ поръ у насъ идетъ медленно, отъ этого же года денегъ у насъ весьма мало въ остаткѣ; а во-вторыхъ, потому, что на высылку болѣе значительныхъ суммъ впередъ я не получилъ разрѣшенія: вы вѣдь знаете, что я въ прямой зависимости отъ начальства канцеляріи намѣстника кавказскаго. Во всякомъ случаѣ трудъ вашъ обезпеченъ за два письма. Мысль ваша посылать письма каждое 15 число мѣсяца—очень хороша. За постоянное и аккуратное вознагражденіе вашего сотрудничества будьте совершенно спокойны.

Книги ваши отъ Исакова я на коммиссію принять готовъ; только думаю, что 20 экз. будетъ здѣсь достаточно; при томъ же менѣе 15% за коммиссію я взять не могу. Помочь ему въ дѣлѣ съ моимъ предшественникомъ, Сливицкимъ, я не могу потому, что онъ получаетъ 500 р. жалованья, изъ которыхъ третья часть по закону вычитается на уплату долга въ 5.000 рублей. По полученіи вашихъ сочиненій постараемся, по мѣрѣ силъ, безъ лицепріятія расхвалить ихъ. Объявленіе объ изданіи г-мъ Аксаковымъ сочиненій Пушкина я въ «Кавказѣ» напечатать не могу до тѣхъ поръ, пока г. Аксаковъ не извѣститъ меня, что онъ уступаетъ мнѣ не 10% (какъ вы пишете), а 15% [1]), и при томъ на его же счетъ пересылка книгъ до Тифлиса; за меньшія условія я никакихъ коммиссій не принимаю, потому, что дорого обходится мнѣ разсылка книгъ по почтѣ въ закавказскія провинціи. И такъ, я жду увѣдомленія г. издателя и долгомъ считаю завѣрить его, что сочиненія Пушкина, если будутъ здѣсь продаваться не дороже того, какъ въ Петербургѣ,—могутъ имѣть большое число покупщиковъ: здѣсь множество полковыхъ, баталіонныхъ и батарейныхъ библіотекъ, а еще болѣе скучающаго и читающаго народа въ отрядахъ и крѣпостяхъ.

Двѣ-три грузинскія пѣсенки постараюсь вамъ доставить. Гр. Соллогубъ не написалъ для васъ ничего; но я напомню ему объ обѣщаніи, данномъ вамъ. Онъ теперь сильно корпитъ надъ сочиненіемъ исторіи нынѣшней войны за Кавказомъ. Въ февралѣ собирается въ Петербургъ для представленія перваго тома на высочайшее благоусмотрѣніе. Берже [2]) до земли вамъ кланяется и напоминаетъ о Казембекѣ. Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе. Примите привѣтъ и отъ вашего преданнаго Е. Вердеревскаго.

---

[1]) Эта цѣна весьма благоразумна, если взять въ соображеніе, что книгопродавцы берутъ не меньше 20%.

[2]) Адольфъ Петровичъ Берже—издатель актовъ Кавказской археографической коммиссіи.

P. S. Пишите ваши письма на почтовыхъ листкахъ бумаги, для того, чтобы они были легче и не попадали на тяжелую почту, которая ходитъ отъ Петербурга до Тифлиса два мѣсяца. Втораго вашего письма жду никакъ не позже новаго года.

Еще покорнѣйшая просьба: доставлять ваши письма перебѣлеными. Вы не повѣрите, какой трудъ не только для наборщиковъ, но и для всей редакціи—разбирать ихъ.

Если г. Аксаковъ не согласится на мои условія, а захочетъ только, чтобы было напечатано въ «Кавказѣ» его объявленіе, въ такомъ случаѣ пусть вышлетъ по $^1/_4$ коп. съ каждой буквы объявленія; по $^1/_2$—за два раза, по $^3/_4$—за три и т. д. Если же мы сойдемся, то на первый разъ можно мнѣ выслать экземпляровъ 15 или 20 независимо отъ хода подписки.

7.

Е. Вердеревскій—М. В. Авдѣеву.

12-го января 1855 г. Тифлисъ.

Вчера я получилъ, любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ, 2-е письмо ваше для фельетона «Кавказа», которое напечатано въ сегодняшнемъ № его, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ удовольствіе получить и то ваше посланіе, которое вы написали собственно ко мнѣ. На послѣднее спѣшу отвѣтить вамъ. Прежде всего—посылаю къ вамъ 50 рублей за будущія два письма въ «Кавказъ», т. е. за 3-е и за 4-е, обѣщаемыя вами, до отъѣзда вашего изъ Петербурга. Надѣюсь, что это письмо и деньги застанутъ еще васъ тамъ, хотя, правду сказать, почты у насъ теперь ходятъ съ величайшею неаккуратностію по случаю огромныхъ снѣговъ и заваловъ на Военно-Грузинской дорогѣ.

Хотя вы и говорите, что съ благодарностію примете продолженіе моихъ замѣчаній на ваши фельетоны, тѣмъ не менѣе, я, однако, не рѣшаюсь повторять ихъ потому, что все содержаніе и въ особенности тонъ вашего отвѣта на первыя мои замѣчанія, значительно отзываются неудовольствіемъ. Въ доказательство приведу только двѣ фразы изъ многихъ подобныхъ: «мнѣ кажется, что вы ошиблись, выбравъ меня своимъ корреспондентомъ»... и далѣе: «себя мнѣ трудно передѣлать»... Позвольте мнѣ думать, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, что это маленькое раздраженіе есть только слѣдствіе неохоты или лѣни заниматься пустымъ и заказнымъ дѣломъ въ такое время, когда у васъ, можетъ быть, куча другихъ, болѣе серьезныхъ хлопотъ. Въ этомъ убѣждаетъ меня еще и то, что вы такъ рано заговорили о прекращеніи ва-

шего сотрудничества, подъ предлогомъ вашего отъѣзда въ деревню [1].. Ну что же! Богъ съ вами,—не смѣю и не буду стѣснять васъ никакими притязаніями; хотите,—мы рады; лѣнь,—мы пожалѣемъ и покоримся. Въ редакторствѣ моемъ я не дошелъ еще до той точки душевнаго замерзанія, съ которой собратіи мои смотрятъ на сотрудниковъ, какъ на орудія своихъ выгодъ. Пусть лучше потерпитъ мое изданіе, чѣмъ русская словесность потеряетъ одно изъ вашихъ созданій, которому родиться можетъ помѣшать какая-нибудь вздорная статейка для провинціальнаго фельетона!.. [2]).

И такъ—все да будетъ въ волѣ вашей.

Хотѣлъ, но забылъ, позволить себѣ еще одно необходимое замѣчаніе. Второе письмо ваше заняло еще менѣе мѣста въ фельетонѣ, чѣмъ первое, и насчетъ размѣра писемъ я уже къ вамъ писалъ...

Очень сожалѣю, что я имѣлъ несчастіе подвергнуться недовѣрію г. Исакова за грѣхи моего предмѣстника. Впрочемъ, сочиненія ваши надняхъ присланы мнѣ книгопродавцемъ Печаткинымъ и довольно хорошо продаются здѣсь по 3 р. 50 к. Отъ г. Аксакова я не получилъ никакого вызова насчетъ коммиссіонерства по его изданію Пушкина. Будьте же такъ добры, пришлите мнѣ его адресъ.

Гр. Соллогубу и Берже переданы ваши привѣтствія.

За симъ поздравляю васъ съ новымъ годомъ, который да будетъ для васъ новымъ шагомъ къ успѣхамъ всякаго рода. Это самое искреннѣйшее желаніе вамъ преданнаго Е. Вердеревскаго.

Жена моя свидѣтельствуетъ вамъ искреннее почтеніе и признательность за память о ней.

P. S. Нельзя ли приноровить слѣдующія два письма такъ, чтобы они получились здѣсь около первыхъ чиселъ слѣдующаго мѣсяца?

8.

А. Дружининъ—М. В. Авдѣеву.

25-го апрѣля 1856 г. Спб.

Милостивый государь и почтеннѣйшій товарищъ Михаилъ Васильевичъ. Поздравляю васъ съ окончаніемъ вашихъ воинскихъ трудовъ и съ вожделѣннымъ возвращеніемъ къ трудамъ другаго рода. О вашихъ дѣяніяхъ по ополченной части я довольно часто имѣлъ извѣстія отъ

---

[1]) Предлогъ, впрочемъ довольно уважительный, потому, что трудно петербургскія письма писать изъ Оренбургской губерніи.

Примѣч. Вердеревскаго.

[2]) Здѣсь и далѣе точки въ подлинникѣ.

Краевскаго [1]), но теперь совершенно не знаю, гдѣ найдетъ васъ письмо это. А желательно было бы, чтобъ оно дошло къ вамъ скорѣе, потому что я пишу его съ своекорыстною цѣлью и передаю вамъ одну покорнѣйшую просьбу отъ своей персоны.

Въ началѣ этого мѣсяца, вслѣдствіе сильнаго движенія по литературной части, у насъ возгорѣвшагося—издатели журнала «Библіотеки для чтенія», столько лѣтъ умиравшаго и все еще не погибшаго, предложили мнѣ быть редакторомъ этого изданія, съ совершеннымъ полновластіемъ и уничтоженіемъ вліянія тѣхъ лицъ, которыя до сихъ поръ вредили его ходу. Я принялъ предложеніе: во-первыхъ, потому что «Библіотека» имѣетъ 2.000 подписчиковъ, стало быть жива еще, а во-вторыхъ потому, что вижу возможность подѣйствовать къ установленію у насъ еще одного журнала съ честнымъ, благопристойнымъ и совершенно независимымъ направленіемъ. Трудъ мой начнется съ осени, всѣ литераторы, до сихъ поръ избѣгавшіе сношеній съ «Библіотекой для чтенія», изъявляютъ охоту быть моими помощниками, совѣтниками и сотрудниками.

Позвольте надѣяться, многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ, что вы не откажете мнѣ въ дружескомъ пособіи съ вашей стороны. Не одного случайнаго сотрудничества, но дружескаго и товарищескаго содѣйствія рѣшаюсь я просить у васъ, и мнѣ было бы чрезвычайно пріятно думать, что судьба дѣла, мною предпринятаго, васъ заинтересуетъ хотя немного. Чѣмъ болѣе вашихъ вещей вы мнѣ доставите къ осени и зимѣ, тѣмъ благодарнѣе я вамъ буду. — Цѣну статьямъ назначайте сами, за исправность и скорость разсчетовъ я могу ручаться съ полной увѣренностью. Не одни большія произведенія, но и всѣ сценки, этюды, путевые очерки, отрывки, мелкіе эпизоды, все, что будетъ вамъ угодно набросать и подарить намъ,—обрадуютъ меня чрезвычайно. Съ отдѣломъ изящной словесности у меня на первое время будетъ много хлопотъ, тѣмъ болѣе я прошу васъ не отказать въ вашей помощи и вниманіи для того, чтобъ двинуть все дѣло. Позвольте же мнѣ еще разъ поручить судьбы мои и «Библіотеки» вашимъ пріятельскимъ чувствамъ и надѣяться хотя небольшаго отвѣта на настоящее письмо. Адресъ мой: на Васильевскомъ островѣ, въ 7-ой линіи, домъ Капгера.

Желая вамъ добраго здоровья и всего лучшаго въ жизни имѣю честь быть душевно преданнѣйшимъ и покорнымъ слугою А. Дружининъ.

---

[1]) Андрей Александровичъ Краевскій, издатель „Отечественныхъ Записокъ".

9.

А. Дружининъ—М. В. Авдѣеву.

17-го октября (1856). Спб.

Дорогой и почтеннѣйшій другъ Михаилъ Васильевичъ. Душевно благодарю васъ за статью вашу, она будетъ напечатана въ слѣдующей или въ декабрьской книжкѣ, и деньги за нее будутъ высланы въ Стерлитамакъ, куда я уже приказалъ вамъ доставлять «Библіотеку для чтенія». Цѣну за листъ я предлагаю, если оно вамъ будетъ удобно, по 75 р. сер. и то только до той поры, пока возвышеніе подписки не позволитъ мнѣ приступить къ значительному возвышенію платы главнымъ сотрудникамъ. Возвышеніе цѣнъ на литературную собственность для меня есть важная задача, къ которой долженъ идти всякій журналъ. Это не пустая фраза съ моей стороны, ибо я самъ слишкомъ долго былъ сотрудникомъ, и ходъ моихъ дѣлъ много зависѣлъ отъ литературы. Сверхъ того, если «Библіотека» пойдетъ хорошо и станетъ давать доходъ (теперь, при ея средствахъ, она едва покрываетъ издержки изданія), самый ея успѣхъ поставитъ редакцію въ необходимость прочнымъ образомъ отблагодарить всѣхъ тѣхъ, кто по своей добротѣ и желанію добра дали ей coup d'épaule, такъ важные въ первое время. А въ этомъ отношеніи я болѣе чѣмъ счастливъ, никогда мнѣ не было еще такъ весело быть русскимъ писателемъ и членомъ нашего литературнаго круга. Матеріаломъ я очень богатъ и даже отъ своихъ конкурентовъ по журналистикѣ вижу помощь и радушіе.

Позвольте просить васъ, любезнѣйшій другъ Михаилъ Васильевичъ, и дальнѣйшаго дѣятельнаго участія въ судьбахъ «Библіотеки для чтенія». Чѣмъ ранѣе вы пришлете мнѣ слѣдующую вещь вашу, тѣмъ будетъ лучше,—а у меня она не залежится, потому что вашимъ трудамъ, какъ городничему въ «Мертвыхъ душахъ», всегда и вездѣ есть мѣсто готовое. Вы живете въ любопытномъ краѣ, въ послѣднее время вы столько странствовали и видѣли, что даже въ минуты самаго непоэтическаго расположенія можете безъ труда набросать статейку въ повѣствовательномъ родѣ, картинку нравовъ и такъ далѣе. Посвящая хорошія минуты трудамъ серьезнымъ, вы еще имѣете ту выгоду, что у васъ не будутъ пропадать и минуты, безплодныя для творчества. А ваше имя здѣсь любимо, и ваша манера разсказа способна оживить всякую прозу жизни. Не забывайте же меня, дорогой Михаилъ Васильевичъ, и еще при случаѣ сообщайте ваши замѣчанія по ходу журнала. Я всѣми мѣрами стараюсь, чтобъ мой журналъ не былъ голосомъ одного лица, а по возможности представлялъ судъ и мнѣніе цѣлаго круга литераторовъ. Еслибъ

вы были отъ насъ поближе, я бы попытался втянуть васъ въ составъ редакціи, теперь же только приходится пользоваться совѣтами и указаніями издалека.

Что дѣлаетъ Михайловъ? Я не писалъ къ нему, ибо знаю, что здѣсь его поджидаютъ. Будьте здоровы, обнимаю васъ, душевно преданный А. Дружининъ.

P. S. Сейчасъ получилъ вашу записочку изъ Нижняго и статьи. Я думаю дать замѣткамъ путевымъ какое-нибудь другое заглавіе и иныя мѣста перифразировать, ибо у меня цензоромъ Фрейгангъ, хотя значительно умягченный ходомъ дѣлъ въ настоящую годину. Будьте здоровы и не забывайте вашего А. Д. О высылкѣ вамъ «Библіотеки для чтенія» я распорядился.

10.

Я. П. Полонскій—М. В. Авдѣеву.

17-го октября 1857 г. Женева.

Получилъ нынче утромъ депешу, завтра утромъ рано пошлю на почту—стихотвореніе Некрасова, ибо для колоніи все равно — прочтетъ ли она эти стихи нынче или завтра.—Всѣмъ усердно кланяюсь.

Смирнова еще не уѣхала—спрашивала меня: что же письмо отъ графа Саліаса? я сказалъ: Дружининъ опять отвезъ его назадъ въ Веве, тѣмъ разговоръ о письмѣ и кончился.

Получилъ письмо отъ Майкова.—Пишетъ, что Михайловъ боленъ въ Лисинѣ и что въ одну прекрасную ночь онъ сочинилъ десять плановъ для десяти романовъ.—Майковъ издаетъ полное собраніе своихъ сочиненій. Кажется, Кушелевъ покупаетъ у него это собраніе за 2000 р. сер. Писемскій кончилъ романъ свой «1.000 душъ». Гончаровъ дописалъ романъ «Сонъ Обломова».

Въ будущемъ году готовится къ изданію 17 литературныхъ журналовъ (разумѣется, со включеніемъ существующихъ).

Дружининъ боленъ и на строгой діэтѣ. Журналы къ зимѣ начинаютъ зацвѣтать—вотъ и всѣ новости.

Кланяйтесь графу Саліасу и пожалуйста пришлите стихотвореніе Некрасова, если не успѣете переслать съ графиней, то обратно пришлите по почтѣ, врядъ ли вы его разберете.

Въ октябрѣ графиня Саліасъ была здѣсь — вчера у меня былъ Ѳеоктистовъ. Напишите мнѣ мнѣніе ваше и всей компаніи о стихотвореніи Некрасова.

11.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

15-го марта 1860 г. Вторникъ.

Любезный Михаихъ Васильевичъ, большинство членовъ нашего комитета рѣшило во вчерашнемъ засѣданіи—послѣ долгихъ соображеній, что чтенія не будетъ—о чемъ считаю долгомъ извѣстить васъ сегодня же.

Дружески жму вамъ руку и благодарю за высказанную готовность помогать намъ—остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

12.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

6-го ноября 1862 г. Спб.

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ! Видѣлъ я ваше письмо къ Давыдову и отвѣчаю на нѣкоторые вопросы. Я въ Петербургѣ. «Современникъ» съ февраля 1863 года будетъ издаваться; подробности прочтете въ объявленіи, которое надѣюсь скоро выпустить.

Романъ «Подводный камень» до сей поры я не отпечаталъ, по разнымъ причинамъ, которыя долго и безполезно было бы излагать.

Теперь вскорѣ его отпечатаю. Я разсчитываю на ваше сотрудничество и усердно прошу объ ономъ. Въ условіяхъ денежныхъ, надѣюсь, сойдемся.

Будьте здоровы и духомъ бодры. Душевно преданный вамъ Н. Некрасовъ.

Увѣдомьте, нѣтъ ли чего написаннаго или приходящаго къ концу.

13.

Н. Некрасовъ—М. В. Авдѣеву.

8-го февраля 1863 г. Спб.

Любезнѣйшій Михаилъ Васильевичъ! Получилъ ваше письмо. Согласиться на ваше условіе покуда не могу; буду ли въ состояніи, покажетъ время. Во всякомъ случаѣ благодаренъ вамъ за деликатное предоставленіе на мою волю объявлять или нѣтъ, что романъ вашъ у насъ не будетъ. Думаю промолчать.

Второй вопросъ: объ отрывкѣ изъ комедіи: вы правы, онъ очень малъ и не достаточно значителенъ; думаю, для васъ самихъ, послѣ долгаго молчанія, лучше будетъ явиться съ чѣмъ-нибудь покапитальнѣе. Оставить ли мнѣ его до времени у себя или отослать къ вамъ, жду вашего увѣдомленія.

Третій вопросъ: о «Подводномъ камнѣ». Вы правы, я виноватъ, что не выпустилъ его прошлаго года: этимъ только я повредилъ вамъ въ денежномъ отношеніи. Впрочемъ, я бралъ романъ не изъ барышей: дѣло было только въ томъ, чтобъ дать денегъ извѣстному лицу, когда онѣ были ему нужны. Я печатаю «Подводнаго камня» 2.000 экз. какъ условился съ продавцомъ его (изданіе будетъ хорошее и скоро выйдетъ). Какъ только выручу издержки за изданіе и мои 500 рублей, изъ остальнога значительную часть предоставлю вамъ; это было мое намѣреніе и тогда, какъ я бралъ его. Я не барышничаю этими вещами.

У насъ въ Петербургѣ особеннаго ничего не происходитъ, а что дѣлается въ литературѣ, вы видите изъ журналовъ; чего тамъ недоставало, то теперь увидите изъ «Современника», который на-дняхъ вышелъ и пошлется къ вамъ (о чемъ я распорядился, сочтемся со временемъ). Будьте здоровы и легко несите тяготу свою. Искренно вамъ преданный Н. Некрасовъ.

14.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

18-го февраля 1866 г.
Баденъ-Баденъ Schillerstrasse, 277.

Любезнѣйшій Авдѣевъ.

Если я не тотчасъ отвѣчалъ вамъ—причиной тому было довольно непріятное для меня обстоятельство; а именно: у меня сдѣлалось воспаленіе въ одной изъ мышцъ лѣвой руки, принявшее подъ конецъ такіе размѣры, что вотъ уже двѣ недѣли, какъ я принужденъ каждыя десять минутъ прикладывать къ лѣвой рукѣ холодныя примочки; владѣть я ею не въ состояніи. Это очень непріятно и скучно—и хотя мнѣ теперь легче, но конецъ не скоро предвидится. Эти болѣзни очень рѣдки, но за то очень упорны. Счастье еще, что эта пакость не случилась во время охоты, хотя она уже тогда начиналась. Я очень радъ, что книга Кинé вамъ окончательно понравилась: она со всѣми недостатками принадлежитъ къ числу немногихъ книгъ, изъ которыхъ можно научиться, а самые эти недостатки подобны неправильностямъ въ живомъ человѣческомъ лицѣ. Эта книга живая, въ ней изложено цѣлое существованіе

со всѣми его противорѣчіями, горечью и мудростью, добытой не однимъ личнымъ опытомъ.

Говорятъ, у васъ отъ розъ прохода нѣтъ и всѣ покрыты анемонами. Здѣсь тоже совсѣмъ зимы не было, но отъ этого намъ не легче: дождикъ льетъ съ утра до вечера и небо имѣетъ видъ мокраго утиральника. Работа моя, по милости руки, остановилась: невозможно за нее приняться, когда приходится вскакивать каждыя 10 минутъ. Вслѣдствіе этого жизнь проходитъ довольно однообразно: я много читаю, играю въ шахматы. Изъ Россіи по временамъ доходятъ унылые вопли, особенно письма изъ деревни отличаются мрачнымъ колоритомъ. Постройка подвигается не спѣша; въ саду я насадилъ много деревьевъ,—вотъ пока и все.

Я ѣздилъ на консультацію съ Фридрейхомъ (знаменитымъ докторомъ) въ Гейдельбергъ; видѣлъ тамъ кое-какихъ русскихъ. И они всѣ опустивши хвосты ходятъ: молодые герои, на которыхъ они надѣялись, какъ на каменную стѣну, оказались весьма обыкновенными колпаками, и «Московскія Вѣдомости» торжествуютъ и царятъ во всю длину и ширину нашей эпохи.

Я помню Никитина съ Рима (я передъ этимъ встрѣтилъ его на берегахъ Рейна). Поклонитесь ему отъ меня и благодарите за память: ну, а что до искусства, то, я думаю, онъ, какъ деревья, перешелъ уже періодъ растенія.

Такъ какъ вы желаете знать, что̀ именно я придумываю, то скажу вамъ, что я затѣялъ романъ—въ продолженіе моихъ прежнихъ; только не знаю, что выйдетъ изъ этого: задача трудная по своей сложности и неопредѣленности, а собственный жаръ охладѣлъ—пожалуй, что такъ называемый талантъ оскудѣлъ. Поживемъ—увидимъ.

За симъ дружески жму вамъ руку и желаю всего хорошаго, начиная съ полнаго возстановленія здоровья. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

15.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

1-го (13-го) марта 1866 г.
Баденъ-Баденъ, Schillerstrasse 277.

Любезнѣйшій Авдѣевъ. Въ отвѣтъ на ваше письмецо желаю вамъ терпѣнья, которое особенно необходимо при настоящей скверной погодѣ (сегодня ни дать ни взять, Петербургъ, такъ и вѣетъ екатерингофскимъ гуляньемъ); а скука не бѣда: при лѣченіи она даже очень полезна. Коммиссіи я вашей не исполнилъ: на почтѣ было одно письмо

на ваше имя, и оно отправлено въ Баденъ. Съ Ковалевскимъ и Жемчужниковымъ я обѣдаю сегодня; сей послѣднiй уѣзжаетъ послѣ завтра, и я ему сообщилъ вашу просьбу о телеграфѣ. Изъ Россiи же собственно новыхъ новостей нѣтъ. Коммиссiя подъ предсѣдательствомъ Муравьева молчитъ упорно, и лира Некрасова прiуныла, но она еще возгремитъ! Очень было бы любопытно посмотрѣть долженствующiй выдти на-дняхъ № «Современника».

Здѣсь уже не берутъ прусскихъ талеровъ; война надвигается какъ туча—виситъ прямо надъ головою, ужъ поскорѣй бы!

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» нѣтъ продолженiя «Преступленiя и наказанiя», но есть продолженiе толстовскаго романа: слабо, мелко и скучно. Онъ тянетъ какую-то несвойственную ему ноту.

Пришлите вашъ адресъ въ Соденъ, такъ, чтобы я могъ себѣ представить, гдѣ вы обрѣтаетесь. Соденъ я хорошо знаю, проживъ въ немъ около 6 недѣль.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

16.

И. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

25-го января (6-го февраля) 1867 г. Баденъ-Баденъ.

Дней десять тому назадъ, получилъ я ваше письмо, любезнѣйшiй Авдѣевъ, а самъ не тотчасъ отвѣтилъ вамъ, то причиною былъ тому припадокъ подагры; да, батюшка, дѣйствительной, несомнѣнной подагры, которая лихо меня встряхнула. Я до сихъ поръ почти что не владѣю лѣвой ногой и безъ палки шагу ступить не могу. Штука невеселая—да дѣлать нечего—впереди, пожалуй, еще хуже могутъ произойти сюрпризы; слѣдовательно, распространяться объ этомъ безполезно, а нужно запастись терпѣнiемъ, что я и дѣлаю.

Жемчужниковъ Алексѣй здѣсь съ женой, которая должна въ скоромъ времени родить: онъ остается здѣсь совсѣмъ и живетъ въ Zähringer Hof. Я ему сообщилъ ваше письмо; но, кажется, онъ охладѣлъ къ мысли основать журналъ; во всякомъ случаѣ онъ чувствуетъ себя неспособнымъ на редакторское дѣло. Впрочемъ, напишите ему.

Я думаю черезъ недѣлю выѣхать отсюда въ Россiю; буду въ Петербургѣ, Москвѣ, въ деревнѣ: не столкнемся ли мы гдѣ-нибудь? Я везу Каткову для «Русскаго Вѣстника» оконченный мною романъ, который, вѣроятно, помѣстятъ въ февральскомъ номерѣ. Всего я полагаю остаться въ Россiи два мѣсяца, а къ веснѣ опять сюда, въ новый свой домъ. Романъ мой озаглавленъ: «Дымъ», можетъ быть, заглавiе это перемѣ-

нится и написано въ новомъ для меня родѣ. Посмотримъ, что скажетъ публика и не найдетъ ли она, что я уже слишкомъ устарѣлъ, чтобы забавлять ее. Я было совсѣмъ бросилъ литературу, да видно, это въ родѣ запоя, при чемъ есть матеріальные поводы къ возобновленію этой дѣятельности.

Я около трехъ лѣтъ не былъ въ Россіи (поѣздку въ деревню въ 1865 году не считаю), и она мнѣ представляется чѣмъ-то новымъ и почти незнакомымъ. И въ литературѣ тоже я какъ чужой. По временамъ, я повторяю самому себѣ: господа Ганъ (?) и Мессарошъ (?!?) [1]) издаютъ журналъ «Всемірный Трудъ и Женское Дѣло»—и ничего не постигаю. А вотъ увидимъ, постараемся вникнуть.

А вы напрасно бросили начатый вами трудъ; въ нашемъ званіи, да и во всякомъ, никогда не должно самому забѣгать впередъ съ своей отставкой; когда время придетъ, и безъ насъ намъ пропишутъ.

Будьте здоровы, дружески жму вашу руку. Въ Петербургѣ мой адресъ: на Караванной, № 14, у В. П. Боткина.

Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

17.

Ив. С. Тургеневъ—М. В. Авдѣеву.

30-го марта 1867 г., четвергъ. Москва, на Пречистенскомъ бульварѣ, въ д. Удѣльной конторы.

Я давно получилъ ваше письмо, любезнѣйшій Авдѣевъ, да до сихъ поръ не улучилъ времени отвѣчать вамъ. Вотъ уже пять сутокъ, какъ я въ Россіи, но столько хлопотъ было у меня, столько литературныхъ, издательскихъ и прочихъ дѣлъ, что сказать нельзя. А къ тому же болѣзнь меня припекала: нога раза два сильнѣйшимъ образомъ разбаливалась, а въ Москвѣ я схватилъ гриппъ, который помѣшалъ мнѣ съѣздить въ деревню, гдѣ мое присутствіе было тоже необходимо. Я печаталъ повѣсть, продавалъ новое изданіе своихъ сочиненій, читалъ публично въ пользу галичанъ, читалъ приватно, писалъ довѣренности, контракты (я нанялъ новаго управляющаго),—словомъ, дѣятельность моя меня самого удивляетъ.—Теперь это все угомонилось, и я ѣду завтра въ Петербургъ, а оттуда самымъ живымъ манеромъ къ себѣ въ Баденъ, въ милый Баденъ, о которомъ я охаю и вздыхаю, явно и тайно, каждый день.

Что мнѣ вамъ сказать о томъ калейдоскопѣ, который въ теченіе

---

[1]) Вопросительные и восклицательные знаки поставлены самимъ И. С. Тургеневымъ.

этихъ пяти недѣль вертится у меня передъ глазами? Надо было быть великимъ философомъ, чтобы резюмировать это въ нѣсколькихъ словахъ. Явно одно: отъ литературно-эстетическаго берега наше общество отстало, а къ политическому еще не пристало... тутъ и плыви по серединѣ. Больше всего занимаютъ теперь вопросы юридическіе и финансовые: даже вороны на крышахъ трактуютъ о желѣзныхъ дорогахъ, и дѣльцы умѣлые большія деньги препровождаютъ себѣ въ карманъ. Основать теперь журналъ дѣло мудреное; да и къ тому же мы, русскіе, вообще не одарены необходимымъ къ такому дѣлу темпераментомъ: не знаю, какъ вы. Жемчужникову такъ, кажется, нравится въ Баденѣ, что онъ оттуда не выѣдетъ. Да и правду говоря—кому охота? Тамъ теперь весна въ полномъ расцвѣтѣ, трава уже въ полъ-аршина, а здѣсь еще вчера снѣговая метель, пурга, вѣтеръ воетъ и ноетъ,—глухая зима!

Повѣсть моя уже набрана, и я продержалъ корректуру, она появится въ мартовской книжкѣ, но, вѣроятно, не раньше конца апрѣля. Какъ-то она вамъ покажется? Бранить будутъ, безъ этого нельзя, а только я добросовѣстно надъ ней потрудился. Редакторская цензура кое-что урѣзала.

Я все не теряю надежды увидѣть васъ въ Баденѣ. Право, пріѣзжайте: дѣло хорошее. Надѣюсь, что вы продолжали, а можетъ быть, даже окончили свой романъ. Съ «Русскимъ Вѣстникомъ» все-таки лучше всего имѣть дѣло; онъ хорошо платитъ по крайней мѣрѣ; а петербургскіе теперешніе журналы все больше на фуфу. Проѣздомъ черезъ Петербургъ я видѣлъ нѣкоторыхъ тамошнихъ литераторовъ, былъ у Полонскаго, который опять женился и милъ по-прежнему. Писаревъ, великій Писаревъ, бывшій критикъ «Русскаго Слова», зашелъ ко мнѣ и оказался человѣкомъ вполнѣ не глупымъ и который еще можетъ выработаться: а главное—il a l'air d'un enfant de bonne maison, какъ говорится; ручки имѣетъ прекрасныя, а ногти—слѣдующей длины: ____________________), что для нигилиста нѣсколько странно. Журналъ, въ которомъ онъ участвуетъ, «Дѣло», находится подъ цензурой... Можно себѣ представить, какъ это успокоительно.

Ну, а теперь прощайте; жму вамъ дружески руку и желаю всего хорошаго. Преданный вамъ Ив. Тургеневъ.

18.

Я. П. Полонскій—М. В. Авдѣеву.

(1867?).

Многоуважаемый Михаилъ Васильевичъ. Простите великодушно, что не тотчасъ же отвѣчалъ вамъ на ваше письмо. Былъ въ большихъ

хлопотахъ, жена была больна, а теперь, когда ей лучше, надо было искать дачи, дачи, дачи! Такъ душно въ Питерѣ, и я такъ вамъ завидую! Вы слушаете соловья, вы дышите степнымъ воздухомъ, на вашихъ плечахъ нѣтъ семейныхъ мелочныхъ заботъ... Впрочемъ, видно, вездѣ тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ и, можетъ быть, на вашемъ мѣстѣ, я точно также страдалъ бы и порывался бы dahin, dahin!—туда, гдѣ нѣтъ соловья, а есть Некрасовъ, гдѣ нѣтъ степей, а есть журналы, гдѣ нѣтъ такихъ друзей, которымъ писать издалека есть время и гдѣ посѣщать ихъ положительно нѣту времени, гдѣ есть вопіющія насущныя потребности и гдѣ самыя воспоминанія являются въ какомъ-то отрывочномъ не связномъ видѣ, а будущее кажется чѣмъ-то невозможнымъ.

На костыляхъ я хожу, потому, что колѣно моей ноги въ гипсовой повязкѣ, а въ повязкѣ оно оттого, что въ суставѣ сдѣлался экcудатъ (т. е. вода), а эксудатъ оттого, что было воспаленіе, а почему сдѣлалось воспаленіе, этого, признаюсь, я самъ не знаю. Просто, должно быть, отрыгнулась старая болѣзнь.

Съ Некрасовымъ я хотѣлъ поговорить о васъ, но, заставъ его въ такомъ мрачномъ, непривѣтливомъ настроеніи духа, что тотчасъ же хотѣлъ уйти, ему стало совѣстно, и онъ сказалъ, что никого не принимаетъ потому, что пишетъ, что самый порядокъ разума его отъ этого нарушенъ, что онъ не знаетъ, когда онъ будетъ обѣдать, когда пойдетъ гулять или спать ляжетъ. Чтобы ничѣмъ его не тревожить, я скоро удалился и, признаюсь, удалился съ тяжелымъ чувствомъ. Мнѣ такъ и казалось, что вслѣдъ за мной раздалась его желчная воркотня.

Недавно слышалъ я, кажется, отъ князя Вяземскаго, что Некрасовъ проигралъ 20.000, можетъ быть, и вздоръ, а можетъ быть и правда.

На-дняхъ заѣду опять съ вашимъ письмомъ къ нашему литературному Клефту Некрасову, авось застану; говорю «авось», потому что кто же можетъ знать, гдѣ сей Клефтъ, можетъ быть, убиваетъ медвѣдя, а можетъ быть у себя въ деревнѣ, на винокуренномъ заводѣ, сатиры пишетъ.

Но какъ мнѣ помочь вамъ съ вашей комедіей, не пропущенной четырьмя цензорами, это, признаюсь вамъ, задача.

Во-первыхъ, мнѣ всегда очень досадно, когда такіе близкіе по душѣ люди, какъ вы, воображаютъ, что я ближе къ цензурному вѣдомству, чѣмъ кто-нибудь. Повѣрьте, что я дальше, чѣмъ вы. Вы разговаривали съ Лонгиновымъ, я же съ тѣхъ поръ, какъ былъ онъ во главѣ, ни единаго словечка не сказалъ ему, даже видѣлъ его разъ поневолѣ. Съ Григорьевымъ вы знакомы и можете по пріѣздѣ въ Питеръ навѣстить его, какъ равный равнаго, я же не знакомлюсь съ нимъ и не познакомлюсь до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ моимъ начальникомъ. Я потому

только цензоръ, что на моемъ столѣ куча англійскихъ журналовъ, которые знакомятъ меня съ потокомъ европейской мысли, и гдѣ я раза три въ годъ отмѣчу какое-нибудь неприличное или скандальное мѣсто о нашихъ великихъ міра сего. Однимъ словомъ, дальше моего письменнаго стола и не простирается мое вліяніе.

Сами научите меня, какъ мнѣ воскресить вашу комедію, которой заглавіе вы въ одномъ мѣстѣ забыли, а въ другомъ мѣстѣ называете ее такъ, что я разбиралъ, разбиралъ, но сталъ въ недоумѣніи. Можно ее прочесть «6 спасибо», «6 способъ», «6 столбъ», и что значитъ это 6— шестое или что-нибудь другое.

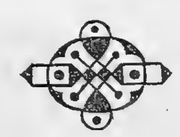
Будь ваши разсказы у меня въ рукахъ, можетъ быть, я еще могъ съ ними распорядиться, отдать въ «Дѣло» Шеллеру (А. Михайлову, заправляющему литературнымъ отдѣломъ) или Полевому въ «Пчелу», или въ «Биржевыя Вѣдомости» въ фельетонъ, или въ «Недѣлю» Гайдебурову. Однимъ словомъ, еще могъ бы какъ-нибудь это дѣло орудовать, а то гдѣ я ихъ найду и розыщу, ваши разсказы съ моей хромотой, съ запрещеніемъ ходить много по лѣстницамъ, съ моимъ безвременьемъ, съ моей жаждой пустыни и того уединенія, которое надоѣло вамъ.

А вы поселяете во мнѣ новую жажду, жажду быть вамъ полезнымъ, жажду помочь вамъ, и я томлюсь, не знаю, что дѣлать... Нечего и говорить вамъ, что всѣ мои литературныя связи внѣ теперешней журналистики. Что я ни чей, не принадлежу ни къ какой редакціи, и если что-нибудь опять напечатаю, непремѣнно будутъ со всѣхъ сторонъ ругать меня.

Майковъ живетъ на дачѣ, онъ будетъ пріѣзжать сюда разъ въ двѣ недѣли. Непремѣнно поговорю съ нимъ о вашей комедіи, если встрѣчу. Это я могу обѣщать вамъ. Прощайте. Не браните меня за письмо, которое, я знаю, ничѣмъ не утѣшитъ васъ. Моего дружескаго расположенія къ вамъ я не смѣю цѣнить, какъ нѣчто для васъ благодатное. Люблю васъ по-прежнему, люблю во имя милыхъ воспоминаній, крѣпко жму вашу руку и остаюсь вашъ Я. Полонскій.

Сообщ. **К. Четверикова.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Распоряженія одного изъ мировыхъ посредниковъ [1]).

5-го февраля 1862 г. № 93.

Цыркулярно!

Волостнымъ Правленіямъ 3-го Мироваго Участка.

Предписаніе.

Вникая въ слова Высочайшаго Манифеста 19-го Февраля 1861 года въ заключительномъ пунктѣ, дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ ихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій, пусть они тщательно воздѣлываютъ землю и собираютъ плоды ея, и чтобы потомъ изъ хорошо наполненной житницы взять сѣмена для посѣва на землѣ постояннаго пользованія, или на землѣ пріобрѣтенной въ собственность. По ст. 188 Общаго Положенія, 261 и 264 Мѣстнаго Положенія указываются отдавать въ заработки недоимщиковъ въ сосѣдніе уѣзды, а въ другіе отдаленные губерніи не иначе какъ по особому распоряженію. Нѣкоторые Волостные Правленіи и Сельскіе Начальники дозволяютъ себѣ увольнять крестьянъ въ самые отдаленные губерніи на продолжительные времяни даже на годъ, какъ то въ Керчь; Предупреждаю, что это не вниманіе къ закону, подвергать виновныхъ такъ же какъ и за подлогъ по службѣ по ст. 92-й Общаго Положенія и мною вопреки приведенныхъ выше словъ «дабы вниманіе земледѣльцевъ не было отвлечено отъ нихъ необходимыхъ земледѣльческихъ занятій и оно отвлечено! послучаю продолжительныхъ отлучекъ въ отдаленные губерніи, не желая стѣснять крестьянъ въ торговыхъ оборотахъ при кротко-временныхъ отлучкахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаю, во избѣжаніе строжайшаго взысканія по законоположенію: Старшинамъ, старостамъ и писарямъ, обратить не прошенное вниманіе въ смыслѣ указанныхъ словъ Положенія. Если же въ какихъ либо Волостныхъ Правленіяхъ, сдѣлано условіе цѣнностію болѣе 300 руб. по ст. 91 Общ. Полож., или на наемъ людей далѣе сосѣдственнаго Уѣзда или безъ Сельскаго приговора утверждено мною, на отлучку въ другую губернію, то условіе это тотчасъ уничтожить, какъ влекущее за собою Важные послѣдствіи, допущенные злоупотребленію по службѣ, по ст. 129 Общ. Полож., а принятые задатки возвратить тѣмъ отъ кого они приняты, и людей удержать намѣстахъ ибо семѣйства останутся безъ хлѣба [2]).

Сообщ. П. Н. Вереха.

---

[1]) Печатается буквально, но редакція не считаетъ удобнымъ называть фамилію посредника и обозначать точно мѣсто его дѣйствій.

[2]) Требованіе мироваго посредника поставило крестьянъ въ безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе, что циркуляръ послѣдовалъ въ то время когда многіе заключили уже сдѣлки на отхожіе промыслы. Если бы не вмѣшательство одного лица, заставившаго мироваго посредника отказаться отъ своего толкованія Положенія, то въ исторіи крестьянской реформы прибавился бы еще одинъ такъ называемый „бунтъ“ крестьянъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ и его дворъ [1]).

(1810—1833).

I.

Бѣгство графа Моріоля изъ Франціи въ Россію.—Лишенія, испытанныя имъ въ пути.—Прибытіе въ Каменецъ-Подольскъ.—Губернаторъ графъ Шереметевъ.—Поступленіе гувернеромъ къ графу Браницкому и потомъ къ сыну великаго князя Константина Павловича.

Получивъ отъ брата казненнаго Людовика XVI рекомендательныя письма къ императрицѣ Екатеринѣ II, графъ Моріоль вынужденъ былъ оставить революціонную Францію одновременно съ прочими представителями французской знати и дворянства и искать счастія въ Россіи, гдѣ онъ разсчитывалъ поступить на военную службу.

Испытавъ, по пути, въ Германіи, всевозможныя затрудненія и непріятности, какія выпадали въ то время на долю эмигрантовъ, онъ добрался наконецъ до Линца, на Дунаѣ, откуда хотѣлъ про-

[1]) Въ помѣщенномъ въ „Русской Старинѣ“ текущаго года въ извлеченіи изъ записокъ генерала Колачковскаго подъ заглавіемъ „Польша въ 1814—1831 г.“, при описаніи маленькаго Бельведерскаго двора, упоминается между прочимъ о гувернерѣ молодаго Павла Александрова, французскомъ эмигрантѣ графѣ Моріолѣ. (Въ майской книжкѣ на стр. 412 фамилія эта ошибочно напечатана Маріоллэ) Нынѣ появились въ Парижѣ вторымъ изданіемъ записки (Mémoires du comte de Moriolles sur l'émigration, la Pologne et la cour du grand-duc Constantin (1789—1833). Paris. 1902) этого представителя древняго рода графовъ Моріолей, который, эмигрировавъ въ 1794 г. изъ Франціи въ Россію, такъ хорошо устроился при дворѣ великаго князя Константина Павловича,

ѣхать въ Вѣну. Но тутъ графа ожидали новыя препятствія. Оказалось, что проѣздъ черезъ Вѣну былъ воспрещенъ всѣмъ французскимъ эмигрантамъ и что къ русской границѣ надо было ѣхать черезъ Краковъ.

Осмотръ паспортовъ происходилъ въ Радзивиловѣ, возлѣ котораго были разставлены многочисленные казачьи аванпосты, строго слѣдившіе за тѣмъ, чтобы никто не проѣхалъ границу тайно. Въ таможнѣ у графа отобрали паспортъ, задержали его багажъ и заявили, что ему придется остаться въ Радзивиловѣ до полученія приказаній отъ генералъ-губернатора изъ Каменецъ-Подольска.

Въ ожиданіи отвѣта, ему пришлось десять дней прожить въ жидовской корчмѣ, гдѣ не было даже кровати, и гдѣ онъ спалъ на соломѣ и долженъ былъ довольствоваться безногой скамьею вмѣсто дивана. Графъ ужаснулся при видѣ постоялаго двора съ вонючими, грязными комнатами, въ которыхъ стѣны были черны отъ грязи и копоти, а содержатель корчмы, еврей, походилъ на нищаго въ лохмотьяхъ.

«То же самое вы встрѣчаете повсюду въ Польшѣ,—записалъ графъ въ своихъ запискахъ,—поэтому каждый возитъ съ собою все необходимое, чтобы спать, ѣсть и удовлетворить самыя насущныя свои потребности. Что особенно удивительно въ этой полудикой странѣ,—восклицаетъ онъ,—это то, что даже у знатныхъ господъ, у которыхъ царствуетъ вездѣ роскошь и изобиліе, комнаты, предназначенныя для пріѣзжихъ, не имѣютъ мебели, и послѣдніе должны все привозить съ собою. Поэтому за богатыми путешественниками слѣдуетъ всюду нѣсколько фургоновъ съ ихъ багажемъ и съѣстными припасами, которыхъ они нигдѣ не могли бы достать. А между тѣмъ поляки давно разъѣзжаютъ по всему

что возвращеніе на родину въ 1833 г., послѣ сорокалѣтняго почти отсутствія, показалось ему новымъ изгнаніемъ.

Проживъ въ домѣ великаго князя съ 1810 по 1833 гг. и стоя къ нему близко, какъ воспитатель его сына, графъ Моріоль былъ изо дня въ день свидѣтелемъ интимной жизни маленькаго Бельведерскаго двора, которую онъ подробно описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, изображая въ нихъ личность царевича, княгини Ловичъ и интриги, волновавшія ихъ приближенныхъ. Его разсказъ отличается большою точностью, хотя грѣшитъ, быть можетъ, излишними подробностями. Передавая слышанные отъ великаго князя его взгляды на современныя событія, авторъ записокъ затрогиваетъ попутно разные политическіе вопросы, касающіеся управленія Польши, намѣреній императора Александра, восшествія на престолъ Николая I, подготовленіи революціи, вспыхнувшей въ Варшавѣ 18-го ноября 1830 г., и проч. Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію этой, во многихъ отношеніяхъ интересной части записокъ гр. Моріоля, считаемъ не лишнимъ передать вкратцѣ о тѣхъ подробностяхъ судьбы, которыя ему пришлось испытать съ того момента, какъ онъ переступилъ русскую границу, и до того, какъ онъ пристроился такъ счастливо для себя въ Варшавѣ.

свѣту, знакомы съ удобствами жизни и съ комфортомъ, котораго у нихъ не встрѣтишь нигдѣ».

По прошествіи десяти дней, во время которыхъ графу пришлось не мало претерпѣть, тѣмъ болѣе, что его денежныя средства совершенно истощились, онъ получилъ приказаніе отправиться немедленно въ Каменецъ-Подольскъ; его бумаги были уложены въ ящикъ, опечатаны таможенной печатью, и для сопровожденія графа былъ приставленъ къ нему казакъ, которому было приказано неустанно слѣдить за нимъ.

«Приходилось покориться своей судьбѣ,—пишетъ Моріоль,—но я не палъ духомъ. Нанявъ еврея съ телѣгою и парою лошадей, я помѣстился въ ней съ ящикомъ, въ которомъ были сложены мои бумаги, и выѣхалъ изъ Радзивилова на слѣдующее утро съ однимъ дукатомъ въ карманѣ, въ сопровожденіи казака, который смотрѣлъ на меня какъ на государственнаго преступника. Онъ привязалъ свою лошадь къ телѣгѣ, а самъ безъ церемоніи развалился рядомъ со мною на соломѣ въ моемъ великолѣпномъ экипажѣ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, дороги были отвратительныя, лошади — самыя жалкія клячи; проѣхавъ нѣсколько миль, мы были вынуждены остановиться.

«Состояніе моихъ финансовъ предписывало мнѣ строжайшую экономію. Я содрогался при мысли, что мнѣ придется продовольствовать двухъ лошадей, еврея и казака, такъ какъ генералъ-губернаторомъ не было сдѣлано никакихъ распоряженій на этотъ счетъ. Къ счастью, съѣстные припасы очень дешевы въ этихъ отдаленныхъ странахъ, но меня разорялъ казакъ на водку, которую онъ глоталъ, какъ воду. Я рѣшилъ питаться только хлѣбомъ и водою, и добрался до Каменецъ-Подольска съ нѣсколькими грошами въ карманѣ. Судьба, повидимому, преслѣдовала меня: генералъ-губернаторъ совершалъ объѣздъ губерніи, и никто не могъ сказать мнѣ, когда онъ вернется; я положительно не зналъ, что дѣлать.

Начальникъ Радзивиловской таможни далъ мнѣ письмо къ полковнику Шимановскому, состоявшему при генералъ-губернаторѣ; предполагая, что онъ писалъ обо мнѣ, я поспѣшилъ отнести полковнику это письмо. Шимановскій былъ полякъ, но давно уже принадлежалъ къ русской партіи и въ награду за оказанныя имъ услуги былъ опредѣленъ въ канцелярію губернатора. Я не ошибся; прочитавъ письмо, полковникъ разговорился со мною и, узнавъ мои дальнѣйшіе планы, составилъ себѣ, вѣроятно, довольно выгодное обо мнѣ мнѣніе, а услыхавъ, что я имѣю въ Польшѣ пріятеля Быстраго (Bystri), съ которымъ, оказывается, онъ былъ хорошо знакомъ, онъ сдѣлался со мною весьма любезенъ и сказалъ, что я могу на него разсчитывать.

Прежде всего онъ позвалъ моего еврея и когда тотъ сказалъ ему,

за какую цѣну онъ условился везти меня, то полковникъ далъ ему пощечину и нѣсколько пинковъ, и уплатилъ за мой провозъ половинную сумму изъ своихъ денегъ, деликатно сказавъ мнѣ, что мы сосчитаемся впослѣдствіи. Затѣмъ онъ выдалъ моему казаку удостовѣреніе въ томъ, что тотъ исполнилъ данное ему порученіе, и приказалъ отнести мой ящикъ въ канцелярію. Такимъ образомъ я развязался съ тѣмъ, что наиболѣе меня стѣсняло, и нѣсколько успокоился. Шимановскій сказалъ мнѣ, что генералъ-губернаторъ вернется только чрезъ нѣсколько дней, но что онъ представитъ меня на слѣдующій день коменданту города, генералу Толстому. Затѣмъ онъ приказалъ свезти меня къ одному честному еврею, содержавшему харчевню.

Закутавшись въ плащъ, который со времени моего пріѣзда въ Польшу замѣнялъ мнѣ простыни и одѣяла, растянувшись на соломѣ, которая, вѣроятно, по приказанію Шимановскаго, была постлана мнѣ свѣжая, я плохо спалъ ночь, предаваясь болѣе размышленіямъ, нежели сну.

На другой день вечеромъ полковникъ представилъ меня генералу Толстому, который подробно обо всемъ разспросилъ меня и, позвавъ одного изъ своихъ адъютантовъ, приказалъ ему позаботиться обо мнѣ; затѣмъ онъ пригласилъ меня на другой день обѣдать и сказалъ, что проситъ считать его домъ своимъ до возвращенія генералъ-губернатора.

Когда я явился на слѣдующій день къ обѣду, то генералъ принялъ меня весьма любезно, посадилъ за столъ возлѣ себя и сказалъ, что хотя генералъ-губернаторъ Тутолминъ вернется не скоро, но такъ какъ онъ пишетъ ему ежедневно, то извѣститъ его о моемъ бѣдственномъ положеніи и о томъ, что мнѣ необходимо ѣхать далѣе какъ можно скорѣе».

По прошествіи нѣсколькихъ дней получился отвѣтъ генералъ-губернатора, который приказалъ немедленно препроводить графа въ Житоміръ, гдѣ онъ долженъ былъ явиться за дальнѣйшими инструкціями къ губернатору графу Шереметеву, который оказался человѣкомъ весьма любезнымъ и пользовался въ губерніи всеобщимъ уваженіемъ, но дотого былъ обремененъ дѣлами, что, не смотря на оказанный графу любезный пріемъ, онъ цѣлую недѣлю не могъ заняться разсмотрѣніемъ его бумагъ. «Наконецъ на восьмой день моего пребыванія въ Житомірѣ, Шереметевъ сказалъ мнѣ, разсказываетъ графъ, что онъ будетъ къ моимъ услугамъ на слѣдующее утро.

«Когда я явился, губернаторъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ; возлѣ него стоялъ мой ящикъ, который онъ приказалъ открыть, показавъ мнѣ предварительно, что онъ цѣлъ и невредимъ. Въ ящикѣ были рукописи нѣкоторыхъ моихъ произведеній, нѣсколько книгъ, семейныя письма и прочіе документы; бумагъ, въ общемъ, было такъ много, что на таможнѣ меня приняли за человѣка весьма подозрительнаго. Шере-

метевъ съ большимъ любопытствомъ пересмотрѣлъ всѣ бумаги и сказалъ:

— Могу сказать вамъ, графъ, что съ такими документами вамъ навѣрно будетъ оказанъ въ Петербургѣ наилучшій пріемъ, чего я вамъ отъ всего сердца желаю. Я выдамъ вамъ паспортъ для проѣзда въ Петербургъ, куда вы можете отправиться, когда пожелаете, и кромѣ того видъ на свободное жительство во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Россійской Имперіи.

— Но что находится въ этомъ маленькомъ пакетикѣ?—прибавилъ онъ съ хитрой улыбкою. Судя по надписи, я полагаю, что это письма Быстраго.

Признаюсь, я былъ весьма смущенъ, но не за себя, а за своего друга. Онъ былъ ярый полякъ, поэтому очень недолюбливалъ русскихъ и не щадилъ ихъ въ нашей перепискѣ.

Губернаторъ видѣлъ по моему лицу волновавшія меня чувства и поспѣшилъ сказать:

— Мнѣ извѣстны взгляды вашего друга, онъ относится къ намъ враждебно, я извиняю его, у всякаго свои взгляды; поляки не могутъ насъ любить, но такъ какъ я имѣю обыкновеніе смотрѣть сквозь пальцы на тѣ вещи, о которыхъ я былъ бы обязанъ донести правительству, если бы онѣ были мнѣ извѣстны, и такъ какъ въ письмахъ вашего пріятеля таковыя вещи, вѣроятно, найдутся, то посмотрите, какъ я поступлю съ ними.

Сказавъ эти слова, онъ разорвалъ пакетъ и сжегъ его на свѣчѣ.

— Скажите ему, что вы видѣли,—прибавилъ онъ,—и скажите вмѣстѣ съ тѣмъ, что русскіе не такіе черти, какъ онъ думаетъ.

Этотъ поступокъ далъ мнѣ самое высокое понятіе о благородствѣ графа Шереметева, что я ему и выразилъ.

— А мы вѣдь варвары,—сказалъ онъ, улыбаясь,—но это не мѣшаетъ намъ обладать и нѣкоторыми хорошими качествами. Вы навѣрно поѣдете завтра къ своему другу; надѣюсь, что мы проведемъ сегодняшній день вмѣстѣ, а такъ какъ вы будете жить близъ Житоміра, то прошу васъ навѣщать меня, я на это разсчитываю.

На слѣдующій день я уѣхалъ и два дня спустя былъ уже у моего пріятеля. Я отдыхалъ и блаженствовалъ у него цѣлыхъ три мѣсяца и съ грустью думалъ о томъ, что мнѣ предстоитъ скоро ѣхать въ Петербургъ, какъ вдругъ неожиданное событіе разрушило всѣ мои планы и повергло меня снова въ самое бѣдственное положеніе».

Этимъ неожиданнымъ событіемъ была кончина императрицы Екатерины.

Съ новымъ царствованіемъ всѣ обстоятельства въ Россіи такъ измѣнились, что графу нечего было и думать о поступленіи на службу. Это

было для него тяжкимъ ударомъ. Нужда заставила его скитаться отъ одного польскаго пана къ другому, пока онъ не поступилъ къ одному изъ нихъ воспитателемъ его шестимѣсячной дочери. Теперь кажется просто невѣроятнымъ, чтобы кавалерійскаго офицера пригласили воспитателемъ къ грудному младенцу, но тогда было принято имѣть въ домѣ гувернера-француза, а тѣмъ болѣе для самолюбія разбогатѣвшаго шляхтича было лестно имѣть у себя въ домѣ парижанина, да еще графа. Онъ далъ ему 1.200 рублей жалованія, карету, кучера, четверку лошадей и увезъ къ себѣ въ Украйну, въ глухую деревушку.

Проживъ нѣсколько лѣтъ въ домѣ этого пана, графъ Моріоль пристроился наконецъ въ 1797 г. у графа Браницкаго, женатаго на племянницѣ извѣстнаго князя Г. А. Потемкина (дѣвицѣ Энгельгардтъ).

Онъ сопровождалъ въ 1809 г. графа Браницкаго въ его поѣздку въ Дунайскую армію, куда графъ ѣздилъ для свиданія съ сыномъ, состоявшимъ при канцеляріи фельдмаршала князя Прозоровскаго, который командовалъ арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ.

Благодаря покровительству и рекомендаціи графини Браницкой, Моріоль поступилъ затѣмъ гувернеромъ къ малолѣтнему Павлу Александрову, сыну великаго князя Константина Павловича.

Великій князь жилъ въ Варшавѣ очень замкнуто со своей второй женою и своимъ сыномъ, къ которому онъ относился очень строго и требовательно. Обычное общество его составляли два гувернера молодаго Павла Александрова, графъ Моріоль, полякъ Фавицкій, и дежурный адъютантъ.

Окончивъ воспитаніе Павла Александрова, графъ Моріоль остался въ Бельведерскомъ дворцѣ, не имѣя никакихъ опредѣленныхъ занятій и обязанностей, но получалъ весьма значительную пенсію. Во время возстанія въ Варшавѣ въ 1831 году, отношенія графа Моріоля къ великому князя настолько измѣнились, что онъ принужденъ былъ уѣхать за границу.

II.

Поступленіе графа Моріоля въ семейство великаго князя Константина Павловича. — Особенности жизни въ Бельведерѣ. — Характеристика великаго князя.—Его разсказы о Лагарпѣ, императорѣ Павлѣ и Наполеонѣ.—Заботы великаго князя о непріятельскихъ плѣнныхъ.

«Въ Бельведерѣ, дворцѣ великаго князя Константина Павловича, меня приняли весьма любезно. Его супруга любитъ наполнять свои комнаты всевозможными предметами, связанными съ какими-нибудь

воспоминаніями: вещицами, напоминающими дружескія отношенія, или мелочныя событія жизни, коимъ она придаетъ особое значеніе [1]).

Въ семейной жизни замѣтно было ея преобладаніе; великому князю часто многое не нравилось, но онъ ограничивался обыкновенно какою-либо шуткою, подъ часъ довольно язвительной, но вообще любезно соглашался на многое, чему онъ вовсе не сочувствовалъ. Онъ не противорѣчилъ женѣ, лишь бы его оставили въ покоѣ, лишь бы съ нимъ были ласковы и предупредительны. Супруга же его была слишкомъ умна для того, чтобы не воспользоваться слабостью мужа.

Вслѣдствіе плохаго сообщенія съ городомъ уединеніе въ Бельведерѣ было полное; оттуда ѣздили въ Варшаву только служащіе во дворцѣ, и эта дорога, которая могла бы быть любимою прогулкою высшаго общества, была совершенно пустынна. Не смотря на это, жизнь въ Бельведерѣ не надоѣдала великому князю даже и въ осеннее время. Сидя у камина съ сигарою во рту, онъ наслаждался этимъ полнымъ уединеніемъ и картиною природы, лишенной ея лѣтняго украшенія. Онъ ѣздилъ по утру въ Варшаву на аудіенціи и смотры и, вернувшись въ Бельведеръ, спалъ до обѣда, за которымъ присутствовали только мы и дежурный адъютантъ. Послѣ обѣда онъ снова ложился въ постель до восьми часовъ; вечеромъ посѣщалъ французскій спектакль въ тѣ дни, когда его привлекала какая-нибудь піеса легкаго содержанія, а когда не предстояло этого развлеченія, то онъ бодрствовалъ до десяти часовъ, а затѣмъ снова ложился спать. Я нерѣдко проводилъ вечеръ втроемъ съ нимъ и его супругою. Иногда великій князь просилъ меня читать ему въ слухъ. Однажды мы начали читать сочиненіе «l'Histoire de l'Assemblée constituante» Лакретеля, которое сильно заинтересовало его. Во время этого чтенія я могъ подмѣтить врожденный здравый смыслъ великаго князя, чистоту его нравственныхъ правилъ и мѣткость сужденій. Онъ ежеминутно останавливалъ меня, дѣлая замѣчанія, отличавшіяся наблюдательностью и знаніемъ людей, которыя составляютъ признакъ выдающагося ума; онъ удивлялъ меня своимъ умѣніемъ схватить причину и послѣдствія тѣхъ великихъ событій, которыя составляли вначалѣ частное дѣло одной націи (Франціи), но затронули впослѣдствіи роковымъ образомъ всю Европу. Онъ нерѣдко говорилъ мнѣ:

— Не правда ли, я такой же французъ, какъ и вы, и если бы я былъ членомъ вашей палаты депутатовъ, то я засѣдалъ бы на правой. Безъ

[1]) Необходимо замѣтить, что кромѣ графа Моріоля у маленькаго Павла Александрова былъ другой воспитатель, полякъ Фавицкій; французъ съ полякомъ не ужились, и это отразилось въ запискахъ графа, который не могъ простить княгинѣ того, что она держала сторону поляка. Въ его отзывахъ о ней постоянно сквозитъ раздраженіе; охотно отмѣчаются ея недостатки, а все хорошее считается притворствомъ.

сомнѣнія, нѣтъ отца лучше меня; я нѣжно люблю своего сына, но если бы Павелъ увлекся когда-либо современными либеральными идеями, то я бросилъ бы его собственноручно въ Вислу.

Онъ сказалъ это умышленно въ присутствіи Фавицкаго, втораго гувернера Павла, который увлекается всѣми мечтаніями нашихъ современныхъ лже-филантроповъ; впрочемъ больше по глупости и тщеславію, такъ какъ въ сущности онъ человѣкъ не злой.

Въ другой разъ, когда я читалъ о проискахъ приверженцевъ герцоговъ Орлеанскихъ, великій князь прервалъ меня, сказавъ, что между положеніемъ его и этого принца есть большое сходство. Я не могъ уловить его мысли, такъ какъ я не находилъ никакой связи ни въ политическомъ положеніи, ни въ характерѣ этихъ личностей: одинъ хотѣлъ вступить на престолъ, который былъ для него недосягаемъ, тогда какъ другой вполнѣ естественно долженъ былъ наслѣдовать престолъ своего брата.

— Герцогъ Орлеанскій,—продолжалъ великій князь,—могъ возжечь въ странѣ междоусобную войну; но я надѣюсь, что этого не случится у насъ, такъ какъ если бы злополучное стеченіе обстоятельствъ вызвало у насъ междоусобіе, то я не только не сталъ бы поддерживать свои законныя права, но пожертвовалъ бы ими ради спокойствія и благополучія Имперіи.

По окончаніи чтенія его высочество пригласилъ меня въ свои покои и, когда мы остались одни, онъ снова завелъ рѣчь о критическомъ положеніи, въ какомъ находилась Европа; нападалъ на либеральную партію и распространялся о проискахъ, коими эта партія хотѣла не допустить великія державы до вмѣшательства въ дѣла Неаполя и Пьемонта; и объ ея проискахъ, направленныхъ преимущественно противъ Россіи. Но я предоставлю слово самому великому князю, придерживаясь, насколько возможно, его собственныхъ выраженій.

— Нѣсколько времени спустя послѣ возстанія въ Неаполѣ (1821 г.) и до открытія нашего сейма,—сказалъ онъ,—я узналъ о существованіи среди нашихъ депутатовъ людей довольно злыхъ умысловъ. Мнѣ было также извѣстно изъ секретныхъ донесеній полиціи, что въ Варшаву пріѣхало нѣсколько подозрительныхъ личностей. Я заподозрѣлъ, что это были агенты большаго центральнаго отдѣла, существующаго въ Парижѣ, во главѣ котораго стоитъ Т. [1]). Вы помните, что когда пріѣхалъ братъ, то я выѣхалъ ему навстрѣчу, и мы ѣхали вмѣстѣ съ нимъ съ послѣдней станціи до Бельведера. Я воспользовался этимъ временемъ, чтобы передать ему все, что я узналъ, и предупредить его, что ему хотятъ устроить затрудненія внутри государства, чтобы не дать возможности руководить

[1]) Тайлеранъ.

самому предполагаемыми военными дѣйствіями и дать имъ то энергичное направленіе, въ которомъ они нуждались. Императоръ отвѣчалъ мнѣ, что я всегда тревожусь попусту, что мнѣ всюду мерещатся заговоры и что въ полученныхъ мною донесеніяхъ зло, по всей вѣроятности, преувеличено. Я возразилъ на это, что я ничего не говорю на вѣтеръ и что я хочу просить его объ одной милости: замедлить открытіе сейма на двѣ недѣли, чтобы онъ имѣлъ время самъ навести справки и узнать настроеніе умовъ. Его величество согласился на мою просьбу; вотъ истинная причина этого замедленія, коимъ всѣ были удивлены; братъ убѣдился вскорѣ въ истинѣ всего, что я ему говорилъ. Сеймъ былъ открытъ, и государь остался такъ недоволенъ имъ, что хотѣлъ уничтожить конституцію, которая вслѣдствіе либерализма, коимъ было проникнуто большинство депутатовъ, вовсе не соотвѣтствовала той цѣли, какую онъ преслѣдовалъ, давая странѣ эту конституцію. Я совѣтовалъ ему не дѣйствовать слишкомъ поспѣшно, убѣждая его, что онъ и со временемъ успѣетъ отмѣнить это мнимое благодѣяніе.

— Но какимъ образомъ,—сказалъ мнѣ братъ,—ты никогда не увлекался этими идеями, въ лживости и опасности которыхъ я убѣждаюсь ежедневно.

— Это потому, что я всегда старался смотрѣть на вещи, какъ можно проще и не давалъ убаюкать себя прекрасными рѣчами вашего г. Лагарпа, чему я очень радъ.

— Тотчасъ по закрытіи сейма,—продолжалъ великій князь,—мой братъ отправился въ Троппау; его поспѣшное появленіе многихъ удивило, такъ какъ распространили слухъ, будто въ Польшѣ произошли волненія и его присутствіе тамъ необходимо и что поэтому онъ опоздаетъ на конгрессъ. Тѣмъ временемъ эта дьявольская партія старалась подѣйствовать на гвардію, и ей удалось вызвать бунтъ [1]), который могъ имѣть самыя прискорбныя послѣдствія. Съ другой стороны, она старалась вызвать возстаніе среди грековъ, а въ настоящую минуту она волнуетъ татаръ въ Крыму, Саратовѣ и во всѣхъ нашихъ южныхъ губерніяхъ, куда уже двинуты войска. Словомъ, нѣтъ тѣхъ средствъ и происковъ, которыхъ эта партія не пустила бы въ ходъ, чтобы поставить въ Европѣ все вверхъ дномъ, но ея нападки направлены главнымъ образомъ противъ Россіи. Что касается меня, то я не могу скрыть моей ненависти къ этимъ людямъ, нарушающимъ спокойствіе людей. Я не жестокъ, но если бы я могъ схватить одного изъ ихъ главарей, то мнѣ доставило бы чрезвычайное удовольствіе забить его до смерти шпицрутенами. Мой бракъ доказываетъ, что я не имѣю ни малѣйшаго желанія вмѣшиваться въ дѣла, которыя принимаютъ такой дурной оборотъ;

[1]) Л. гв. Семеновскаго полка.

женившись на особѣ не царственнаго происхожденія, я ясно показалъ, какой карьерой я готовъ довольствоваться.

Изъ послѣднихъ словъ я понялъ, что великій князь получилъ право жениться, отрекшись отъ престола.

Все это было въ 1821 году. Его высочество относился ко мнѣ весьма милостиво, оказывалъ мнѣ большое довѣріе и самое лестное вниманіе. Княгиня была со мною въ высшей степени вѣжлива, но меня не любила. Я полагаю, что ее стѣсняло присутствіе человѣка, котораго она считала достаточно проницательнымъ, чтобы приподнять завѣсу, скрывающую ея истинныя чувства; ей гораздо болѣе нравились лесть и угодничество Фавицкаго.

Но я долженъ отдать ей справедливость, она всегда очень предупредительна къ своему мужу и держитъ себя въ настоящее время съ большимъ умомъ и деликатностью. Что касается Павла, то онъ идетъ быстрыми шагами къ той цѣли, къ которой его ведетъ Фавицкій, т. е. онъ становится все болѣе и болѣе грубъ, вздоренъ, педантъ, тщеславенъ; умъ его постепенно искажается, занятія ведутся нелѣпо и, пріумножаясь до безконечности, приведутъ въ концѣ-концовъ къ полному невѣжеству и къ отвращенію отъ всякаго труда.

Приведу здѣсь нѣсколько анекдотовъ, которые казались мнѣ интересны и которые я хочу записать, пока они не изгладились изъ моей памяти и пока я помню ихъ во всей подробности. Я приведу ихъ безъ всякой системы, въ томъ порядкѣ, какъ я ихъ слышалъ.

Великій князь Константинъ Павловичъ большой любитель разсказывать и когда онъ говоритъ съ людьми, къ коимъ питаетъ довѣріе, то онъ увлекается и разсказываетъ множество анекдотовъ и пикантныхъ подробностей, которыя легко запоминаются. Такъ какъ я бывалъ съ нимъ каждый день въ самомъ тѣсномъ кругу и зачастую съ глазу на глазъ, то я слышалъ отъ него много любопытныхъ вещей, которыя и приведу здѣсь, стараясь по возможности передать тѣми же словами и выраженіями, кои употреблялъ великій князь.

Вотъ эти разсказы:

Императрица Екатерина, желая дать своимъ внукамъ Александру и Константину хорошее воспитаніе, намѣтила для этой цѣли Даламберта, извѣстнѣйшаго изъ современныхъ философовъ. Но онъ отвергъ сдѣланныя ему блестящія предложенія, либо изъ гордости, нашедшей удовлетвореніе въ этомъ отказѣ, либо для того, чтобы не разлучаться съ своимъ прелестнымъ, но коварнымъ другомъ, m-lle Леспинасъ.

Между тѣмъ шайкѣ философовъ было выгодно воспользоваться желаніемъ императрицы, голова которой, не смотря на весь ея умъ, немного закружилась отъ ѳиміана, который извѣстнѣйшіе изъ нихъ усердно воскуривали ей не совсѣмъ безпристрастно. Отдавая полную спра-

ведливость своей бабкѣ, ея глубокимъ видамъ, блеску ея царствованія, великій князь Константинъ Павловичъ высказывалъ однако свою нелюбовь къ ней; это чувство проистекало у него изъ глубокой любви къ отцу, императору Павлу.

Итакъ, гг. философы выставили нѣкоего Лагарпа, который казался имъ подходящимъ для ихъ цѣлей. Для обширныхъ плановъ этихъ людей было весьма важно, чтобы наслѣдникъ перваго въ Европѣ престола былъ проникнутъ принципами, которые облегчили бы распространеніе либерализма, и такъ какъ впечатлѣнія дѣтства изглаживаются съ трудомъ, даже не смотря на жизненный опытъ, то они должны были вызвать благопріятное настроеніе, которымъ эти господа предполагали со временемъ воспользоваться.

Лагарпъ, уроженецъ г. Берна, готовился къ адвокатурѣ. Пылкій умъ, горячая голова, самоувѣренность, способность къ интригѣ, злобность и мстительность, увлеченіе современными идеями и огромное честолюбіе, прикрываемое безкорыстіемъ философа, таковы были главныя черты его характера.

Проигравъ первое дѣло, которое онъ защищалъ въ Бернѣ, Лагарпъ, уязвленный въ своей гордости, покинулъ родину съ непримиримой ненавистью къ ея правительству и отправился въ Парижъ, гдѣ онъ вкрался въ довѣріе къ представителямъ философской партіи и, будучи рекомендованъ ими императрицѣ Екатеринѣ, былъ принятъ ею на службу. Императрица сама начертала планъ воспитанія великихъ князей, которое должно было происходить подъ ея личнымъ надзоромъ; она слѣдила за ихъ успѣхами, насколько позволяли ея обширныя занятія.

Великому князю Павлу Петровичу дозволялось весьма мало вмѣшиваться въ воспитаніе его дѣтей, и онъ никогда не посмѣлъ бы дѣлать указанія относительно того, что̀ ему не нравилось. Лагарпъ воспользовался этимъ, чтобы овладѣть довѣріемъ императрицы и руководить всецѣло воспитаніемъ своихъ учениковъ. Бурный и рѣшительный характеръ великаго князя Константина былъ причиною того, что онъ вскорѣ отдалился отъ Лагарпа и сдѣлался предметомъ ненависти и грубыхъ выходокъ со стороны воспитателя. Обреченный сидѣть въ углу и учить наизусть трудные уроки, въ то время какъ Лагарпъ обращалъ все свое вниманіе на великаго князя Александра, Константинъ былъ только предметомъ ненависти, невниманія и презрѣнія [1]. На него то и дѣло жаловались императрицѣ. Лагарпъ изображалъ его, какъ ребенка ограниченнаго, упрямаго, что̀ и было, вѣроятно, причиною предпочтенія, которое государыня оказывала всегда Александру, и нѣкотораго отчужденія послѣдняго отъ брата, которое онъ старался скрывать.

---

[1]) Сравн. письма великаго князя Константина Павловича къ Лагарпу. Сборникъ императорскаго историческаго общества, т. V, 1870, стр. 53.

Весьма естественно, что вслѣдствіе этого великій князь Константинъ сдѣлался любимцемъ отца и матери. Жалость обыкновенно усиливаетъ любовь; къ тому же между положеніемъ сына и родителей было нѣчто общее. Вдовствующая императрица (Марія Ѳеодоровна) по сей часъ питаетъ къ нему тѣ же чувства, хотя многія обстоятельства могли измѣнить ихъ; такъ, напр., его бракъ, заключенный безъ ея воли и безъ ея согласія, не уменьшилъ расположенія, которое она питаетъ къ нему въ глубинѣ души. Но возвращаюсь къ г. Лагарпу.

Занятый всецѣло великимъ княземъ Александромъ и стараясь внушить ему тѣ принципы, которые согласно его плану было такъ важно внушить тому, кому предстояло современемъ играть столь видную роль, Лагарпъ видѣлъ, что его старанія приносили плоды. Братья въ своихъ дѣтскихъ играхъ создали себѣ идеальное, вымышленное существо, названное ими графомъ де-Сентъ-Альбанъ (comte de-Saint-Albant). Этотъ графъ былъ у нихъ всегда во главѣ ихъ солдатъ и ихъ воинственныхъ игрушекъ; онъ былъ центромъ, вокругъ котораго вертѣлись всѣ ихъ политическія соображенія, ибо французская революція, которая была въ то время въ полномъ разгарѣ, составляла постоянно предметъ толковъ при дворѣ и возбуждала ихъ молодые умы. Великій князь Александръ ставилъ этого графа де-Сентъ-Альбана во главѣ всѣхъ революцій, народныхъ возстаній, всѣхъ предпріятій, направленныхъ противъ власти, и всегда награждалъ его. А великій князь Константинъ приговаривалъ его къ повѣшенію или къ разстрѣлянію. Эти мелочи были весьма знаменательны и обрисовывали характеръ этихъ двухъ дѣтей; изъ нихъ одинъ проявлялъ свои врожденныя чувства, а другой высказывалъ тѣ убѣжденія, которыя ему внушали.

Между тѣмъ строгость и грубыя замѣчанія, сыпавшіяся на младшаго брата, пріумножались. Однажды, когда этотъ необыкновенный воспитатель былъ болѣе не въ духѣ, чѣмъ обыкновенно, онъ придумалъ нарисовать на длинной лентѣ ослиную голову и повѣсить ее на шею Константина. На этой лентѣ было написано: «Орденъ, пожалованный великому князю Константину въ тотъ день, когда я узналъ объ уничтоженіи національнымъ собраніемъ во Франціи всѣхъ орденовъ». Великій князь въ отчаяніи спрятался за оконную занавѣсь, снялъ ленту, сдѣлалъ изъ ленты затяжную петлю, продѣлъ въ нее голову и чуть было не удушилъ себя. Замѣтивъ во-время, Лагарпъ едва успѣлъ схватить перочинный ножъ и перерѣзать имъ роковую ленту; еще минута, и его ученика не было бы на свѣтѣ. Не смотря на это, онъ не измѣнилъ своего дурнаго съ нимъ обращенія.

Но этому странному преслѣдованію все же насталъ конецъ. Однажды, молодой великій князь, выведенный изъ себя издѣвательствами Лагарпа, сказалъ своему воспитателю:

— Я согласенъ съ вами, что я оселъ, но тогда и братъ мой оселъ, и мои родители ослы, и моя бабушка, тоже ослица.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ Лагарпъ.

— Оселъ можетъ произойти только отъ осла,—возразилъ Константинъ,—и это родословіе идетъ до моей бабушки, которой я скажу отъ вашего имени, что она ослица, если вы будете продолжать такъ оскорблять меня.

Лагарпъ, знавшій рѣшительный характеръ великаго князя, побоялся, что дѣло зайдетъ слишкомъ далеко, и обѣщалъ не оскорблять его болѣе.

Такъ продолжалось воспитаніе молодыхъ князей: одинъ изъ нихъ былъ постояннымъ предметомъ заботъ и похвалъ своего воспитателя, а второй—находился у него въ небреженіи и загонѣ. Великій князь Константинъ говорилъ мнѣ, что онъ не понимаетъ, какимъ образомъ дурное обращеніе съ нимъ Лагарпа не сдѣлало его окончательно равнодушнымъ ко всему.

Наконецъ, Александръ и Константинъ женились; но, по причинѣ ихъ крайней молодости, Лагарпъ остался при нихъ и продолжалъ исполнять свои прежнія обязанности. Впрочемъ, это продолжалось недолго, и императрица уволила его неожиданно по причинѣ, которая была извѣстна его высочеству, но о которой онъ не считалъ еще возможнымъ говорить. Можно предполагать, что императрица узнала объ его интригахъ и о вредномъ вліяніи, которое онъ имѣлъ на великаго князя Александра.

Когда на престолъ вступилъ императоръ Павелъ, Лагарпу, котораго онъ ненавидѣлъ, неловко бы было появиться на сценѣ, и ему пришлось ограничиться дѣятельной перепиской со своимъ бывшимъ ученикомъ, чтобы не утратить его довѣрія. Но онъ напомнилъ о себѣ великому князю Константину Павловичу такимъ способомъ, о которомъ стоитъ упомянуть. Великій князь совершалъ походъ подъ начальствомъ Суворова. Во время блестящаго отступленія русскихъ войскъ, которое было неизбѣжно, не смотря на всѣ одержанныя имъ побѣды, Швейцарія представляла имъ большія затрудненія, и они были отрѣзаны отъ всѣхъ своихъ сообщеній. Курьеръ, ѣхавшій изъ Петербурга съ депешами въ главную квартиру фельдмаршала Суворова, былъ захваченъ швейцарцами и отвезенъ въ Бернъ, гдѣ Лагарпъ, во главѣ революціоннаго комитета, торжествовалъ низверженіе правительства, которое онъ поклялся погубить. Въ числѣ захваченныхъ бумагъ были письма къ великому князю Константину отъ его родителей. Лагарпъ былъ настолько великодушенъ, что отослалъ ихъ великому князю, не читая, при письмѣ, приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Гражданинъ Лагарпъ, предсѣдатель комитета С. Ш. (comité de L. S. L.) великому князю Константину.

«Тѣ, кои были такъ часто оклеветаны вами, очень довольны случаю доказать вамъ, что вы были неправы. Письма будутъ вамъ переданы не вскрытыя, скромность, которую вы не стали бы, вѣроятно, соблюдать при подобныхъ обстоятельствахъ. Вотъ какимъ образомъ свободные люди мстятъ деспотамъ».

Великій князь, взбѣшенный этой дерзостью, ничего не отвѣчалъ, но сохранилъ это дерзкое письмо; оно находятся у него до сихъ поръ, и онъ показывалъ его мнѣ.

По вступленіи на престолъ императора Александра, Лагарпъ возвратился въ Петербургъ; онъ былъ принятъ молодымъ императоромъ какъ нельзя лучше. Великій князь Константинъ, не смотря на бывшія между ними неудовольствія, также отнесся къ нему съ большимъ уваженіемъ. Однажды, когда они встрѣтились у вдовствующей императрицы, послѣдняя сказала ему:

— Вотъ молодой человѣкъ, который доставилъ вамъ не мало горя своей горячностью и несдержанностью.

— Это правда,—сказалъ Лагарпъ,—но ему никогда не удавалось взять надо мною верхъ; я умѣлъ покорить его.

— Не всегда,—отвѣчалъ великій князь,—доказательство ослиная голова, отъ которой я заставилъ васъ отказаться, доказавъ вамъ, что это названіе касается также здѣсь присутствующей моей матушки.

Императрица, сконфуженная, удалилась, а великій князь, оставшись наединѣ съ Лагарпомъ, присовокупилъ:

— Г. Лагарпъ, я не нахожусь болѣе подъ вашей опекой; я уже совершилъ нѣсколько походовъ, и, какъ видите, моя грудь украшена орденами. Я готовъ забыть тѣ поводы жалобъ, которые я имѣлъ противъ васъ, но прошу васъ принять со мною подобающій тонъ; иначе я съумѣю напомнить вамъ объ этомъ.

Лагарпъ сопровождалъ императора на коронацію, пробылъ съ нимъ еще нѣкоторое время, а затѣмъ оставилъ Россію; но онъ состоялъ съ императоромъ въ постоянной перепискѣ и продолжалъ вліять на него своими совѣтами. Когда русскіе вступили во Францію, Лагарпъ поспѣшилъ явиться къ своему бывшему воспитаннику. Безъ сомнѣнія, имъ руководило при этомъ не желаніе насладиться его славою, но ему было, вѣроятно, поручено защищать чьи-нибудь интересы, но только не Бурбоновъ и не Бонапарта. Онъ остался съ императоромъ Александромъ и имѣлъ на его рѣшенія болѣе вліянія, нежели полагаютъ: тайный совѣтникъ и самое незначительное довѣренное лицо имѣютъ нерѣдко болѣе вліянія, нежели тотъ, кто по своему званію и положенію долженъ бы, повидимому, быть облеченъ довѣріемъ монарха.

Послѣ того какъ конгрессъ въ Шатильонѣ не состоялся, и когда императоръ Александръ рѣшилъ идти въ Парижъ, онъ позвалъ своего

брата, великаго князя Константина, сообщилъ ему свой планъ и просилъ его высказать свое мнѣніе. Великій князь горячо одобрилъ его намѣреніе точно такъ же, какъ и его рѣшимость появиться въ столицѣ Франціи только въ качествѣ друга.

— Что сдѣлаемъ мы съ Бурбонами?—спросилъ императоръ.

— Если ваше величество позволяете мнѣ говорить смѣло, то я скажу вамъ откровенно свое мнѣніе. Послѣ васъ я первое лицо въ Имперіи; слѣдовательно, мнѣ принадлежитъ честь быть посланнымъ вами въ Англію за его величествомъ Людовикомъ XVIII съ порученіемъ привезти его къ вамъ, чтобы вы возвратили ему престолъ изъ вашихъ побѣдоносныхъ рукъ; это будетъ довершеніемъ вашей славы и торжествомъ справедливости и могущества надъ интриганомъ и похитителемъ власти.

Императоръ отвѣчалъ, что онъ не хочетъ вмѣшиваться въ это дѣло и стѣснять французовъ.

— Ваше величество,—сказалъ великій князь еще энергичнѣе,— обдумайте все неудобство подобнаго образа дѣйствій, берегитесь, чтобы русскіе, вернувшись домой со славою, не внесли въ Россію опасныхъ идей. Когда наши офицеры, вернувшись къ своимъ семьямъ и разсѣявшись по всѣмъ губерніямъ нашей Имперіи, будутъ разсказывать о нашихъ побѣдахъ, о нашемъ вступленіи въ Парижъ, будутъ говорить съ воодушевленіемъ обо всемъ, что они сдѣлали и видѣли, то всякій будетъ ожидать, что слѣдствіемъ этого будетъ возстановленіе на престолѣ законнаго монарха, которому престолъ будетъ возвращенъ побѣдами и справедливостью вашего величества. Но какъ будутъ удивлены, когда узнаютъ, что мятежнымъ, побѣжденнымъ и униженнымъ французамъ будетъ предоставлено право избрать себѣ монарха и что вы, такъ сказать, признаете за ними право избирательнаго правленія! Какъ это будетъ ново для нашихъ вѣрноподданныхъ русскихъ, и какой это будетъ опасный предметъ для размышленія! При томъ, такъ какъ вы дали мнѣ право быть откровеннымъ и такъ какъ вамъ принадлежитъ, по справедливости, славное, признанное политикой право воздать кесарево кесареви, то къ чему же вамъ лишать себя такой прекрасной роли въ угоду горсти интригановъ и людей развратныхъ? Ваше величество приказываете мнѣ отправиться въ Англію?

— Мои намѣренія иныя,—сухо отвѣчалъ императоръ,—я смотрю на вещи иначе, чѣмъ вы.

Такъ окончился разговоръ, который я передаю слово въ слово, какъ я слышалъ его отъ его высочества.

Войска вступили въ Парижъ, и императоръ помѣстился не въ отдѣльномъ отелѣ, какъ прочіе монархи, а въ домѣ Талейрана.

Въ первомъ упоеніи побѣды, въ минуту воодушевленія, когда увле-

ченіе оправдываетъ порывъ, императоръ вздумалъ снять съ себя Андреевскую ленту и надѣть ее на шею своего возлюбленнаго Лагарпа. Такая милость удивила и оскорбила всѣхъ русскихъ, такъ какъ это самый важный русскій орденъ и дается только высшимъ сановникамъ, при томъ отличившимся своими заслугами. Когда объ этомъ фактѣ узнали въ Петербургѣ, то этому даже долго не хотѣли вѣрить. На другой день по полученіи этого выдающагося знака отличія, Лагарпъ явился къ великому князю Константину въ полной парадной формѣ и въ лентѣ. Его высочество пошутилъ надъ этимъ нарядомъ, который плохо согласовался съ высокомѣрными взглядами философа.

Когда, въ 1815 г., Швейцаріи пришлось заняться пересмотромъ конституціи, то Лагарпъ не преминулъ отправиться туда, чтобы повліять на правительство въ своемъ духѣ; онъ написалъ записку, въ которой изложилъ тѣ же самыя демагогическія идеи, и поносилъ монарховъ, не пощадивъ даже русскаго императора. Графъ Капо д'Истрія, бывшій въ то время русскимъ посланникомъ въ Швейцаріи, досталъ эту записку и послалъ ее императору. Послѣдній нѣсколько разочаровался въ своемъ менторѣ, но не отказался отъ принциповъ, которые имъ были внушены; ибо впечатлѣнія, наложенныя въ дѣтствѣ коварной рукою, изглаживаются съ трудомъ. Это можетъ быть достигнуто только продолжительнымъ опытомъ, какъ это и случилось съ этимъ монархомъ.

Когда великій князь Михаилъ предпринялъ путешествіе для довершенія своего образованія, то Лагарпъ сопровождалъ его въ Италію; онъ хотѣлъ внушить ему тѣ же принципы, какъ и его брату, но Михаилъ Павловичъ, который не терпѣлъ ни его самого, ни его принциповъ, заставилъ его вскорѣ замолчать. Великій князь говорилъ мнѣ, что ему наскучилъ этотъ педантъ и пустомеля, и что онъ, въ концѣ концовъ, запретилъ ему говорить о политикѣ.

— Наши взгляды расходятся,—сказалъ ему великій князь Михаилъ,—поэтому сдѣлайте милость, увольте меня отъ болтовни, которая мнѣ только докучаетъ!

И ему удалось, наконецъ, отдѣлаться отъ этого надоѣдливаго человѣка.

Я нѣсколько распространился о Лагарпѣ, потому что эти подробности могутъ объяснить поведеніе императора во многихъ отношеніяхъ. Для насъ весьма драгоцѣнно, если мы можемъ приподнять хотя уголокъ этой завѣсы.

Императоръ Павелъ обладалъ большимъ умомъ и характеромъ возвышеннымъ и великодушнымъ. Но обстоятельства сложились такъ, что всѣ его прекрасныя качества должны были измѣниться подъ гнетомъ

притѣсненія и несчастія. Продолжительныя страданія, коимъ онъ предвидѣлъ конецъ только со смертью императрицы, пробудили въ немъ жажду власти. Когда онъ вступилъ, наконецъ, на престолъ, то онъ такъ ревниво оберегалъ свою власть, требовалъ такого слѣпаго и пассивнаго повиновенія, какъ никто. Возможность дѣлать все, что онъ хотѣлъ, какъ бы опьянила его. Однако, при всѣхъ своихъ необузданныхъ порывахъ, императоръ Павелъ часто проявлялъ врожденныя ему чувства великодушія и справедливости.

Я уже сказалъ, что великій князь Константинъ былъ его любимымъ сыномъ; онъ относился къ нему съ величайшею нѣжностью и старался внушить ему свои взгляды.

Когда англичане заняли Мальту и послѣдній гроссмейстеръ ордена Гомпешъ остался безъ преемника, то императору Павлу вздумалось замѣнить его и объявить себя гроссмейстеромъ ордена, существованіе котораго, повидимому, должно было прекратиться. Вслѣдствіе этого, онъ придумалъ такую комбинацію, которая могла зародиться только въ его умѣ. Нѣкто графъ Литта, младшій членъ знаменитаго италіанскаго ордена графовъ Литта, давно уже пріѣхалъ искать службы въ Россію, женился весьма выгодно, получилъ мѣсто при дворѣ и поселился окончательно въ Петербургѣ. Графъ былъ рыцарь Мальтійскаго ордена, и императоръ на него обратилъ свои взоры. Онъ приказалъ ему отправиться за нѣсколько станцій отъ Петербурга, куда было выслано множество экипажей и прислуги, которые должны были составлять его свиту. Испачкавъ эти экипажи, по приказанію императора, пылью, какъ будто они совершили длинный путь, онъ возвратился въ столицу, а Павелъ, тѣмъ временемъ, объявилъ, что Мальтійскій орденъ посылаетъ ему депутацію, чтобы просить его принять званіе гроссмейстера. Мнимые депутаты совершили торжественный въѣздъ въ Петербургъ, и утомленіе длинной дорогой не помѣшало имъ отправиться прямо во дворецъ, гдѣ ихъ ожидалъ императоръ. Имъ былъ оказанъ весьма лестный пріемъ, и его величество милостиво согласился исполнить мнимую просьбу, которую орденъ повергъ къ подножію его престола.

Послѣ этого новый гроссмейстеръ сталъ щедро раздавать знаки отличія и званіе, на что онъ получилъ, такимъ образомъ, право.

Въ исходѣ 1799 г. великій князь Константинъ Павловичъ находился съ войскомъ въ Мейнингенѣ, по сосѣдству отъ герцога Энгіенскаго. Однажды утромъ, его разбудилъ кавалеръ де Жуанвиль, адъютантъ этого принца, и передалъ ему просьбу герцога Энгіенскаго заѣхать къ нему, сказавъ при этомъ, что, посылая его съ этимъ порученіемъ къ великому князю, герцогъ казался крайне взволнованнымъ и разстроен-

нымъ. Великій князь тотчасъ сѣлъ на лошадь и отправился къ герцогу, котораго онъ засталъ въ чрезвычайномъ волненіи.

— Вы не знаете великой новости,—сказалъ ему герцогъ,—Франція спасена! Бонапартъ возвратился изъ Египта; онъ уже въ Парижѣ, и я ѣду къ нему. Это человѣкъ, передъ которымъ я давно преклоняюсь; я почту за честь служить подъ его начальствомъ.

Великій князь Константинъ былъ не мало удивленъ этимъ извѣстіемъ и въ особенности рѣшимостью герцога. У него были достаточно вѣскія причины оспаривать его рѣшимость, но ему пришлось долго убѣждать герцога въ томъ, что ему слѣдуетъ вести себя такъ, какъ того требуютъ его долгъ и происхожденіе. Герцогъ никакъ не подозрѣвалъ, что тотъ, къ кому онъ относился такъ восторженно, могъ убить его; когда его арестовали, онъ мечталъ, быть можетъ, объ иной судьбѣ, нежели о той, которая постигла его во рву Венсенскаго замка.

Совѣщанія, происходившія въ Тильзитѣ, доставили великому князю Константину случай часто встрѣчаться съ императоромъ французовъ, котораго онъ не любилъ, но уважалъ за его выдающіяся качества. Наполеонъ относился къ великому князю благосклонно и даже довольно дружелюбно. Онъ зналъ, съ какою мягкостью и человѣколюбіемъ великій князь относился всегда къ плѣннымъ, попадавшимъ въ его руки, и былъ ему за это признателенъ. Онъ никогда не называлъ его иначе, какъ «молодой человѣкъ», и держался съ нимъ нѣсколько фамильярнаго и шутливаго тона. Однажды, когда великій князь Константинъ сопровождалъ своего брата на смотръ, на которомъ присутствовалъ и Наполеонъ, послѣдній, по окончаніи маневровъ, попросилъ Константина Павловича, бывшаго въ тотъ день въ уланской формѣ, сдѣлать для него нѣсколько пріемовъ пикою. Великій князь тотчасъ началъ гарцовать, держа въ рукахъ пику на перевѣсъ, а затѣмъ, пустившись вскачь, помчался къ Наполеону и осадилъ лошадь въ двухъ шагахъ отъ него. Наполеонъ, не ожидая подобнаго маневра, не могъ скрыть своего испуга; онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно; его подбородокъ задрожалъ, и, чтобы не показать своей слабости, онъ повернулъ лошадь и ускакалъ галопомъ.

Однажды, когда великій князь бесѣдовалъ съ Наполеономъ, у окна, выходившаго на улицу, мимо нихъ прошелъ человѣкъ, съ большими усами; Наполеонъ обратилъ на него вниманіе великаго князя. Его высочество, обладавшій феноменальною памятью, сказалъ Наполеону:

— Я знаю этого человѣка, это полякъ такой-то, онъ служилъ въ такомъ-то полку.

— Ага!—сказалъ императоръ,—я такъ и думалъ, что это одинъ изъ поляковъ, которые хотятъ быть самостоятельными на родинѣ, а между тѣмъ они не имѣютъ къ этому ни малѣйшихъ задатковъ.

Эти слова показываютъ истинныя чувства Бонапарта къ этому народу и участь, которую онъ ему готовилъ, пользуясь въ то же время его доблестью и заставляя его проливать кровь для удовлетворенія своего безумнаго честолюбія.

Великій князь совершилъ италіанскую кампанію подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова. Подъ конецъ сраженія при Требіи, одинъ батальонъ французовъ, прикрывавшій отступленіе, былъ разрѣзанъ надвое, окруженъ и вынужденъ сложить оружіе. Великій князь подбѣжалъ къ нему и спросилъ номеръ его корпуса. Солдаты назвали его; но по присущему имъ старинному воинственному духу, который не могла искоренить революція, они назвали себя по-старому Овернскимъ полкомъ.

— Овернскій,—сказалъ великій князь,—это одинъ изъ самыхъ славныхъ полковъ французской арміи. Друзья мои, вы по вашей старинной репутаціи заслуживаете того, чтобы къ вамъ отнеслись съ уваженіемъ. Я позабочусь о васъ.

Онъ тотчасъ послалъ просить у фельдмаршала позволенія располагать по своему усмотрѣнію плѣннымъ отрядомъ, что́, разумѣется, ему и было разрѣшено. Онъ взялъ съ офицеровъ честное слово, что они будутъ хорошо вести себя, далъ имъ только для вида нѣсколько конвойныхъ солдатъ, отвелъ плѣннымъ хорошія квартиры и неусыпно заботился о нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не обмѣняли.

Во время маневровъ, происходившихъ въ Тильзитѣ, великій князь, находясь въ свитѣ императора Наполеона, былъ весьма удивленъ, услыхавъ, что солдаты кричали: «Vive le prince Constantin» (Да здравствуетъ великій князь Константинъ)! Наполеонъ пожелалъ знать причину. Тотчасъ многіе офицеры и солдаты вышли изъ рядовъ, окружили великаго князя и сказали съ изъявленіемъ величайшей признательности, что они состояли въ томъ самомъ Овернскомъ полку, который былъ такъ много ему обязанъ въ Италіи. Наполеонъ одобрилъ этотъ порывъ благодарности и, возвысивъ голосъ, сказалъ великому князю:

— Благодарю васъ отъ имени французской арміи. Если ей придется когда-либо страшиться вашей храбрости, то ей слѣдуетъ также уважать ваше великодушіе.

Его высочество говорилъ мнѣ неоднократно, что это былъ одинъ изъ лучшихъ моментовъ его жизни.

На конгрессѣ въ Эрфуртѣ, куда были приглашены почти всѣ монархи Европы и гдѣ дитя революціи и генія подавляло своимъ превосходствомъ старинныя королевскія династіи, вынужденныя склонять голову подъ блестящей судьбою выскочки солдата, великій князь Константинъ обѣдалъ однажды у императора французовъ со всѣми коронованными особами. Въ это время Австрія была въ непріязненныхъ

отношеніяхъ съ Франціей, и между ними вскорѣ ожидали разрыва. Разговоръ зашелъ объ Австрійскомъ домѣ, и король Баварскій счелъ возможнымъ, при этихъ обстоятельствахъ, отозваться пренебрежительно объ этой августѣйшей династіи.

— Было время,—сказалъ онъ,—когда принцы этого дома были счастливы считать себя въ числѣ слугъ моего дома!

— Замолчите, король Баварскій,—сказалъ обиженный Наполеонъ,—цѣните человѣка, не заботясь о его предкахъ.

Это рѣзкое замѣчаніе поразило всѣхъ и великій князь, увидавъ въ этихъ словахъ нѣчто болѣе, нежели оскорбленное самолюбіе, задѣтое нарушенными правилами приличія, сказалъ своему брату, подлѣ котораго онъ сидѣлъ:

— Вѣроятно, вскорѣ будетъ заключенъ бракъ, что и сбылось.

Во время этого же конгресса, Наполеонъ вызвалъ изъ Парижа самыхъ знаменитыхъ артистовъ французскаго театра. Само собою разумѣется, не были забыты и дѣвицы Марсъ и Леверъ. Нѣкоторые изъ свитскихъ генераловъ, которые были въ болѣе близкихъ отношеніяхъ съ великимъ княземъ, вздумали дать ему ужинъ съ этими дамами и прочими артистами, но не захотѣли пригласить въ эту интимную компанію Савари. Ужинъ прошелъ весело, дамы были очаровательны; ужинъ продолжался далеко за полночь, съ обильными возліяніями Бахусу, но великій князь былъ по обыкновенію воздержанъ. На другой день онъ встрѣтилъ Наполеона, которому обиженный Савари уже донесъ объ этомъ, прикрасивъ, быть можетъ, свое донесеніе какими-нибудь подробностями своего собственнаго изобрѣтенія.

— Слышалъ, слышалъ, молодой человѣкъ,—сказалъ ему Наполеонъ. Вы вчера кутнули, мнѣ извѣстны всѣ участники вашей пирушки.... Говорятъ, что было очень весело и главное много болтали.

Великій князь, недовольный этимъ своего рода выговоромъ, отвѣчалъ императору холодно и съ достоинствомъ:

— Я не думаю, ваше величество, что ваши подданные подали поводъ къ упрекамъ съ вашей стороны, точно такъ же, какъ и я не заслужилъ таковыхъ со стороны моего императора.

Во время реставраціи, великій князь обѣдалъ однажды у короля въ тѣсномъ семейномъ кругу. По окончаніи обѣда, король спросилъ его высочество, занятъ ли онъ чѣмъ-нибудь, и, получивъ отрицательный отвѣтъ, попросилъ его остаться поболтать съ нимъ. Разговоръ коснулся, весьма естественно, въ то время Наполеона. Герцогиня Ангулемская и Monsieur (братъ Людовика XVI) отозвались о немъ очень не лестно; король просилъ великаго князя высказать свое мнѣніе объ этомъ необыкновенномъ человѣкѣ. Его высочество, со свойственной ему прямотою, отдалъ должное великимъ качествамъ Наполеона, не умолчавъ

однако о томъ, что̀ можно было поставить ему въ упрекъ. Тогда король сказалъ:

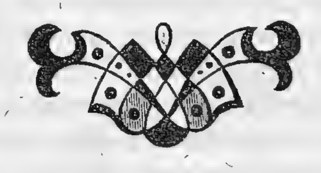
— Наполеонъ сдѣлалъ чрезвычайно много для славы и благополучія Франціи, и если я могу сдѣлать ее счастливой, то не иначе, какъ идя по его стопамъ.

Говоря это, король сидѣлъ въ креслѣ у стола, за которымъ прежде работалъ Наполеонъ, и присовокупилъ:

— Я хотѣлъ бы имѣть такой же здравый умъ, какой имѣлъ тотъ человѣкъ, на чьемъ креслѣ я сижу и за чьимъ столомъ я работаю, но я сознаю, что я стою гораздо ниже его.

Великій князь былъ въ восторгѣ отъ словъ короля.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспрещеніе сообщать корреспонденціи въ иностранные журналы.

Письмо Дибича къ главнокомандующему 1-ю арміею.

15-го февраля 1824 г.

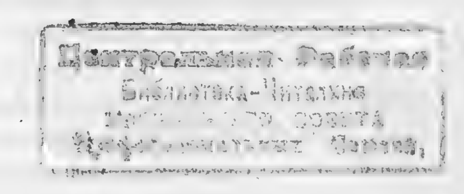
Изъ письма моего отъ 30-го іюня прошлаго 1823 года вашему сіятельству извѣстно, что состоявшій въ свитѣ его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Полторацкій 4-ый открытъ въ неприличной и дерзкой насчетъ правительства нашего перепискѣ съ парижскимъ книгопродавцемъ, за что онъ по высочайшему приказу 13-го іюля 1823 г. и отставленъ отъ службы; но послѣ, изъ уваженія къ молодымъ лѣтамъ его и раскаянію въ содѣланномъ поступкѣ, приказомъ 17-го октября опредѣленъ по-прежнему на службу въ Кіевскій гренадерскій полкъ.

Нынѣ изъ-за-границы вновь доставлена переписка прапорщика Полторацкаго съ однимъ изъ ученыхъ тамошнихъ обществъ, въ которой заключается увѣдомленіе о литературныхъ нашихъ произведеніяхъ и сужденіе его на счетъ оныхъ. Его императорское величество хотя и не изволитъ ничего находить предосудительнаго въ перепискѣ сей; но не менѣе того остается недовольнымъ, что молодой офицеръ, недавно еще испытавшій надъ собой непріятныя отъ сего послѣдствія и послѣ сего, казалось бы, долженствующій болѣе заниматься службой и усердіемъ къ оной изгладить прежнее невыгодное о немъ мнѣніе,—продолжаетъ съ иностранными обществами переписку, могущую впослѣдствіи распространиться на другіе предметы и вовлечь его въ неприличныя сужденія. Его императорскому величеству благоугодно, чтобы ваше сіятельство вызвали прапорщика Полторацкаго въ главную квартиру и сдѣлали ему строжайшее ваше замѣчаніе, внушивъ, что по молодости и неопытности приличнѣе ему воздержаться отъ подобныхъ переписокъ и сужденій и чрезъ то избѣжать иногда невыгодныхъ заключеній о собственныхъ своихъ познаніяхъ; впрочемъ, ежели онъ имѣетъ склонность къ литературнымъ занятіямъ, то весьма похвально будетъ, если онъ свободное отъ службы время будетъ посвящать онымъ для усовершенствованія своего.

Сообщая вашему сіятельству къ исполненію высочайшую волю сію и пользуясь симъ случаемъ, я имѣю честь свидѣтельствовать вамъ совершенное мое почтеніе и преданность.

Наслѣдіе Петра Великаго [1]).

VIII.

Съ особенною всесторонностью Валишевскій останавливается на личности Анны Іоанновны.

Не пользовавшаяся большою любовію со стороны матери, предоставленная гувернанткамъ и преподавателямъ—нѣмцу Остерману, брату вице-канцлера, и французу Рамбуру—Анна извлекла мало пользы изъ ихъ уроковъ. Въ 17 лѣтъ она вышла замужъ за герцога Курляндскаго. «Петръ,—замѣчаетъ авторъ,—устроилъ этотъ бракъ въ промежуткѣ между двумя путешествіями черезъ Германію, не безъ задней мысли, оказавшейся проявленіемъ геніальности».

Свадебныя торжества отличались пышностью и своеобразностью. Между прочимъ, за столомъ были поданы два громадныхъ пирога, изъ которыхъ появились двѣ карлицы, протанцовавшія на столѣ менуэтъ. Петръ Великій самъ разрѣзалъ пироги; онъ же пускалъ фейерверкъ и при этомъ едва не былъ изувѣченъ. Послѣ этого, въ теченіе празднествъ, продолжавшихся около полумѣсяца, онъ занялся женитьбою карлика Ефима Волкова, выразивъ желаніе, чтобы свадебная ночь новобрачныхъ прошла въ его собственной спальнѣ.

Однако, мужу Анны Іоанновны не суждено было лично привезти ее въ Курляндію, такъ какъ дорогою онъ умеръ отъ послѣдствій чрезмѣрнаго количества вина, выпитаго имъ на свадебныхъ торжествахъ. «Тѣмъ не менѣе,—пишетъ Валишевскій,—Петръ пожелалъ, чтобы вдова обосновалась въ Митавѣ. Тамъ Анна долго жила безъ всякихъ радо-

[1]) См. „Русскую Старину“ мартъ 1902 г.

стей, подъ зоркимъ присмотромъ своего гофмаршала Бестужева, котораго Петръ превращалъ въ тюремщика. Пріѣхавъ туда, она нашла лишь домъ безъ мебели и доходъ въ 12.680 экю, изъ которыхъ 12.254 экю должны были идти на столъ, лошадей, прислугу и содержаніе батальона драгунъ». Она вышла изъ этого труднаго положенія, приблизивъ къ себѣ Бестужева. «Но затѣмъ ей было трудно сохранить его, послѣ того, какъ вслѣдствіе ея же собственныхъ сѣтованій было удостовѣрено, что этотъ плутъ грабилъ герцогство и превращалъ герцогскій домъ въ лупанаръ. Тщетно взывала она ко всѣмъ святымъ, обращаясь къ Меншикову, къ его женѣ, дочери, называя послѣднюю своей дорогой племянницей, и къ самой Варварѣ Арсеньевой. Присланный въ 1728 году для замѣны Бестужева курлянецъ Рацкій былъ пораженъ и испуганъ расходами двора, который, казалось, вскорѣ дойдетъ до нищеты. Гофмаршалъ, оберъ-гофмейстерина, камергеръ, три камеръ-юнкера, шталмейстеръ, двѣ фрейлины, статсъ-дама, легіонъ различныхъ чиновъ, секретарей, переводчиковъ, лакеевъ окружали герцогиню, содержавшую еще резидента въ Москвѣ, Корфа, которому она выплачивала ежегодно 1.200 р. По своей привычкѣ имѣть возлѣ себя много людей она, была дочерью своей страны и своего народа, и это постоянно составляло ея большую роскошь. Подобная наклонность даже и нынѣ замѣчается у нѣкоторыхъ русскихъ. Съ другой стороны, на Митавскій дворъ оказывали свое вліяніе и претенціозныя традиціи маленькихъ германскихъ дворовъ».

Наружность Анны Іоанновны является,—по свидѣтельству автора,— предметомъ самыхъ разнорѣчивыхъ показаній современниковъ. По отзыву Наталіи Долгорукой, на нее было страшно смотрѣть. Но, конечно, отзывъ несчастной жены бывшаго фаворита Петра II долженъ былъ составиться подъ вліяніемъ всѣхъ бѣдъ, обрушившихся на нее. Въ общемъ, ея отзывъ только въ одномъ отношеніи сходится съ портретомъ, набросаннымъ герцогомъ Лиріа. Анна была очень большаго роста, такая высокая,—по словамъ Наталіи Долгорукой,—что при своемъ въѣздѣ въ Москву она была на голову выше всѣхъ кавалеровъ своей свиты. Лиріа писалъ:—«Царица Анна очень высокаго роста и брюнетка. У нея красивые глаза, прелестныя руки и величественная осанка. Нельзя сказать, чтобы она была красавица, но въ общемъ производитъ пріятное впечатлѣніе». Почти въ томъ же родѣ говоритъ авторъ, и замѣчаніе Берхгольца: «Пріятна и полна жизни, хорошо сложена, хорошая внѣшность, съ осанкой, внушающей почтеніе». Такимъ образомъ нѣтъ ничего, что говорило бы о «престрашномъ взорѣ», которые представлялись m-elle Шереметевой. Но, за то, находящіеся въ нашемъ распоряженіи другіе документы скорѣе подтверждаютъ слова послѣдней. Шутъ царицы Прасковьи, свидѣтель, имѣющій значеніе, если и называлъ ея

дочь Анфисой, именемъ одной изъ святыхъ греческаго календаря, и предсказывалъ ей монастырь вслѣдствіе ея наклонности къ набожности, то иногда также, при ея появленіи, кричалъ: «донъ, донъ, донъ, царь Иванъ Васильевичъ!»

«Такъ какъ красота этой государыни не играла никакой роли въ исторіи, то вопросъ этотъ не имѣетъ большаго значенія. Безспорно только, что ни съ физической, ни съ нравственной стороны она ничѣмъ не напоминала своего отца. Напротивъ того, отъ матери она унаслѣдовала много чертъ ума и характера: суевѣрную набожность, патріархальныя привычки, оригинальныя наклонности въ духѣ народныхъ традицій, но съ бóльшею готовностью воспринять новшества, введенныя Петромъ. Ея дѣдушка, Алексѣй Михайловичъ, казалось, завѣщалъ ей свое упорство, свою любовь къ церемоніалу, роскошнымъ одѣяніямъ, пышности религіозной службы, бесѣдамъ съ монахами, равнымъ образомъ, свою страсть къ охотѣ и къ стрѣльбѣ въ цѣль. Но очень замѣтное влеченіе къ шутовскимъ забавамъ сближало ее также съ Петромъ I. Иронія и нравъ страшнаго устроителя маскарадовъ оживали въ рѣчахъ, которыя она держала, и въ развлеченіяхъ, которыя она устраивала для себя. Удовольствія Алексѣя Михайловича носили характеръ болѣе мирный и болѣе приличный: онъ любилъ купать своихъ стольниковъ въ пруду въ Коломенскомъ и развлекался по преимуществу тѣмъ, что слушалъ разсказы людей бывалыхъ.

Въ общемъ Анна Іоанновна олицетворяла собою полный типъ барыни-помѣщицы; наклонная къ лѣни, съ неожиданными порывами энергіи, безъ всякаго образованія, съ осторожнымъ умомъ, но духовно ограниченная. Въ Митавѣ она проводила дни совершенно неодѣтая, лежа на медвѣжьей шкурѣ и предаваясь сну или мечтамъ. Повидимому, она никогда не пользовалась для своего туалета водою, предпочитая употребленіе распущеннаго масла. Войдя на престолъ, она присоединила къ этому искусство болѣе утонченнаго кокетства: она прибѣгла къ румянамъ и бѣлиламъ. Въ 1738 году она упрекала за желтый цвѣтъ лица одну старую кумушку, которую потребовала къ себѣ для бесѣды.

— Уже, матушка, запустила себя,—объясняла та,—прежде пачкалась бѣлилами, брови марала, румянилась.

— Румянить не надобно, а брови марай.

Въ то же время, Анна Іоанновна проявляла озабоченность на счетъ своей фигуры:

— Какова же я толщиною, съ Авдотью Ивановну (графиню Чернышеву, урожденную Ржевскую),—говорила она.

Въ Москвѣ она вставала между семью и восемью часами, пила кофе и затѣмъ проводила часъ или два за разсматриваніемъ матерій и драгоцѣнностей. Въ девять часовъ происходилъ пріемъ министровъ и секре-

тарей. Она подписывала бумаги и отправлялась въ манежъ Бирона, гдѣ у нея были особые аппартаменты. Она пробовала или разсматривала лошадей, давала аудіенціи, потомъ стрѣляла въ цѣль. Возвратившись во дворецъ въ полдень, она обѣдала съ семьею Бирона, не мѣняя своего домашняго костюма, длиннаго капота восточнаго фасона, свѣтлоголубаго или зеленаго цвѣта, и краснаго платка на головѣ, повязаннаго такъ, какъ его повязываютъ русскія мѣщанки. Вставъ изъ-за стола, она ложилась на диванъ... Жена Бирона съ дѣтьми незамѣтно удалялась... Отдохнувъ послѣ обѣда, она открывала дверь, за которою дѣвушки занимались различными рукодѣліями.

— Ну, дѣвки, пойте,—говорила она.

И начинался концертъ, въ которомъ количество замѣняло качество, такъ какъ пѣвицы должны были пѣть во весь голосъ и могли останавливаться лишь тогда, когда получали соотвѣтственное приказаніе. Иногда онѣ доходили до полнаго изнеможенія, но еслибы допустили царицу замѣтить это, то рисковали быть отосланными на прачешную. Когда, наконецъ, она находила нужнымъ приказать имъ замолчать, то наступала очередь гадальщицъ, кумушекъ, занимавшихся сплетнями, шутовъ и шутихъ».

Особенное значеніе для характеристики личности Анны Іоанновны имѣетъ,—по заключенію Валишевскаго,—ея переписка съ московскимъ губернаторомъ Салтыковымъ. «Серьезные предметы затрогиваются здѣсь очень рѣдко»,—пишетъ онъ,—и въ подтвержденіе приводитъ выдержки изъ писемъ Анны Іоанновны. Въ этихъ письмахъ она спрашиваетъ: правда ли, что камергеръ Юсуповъ женился, и что онъ сильно ухаживаетъ за женщинами; прилично ли ведетъ себя жена Алексѣя Петровича Апраксина, а то въ Петербургѣ разсказываютъ, что князь Алексѣй Долгорукій постоянно находится у нея; проситъ сообщить ей подъ величайшимъ секретомъ, гдѣ и какъ произошла свадьба Бѣлосельскихъ, какъ отнеслась къ этому Марія Ѳеодоровна Куракина, была ли она весела.

«Вотъ въ чемъ заключалось любопытство Анны Іоанновны и самые обычные предметы ея заботъ,—заключаетъ авторъ.—Прочія порученія, даваемыя ею Салтыкову, въ общемъ не имѣютъ большаго отношенія къ государственнымъ дѣламъ. Она поручаетъ ему прислать ей дочь князя Вяземскаго, о которой ей передавали, какъ о большой говорунье. Она ищетъ этихъ говоруній повсюду, даже въ Персіи, посылая Салтыкову подробныя инструкціи и мѣрки, такъ какъ она обращала вниманіе и на ростъ.

«У вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны въ Москвѣ живетъ одна княжна Вяземская, дѣвка; и ты ее сыщи и отправь сюда, только чтобъ она не испужалась: то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ до-

рогѣ вели ее беречь, а я ее беру для своей забавы.—Какъ сказываютъ,—что она много говоритъ».

На долю Салтыкова выпадали вообще трудныя задачи. То онъ долженъ былъ пускаться въ поиски скворца, слава котораго дошла до ея величества, то достать экземпляръ шутовской пѣсенки, имѣвшей успѣхъ въ кабакѣ близъ Москвы.... Затѣмъ высочайшія повелѣнія возлагали на него обязанность заниматься: устройствомъ съ подобающей торжественностью заупокойнаго богослуженія по царевнѣ Прасковьѣ, распрей между настоятелемъ и монахами одного монастыря, покупкой матеріи у московскихъ торговцевъ.

Анна Іоанновна входила въ тщательное разсмотрѣніе вопроса о цѣнахъ. Въ ней было очень развито чувство родства, и на Салтыкова возлагалось также доставать ей различные портреты ея родныхъ. Крайне патріархальная въ отношеніяхъ къ своимъ, она вмѣшивалась въ денежныя затрудненія графа Апраксина, своего родственника, изъ котораго, впрочемъ, сдѣлала своего придворнаго шута, и даже въ дѣла профессіональнаго шута Балакирева. Она заботилась о томъ, чтобы ея духовникъ Варлаамъ, сдѣланный архимандритомъ Троицкой лавры, не нуждался ни въ чемъ.

У избранницы верховниковъ не было недостатка ни въ здравомъ смыслѣ, ни въ извѣстной колкости въ духѣ Петра I. На донесеніе казанскаго архіерея, что онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ 25-го марта, въ день Благовѣщенія, она отвѣчала:

«За то мы благодарствуемъ, что научилъ насъ здѣсь въ Петербургѣ знать», что Благовѣщеніе «какъ въ Казани, такъ и здѣсь въ одно время прилучается».

Какъ глава правительства, она, по отзыву Екатерины II, стоитъ значительно выше Елисаветы. Это еще не много; но, помимо ея переписки съ московскимъ губернаторомъ, переписка, которую она вела съ Остерманомъ, и нѣкоторые отрывки изъ которой были опубликованы, тоже заслуживаетъ вниманія. Изъ этой переписки прекрасно видно, что она не много понимала въ дѣлахъ, но любуешься ея прозорливостью относительно передачи дѣлъ тѣмъ, кто болѣе понимаетъ въ нихъ. И приходишь приблизительно къ тому же выводу, какъ Щербатовъ: посредственный умъ, полное отсутствіе образованія, но ясность мысли и вѣрность сужденій; безпрерывное, безъ всякаго предубѣжденія исканіе истины, полное отсутствіе любви къ лести, полное отсутствіе честолюбія высшаго порядка и, вслѣдствіе этого, полное отсутствіе стремленія творить, давать новые законы, создать что-либо великое; но, при всемъ томъ, извѣстная методичность, большая любовь къ порядку, постоянная забота не сдѣлать что-либо съ поспѣшностью и не посовѣтовавшись съ людьми болѣе искусными, стараніе принимать постоянно рѣшенія разум-

ныя и обоснованныя; прилежаніе къ дѣламъ, достаточное для женщины, — Щербатовъ могъ быть не слишкомъ требователенъ въ этомъ отношеніи,—довольно сильная, но безъ предосудительныхъ излишествъ любовь къ представительству. Прибавьте къ этому, что, принеся на престолъ характеръ, закаленный испытаніями, и темпераментъ грубый по природѣ, она была вынуждена, чтобы удержаться у власти, прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, которыя, казалось, оправдывались обстоятельствами и нравами того времени. Съ другой стороны, постоянно неспокойная, потому что ее не оставляли въ покоѣ, постоянно находясь насторожѣ, она нуждалась въ развлеченіяхъ, которыя были грубы, какъ были грубы вкусы и влеченія окружавшаго ее общества, какъ были грубы ея воспитаніе и ея семейныя традиціи.

Переживъ страстное увлеченіе верховой ѣздою, она съ тою же горячностью предалась стрѣльбѣ. Во всѣхъ углахъ дворца ее ждали заряженныя ружья. Она стрѣляла черезъ окна въ пролетавшихъ птицъ, наполняя комнаты шумомъ и дымомъ, и вынуждала окружавшихъ ее дамъ дѣлать то же самое. У нея стояло на конюшняхъ до 379 верховыхъ лошадей, а одно время она сильно увлекалась пусканіемъ змѣевъ.

Валишевскій примѣняетъ къ Аннѣ Іоанновнѣ извѣстную пословицу:—скажи мнѣ, кто посѣщаетъ тебя, и я скажу тебѣ—кто ты. «Ея первая горничная и большая любимица, Анна Ѳедоровна Юшкова,—пишетъ онъ,—была прежде кухонною босоногою дѣвкою, изъ разряда низшей дворцовой челяди. Анна Іоанновна поставила ее въ число лицъ, непосредственно окружавшихъ ее, выдала ее замужъ за родственника спальника Василія Юшкова, но тѣмъ не менѣе нисколько не отполировала ее. Веселаго нрава, любившая подурачиться, быстро пускавшая въ ходъ сквернословіе, эта подруга оживляла длинные зимніе вечера—и стригла ногти ея величества, а также Бирона и всей его семьи. Другая судомойка, Маргарита Ѳедоровна Манахина, дополняла вмѣстѣ съ Аграфеной Александровной Щербатовой, жизнерадостной и веселой кумушкой, личный составъ интимнаго женскаго кружка. По части мужчинъ, первое мѣсто занимали скоморохи и шуты, и со стороны Анны Іоанновны было привычкою и системою вводить въ ихъ среду элементы, почерпнутые въ высшихъ рядахъ аристократіи»...

IX.

«12-го февраля 1718 года, когда Анна Іоанновна, еще въ качествѣ герцогини Курляндской, находилась въ Анненгофѣ, резиденціи по близости Митавы, тамъ произошло незамѣтное событіе, которому суждено

было оказать громадное вліяніе на судьбы будущей императрицы и даже на судьбы Россіи. Вслѣдствіе болѣзни оберъ-гофмаршала Петра Михайловича Бестужева, бумаги, требовавшія подписи герцогини, были представлены ей однимъ изъ чиновниковъ его канцеляріи. Она приказала ему приходить каждый день. Нѣсколько времени спустя она сдѣлала его своимъ секретаремъ, а затѣмъ—камеръ-юнкеромъ». Это былъ Эрнестъ Биронъ.

Останавливаясь на вопросѣ о правописаніи фамиліи временщика, авторъ отмѣчаетъ, что первоначально она писалась «Бюренъ» (Bühren), и превращеніе ея въ «Биронъ» онъ склоненъ приписать «смѣшной претенціозности нѣмецкаго авантюриста», который былъ не прочь выставлять свою мнимую родственную связь съ французскими Биронами. Самъ Валишевскій въ своемъ трудѣ строго придерживается правописанія «Бюренъ».

«Находились біографы,—замѣчаетъ авторъ,—высказывавшіе сомнѣніе относительно обычной оцѣнки характера отношеній, установившихся съ этого времени между молодою женщиною и этимъ вновь появившимся лицомъ. Они выдумали своего рода сродство душъ (Wahlverwandschaft) платоническаго свойства, которому страстная привязанность Анны Іоанновны къ женѣ фаворита и, въ особенности, къ его дѣтямъ, дѣйствительно, могла бы придавать правдоподобный видъ. Но были высказаны и другія соображенія».

Для характеристики отношеній Анны Іоанновны къ Бирону авторъ приводитъ свидѣтельство Маньяна отъ 13-го іюля 1731 г. «Такъ какъ въ прошлое воскресенье царица переѣхала изъ своего городскаго дворца въ новый лѣтній домъ, который только три мѣсяца тому назадъ она приказала построить спѣшно, и въ которомъ аппартаменты оберъ-камергера (Бирона) смежны съ ея аппартаментами, она обѣщала княгинѣ Ромадановской пріѣхать на банкетъ, который та хотѣла дать въ прошлую среду. Ея величество уже помѣстилась въ карету, чтобы отправиться къ ней, какъ вдругъ лошадь, на которую сѣлъ г. Биронъ, чтобы сопровождать ее, чего-то испугалась... сбросила его на землю, но такъ счастливо, что онъ получилъ лишь легкій ушибъ ноги. Несмотря на это, царица проявила такую чувствительность, что вышла изъ кареты и послала сказать княгинѣ Ромадановской, чтобы та не ждала ее. Все то, что можно было бы сказать о впечатлѣніи, которое это происшествіе произвело на старыхъ русскихъ, совершенно не поддается выраженію».

Родившись въ 1690 году, фаворитъ былъ вторымъ изъ трехъ сыновей отставнаго офицера польской арміи. Его родъ былъ вестфальскаго происхожденія, но обосновался въ Курляндіи и уже въ продолженіе двухъ поколѣній владѣлъ тамъ вотчиною Кальмцеемъ. Въ этомъ обстоятельствѣ онъ видѣлъ доказательство благородства своего происхожденія,

такъ какъ, по мѣстнымъ законамъ, земли могли принадлежать только дворянамъ.... Однако, когда Анна Іоанновна пожелала добиться для своего камергера оффиціальнаго признанія этого дворянства, ей пришлось встрѣтить формальный отказъ, и Биронъ сдѣлался герцогомъ курляндскимъ прежде, чѣмъ сталъ дворяниномъ своего герцогства. Городскіе центры, Митава на востокѣ и Либава на западѣ, съ теченіемъ времени проявили снисходительность въ отношеніи къ нему, но помѣстная аристократія до конца протестовала противъ выскочки.

Юность Бирона была бурная. Будучи студентомъ Кенигсбергскаго университета, онъ два раза попадалъ въ тюрьму, въ частности, за участіе въ ночной кражѣ, и навлекъ на себя штрафы, которые долгое время оставались невыплаченными. Въ 1714 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и пытался устроиться при дворѣ Софіи-Шарлотты, жены царевича Алексѣя. Но признали, что онъ слишкомъ низкаго происхожденія. Онъ встрѣтилъ лучшій пріемъ десять лѣтъ позднѣе, когда сопровождалъ Анну Іоанновну въ Москву на коронацію Екатерины I-й; тогда онъ завязалъ тамъ полезныя отношенія и добился признанія со стороны императрицы своихъ познаній по лошадиной части, которыя, повидимому, были поразительны. Впослѣдствіи было высказано, что онъ говорилъ съ лошадьми такъ, какъ будто онѣ были люди, а съ людьми такъ, какъ будто они были лошади. Разсказывали также, что онъ былъ конюхомъ, но это не отвѣчаетъ ни одной фактической данной изъ его біографіи. Въ 1723 году Анна Іоанновна женила его на Бенигнѣ фонъ-Тротто-Трейденъ; выборъ этотъ не можетъ быть объясненъ иначе, какъ податливостью, приписываемой супругѣ Бирона, такъ какъ послѣдняя, если исключить ея довольно декоративныя родственныя связи, выдѣлялась лишь рѣдко встрѣчаемою дурнотою и равною ей глупостью,—болѣзненная, необычайно обезображенная оспою и съ не менѣе необычайными претензіями.

Средняго роста, но прекрасно сложенный, Биронъ произвелъ на Казанову, видѣвшаго его уже въ преклонномъ возрастѣ, впечатлѣніе старика, который былъ прежде очень красивымъ мужчиной. Портретъ Соколова, оставшійся неоконченнымъ по причинѣ отъѣзда модели въ Сибирь, рисуетъ намъ профиль суровый и повелительный, съ носомъ, напоминавшимъ клювъ хищной птицы и поражавшимъ посѣтителей герцогскаго склепа въ Митавѣ, гдѣ еще недавно набальзамированное тѣло фаворита было выставлено съ открытымъ лицомъ.

Дѣйствительно, Сибирь ждала этого избранника счастья, которому суждено было быть регентомъ Россіи въ продолженіе двадцати двухъ дней, а изгнанникомъ—въ продолженіе двадцати двухъ лѣтъ. Повидимому, онъ былъ убѣжденъ, что цифра два играетъ роль въ его жизни. Были склонны представлять его въ нравственномъ отношеніи, какъ мало

отесаннаго мужлана, вносящаго съ собою запахъ конюшни и соотвѣтствующія привычки, лишеннаго какъ образованія, такъ и принциповъ. Въ этомъ отношеніи легенда, по меньшей мѣрѣ, представляется спорною. Съ точки зрѣнія воспитанія, не исключая Бенигны фонъ Тротто-Трейденъ, женщины въ этомъ родѣ, правда, стояли выше мужчинъ, но это не была семья конюха. Переписка матери фаворита, урожденной фонъ-деръ-Раабъ, и самой его жены, хранящаяся въ Московскомъ архивѣ, служатъ доказательствомъ этого. Когда страннымъ превратностямъ судьбы угодно было, чтобы онъ водворился въ своемъ герцогствѣ, потерявъ въ Россіи положеніе, доставшее ему этотъ удѣлъ, Эрнестъ Биронъ вовсе не былъ тамъ не у мѣста. Онъ лучше справлялся съ сеймомъ, чѣмъ его сынъ Петръ, въ пользу котораго онъ отказался отъ власти. И въ Петербургѣ, въ періодъ его всемогущества, у него была прекрасная библіотека, въ которой онъ часто уединялся.

Пріѣхавъ въ Россію, онъ принесъ съ собою, какъ плодъ своихъ мало пріятныхъ отношеній къ курляндскому дворянству, большую нечувствительность сердца, которая, отъ соприкосновенія съ политическими нравами страны, превратилась въ жестокость и ненависть къ людямъ и интересамъ аристократіи; развитію этой ненависти должна была благопріятствовать борьба съ олигархической партіей, начатая Анной Іоанновной. Но, выстрадавъ болѣе отъ бѣдности, чѣмъ отъ ранъ, нанесенныхъ его гордости, онъ былъ болѣе жаденъ, чѣмъ жестокъ. Еврей Липманъ служилъ ему повѣреннымъ и посредникомъ для всевозможныхъ темныхъ дѣлъ, въ число которыхъ входило и ростовщичество. Онъ помогъ ему превратить свою переднюю въ лавочку, въ которой другой обрѣзанецъ, Биленбахъ, торговалъ мѣстами и милостями. И такимъ образомъ онъ способствовалъ укорененію въ высшихъ правящихъ сферахъ обычаевъ, которые издавна не были чужды имъ, но которые въ эту эпоху получили особо широкое развитіе.

Биронъ вмѣшивался въ дѣла правленія даже тогда, когда еще не былъ облеченъ оффиціальнымъ званіемъ. Оффиціально, при жизни Анны Іоанновны, онъ не принималъ въ нихъ никакого участія. Герцогъ курляндскій съ 1737 года, въ Россіи онъ былъ лишь фаворитомъ. Но, съ давнихъ поръ, этотъ титулъ соотвѣтствовалъ болѣе или менѣе прямому захвату власти.

Говоря о значеніи Бирона, авторъ приводитъ современное письмо изъ Петербурга, помѣченное 30-мъ декабря 1738 г. «Царица—читаемъ въ этомъ письмѣ,—часто страдаетъ отъ подагры и скорбута, такъ что, если бы предположить въ ней способность къ дѣламъ и любовь къ работѣ, ей, все-таки, было бы невозможно царствовать самой по себѣ. Поэтому, въ сущности, она вмѣшивается только въ свои удовольствія... Что касается правленія, то она лишь предоставляетъ свое имя своему

дорогому герцогу курляндскому. Графъ Остерманъ, повидимому, является помощникомъ герцога, не будучи имъ въ дѣйствительности. Правда, герцогъ совѣтуется съ нимъ .. но онъ не довѣряетъ ему и слѣдуетъ его совѣтамъ лишь постолько, поскольку они бываютъ одобрены... Липманомъ. Можно сказать, что этотъ еврей и управляетъ Россіей» [1]).

«Компаньонъ Липмана,—пишетъ авторъ,—сдѣлался герцогомъ Курляндіи при содѣйствіи нѣсколькихъ русскихъ полковъ, посланныхъ въ Митаву послѣ смерти Фердинанда (23-го апрѣля (4-го мая) 1737 года) подъ начальствомъ полковника Бисмарка, безспорнаго предка «желѣзнаго канцлера». Засѣдая подъ сѣнью штыковъ и подъ дуломъ привезенныхъ имъ пушекъ, Курлянскій сеймъ столь же послушно подавалъ голоса за Бирона, съ какой восторженностью онъ привѣтствовалъ Морица; Польша не протестовала, и, помѣченный 2-го (13-го) іюня 1737 г., дипломъ на избраніе былъ ратификованъ 13-го слѣдующаго іюля Августомъ III... Биронъ, конечно, остался въ Петербургѣ, и, управляемая издали, точно какая-нибудь русская провинція, Курляндія свыкалась съ судьбою, которая послѣ этого роковымъ образомъ должна была постигнуть ее; она напоминала собою грушу, тихо дозрѣвающую на деревѣ, отдѣленномъ отъ своего польскаго корня. Затѣмъ, по диплому императора Карла VI, фаворитъ получилъ титулъ свѣтлости. Онъ былъ кавалеромъ орденовъ Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго. Онъ сдѣлался даже «барономъ», главою французскихъ бароновъ. Если вѣрить Маньяну, его сотоварищи изъ Вѣны и Берлина подавали въ это время примѣръ позорной угодливости; они цѣловали фавориту руки и пили его здоровье, стоя на колѣняхъ.

Заслужилъ ли человѣкъ, такъ избалованный судьбою и низостью лицъ, которыхъ она предавала въ его власть, заслужилъ ли онъ весь тотъ позоръ, которымъ послѣ его паденія поспѣшили покрыть его тѣ же самые льстецы? Я совершенно не допускаю этого, при чемъ не вижу надобности прибѣгать для этого къ положенію, проводимому однимъ изъ его соотечественниковъ, нѣмецкимъ біографомъ Сиверсомъ: «нѣмецъ дѣлаетъ все основательно, gründlich: находясь въ дурной компаніи, онъ перещеголяетъ своихъ товарищей; и такимъ-то образомъ много славныхъ вестфальцевъ или саксонцевъ оказались въ Россіи страшными негодяями». Я предпочитаю сослаться на доказательства, которыя, повидимому, даетъ въ пользу обвиняемаго сама исторія царствованія, въ продолженіе котораго, по словамъ его обвинителей, онъ былъ всемогущимъ,

---

[1]) Это письмо было напечатано въ Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества (XV, 110), какъ извлеченное безъ фамиліи автора изъ Дрезденскаго архива. По этому поводу Валишевскій замѣчаетъ, что это письмо хранится въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ приложеніе къ письму маркиза Мирпуа, отъ 13-го марта 1739 г.

и въ продолженіе котораго жизненнымъ интересамъ страны не приходалось страдать слишкомъ много. Недавно обнародованные отрывки изъ его переписки раскрываютъ въ его нравственномъ обликѣ такія стороны, которыхъ, кажется, его біографы и не подозрѣвали, хотя нѣкоторые изъ нихъ и касались случаевъ, когда, какъ въ происшествіи съ Куракинымъ, онъ призывалъ Анну Іоанновну къ снисходительности и кротости. Ни у кого не было представленія о Биронѣ, грустномъ и разочарованномъ, писавшемъ въ апрѣлѣ 1736 года: «Богъ свидѣтель, я усталъ отъ жизни, насколько только можно устать отъ нея. Годы, недуги, государственныя заботы, огорченія и работа все возростаютъ, и кромѣ смерти я не вижу другой возможности избавиться отъ нихъ». А вотъ еще: «Вся тяжесть дѣлъ ложится на меня, такъ какъ Остерманъ въ постели, а между тѣмъ все должно идти своимъ порядкомъ». Отказаться отъ цѣлаго міра и кончить свою жизнь въ уединеніи—мечта, которой, если вѣрить ему, онъ предается ежедневно. Принимать эти заявленія буквально было бы наивно. Но на извѣстныхъ ступеняхъ нравственной лѣстницы — а уже установлено, что здѣсь мы находимся на самой низкой—само лицемѣріе является добродѣтелью, такъ какъ оно порождается стыдливостью. Былъ ли фаворитъ великимъ государственнымъ человѣкомъ или просто честнымъ человѣкомъ,—не въ этомъ вопросъ. Я уже показалъ его занимающимся ростовщичествомъ, а это не худшее изъ того, что онъ дѣлалъ. Дѣло въ томъ, чтобъ узнать, былъ ли онъ чудовищемъ, гнуснымъ и безсмысленнымъ животнымъ, какимъ представили его сами его соотечественники.

«Онъ не блисталъ, какъ регентъ, и допустилъ захватить и низвергнуть себя смѣшнымъ образомъ. Но Меншиковъ, который безспорно олицетворялъ собою умъ и силу, въ подобномъ же случаѣ защищался не лучше. Положеніе, занятое этими людьми, управлялось законами неустойчиваго равновѣсія. Какъ бы высоко ни подымались они, они оставались во власти малѣйшаго потрясенія.

«Вникая во все и соображаясь съ обстоятельствами, я все-таки думаю, что главная вина этого фаворита была та, что онъ былъ нѣмецъ... Ненависть, которую масса русскаго народа проявляла къ «бироновщинѣ», складывалась, какъ мнѣ представляется, изъ тѣхъ же элементовъ», изъ которыхъ складывалась ненависть къ нѣмцамъ Волынскаго и его единомышленниковъ. А ихъ возстановляли противъ нѣмцевъ «относительный духъ порядка, системы и простоты, который эти иностранцы вносили съ собою, ихъ болѣе культурные нравы и бо̀льшая образованность»... Биронъ несомнѣнно проявлялъ замашки невыносимо высокомѣрныя, деспотическія и наглыя, и сенаторы, которымъ онъ грозилъ однажды проѣхать по нимъ своей каретою, послѣ того, какъ его трясхнуло какъ-то при переѣздѣ черезъ мостъ,—должны были затаить въ себѣ

вполнѣ законную злобу. У него была также несносная семья. Рядясь въ стотысячныя платья и надѣвая на два милліона брилліантовъ, Бенигна принимала посѣтителей сидя на чемъ-то вродѣ трона, протягивала имъ обѣ руки и оскорблялась, если у нея цѣловали лишь одну. Любимое развлеченіе ея дѣтей состояло въ выливаніи чернилъ на платье лицъ, бывавшихъ при дворѣ, и въ снятіи съ нихъ париковъ. Младшій сынъ, Карлъ, присоединялъ къ «этому привычку бѣгать по заламъ съ хлыстомъ въ рукахъ и стегать по икрамъ, которыя не нравились ему». Когда старый князь Барятинскій, генералъ-аншефъ и человѣкъ, пользовавшійся всеобщимъ уваженіемъ, проявилъ недовольство по этому поводу, фаворитъ сказалъ ему:

— Вамъ остается лишь не появляться при дворѣ. Подайте въ отставку; я обѣщаю вамъ, что она будетъ принята.

Старшій изъ братьевъ, Карлъ, въ Малороссіи, гдѣ долгое время онъ имѣлъ свою главную квартиру, велъ жизнь сатрапа, среди сераля, состоявшаго изъ молоденькихъ дѣвушекъ и женщинъ, захваченныхъ вооруженною силою, и псарни, для которой такимъ же образомъ доставали кормилицъ изъ окрестныхъ крестьянокъ. Биронъ не потрудился даже научиться языку страны, которую онъ открыто презиралъ, не съумѣлъ признать въ ней элементовъ величія, изъ которыхъ онъ же первый извлекалъ пользу. А русскіе его времени, въ свою очередь, были очень склонны не признавать значенія, которое историческій фатумъ предоставилъ иноземному элементу въ судьбахъ ихъ отечества».

Въ частности, царствованіе Анны Іоанновны авторъ признаетъ «эпохой, когда проявился апогей нѣмецкаго вліянія, выражающійся въ настоящемъ завоеваніи высшихъ должностей лицами германскаго происхожденія».

Останавливаясь затѣмъ на вопросѣ о роли чужеземнаго элемента въ исторіи Россіи, Валишевскій замѣчаетъ: «фактъ исторической очевидности, что въ этой странѣ національный элементъ оказался не въ состояніи своими собственными средствами проявить значеніе тѣхъ средствъ, которыя природа и исторія предоставили въ его распоряженіе, какъ равно, даже въ настоящее время, онъ обнаруживаетъ неспособность, безъ иностраннаго содѣйствія, эксплоатировать ихъ во всей ихъ совокупности. Исключительныя величіе и трудность задачи не допускаютъ возможности какого бы то ни было унизительнаго истолкованія этого явленія. Народъ, получившій въ удѣлъ континентальную область, самую обширную, образованіе которой міръ видѣлъ когда-либо, народъ, съумѣвшій сохранить ее и надѣющійся расширить ее, этотъ народъ въ сто тридцать милліоновъ человѣкъ, конечно, не можетъ же быть вдругъ признанъ низшимъ въ сравненіи съ какимъ-либо другимъ народомъ. Тѣ, которымъ пришлось пострадать отъ силы его расширенія, тѣ особенно

заинтересованы въ томъ, чтобы провозглашать это, потому что нельзя возвеличивать себя, уничижая своихъ побѣдителей. Но даже Римъ не завоевалъ міра безъ содѣйствія союзниковъ. Поэтому же широкая система набора извнѣ, примѣненная Петромъ I, связана въ исторіи страны съ очень старыми традиціями. Наличіе и даже численное значеніе иностраннаго элемента, поглощеннаго страною въ различное время, ясно сказываются въ генеалогіи высшихъ фамилій. Даже, по даннымъ Бархатной книги, большинство этихъ фамилій ведетъ свое происхожденіе отъ иностранныхъ авантюристовъ, являвшихся въ разное время на службу къ великимъ князьямъ кіевскимъ, черниговскимъ, тверскимъ, рязанскимъ, московскимъ и новгородскимъ».

Но стремленіе автора къ безпристрастію тотчасъ же заставляетъ его оговориться, что показанія объ иностранномъ происхожденіи родоначальниковъ многихъ фамилій должны быть принимаемы съ извѣстною осторожностью. «Странно развитое тщеславіе расплодило въ этой области гипотезы, самыя фантастическія измышленія. Въ средѣ двора и общества, гдѣ преобладали иностранныя вліянія, въ теченіе долгаго времени считалось хорошимъ тономъ приписывать себѣ подобное происхожденіе. Это былъ родъ снобизма, вліяніе котораго сохранилось, повидимому, до новѣйшаго времени и проникло въ среду промышленнаго класса. Такъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ одномъ процессѣ въ Петербургѣ фигурировала псевдо-англійская фамилія Витарзака, произвольно присвоенная себѣ однимъ крестьяниномъ Тульской губерніи. Онъ объяснялъ свой поступокъ желаніемъ лучше сбывать свои папиросы».

«Съ семнадцатаго, по крайней мѣрѣ, по девятнадцатое столѣтіе, иностранцы, дѣйствительно, держали въ своихъ рукахъ болѣе половины того, что̀ составляло величіе и мощь Россіи. Сами ли они единогласно создали эти величіе и мощь? Конечно, нѣтъ. По признанію самихъ нѣмцевъ, средства, которыя они нашли въ странѣ, широкіе горизонты, которые открывались тамъ ихъ предпріимчивому уму, удесятеряли природные таланты Остермановъ и Миниховъ».

X.

Набрасывая яркую картину нравовъ въ царствованіе Анны Іоанновны, Валишевскій говоритъ въ частности и о той сторонѣ ихъ, которая составляла «окончательный разрывъ съ прежними традиціями». Въ Митавѣ Анна Іоанновна прилагала усилія примѣнить къ широкому

обиходу своего двора образцы, которые предлагали ея воображенію современные нѣмецкіе дворы, въ свою очередь, увлекавшіеся примѣромъ Версаля. Лиріа утверждалъ, конечно, не безъ преувеличенія, что великолѣпіе, воспоминаніе о которомъ оставилъ въ немъ французскій дворъ, было превзойдено въ Москвѣ празднествами, которыя новая государыня стала учащенно давать тотчасъ послѣ своего воцаренія. Но ни у Петра II, ни даже у Екатерины I не было двора въ тѣсномъ смыслѣ слова, со сложной организаціей и декоративнымъ великолѣпіемъ, по образцу западныхъ дворовъ. Петръ I уничтожилъ малѣйшіе слѣды того, что составляло величіе и пышность его предшественниковъ, а вмѣсто этого не далъ ничего новаго. Онъ жилъ въ хижинѣ и ѣздилъ въ кабріолетѣ. Если исключить нѣсколько должностей камергеровъ, то все предстояло создать заново, и Анна Іанновна не остановилась предъ этимъ. У нея были заведены придворные для всевозможныхъ надобностей, и установлены пріемы въ опредѣленные дни; она давала балы, и у нея играла драматическая труппа, какъ у короля (французскаго). Къ праздникамъ коронаціи Августъ II прислалъ ей изъ Дрездена нѣсколько итальянскихъ артистовъ, и она поняла, что ей необходимо имѣть постоянную итальянскую труппу. Она завела ее въ 1735 году, и два раза въ недѣлю «интермедіи» чередовались съ балетами. Въ нихъ принимали участіе воспитанники кадетскаго корпуса, обученные французомъ балетмейстеромъ Ланде. Затѣмъ появилась итальянская опера съ семьюдесятью пѣвцами и пѣвицами. Такъ какъ императрица не знала итальянскаго языка, то Тредьяковскій дѣлалъ для нея переводы, и государыня слѣдила за представленіями. Но даже при такихъ условіяхъ она не стала находить въ нихъ удовольствія. Ея умъ, какъ и ея воспитаніе, мало гармонировали съ артистическими формами удовольствій, такъ что Бирона осѣнило очень мудрое вдохновеніе, когда онъ пригласилъ еще нѣмецкую труппу, грубые фарсы которой всецѣло пользовались тѣмъ успѣхомъ, на который онъ разсчитывалъ. Анна Іоанновна особенно смѣялась въ тѣхъ мѣстахъ, когда дѣло доходило до смѣха. Тѣмъ не менѣе, возникла борьба между этимъ новымъ элементовъ франко-итальянскимъ, которому покровительствовалъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, проявлявшій притязанія на изящество. Смерть Анны Іоанновны обезпечила окончательную побѣду второму элементу...

Одновременно съ этимъ заводилась и распространялась въ высшихъ сферахъ общества необычайная роскошь. Одѣянія прежнихъ бояръ были богаты, но служили нѣсколькимъ поколѣніямъ. Вводя европейскій костюмъ, Петръ I подавалъ примѣръ крайней простоты. При Аннѣ Іоанновнѣ появилась мода. Такъ какъ Биронъ любилъ лишь свѣтлые цвѣта, а Левенвольдъ чувствовалъ пристрастіе къ золотому шитью, то стали разоряться на заказы въ Ліонѣ. Было воспрещено дважды

являться ко двору въ одномъ и томъ же платьѣ. Старики, въ родѣ Остермана, показывались тамъ въ нарядахъ нѣжно-розоваго цвѣта. При годовомъ расходѣ на туалетъ въ три тысячи рублей, человѣкъ все-таки производилъ жалкое впечатлѣніе, а платья жены Бирона оцѣнивались въ пятьсотъ тысячъ рублей. Столъ тоже сталъ отличаться утонченностью, до тѣхъ поръ неизвѣстною. При Петрѣ I для самыхъ изобильныхъ возліяній служила «простая». Въ царствованіе Анны Іоанновны сцены опьяненія были рѣдкостью при дворѣ. Онѣ вызывали въ ней слишкомъ непріятныя воспоминанія. Но за то за столомъ стали чаще появляться французскія вина, шампанское, бургонское, сопровождавшія болѣе изысканныя блюда. Во многихъ домахъ завелся обычай держать открытый столъ, и странно, что эта форма гостепріимства, до тѣхъ поръ новая и западнаго происхожденія, въ нѣкоторыхъ русскихъ домахъ удержавшаяся до настоящаго времени, принимаетъ теперь видъ національной особенности. Дома строились болѣе просторными и украшались англійскою мебелью изъ краснаго дерева, зеркалами и обоями. Заводились роскошные экипажи, золоченыя и обтянутыя бархатомъ кареты. Петръ I запретилъ игру даже въ арміи. Анна Іоанновна, ненавидя карты, въ то же время считала необходимымъ имѣть свою партію, какъ имѣла свою партію королева (французская) въ Версали. Она устраивалась такимъ образомъ, что проигрывала лишь незначительныя суммы и никогда не брала выигранныхъ денегъ, но на сосѣднихъ столахъ рисковали цѣлыми состояніями. Въ концѣ своего царствованія она сама ужаснулась тѣхъ результатовъ, къ которымъ привело это внезапное вторженіе чужеземныхъ нравовъ, и изданные противъ роскоши законы должны были помочь бѣдѣ. Золото и серебро изгонялись изъ мужскихъ и женскихъ туалетовъ. Но привычки уже сложились, и неумолимая мода прибѣгла къ изобрѣтательнымъ средствамъ, чтобы не выпустить изъ рукъ своихъ жертвъ...

Впрочемъ, подъ западно-европейскимъ лоскомъ сохранялись и прорывались черты неотесанности, грубости и природной дикости. На придворныхъ балахъ, національный танецъ чередовался съ менуэтомъ. Гвардейскіе унтеръ-офицеры съ своими молоденькими женами и нѣкоторые придворные даже отличались въ немъ.

Подражаніе французской модѣ было общераспространено, но, при всемъ томъ, лѣтомъ можно было встрѣтить «даму» съ подобраннымъ платьемъ изъ дама́, изъ-подъ котораго виднѣлись голыя ноги.

Роскошь на-ряду съ нищетою и наружное великолѣпіе, прикрывающее неприглядную изнанку, и въ настоящее время составляютъ характерныя особенности обыденной жизни въ славянскихъ странахъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны интимныя привычки даже въ высшемъ классѣ были, повидимому, далеки отъ всякой утонченности, какъ равно

и отъ дѣйствительнаго комфорта. Въ загородномъ домѣ своихъ свекра и свекрови Наталія Долгорукова ночевала съ своимъ молодымъ мужемъ въ сѣнномъ сараѣ.

Императрица не любила, чтобы напивались пьяными въ ея присутствіи. Но въ другихъ мѣстахъ банкеты очень часто переходили въ грязныя оргіи, какъ было встарь, а иногда пьянство становилось даже обязательнымъ. Въ маѣ 1732 года, отдавая отчетъ о празднествѣ, данномъ въ московскомъ императорскомъ дворцѣ по случаю годовщины коронованія ея величества, Салтыковъ сообщалъ, что все обошлось бы хорошо, если бы не упорство одного генерала, отказывавшагося пить, тогда какъ значительное число приглашенныхъ, среди которыхъ находились всѣ высшіе мѣстные сановники, военные, гражданскіе и духовные, съ ихъ женами, были вынесены безъ сознанія. Губернаторъ (главнокомандующій) тщетно пытался вернуть этого упрямаго застольника къ сознанію долга: «вѣдаешь ли,—говорилъ онъ, что ты въ домѣ ея императорскаго величества!» Возникли препирательства съ возмущенными присутствовавшими, и дерзкаго пришлось удалить [1]).

---

[1]) Несомнѣнно, пьянство было однимъ изъ главныхъ пороковъ того времени. Только намъ кажется, что едва-ли письму Салтыкова, о которомъ говоритъ авторъ, можно придать то рѣзкое освѣщеніе, какъ это сдѣлано въ „Наслѣдіи Петра Великаго". Поэтому мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь это письмо. Вотъ что писалъ графъ Салтыковъ Бирону: „Прошедшаго апрѣля 28, въ день коронованія ея императорскаго величества, здѣсь торжествовали въ домѣ ея императорскаго величества обрѣтающіеся здѣсь въ Москвѣ архіереи и господа министры и генералитетъ и дамы и статскіе чины и лейбъ-гвардіи полковъ штабъ и оберъ-офицеры, также и другихъ полковъ штабъ-офицеры, обѣдали и всѣ веселились довольно и очень были шумны, такъ что иныхъ насилу на рукахъ снесли, а иныхъ развезли, однакожъ все по благости Божіей благополучно; токмо въ то число Ѳедоръ Чекинъ былъ неспокоенъ. Какъ еще сидѣли за столомъ и не очень были шумны, то онъ, Чекинъ, многова не пилъ, и которые офицеры подносили, пришли ко мнѣ и сказали, что онъ, Чекинъ, не пьетъ, и я ему сталъ говорить: вѣдаешь ли, что ты въ домѣ ея императорскаго величества, а не хочешь пить и сказываешь, что будто вино худо, вѣдь ты это зашелъ не въ вотчинную коллегію и не на Катокъ, и оное я ему сказалъ для того, что онъ, Чекинъ, безпрестанно живетъ въ вотчинной коллегіи, и кабакъ, что подлѣ вотчинной коллегіи, который называется Катокъ; и онъ сталъ со мною въ споръ говорить и хотѣлъ браниться, только я съ нимъ браниться и въ споръ говорить не хотѣлъ въ домѣ ея императорскаго величества и въ такой торжественный день; токмо я противъ него умолчалъ и такъ сдѣлалъ, что будто ничего не слыхалъ; а потомъ Григорій Петровичъ Чернышевъ черезъ столъ началъ съ нимъ говорить, что онъ не пьетъ и выбираетъ вино: вѣдаешь ты, что домъ ея императорскаго величества, и онъ, Чекинъ, къ нему придирался, однакожъ Григорій Петровичъ отъ того умолчалъ и не хотѣлъ съ нимъ браниться и показалъ, что будто ничего не слыхалъ; да герольдмейстеръ

XI.

Говоря о восшествіи на престолъ Іоанна Антоновича и о назначеніи регентомъ Бирона, Мардефельдъ доносилъ 1-го ноября 1740 г.: «всѣ русскіе отправились (въ Зимній дворецъ) поздравить регента, цѣлуя ему руку или платье. Онъ заливался слезами, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова... Спокойствіе такъ велико, что, такъ сказать, ни одна кошка не шевельнется».

Передавая о паденіи Бирона, Мардефельдъ сообщалъ, будто въ его бумагахъ нашли доказательства, что еще при жизни императрицы онъ уже лично и крайне произвольно вмѣшивался въ важнѣйшія государственныя дѣла, а именно заключилъ, будто бы, безъ вѣдома министровъ, секретный договоръ съ дрезденскимъ дворомъ, въ силу котораго онъ обѣщалъ помощь въ двѣнадцать тысячъ человѣкъ противъ Австріи, взамѣнъ чего саксонское правительство гарантировало Аннѣ Іоанновнѣ свое согласіе на осуществленіе ея намѣреній въ вопросѣ о престолонаслѣдіи.

Квашнинъ-Самаринъ объявилъ мнѣ, что въ то жъ число, какъ изъ стола въ залѣ въ наугольной встали и пили на колѣнкахъ, и какъ сталъ пить онъ, Квашнинъ-Самаринъ, то пришедъ къ нему оный Чекинъ и толкнулъ его Квашнина-Самарина больно, отъ чего онъ упалъ и парикъ съ головы сронилъ и сталъ ему, Чекину, говорить: для чего ты такъ толкаешь, этакъ генералъ-поручики не дѣлаютъ, и онъ, Чекинъ, сказалъ, что я тебя толкнулъ въ надеждѣ, и онъ, Квашнинъ-Самаринъ, сказалъ ему, что эта надежда худа, что больно; и послѣ, какъ уже всѣ стали разъѣзжаться, онъ, Чекинъ, пришедъ въ покои, гдѣ я по ея императорскаго величества милости живу, и въ тотъ часъ вышелъ я въ другой покой ненадолго, и безъ меня въ тотъ часъ онъ же Чекинъ убилъ (т. е. прибилъ) дворянина Августова, съ которымъ у него въ вотчинной коллегіи дѣло, который былъ въ тѣ числа у меня; а какъ я вшелъ въ покои и увидалъ, что оный Августовъ плачетъ, и я ему Чекину сталъ говорить, для чего такъ въ домѣ ея императорскаго величества противно дѣлаетъ и дерется, и онъ, Чекинъ, со мною сталъ говорить противно, и я его, Чекина, велѣлъ выслать изъ дому ея императорскаго величества; а послѣ того онъ же, Чекинъ, пошелъ къ князю Ивану Юрьевичу и сталъ ему на меня жаловаться и бранилъ меня у него м..., за что и отъ него князь Ивана Юрьевича онъ, Чекинъ, выведенъ изъ дому. Онъ же, Чекинъ, дворянину Августову чинитъ многія обиды и разорилъ его безъ остатку, отъ котораго оный бѣдный Августовъ живетъ у меня, и я его кормлю для того, что онъ, Чекинъ, разорилъ его въ конецъ, да и гдѣ оный Чекинъ въ сосѣдствѣ ни живетъ, толпкія жалобы на него показываютъ въ землѣ и въ прочихъ непорядочныхъ его поступкахъ, и я съ онымъ Чекинымъ не смѣлъ ничего сдѣлать, для того что онъ имѣетъ чинъ генерала-поручика, и правда, что всѣмъ намъ этотъ его чинъ только стыдъ наноситъ".

Съ переходомъ регентства къ Аннѣ Леопольдовнѣ, жизнь во дворцѣ какъ бы замерла. Сама она почти не выходила изъ внутреннихъ покоевъ, обѣдая наединѣ со своей приближенной Юліей Менгденъ.

Какъ только власть перешла къ Аннѣ Леопольдовнѣ, въ Петербургѣ снова появился графъ Линаръ, бывшій нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ саксонскимъ министромъ при русскомъ дворѣ. Въ то время семнадцатилѣтняя Анна Леопольдовна увлекалась имъ, такъ что Анна Іоанновна должна была принять мѣры, чтобы «слишкомъ придирчивый дипломатъ» былъ отозванъ изъ Петербурга.

По поводу положенія, которое Линаръ сталъ завоевывать себѣ, снова появившись въ Петербургѣ, Мардефельдъ сообщалъ своему двору въ апрѣлѣ 1741 года: «графъ Линаръ, впавшій на-дняхъ въ притворный обморокъ во время игры въ карты съ регентшею, съ каждымъ днемъ все болѣе подвигается впередъ, такъ что объ этомъ уже говорятъ въ народѣ. Но до сихъ поръ еще не произошло ничего серьезнаго, и они ни разу не видѣлись наединѣ. Повидимому, фаворитка и партія фельдмаршала покровительствуютъ этой интригѣ».

Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ снова: «графъ Линаръ не упускаетъ ни малѣйшаго случая дать замѣтить великой княгинѣ, что онъ страстно влюбленъ въ нее. Она терпитъ это, не обнаруживая, чтобы это чувство было непріятно ей... Онъ нанялъ домъ совершенно вблизи императорскаго сада, и, съ тѣхъ поръ, великая княгиня регентша, противъ своего обыкновенія, часто отправляется туда гулять».

О степени близости, установившейся между Анной Леопольдовной и Линаромъ, можно судить по тому, что въ одномъ случаѣ, какъ передаетъ Мардефельдъ, слышали, какъ Линаръ сказалъ ей: «вы сдѣлали глупость».

Фаворъ Линара особенно возросъ послѣ того, какъ онъ рѣшилъ жениться на Юліи Менгденъ: ему былъ пожалованъ орденъ св. Андрея Первозваннаго.

Въ сентябрѣ 1741 года Линаръ уѣхалъ изъ Россіи, чтобы привести въ порядокъ свои дѣла въ Германіи, куда онъ предполагалъ уже не возвращаться болѣе. «Онъ,—пишетъ Валишевскій,—увезъ съ собою большое количество драгоцѣнныхъ камней, которые онъ долженъ былъ дать оправить въ Дрезденѣ, и значительныя суммы денегъ, назначеніе которыхъ осталось загадочнымъ. Мардефельдъ не безъ основанія высказывалъ подозрѣнія, что Анна Леопольдовна думала провозгласить себя императрицей, и что расходы предназначались для коронаціи».

Но что думалъ обо всемъ происходившемъ Антонъ Ульрихъ?—спрашиваетъ авторъ и отвѣчаетъ: «по свидѣтельству Мардефельда, онъ высказывалъ нѣкоторое недовольство, но нашелъ утѣшеніе въ радости, которую доставляли ему независимость и причастность къ власти, кото-

рыя, впрочемъ, были скупо отмѣрены ему. По этому поводу между супругами часто возникали препирательства. Въ октябрѣ 1741 года Мардефельдъ отмѣчаетъ одно изъ наиболѣе сильныхъ, возникшее вслѣдствіе назначенія нѣкоторыхъ сенаторовъ, сдѣланнаго безъ вѣдома принца и показавшагося ему еще болѣе оскорбительнымъ, чѣмъ почести, открыто возданныя Линару. Но и изъ этихъ столкновеній онъ выходилъ не болѣе побѣдоноснымъ, чѣмъ изъ своихъ прежнихъ столкновеній съ Бирономъ».

Что касается внутренняго положенія Россіи въ это время, то лѣтомъ 1741 года Мардефельдъ доносилъ своему двору: «настоящее правительство самое спокойное, какое когда-либо было въ этомъ государствѣ. Русскіе злоупотребляютъ этимъ. Они воруютъ и грабятъ со всѣхъ сторонъ и, не смотря на это, высказываютъ крайнее недовольство, какъ потому, что регентша почти совершенно не говоритъ съ ними, такъ и потому, что герцогъ Брауншвейгскій слѣпо слѣдуетъ совѣтамъ нѣкоего Грамматина, управляющаго его канцеляріей».

Заканчивая свой трудъ разсказомъ о низложеніи Іоанна Антоновича, авторъ выставляетъ и доказываетъ два тезиса: 1) участіе Франціи въ переворотѣ существовало лишь въ проектѣ, и самый проектъ этотъ вовсе не исходилъ отъ молодаго представителя французской дипломатіи въ Петербургѣ маркиза Шетарди, и 2) національный элементъ не игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ той роли, которую ему обыкновенно приписываютъ. Если можно согласиться съ первымъ изъ этихъ положеній, то второе изъ нихъ далеко не представляется доказаннымъ.

П.

Образцы дворянскихъ дипломовъ.

Императоръ Николай I въ 1838 г., подписывая подносимые ему дипломы на дворянское достоинство, обратилъ вниманіе свое на неискусную ихъ отдѣлку и, вслѣдствіе сего, повелѣлъ министру юстиціи сдѣлать распоряженіе, дабы рисунки на таковыхъ дипломахъ были отдѣлываемы, сколь возможно, съ большимъ тщаніемъ и изящностію. Министръ юстиціи Д. В. Дашковъ, сообщая тогдашнему герольдмейстеру Званцову высочайшую волю, прибавилъ, что если лица, занимающіяся рисованіемъ дипломовъ, не имѣютъ потребной на то способности, въ такомъ случаѣ необходимо пригласить для сего другихъ художниковъ, болѣе свѣдущихъ въ этой части, и приказавъ имъ сдѣлать предварительно нѣсколько приличныхъ рисунковъ, представить таковые на его, министра, усмотрѣніе.

Тогда было изготовлено нѣсколько новыхъ рисунковъ живописцами герольдіи и два таковыхъ же рисунка проектированы профессоромъ академіи художествъ Александромъ Павловичемъ Брюлловымъ. По представленіи проектовъ министру, рисунки Брюллова были признаны «приличнѣе» прочихъ и потому поднесены на утвержденіе его императорскому величеству.

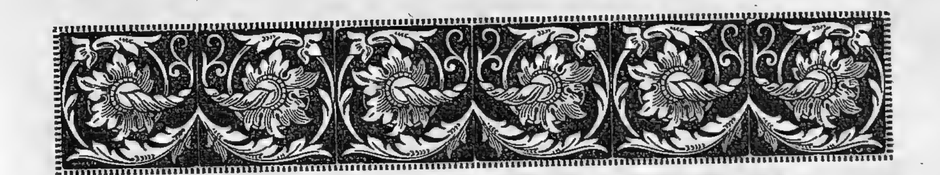
Императоръ Николай I, разсмотрѣвъ рисунки, замѣтилъ, что эмблема, изображенная на рисункѣ проектированномъ профессоромъ Брюлловымъ, болѣе приличествуетъ для пріобрѣвшихъ дворянство воинскою службою и что для гражданскихъ чиновъ слѣдуетъ сдѣлать особые рисунки.

Министръ юстиціи, возвратя въ Герольдію рисунки, приказалъ сдѣлать одинъ дипломъ для лица, пріобрѣвшаго дворянство воинскою, а другой, съ приличнымъ украшеніемъ, гражданской службѣ соотвѣтствующимъ, и, по переплетѣ ихъ въ зеленый бархатъ съ тисненнымъ бордюромъ, представить къ нему, въ томъ предположеніи, что ежели императору благоугодно будетъ удостоить сіи два диплома высочайшаго утвержденія, то чтобы они на будущее время въ изготовленіи дипломовъ служили образцомъ.

21-го іюня 1839 года Герольдіею были представлены министру юстиціи два диплома на дворянское достоинство генералъ-лейтенанта Алексѣя Ѳедоровича Арбузова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Василія Андреевича Жуковскаго.

Эти образцовые дипломы 21-го іюля того же 1839 г. удостоились высочайшаго утвержденія.

Сообщилъ Н. Мурзановъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина[1]).

VI.

События 1862 г.—Тайныя приготовленія къ мятежу.—Участіе въ этомъ поляковъ, жившихъ и служившихъ въ Петербургѣ.—Семейство Губинскихъ.

Въ то самое время, когда главная администрація края, успокоенная наружнымъ затишьемъ политической неурядицы, мечтала, что недалеко уже столь вожделѣнное для всѣхъ спокойствіе, коноводы мятежа шибко вели свою подпольную работу по секретной организаціи возстанія, на основаніи инструкцій центральнаго комитета. Дѣло это подготовлялось такъ искусно, что никто изъ насъ, русскихъ, не подозрѣвалъ той серьезной опасности, которая намъ всѣмъ грозила. Нагляднымъ подтвержденіемъ тому можетъ служить слѣдующій фактъ. Въ половинѣ января 1862 года, подъ благотворнымъ впечатлѣніемъ прекращенія уличныхъ безобразій, я поѣхалъ въ Москву за женою, гдѣ прогостилъ у отца около двухъ недѣль. Такъ какъ у насъ было много клади, то обратный путь держалъ я на Динабургъ (Двинскъ), черезъ Петербургъ, по желѣзной дорогѣ; въ виду же того обстоятельства, что до г. Вильны оставалось оттуда еще двѣсти верстъ, для сокращенія пути, я порѣшилъ ѣхать на Свенцяны на долгихъ прямымъ зимнимъ путемъ черезъ озера, а оттуда уже доѣхать по желѣзной дорогѣ домой. Оказалось, что проселочная дорога была убійственная, по случаю ухабовъ; поэтому въ Свенцянахъ я остановился съ женою отдохнуть у письмоводителя уѣзднаго предводителя

[1]) См. „Русскую Старину" іюль 1902 г.

дворянства Домбровскаго, съ которымъ былъ знакомъ лѣтъ пятнадцать, по служенію его при губернаторѣ въ Вильнѣ, куда на слѣдующій день я и поѣхалъ одинъ, чтобы привести въ порядокъ квартиру. Наканунѣ моего отъѣзда радушная хозяйка разсказала женѣ моей по секрету такія вещи, которыя показались мнѣ совершенно неправдоподобными; все дѣло заключалось въ томъ, что по уѣзду шли усиленныя будто бы приготовленія къ вооруженному мятежу; заготовлялось оружіе, порохъ, аммуниція. Что смотритъ правительство? Впослѣдствіи насъ же станутъ обвинять. Вотъ что говорила полька...

На другой день послѣ моего пріѣзда въ Вильну, въ началѣ десятаго часа утра входилъ я въ столовую комнату, чтобы явиться изъ отпуска В. И. Назимову, который сидѣлъ тамъ съ цѣлымъ семействомъ за чаемъ. Меня приняли какъ роднаго; усадивши около себя по правую руку, генералъ-губернаторъ началъ разспросы про Москву, про брата своего и про разныхъ знакомыхъ. Общій разговоръ нашъ болѣе часу вертѣлся около одного и того же предмета, переливаясь, какъ говорится, изъ пустаго въ порожнее. Воспользовавшись, наконецъ, минутнымъ молчаніемъ, я попросилъ у Владиміра Ивановича позволеніе передать ему нѣсколько словъ по секрету на счетъ дѣла, касающагося спокойствія края, и попросилъ его наверхъ въ кабинетъ.

— Говорите здѣсь,—отвѣчалъ мнѣ В. И. Назимовъ, нагибаясь ко мнѣ немного,—постороннихъ нѣтъ никого.

— Мнѣ передали по секрету, что идутъ приготовленія по уѣздамъ къ вооруженному мятежу, заготовляютъ оружіе, порохъ, аммуницію.

Едва успѣлъ я выговорить послѣднее слово, какъ В. И. Назимомъ, откинувшись на спинку стула, залился громкимъ хохотомъ, такъ что сильно озадачилъ меня этою выходкою.

— Посмотри, посмотри, Анастасія Александровна,—обратился онъ къ женѣ,—какія новости привезъ Иванъ Акимовичъ изъ Москвы, готовится, видишь, вооруженный мятежъ въ краѣ... Въ Бонифратеры посадить его нужно за подобныя новости... И снова звонкій смѣхъ его раздался по столовой.

Бонифратерами въ Вильнѣ называлась больница умалишенныхъ, находящаяся противъ дворца. Замѣтя мое крайнее смущеніе, добрѣйшая Анастасія Александровна старалась сгладить эту выходку своего мужа, который продолжалъ смѣяться надъ секретнымъ моимъ сообщеніемъ. Видя подобное отношеніе къ дѣлу того, который по прямому своему долгу обязанъ былъ блюсти за спокойствіемъ ввѣреннаго ему края, я подумалъ невольно, что попался впросакъ, поторопившись передать ему пустые толки женщины о готовящемся возстаніи. Неудержимая веселость В. И. Назимова заразила всѣхъ присутствующихъ,

такъ что и я самъ сталъ, наконецъ, смѣяться надъ своимъ легковѣріемъ. Но, увы! горько пришлось намъ раскаяться за этотъ ребяческій смѣхъ.

Общественная жизнь въ Вильнѣ шла обычнымъ своимъ чередомъ; поляки попрежнему чуждались русскихъ; въ политическомъ траурѣ ходилъ цѣлый край; появились булавки съ одноглавымъ польскимъ орломъ, медальоны съ переломленнымъ крестомъ, браслеты изъ цѣпей и другіе эмблематическіе знаки, плодъ фантазіи польскихъ патріотовъ. Между тѣмъ подпольная крамола, видя усыпленную безпечность власти, дѣятельно повела свое дѣло; повсюду формировалась секретная организація возстанія; выбирались десятники, сотники, начальники округовъ, воеводы и т. п. Подъ разными предлогами продолжались сборы денегъ на мятежъ, заводились политическіе склады подъ названіемъ магазиновъ для удовлетворенія потребностей простаго народа; учреждались, съ вѣдома и разрѣшенія властей, по городамъ библіотеки для чтенія, дабы дать возможность коноводамъ мятежа имѣть извѣстные пункты для необходимыхъ совѣщаній, тѣмъ болѣе, что общественныя сходки воспрещены были по военному положенію края. Все польское, или, правильнѣе, сказать, ополяченное населеніе городовъ приняло самое живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и евреи болѣе чѣмъ сочувственно относились къ замысламъ агитаторовъ; въ слѣдственныхъ дѣлахъ есть много указаній на то, что и они участвовали въ тайной организаціи. Напримѣръ, еврей Зельманъ Ландо, изъ Варшавы, не только распространялъ разныя воззванія по Западному краю, но самъ писалъ ихъ; Лейба Цалкисъ провозилъ двадцать пудовъ пороху по Рижско-Динабургской дорогѣ для вооруженнаго мятежа. Впрочемъ, трудно себѣ и представить, чтобы евреи не знали о тайныхъ приготовленіяхъ поляковъ къ возстанію; вѣдь въ ихъ рукахъ вся торговля, всѣ промыслы, вообще всѣ экономическія силы страны, тамъ безъ нихъ ничего сдѣлать невозможно. А между тѣмъ правительство узнало про вооруженный мятежъ только тогда, когда по цѣлому краю пошли гулять вооруженныя шайки мятежниковъ. Сказать прямо, что евреи желали мятежа, въ польскомъ смыслѣ, будетъ несправедливо, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они получали огромные барыши по случаю тайно подготовлявшагося возстанія; они брали съ поляковъ, что хотѣли, а потому изъ корыстолюбивыхъ видовъ помогали имъ и молчали. Проживавшіе и состоявшіе на русской государственной службѣ въ Петербургѣ поляки принимали весьма дѣятельное участіе въ организаціи возстанія. Дѣло Іосафата Огрызки служитъ нагляднымъ тому подтвержденіемъ. Слѣдующее письмо, присланное въ Вильну подъ такимъ адресомъ: A Monsieur Casimir Szuksta, etudiant de l'institut des nobles à Wilna ясно обрисовывало тогдашнюю тактику поляковъ, а потому считаю нелишнимъ привести его въ подлинникѣ:

„С.-Петербургъ, 25-го марта 1862 года.

«Зная хорошо твои благородныя чувства къ отечеству, я долженъ обрадовать тебя новостію, весьма утѣшительною для каждаго поляка. Вы, вѣрно, и не думаете, чтобы поляки, состоящіе въ русской военной службѣ, приготовлялись къ освобожденію отечества отъ ига, которымъ оно угнетено немилосердно. Всѣ поляки судятъ несправедливо о полякахъ, состоящихъ на службѣ, но и эти послѣдніе такъ же мыслятъ, какъ настоящіе поляки и самые истые патріоты; если же мы носимъ шкуру волковъ, то для пріобрѣтенія познаній въ военномъ искусствѣ, а что̀ можетъ быть нужнѣе въ настоящее время для поляка? Потому говорю это, что мы не заслужили презрѣнія со стороны патріотовъ на словахъ; когда наступитъ время возстанія, мы докажемъ это на дѣлѣ—въ полѣ. Почему тотъ, кто такъ строго судитъ, не подумаетъ, пріятно ли носить на плечахъ эту рубашку Деянизы. О! они очень ошибаются; я самъ замѣтилъ, что глаза нѣкоторыхъ смотрѣли на меня съ презрѣніемъ.

«Поляки офицеры, находящіеся въ трехъ военныхъ академіяхъ: въ артиллерійской, инженерной и генеральнаго штаба, очень часто имѣютъ сходки, собираются у кого-нибудь одного и разсуждаютъ о предметахъ, чрезвычайно важныхъ для будущности Польши. Два офицера генеральнаго штаба взялись писать польскую тактику, какъ войска, менѣе образованныя, должны воевать съ регулярными русскими войсками. Мы будемъ имѣть много свѣдѣній о фортификаціи, о томъ, какія ставить препятствія русскимъ войскамъ, какъ обучать военной службѣ партіи и т. д., однимъ словомъ, очень важныя наставленія во̀-время...

«Я познакомился недавно съ офицеромъ полякомъ, выпущеннымъ изъ Виленскаго корпуса, подпоручикомъ Рошковскимъ. Это сильный духомъ полякъ, рѣдко встрѣтишь такого. Мы часто толкуемъ съ нимъ о вещахъ, касающихся освобожденія отечества. Напримѣръ: я сказалъ ему однажды, что очень много батарей стоитъ въ царствѣ Польскомъ, а онъ на то отвѣчалъ съ улыбкою: «тѣмъ лучше, больше ихъ заберемъ». Онъ крѣпко надѣется отбить около ста орудій. Въ 1831 году едва-ли цѣлая польская армія имѣла столько орудій.

«Если онъ такъ твердо увѣренъ, то долженъ имѣть къ тому какое-нибудь обдуманное средство. Я могъ бы сообщить тебѣ много важныхъ и очень утѣшительныхъ свѣдѣній.

«Насчетъ паспорта въ Краковъ не безпокойся. Я узнавалъ у студентовъ, много ихъ уѣхало за границу... На сходкѣ молодежи Ковенской губерніи я видѣлъ Дырмонта, онъ поздравляетъ тебя съ этимъ намѣреніемъ. Онъ знаетъ поляковъ. которые туда поѣхали; пишутъ, что очень довольны, и приглашаютъ другихъ. Нынѣ бываютъ сходки молодыхъ учениковъ медицины изъ Литовскихъ губерній. Они намѣрены во время вакацій заводить крестьянскія училища; это самый кратчай-

шій путь къ примиренію крестьянъ съ помѣщиками». Подписано братъ Адольфъ.

Переходя затѣмъ къ описанію политическихъ демонстрацій 1862 г., считаю нелишнимъ предварительно познакомить съ нѣсколькими особами, чтобы составить вѣрное понятіе о тѣхъ личностяхъ, которыми прикрывались вожаки подготовленія мятежа и съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло. На пятой недѣлѣ Великаго поста, въ исходѣ девятаго часа вечера, пришелъ ко мнѣ жандармъ съ собственноручною запискою В. И. Назимова, которою онъ лаконичоски приглашалъ меня немедленно явиться къ нему по очень спѣшному дѣлу. Одѣвшись на скорую руку, я тотчасъ же побѣжалъ во дворецъ. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ меня пришли туда же предсѣдатель цензурнаго комитета дѣйствительный статскій совѣтникъ П. В. Кукольникъ и управляющій политическимъ отдѣленіемъ, старшій адъютантъ А. С. Павловъ. Оказалось, что и они явились по приглашенію начальства. Пока у насъ шли догадки о причинѣ столь поздняго призыва, предувѣдомленный о нашемъ приходѣ генералъ-губернаторъ вышелъ изъ кабинета, неся довольно большой узелъ, опечатанный нѣсколькими печатями, который и положилъ на столъ; кромѣ того, онъ держалъ въ рукѣ небольшой пакетъ, также опечатанный.

— Пожалуйста, потрудитесь поскорѣе разсмотрѣть взятые при обыскѣ у Свѣбоды и Пашковской бумаги,—сказалъ онъ, обратясь къ намъ послѣ привѣтствія;—если тамъ не найдете ничего противозаконнаго, то эту пачку, которую онъ при этомъ передалъ мнѣ, возвратите, не запечатывая, въ собственныя мои руки. Это любовныя письма Свѣбоды; она, заливаясь слезами, умоляла меня сохранить ея тайну. Я буду ожидать результата вашихъ занятій въ кабинетѣ.

Пожелавъ намъ успѣха, В. И. Назимовъ удалился; намъ тотчасъ же подавъ былъ чай, и мы втроемъ усѣлись за работу. Часа два слишкомъ прошло, пока успѣли мы пересмотрѣть взятыя при обыскѣ бумаги. Въ нихъ не только политическаго, но и интереснаго-то ничего не оказалось; попалось только довольно порядочное количество любовныхъ записокъ, которыя разсмѣшили насъ въ нашемъ скучномъ занятіи. Послѣднія, впрочемъ, подъ конецъ нашей работы, навели меня на одну думу: вѣдь Свѣбода увѣряла генералъ-губернатора, что она сама отобрала любовныя записки и опечатала ихъ особо, а что, если въ пачкѣ хранится политика? дай-ка вскрою... И прежде чѣмъ мои товарищи успѣли удержать меня, я вынималъ уже одно письмо... Съ первыхъ же строкъ догадки мои оправдались. Всѣ двадцать четыре почтовые листика заключали въ себѣ политическую переписку, которая велась съ Свѣбодою однимъ, высланнымъ изъ Вильны въ Вилейку за политическія выходки, мелкимъ чиновникомъ Боньчковскимъ, принятымъ вилейскимъ уѣзд-

нымъ предводителемъ Тукаллою въ свою канцелярію на мѣсто секретаря. Изъ писемъ этого господина открывалось, что у самого предводителя было сильно рыльце въ пушку, что въ его квартирѣ бывали зачастую политическія сходки, дѣлались денежные сборы. По окончаніи интереснаго чтенія, составивши подробный актъ обо всемъ найденномъ при обыскѣ и получивши за полуночные труды благодарность добрѣйшаго нашего начальника, въ исходѣ перваго часа ночи разошлись мы по домамъ. Обыски у Свѣбоды и Пашковской были произведены по случаю крайнихъ безобразій, которыя онѣ выдѣлывали, не смотря даже на военное положеніе. Попадались онѣ повсюду. Свѣбода при этомъ носила особый черный, обшитый бѣлымъ, костюмъ, нѣчто въ родѣ кунтуша, съ черною на головѣ конфедераткою, окаймленною бѣлымъ мѣхомъ и съ бѣлымъ крыломъ; на улицѣ ее было видно издали. Одинъ мой пріятель, старшій учитель гимназіи Наркевичъ, въ разговорѣ со мною объ этихъ двухъ личностяхъ, крайне дивился тому, что правительство не обращало на нихъ вниманія столь долгое время.

На страстной недѣлѣ прислана была въ Вильну цѣлая семья подобныхъ же дѣятелей изъ Ковны, съ которыми мнѣ пришлось повозиться порядкомъ. Въ среду прислалъ за мною В. И. Назимовъ и, узнавши, что я уже исповѣдался, поручилъ мнѣ на другой день, послѣ причастія Св. Таинъ, съѣздить въ политическую тюрьму, помѣщавшуюся въ зданіи № 14 Виленской цитадели, и допросить тамъ арестантовъ Губинскихъ, присланныхъ изъ Ковны тамошнимъ губернаторомъ, контръ-адмираломъ Кригеромъ. На другой день, въ исходѣ перваго часа по полудни, отправился я въ цитадель для исполненія возложеннаго на меня порученія. Вообразите мой ужасъ... Вхожу въ камеру одиночнаго заключенія № 3, гдѣ содержалась Бригида Губинская, и вижу женщину лѣтъ сорока пяти, съ растрепанными волосами, краснымъ лицомъ, съ блуждающими глазами; все бѣлье въ крови. Лежала она на соломенномъ тюфякѣ. Въ комнатѣ топилась печь, но было сыро и свѣжо; топка производилась изъ коридора. Свѣтъ проникалъ въ небольшое окно, почти подъ потолкомъ, а потому въ камерѣ арестантки царствовалъ полумракъ. При входѣ моемъ она вскочила съ кровати и съ воплями по-польски: «спасите, спасите меня и дѣтей моихъ отъ преслѣдованія губернатора и полицеймейстера», бросилась мнѣ въ ноги. Поднявши Губинскую и усадивши на кровать, я попросилъ ее успокоиться и разсказать мнѣ подробно, какъ посланному генералъ-губернаторомъ, въ чемъ дѣло? Послышались глухія рыданія. Минутъ пять продолжалась нѣмая сцена, глубоко меня поразившая... Страстная недѣля усиливала еще болѣе мою впечатлительность. Наконецъ, Бригида Губинская, такъ звали арестантку, собралась съ духомъ и начала слѣдующій разсказъ, по временамъ перерываемый всхлипываніями...

— У меня есть молодая дочь—красавица, въ замужествѣ за скульпторомъ; на бѣду она приглянулась губернатору; ковенскій полицеймейстеръ Васильевъ, желая прислужиться губернатору, взялъ на себя презрѣнную роль сводника, а потому и поклялся жестоко отомстить намъ всѣмъ... На-дняхъ мой зять, вмѣстѣ съ моими сыновьями Станиславомъ и Иваномъ, работалъ въ скульпторной мастерской, а моя дочь, послѣ беременности, была не такъ здорова и лежала въ постели въ сосѣдней комнатѣ. Часовъ около десяти утра, полицеймейстеръ, въ сопровожденіи полицейскихъ солдатъ и казаковъ, врывается неожиданно въ нашъ домъ, вбѣгаетъ въ мастерскую, опрокидываетъ отъ поспѣшности столъ, при паденіи котораго разбивается лежавшая на немъ мраморная доска; бьетъ сыновей и приступаетъ къ какому-то обыску и ничего не находитъ, а для того, чтобы скрыть свое безчинство, уноситъ разбитую мраморную доску съ собою и забираетъ подъ арестъ меня съ сыновьями и зятемъ... Несчастная дочь моя, перепугавшись крику, опасно занемогла и осталась одна безъ ухода. Какая участь ожидаетъ ее по выздоровленіи. Лучше смерть, чѣмъ позоръ...

При этихъ словахъ слезы снова хлынули потокомъ изъ глазъ несчастной арестантки; затѣмъ, успокоившись немного, она продолжала:

— Посмотрите на меня, какъ я одѣта... На дальнюю дорогу не дозволили мнѣ даже взять ватное платье; полицеймейстеръ спѣшилъ разлучить меня съ дочерью; съ жандармомъ, какъ важную государственную преступницу, онъ отправляетъ меня въ Вильну, почти въ одномъ бѣльѣ, по морозу... Здѣсь сажаютъ меня подъ арестъ въ цитадель, въ холодный казематъ. Обвиняютъ несчастныхъ и угнетенныхъ поляковъ въ какихъ-то злоумышленіяхъ, а сами дѣлаютъ надъ беззащитными женщинами ужасныя истязанія... Вѣрьте, что это не доведетъ до добра. Всякому терпѣнію есть мѣра... Вы видите, въ какомъ я положеніи, прибавила Губинская, раскрываясь и показывая окровавленное бѣлье; проѣхать сто шестьдесятъ четыре вероты на перекладной, при пяти градусахъ мороза, не шутка; больною я доставлена сюда... При выѣздѣ, я умоляла полицеймейстера дать мнѣ хоть мой салопъ на дорогу, но онъ и этого не дозволилъ.

При этомъ, заливаясь горькими слезами, Губинская повалилась на кровать.

Потрясенный до глубины души только-что описанною сценою, я обѣщалъ Губинской доложить обо всемъ генералъ-губернатору, а, между тѣмъ, послалъ за докторомъ, такъ какъ у ней показался горячечный жаръ. Не стану описывать тѣхъ благословеній, которыми осыпала меня утѣшенная моими словами арестантка; скажу одно—она бросилась къ моимъ ногамъ и хотѣла поцѣловать ихъ. Поднявши ее и попросивши успокоиться, я обѣщалъ ей исходатайствовать скорѣйшее назначеніе

слѣдствія по ея жалобамъ и прибавилъ, что буду просить генералъ-губернатора командировать меня въ Ковну по ея дѣлу; при чемъ далъ ей честное слово открыть всю истину и не дать ни малѣйшаго потворства виновнымъ, кто бы они ни были. Затѣмъ, простившись съ Губинскою, крайне взволнованный, съ тяжелыми думами, что всѣ безпорядки происходятъ, можетъ быть, отъ недобросовѣстности мѣстной администраціи, вышелъ я изъ каземата и отправился опросить другихъ арестантовъ, сыновей Губинской и ея зятя, отъ которыхъ получилъ полное подтвержденіе ея разсказа. Это обстоятельство убѣдило меня еще болѣе въ справедливости показаній Бригиды Губинской. Въ самомъ дѣлѣ, подумалъ я, когда же имъ было сговориться между собою? Арестованные при обыскѣ, они тотчасъ же были высланы порознь въ Вильну съ жандармами и содержались поодиночкѣ; между тѣмъ, показанія ихъ были согласны. Я и не зналъ тогда, что̀ значитъ быть бараномъ панургова стада и, какъ незамѣтно насъ, русскихъ, загоняютъ туда!

Около трехъ часовъ по полудни я былъ уже во дворцѣ.

— Ваше высокопревосходительство,—сказалъ я, входя въ билліардную, гдѣ сидѣлъ тогда Назимовъ,—во имя святыхъ дней умоляю васъ сейчасъ же съѣздить со мною въ четырнадцатый номеръ и посмотрѣть на тѣ страданія, которымъ подвергалась бѣдная Губинская за то, что не согласилась продать дочь свою на безчестіе. Позвольте мнѣ произвести слѣдствіе по ея жалобамъ; и, клянусь вамъ—истина будетъ раскрыта.

Затѣмъ я разсказалъ подробно все слышанное мною отъ арестантовъ. Добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ пришелъ въ ужасъ отъ моихъ словъ и тотчасъ же поѣхалъ со мною къ коменданту, въ завѣдываніи котораго состояла политическая тюрьма; отъ него мы, втроемъ, прошли къ арестантамъ. Около Губинской хлопоталъ докторъ; ей ставили горчичники; отъ коменданта присланъ былъ чай. При входѣ нашемъ въ камеру, арестантка вскочила съ постели и повалилась генералъ-губернатору въ ноги, съ крикомъ: «спасите, защитите несчастныхъ!» Потрясающая душу сцена повторилась снова. Бригида Губинская съ прежними подробностями жаловалась на губернатора и полицеймейстера. Для бо̀льшаго успокоенія Губинской, В. И. Назимовъ разрѣшилъ, въ виду великихъ дней поста, допускать въ ея камеру сыновей и ея зятя, и обѣщалъ прислать имъ пищу и чѣмъ разговѣться въ предстоящій Свѣтлый праздникъ. Затѣмъ, поручивъ мнѣ снять съ нихъ формальный допросъ, объявилъ, что я долженъ буду уѣхать въ Ковну для производства строжайшаго слѣдствія.

— Будьте спокойны, Губинская, виновные подвергнутся строгому взысканію,—прибавилъ генералъ-губернаторъ, выходя изъ камеры.

Слова эти сопровождались благословеніями утѣшенныхъ арестантовъ, которые при насъ же пришли къ матери.

— Освободить васъ въ настоящую минуту я не могу,—прибавилъ В. И. Назимовъ,—такъ какъ приславшій васъ сюда губернаторъ требуетъ вашего ареста, но, пожалуйста, Александръ Сергѣевичъ, облегчите имъ арестъ и дозволяйте сыновьямъ и зятю приходить къ ней въ камеру; изъ дворца я имъ пришлю разговѣться.

— Да я уже самъ позаботился объ этомъ,—отвѣчалъ комендантъ.

Пятницу и субботу Страстной недѣли я провелъ за допросами арестантовъ. Не стану описывать тѣхъ подробностей, которыя они показали по своему дѣлу; скажу одно, душа моя была сильно возмущена разсказами ихъ про губернатора и полицеймейстера. Въ субботу, въ одиннадцать часовъ вечера, за полъ-часа до начала заутрени Свѣтлаго Воскресенія, одѣтый въ мундиръ, принесъ я во дворецъ снятые съ арестантовъ допросы. Поблагодаривъ меня за труды, В. И. Назимовъ приказалъ правителю канцеляріи заготовить мнѣ предписаніе о производствѣ въ Ковнѣ строжайшаго слѣдствія по дѣлу Губинскихъ.

По прошествіи первыхъ дней праздника, выѣхалъ я въ Ковну. Тяжелыя думы налегли мнѣ на сердце; ѣхалъ я нерадостно. Мнѣ предстояло побороть много трудностей для открытія истины, но я далъ себѣ честное слово—не останавливаться ни передъ чѣмъ и вывести все наружу. Въ Ковнѣ я остановился въ зданіи Ратуши и съ первыхъ же минутъ моего пріѣзда началъ собирать подъ рукою необходимыя свѣдѣнія для разъясненія дѣла. Знакомыхъ въ городѣ у меня было очень много; дѣло Губинскихъ было многимъ извѣстно. Каково же было мое удивленіе, когда я узналъ отъ людей, заслуживающихъ полнаго довѣрія, совершенно противное тому, что показали Губинскіе. Общій голосъ, отзываясь отлично о губернаторѣ и полицеймейстерѣ, положительно винилъ Губинскихъ въ крамолѣ.

— Съ высылкою ихъ въ Вильну, у насъ поутихли безпорядки,—говорили мнѣ многіе.

Признаюсь откровенно, все услышанное мною крайне озадачило меня, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и уяснило мнѣ, что въ данномъ случаѣ нужно дѣйствовать съ большою осторожностію и выбросить изъ головы предвзятую мысль о невиновности Губинскихъ. На другой день, послѣ моего пріѣзда, я приступилъ къ производству формальнаго слѣдствія и, чтобы выяснить обвиненія Губинскихъ, потребовалъ къ допросу выставленныхъ ими свидѣтелей. Тутъ приключился курьезъ, который послужилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ превосходною нитью. Нѣкто, сапожникъ по ремеслу, явясь ко мнѣ часу въ четвертомъ по полудни въ нетрезвомъ видѣ, безъ вызова съ моей стороны, хотя и былъ помѣщенъ въ числѣ свидѣтелей, настоятельно требовалъ отъ меня снять съ него допросъ по ихъ дѣлу

подъ присягой. Подобное требованіе заставило меня крѣпко попризадуматься. Какимъ образомъ сапожникъ могъ узнать, что я его потребую къ допросу по дѣлу Губинскихъ? Зачѣмъ домогался онъ быть допрошеннымъ подъ присягою, когда обыкновенно отъ нея свидѣтели стараются уклоняться? «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», подумалъ я и повелъ на него атаку; нарочно сталъ увѣрять его, что показаній отъ него отбирать не буду; допрошу его безъ присяги...

— Никакъ нѣтъ, этого быть не можетъ,—отвѣчалъ мнѣ едва державшійся на ногахъ сапожникъ,—я долженъ показать подъ присягою всю правду за несчастныхъ Губинскихъ.

— Да кто же тебѣ сказалъ, что ты долженъ давать показанія подъ присягою и непремѣнно про Губинскихъ? Вѣдь я тебя не вызывалъ. А, можетъ быть, ты будешь допрошенъ по другому дѣлу?

— Я знаю очень хорошо, что говорю,—продолжалъ съ улыбкою непрошенный свидѣтель,—и не буду иначе ничего показывать, какъ о Губинскихъ и подъ присягою...

Видя, что отъ него ничего больше нельзя добиться, я составилъ актъ и отправилъ сапожника въ полицію, впредь до вытрезвленія. По явкѣ выставленныхъ Губинскими свидѣтелей, нѣсколько лицъ оказалось порочнаго поведенія, родственниковъ ея; по закону они не могли быть допрошенными подъ присягою; съ остальными свидѣтелями я отправился въ костелъ для приведенія ихъ къ присягѣ; ихъ было пять человѣкъ, въ томъ числѣ одна старушка. Войдя въ боковую каплицу, на стѣнѣ которой висѣло большое Распятіе, я обратился къ ожидавшему тамъ моего прихода ксендзу съ просьбою дать приличествующее наставленіе приведеннымъ мною лицамъ относительно важности присяги и присяжнаго показанія. Ксендзъ исполнилъ мое приглашеніе вяло, какъ бы не хотя; говорилъ ничего незначащія фразы, однимъ словомъ, видимо хотѣлъ произвести на своихъ слушателей совершенно противоположное впечатлѣніе тому, которое было необходимо. Подобное дѣйствіе невольно поразило меня. Зная по опыту, какое сильное вліяніе имѣютъ внушенія ксендзовъ и ихъ проповѣдь, я самъ рѣшился исполнить то, что не было исполнено имъ.

— Во имя распятаго и воскресшаго Господа,—сказалъ я свидѣтелямъ,— святое изображеніе Котораго вы здѣсь видите, заклинаю васъ показывать одну только правду. Вы обязаны это сдѣлать въ силу клятвы, безъ всякаго уклоненія отъ истины или съ какою-нибудь затаенною мыслію, а въ томъ, именно, смыслѣ, въ какомъ я васъ буду спрашивать при слѣдствіи. Вы должны будете подробно пояснить, видѣли ли сами лично то, о чемъ будете показывать, или только слышали и отъ кого именно? Не только приводившій васъ къ присягѣ ксендзъ, но даже и никто въ мірѣ не можетъ разрѣшить васъ отъ тяжкаго грѣха клятвопреступленія,

если вы захотите что-либо утаить или переиначить. На страшномъ судѣ Господнемъ потребуется отъ васъ отвѣтъ за ложь и сокрытіе истины; отъ ложныхъ показаній могутъ пострадать невинные. Помните,—говорите одну только правду и ничего не скрывайте по тому дѣлу, по которому будете допрашиваемы, иначе вамъ угрожаетъ наказаніе и на землѣ за клятвопреступленіе и вѣчное наказаніе въ будущей жизни...

Едва произнесъ я эти послѣднія слова, какъ два-три голоса тихо заявили, что они рѣшительно ничего не знаютъ по дѣлу Губинскихъ, о которыхъ не упомянулъ я даже и намекомъ. Очевидно было, что подпольная интрига вела дѣло къ оправданію виновныхъ. По произнесеніи присяги, мы всѣ отправились на мою квартиру, гдѣ и начался допросъ. Оказалось, что четверо изъ вышеозначенныхъ пяти лицъ ровно ничего не знали про обстоятельства ареста Губинскихъ и не понимали даже, почему были выставлены ими во свидѣтели, такъ какъ очевидцами происшествія не были и случайно только видѣли Губинскихъ, когда ихъ вели въ полицію подъ арестъ. Старушка же прямо показала, что «Бригида Губинская такая тварь, которую строго должно наказать, такъ какъ, по милости ея и ея дѣтей, происходятъ въ Ковнѣ разныя безобразія и что эта семейка будетъ причиною многихъ несчастій, если городъ окончательно отъ нихъ не избавится». Затѣмъ она добавила, что не была при обыскѣ, а потому не могла быть и свидѣтельницею безчеловѣчныхъ поступковъ полицеймейстера, если онъ ихъ допустилъ, и не знаетъ, почему она попала въ свидѣтельницы. Въ заключеніе показанія старушка просила сохранить его въ тайнѣ, дабы не подвергнуться несчастію... Изъ произведеннаго мною при депутатахъ слѣдствія обнаружилось слѣдующее:

Ковенскій полицеймейстеръ, по порученію губернатора, слѣдилъ за коноводами политическихъ манифестацій. Полученныя имъ данныя указывали ясно, что Бригида Губинская съ своею семьею стояла во главѣ всѣхъ безобразій, а зять ея, скульпторъ Ельскій, выдѣлывалъ разныя демонстраціонныя эмблемы: пряжки съ одноглавымъ польскимъ орломъ для поясовъ, переломленное распятіе въ видѣ медальона, указывавшее на варшавскіе безпорядки 13-го (25-го) февраля, булавки, запонки съ одноглавыми орлами и т. п., и распространялъ ихъ продажу при содѣйствіи Губинскихъ. Заручившись такими свѣдѣніями, полицеймейстеръ съ частнымъ приставомъ Рейхенбахомъ и двумя полицейскими служителями, при двухъ понятыхъ изъ евреевъ, отправился на обыскъ въ квартиру скульптора Ельскаго, гдѣ онъ засталъ и двухъ братьевъ Губинскихъ, изъ которыхъ старшій братъ Станиславъ былъ высланъ изъ Ковны по распоряженію генералъ-губернатора, генералъ-маіоромъ Хоминскимъ, 27-го іюня прошлаго года, за участіе въ дѣлѣ объ оскорбленіи ковенскими гимназистами жандармскаго капитана

Крайскаго и который, несмотря на запрещеніе, все-таки потихоньку пріѣзжалъ въ городъ. При входѣ въ мастерскую, полицеймейстеръ поймалъ ихъ въ тотъ самый моментъ, когда на лежавшую на столикѣ мраморную доску вылито было олово въ вырѣзанную на ней форму революціоннаго знака. Едва только успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ одинъ изъ Губинскихъ бросился къ двери и заперъ ее, другой же братъ, схвативши полицеймейстера—оттолкнулъ его отъ стола, а братъ его, взявши отлитое изображеніе, бросилъ его въ печь. Все это сдѣлано было такъ быстро, что ни понятые, ни полицейскіе не успѣли войти за полицеймейстеромъ въ комнату. Во время этой суматохи зять Губинской, скульпторъ Ельскій, при помощи долота, молоткомъ разбилъ мраморную доску на куски. Когда слѣды преступленія были скрыты, Губинскіе отперли двери, и въ комнату вошли сопровождавшія полицеймейстера лица. Столикъ былъ опрокинутъ, куски мраморной доски валялись на полу—вотъ картина, которая представилась понятымъ. Приступили къ обыску. Когда подобраны были куски мрамора, на одномъ изъ нихъ замѣтили случайно уцѣлѣвшее изображеніе орлинаго крыла, подобное найденнымъ готовымъ изображеніямъ революціонной эмблемы. Всѣ куски были уложены въ мѣшокъ вмѣстѣ съ найденными при обыскѣ демонстраціонными вещами и опечатаны печатями присутствовавшихъ. Встрѣтивши описанное выше сопротивленіе, полицеймейстеръ Васильевъ, составя на мѣстѣ надлежащій актъ и оставивъ въ квартирѣ Ельскаго частнаго пристава съ двумя полицейскими служителями, отправился къ губернатору съ докладомъ о происшествіи, объявивъ при своемъ уходѣ Губинскимъ и Ельскому, что они арестованы. Губернаторъ приказалъ полицеймейстеру тотчасъ же послать казаковъ и взять всѣхъ подъ арестъ до дальнѣйшаго распоряженія. Частный приставъ Нацюлевичъ, командированный полицеймейстеромъ для арестованія Губинскихъ и Ельскаго, прибывъ въ домъ послѣдняго съ тремя полицейскими служителями и девятью казаками, поставилъ у воротъ караулъ съ приказаніемъ не впускать никого изъ постороннихъ лицъ на дворъ; оставивъ затѣмъ на дворѣ казаковъ и полицейскихъ служителей, самъ онъ пошелъ на крыльцо, гдѣ былъ встрѣченъ съ площадною бранью Бригидою Губинскою, которая, кинувшись на него, ударила его два раза по лицу и, когда замахнулась она на него въ третій разъ, приставъ Нацюлевичъ, наотмашь бывшею у него въ рукахъ палкою, отстранилъ бѣшеную женщину отъ себя. Въ это время выбѣжала на крыльцо къ матери сильно взволнованная Ельская и произносила разныя ругательства на пришедшихъ. По этому поводу Бригида Губинская вмѣстѣ съ сыновьями и зятемъ отправлены были подъ арестъ въ полицію, а дочь же слегла въ постель и сказалась больною, а такъ какъ она нѣсколько дней тому назадъ выкинула, то ее и оставили въ покоѣ дома. Всѣ эти

обстоятельства были подтверждены при слѣдствіи присяжными показаніями, при чемъ нѣсколько свидѣтелей пояснили, что «Бригида Губинская была женщина самая зловредная для спокойствія города и постоянно участвовала съ своимъ семействомъ во всѣхъ безпорядкахъ, принуждая къ тому и другихъ, такъ что ее прозвали польскою королевою». Мраморная доска, про которую утверждали Губинскіе, что она разбилась при паденіи на полъ въ то время, когда полицеймейстеръ ихъ билъ, была около четырнадцати вершковъ въ квадратѣ и толщиною въ вершокъ; поэтому одному уже случайно разбиться при паденіи на полъ не могла и, для раздробленія ея на куски, очевидно, требовались особенныя усилія. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, я взялъ мраморный кусокъ болѣе четверти аршина въ квадратѣ величиною и бросилъ его плашмя изо всѣхъ силъ на полъ; кусокъ этотъ, оставивши довольно глубокій слѣдъ на доскѣ, отскочилъ отъ полу на аршинъ безъ всякаго поврежденія себя. Тогда стало яснымъ, что мраморная доска, при паденіи со столомъ на полъ, какъ показали Губинскіе, не только не могла разбиться на нѣсколько мелкихъ кусковъ, но даже и треснуть пополамъ, потому что, падая со столомъ, должна была удариться ребромъ о полъ. При томъ часть орлинаго крыла, вырѣзанная на мраморѣ, которую Ельскій не успѣлъ уничтожить, служила, по точному сходству съ найденнымъ при обыскѣ вылитымъ изъ олова изображеніемъ, явною уликою Губинскихъ въ содѣянномъ преступленіи и во лжи. Замужняя дочь Губинской, это яблоко раздора, была женщина лѣтъ двадцати пяти и дурна собою, какъ смертный грѣхъ; влюбиться въ нее не было никакой возможности, хотя на вкусъ да на цвѣтъ товарища нѣтъ.

Въ виду подтвердившихся при обыскѣ обвиненій Губинскихъ въ политической ихъ неблагонадежности и безчинства, допущеннаго ими при обыскѣ, ковенскій губернаторъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленной высылкѣ ихъ съ жандармами въ Вильну. Полицеймейстеръ, желая въ точности исполнить приказаніе начальника губерніи и вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь, чтобы продолжительное содержаніе Губинскихъ подъ арестомъ при полиціи не породило въ городѣ новыхъ безпорядковъ, рѣшился выслать ихъ безъ замедленія по назначенію. Затрудненіе состояло въ томъ, что Бригида Губинская взята была подъ арестъ въ одномъ платьѣ, имѣя на головѣ большой теплый платокъ, поэтому отправлять ее въ дорогу въ такомъ костюмѣ не приходилось; но съ другой стороны полицеймейстеръ призналъ неудобнымъ послать къ ней на домъ за теплою одеждою, такъ какъ сообщники Губинской могли догадаться о предстоящей ей высылкѣ изъ города и произвести безпорядки. Поставленный такимъ образомъ въ затрудненіе, полицеймейстеръ приказалъ выдать ей на дорогу теплый тулупъ, который долженъ былъ привезти обратно жандармъ, назначенный ей въ проводники. Во время

пути Губинская цѣлую дорогу ругала жандарма и лѣзла къ нему съ кулаками; верстъ за пять отъ Вильны, она сняла съ себя тулупъ и, прикрывшись однимъ платкомъ, въѣхала при легкомъ трехградусномъ морозѣ въ городъ, гдѣ и разыграла такъ искусно роль невинной жертвы москальскаго варварства.

По возвращеніи въ Вильну, я представилъ все дѣло съ подробною запискою генералъ-губернатору, который, подъ вліяніемъ прежняго впечатлѣнія и въ виду мѣсячнаго ареста виновныхъ, приказалъ освободить Губинскую съ семействомъ изъ заключенія, съ отдачею подъ надзоръ полиціи, при чемъ всѣ они обязаны были подпискою не выѣзжать изъ Вильны впредь до рѣшенія дѣла. Нѣсколько времени спустя, старшій сынъ Губинской Станиславъ, для прiисканія средствъ къ жизни, переданъ былъ свенцянскому окружному начальнику Квинтѣ, который и далъ ему мѣсто волостнаго писаря въ м. Желядзь; тамъ онъ сформировалъ, въ началѣ 1863 года, вооруженную шайку, съ которою и выступилъ 27-го января 1863 года въ Лидскій уѣздъ, на соединеніе съ бандою Нарбута, гдѣ и погибъ при стычкѣ съ нашими войсками. По окончаніи ковенскаго слѣдствія я потерялъ Губинскихъ изъ виду, какъ вдругъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ одно изъ засѣданій слѣдственной по политическимъ дѣламъ коммиссіи приводятъ Бригиду Губинскую, вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ, подъ арестъ за участіе въ мятежѣ. Она была въ глубокомъ траурѣ, а сынъ въ сѣрой чамаркѣ и высокихъ сапогахъ, которые покрыты были грязью; по всему видно было, что оба лица только-что возвратились изъ какой-нибудь поѣздки. И мать и сынъ обвинялись въ сношеніи съ мятежниками и въ доставленіи въ шайку Станислава Губинскаго денегъ, пороху и оружія. Допрошенные порознь, они показали, что, пришедши по обыкновенію помолиться утромъ къ Остробрамской часовнѣ, они были, неизвѣстно по какому поводу, арестованы; про мятежъ ничего не знаютъ и никакого участія въ немъ не принимали. Во время допроса Бригида Губинская неоднократно прибѣгала къ слезамъ, но, видя, что эта комедія ей не удается, она перемѣнила тактику; упавши на колѣни и указывая на икону Спасителя, она клялась будущею жизнію, крестными ранами Богочеловѣка, всѣмъ святымъ, что арестована невинно, что сынъ ея Иванъ находился постоянно при ней, а сына Станислава не видѣла болѣе полугода и, что онъ подѣлываетъ, не знаетъ. Однимъ словомъ, разыгрывала прежнюю роль невинной жертвы русскаго варварства. Вынужденный, по распредѣленію въ коммиссіи занятій, записывать со словъ Губинской всю чепуху, которую она умышленно несла, я ей сказалъ:

— Послушайте, Губинская, мы знаемъ другъ друга, къ чему эта комедія? Свѣдѣнія о васъ, добытыя прежнимъ слѣдствіемъ, имѣются въ виду коммиссіи; лучше сознайтесь и показаніемъ правды облегчите вину

свою,—противу васъ есть сильныя улики; ложью ни себя, ни сына не спасете, а только увеличите мѣру наказанія.

— Ничего не знаю, ни въ чемъ не виновата,—было отвѣтомъ, съ повтореніемъ прежнихъ клятвъ, отъ которыхъ невольно бросало въ дрожь.

Полякамъ разрѣшено было показывать ложно, даже подъ присягою, по дѣламъ отчизны. Сынъ Губинской твердилъ постоянно, что въ мятежѣ не участвовалъ, не знаетъ причины своего ареста и изъ города съ матерью никуда не отлучался. Такъ какъ обвинительные факты говорили совершенно другое, нужно было, за отсутствіемъ сознанія, приступить къ очнымъ ставкамъ съ мятежниками, взятыми въ плѣнъ послѣ разбитія шайки Нарбута, изъ которыхъ четверо утверждали, что Губинская съ сыномъ Иваномъ неоднократно пріѣзжала къ своему сыну Станиславу въ м. Желядзь, гдѣ онъ, будучи волостнымъ писаремъ, формировалъ шайку, и привозила къ нему деньги, порохъ и оружіе; при чемъ обязались опознать и уличить виновныхъ. По ихъ-то показаніямъ и сдѣлано было распоряженіе объ арестованіи Губинскихъ, которые при этомъ оказались неизвѣстно куда отлучившимися изъ Вильны, безъ вѣдома полиціи, на что не имѣли права, такъ какъ состояли подъ ея надзоромъ. За возвратомъ Губинскихъ въ городъ полиція слѣдила: во время остановки ихъ у Остробрамскихъ воротъ они и были взяты подъ арестъ. Чтобы убѣдиться окончательно въ справедливости обвиненій, взводимыхъ плѣнными мятежниками на Губинскихъ, слѣдственная коммиссія дала предварительную очную ставку обвиняемыхъ съ обвинителями, такъ что первые ничего о томъ не знали. Съ этою цѣлію Бригиду Губинскую посадили между двумя арестантками одних съ нею лѣтъ и почти одинаково съ нею одѣтыми; сдѣлать это было не трудно—польки въ то время ничего, кромѣ чернаго цвѣта, не носили. Въ смежной комнатѣ подводили поодиночкѣ арестантовъ къ затвореннымъ дверямъ, на которыхъ было просверлено отверстіе въ двугривенный величиною, и предлагали опознать между сидѣвшими женщинами Губинскую. Трое арестантовъ тотчасъ же указали на нее; когда же Губинская была замѣнена другою, четвертый объявилъ, что ее не видитъ между предъявленными лицами, и затѣмъ, когда ее показали ему между новыми личностями, арестантъ тотчасъ же опозналъ Губинскую. То же самое продѣлано было и въ отношеніи Ивана Губинскаго, который былъ поставленъ между четырьмя арестантами, онъ тоже былъ всѣми узнанъ. Заручившись такими данными, коммиссія пригласила Губинскихъ поодиночкѣ въ свое присутствіе. Предсѣдатель генералъ-лейтенантъ Веселитскій, желая облегчить ихъ участь, предлагалъ имъ чистосердечно сознаться въ своей винѣ и обѣщалъ ходатайствовать за нихъ о снисхожденіи. Тѣ же страшныя клятвы со стороны матери о невиновности и

то же упорное запирательство со стороны ея сына были отвѣтомъ на всѣ его убѣжденія. Отъ женщины такого закала, какъ Губинская, трудно было и ожидать сознанія, а тѣмъ болѣе указанія на соучастниковъ; сынокъ тоже пошелъ по матушкѣ—яблочко не далеко падаетъ отъ дерева. Дѣлать было нечего; коммиссія должна была путемъ очныхъ ставокъ довести ихъ до сознанія или уличить во лжи, что и было сдѣлано... Зная Бригиду Губинскую за отъявленную фанатичку и желая еще болѣе изучить этотъ темный характеръ изъ послѣдняго мятежа, я наблюдалъ за малѣйшимъ движеніемъ ея лица во время очныхъ ставокъ. Сидѣла она рядомъ съ двумя арестантками; при чемъ, для большей трудности опознанія, постарались придать еще болѣе однообразный видъ ихъ одѣянію. Когда предсѣдатель отдалъ приказъ—вводить по одиночкѣ арестантовъ, Губинская была совершенно спокойна или по крайней мѣрѣ казалась такою; ни одинъ мускулъ лица не дрогнулъ у ней, только глаза ея свѣтились огнемъ безсильной злобы. Введенный повстанецъ, когда ему было приказано указать ту, которая пріѣзжала съ сыномъ своимъ въ м. Желядзь къ Станиславу Губинскому, прямо указалъ на нее, назвавъ по имени Бригидою Губинскою, и добавилъ при этомъ, что она привозила туда деньги, порохъ и оружіе.

— Что вы скажете на это? — спросилъ ее предсѣдатель коммиссіи, генералъ-лейтенантъ Веселитскій.

— Онъ лжетъ,—отвѣтила Губинская,—я его вижу въ первый разъ и у сына моего Станислава въ Желядзи никогда не была,—ни одна, ни съ сыномъ.

Та же самая сцена повторилась при очныхъ ставкахъ съ другими мятежниками. Удаливши затѣмъ двухъ арестантокъ изъ коммиссіи и пригласивши Губинскую сѣсть въ сторонѣ, предсѣдатель приказалъ ввести въ присутствіе Ивана Губинскаго съ другими тремя арестантами; всѣ они были одѣты въ сѣрыя чамарки и высокіе сапоги. Увидѣвши сына, Губинская, видимо, сконфузилась; исторія клонилась къ развязкѣ... Иванъ Губинскій окончательно растерялся... Какъ приговоренный, онъ стоялъ, опустивъ голову на грудь. Мнѣ стало его жалко.

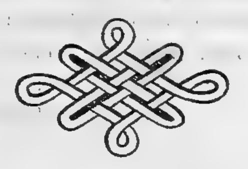
— Ободритесь, молодой человѣкъ,—сказалъ я ему;—вашимъ смущеніемъ вы только изобличаете себя; еще есть время, сознайтесь; упорство только повредитъ вамъ.

Губинскій поднялъ голову, видимо хотѣлъ что-то сказать, но, взглянувши на угрюмо сидѣвшую мать, отвѣтилъ только однимъ глубокимъ вздохомъ; вѣроятно, онъ надѣялся по прежнему примѣру выдти сухимъ изъ воды. Началась очная ставка, на которой его опознали и обвинили въ томъ же, въ чемъ была обвинена и его мать. Послѣ улики послѣдняго мятежника, Бригида Губинская бросилась на колѣни передъ генераломъ Веселитскимъ и съ воплями начала божиться, что показалал ожно о

небытности своей у сына Станислава въ м. Желядзи, желая тѣмъ спасти сына Ивана и избавиться отъ отвѣтственности за самовольную отлучку изъ Вильны. Поѣздку свою туда она пояснила желаніемъ повидаться съ сыномъ Станиславомъ, котораго они оба давно не видѣли; участіе же въ мятежѣ отрицала клятвенно. Чтобы положить конецъ этой тяжелой сценѣ, отданъ былъ приказъ отвести арестантовъ по камерамъ. Впослѣдствіи времени Губинскіе преданы были суду и понесли заслуженное наказаніе.

Вотъ съ какими личностями и какого закала намъ приходилось имѣть дѣло, а мы все еще не переставали довѣрчиво смотрѣть на пановъ и, увлекаемые ихъ лживыми увѣреніями, оказывали имъ незаслуженное снисхожденіе, а въ награду за это подвергались съ ихъ стороны разнымъ обвиненіямъ въ небывалыхъ притѣсненіяхъ и жестокостяхъ. Пусть же разсудитъ благосклонный читатель, каково было положеніе наше въ то печальное время, когда русскія власти совершенно растерялись и не знали, что дѣлать въ этомъ вихрѣ политическихъ страстей, разжигаемыхъ съ запада, когда для высылки изъ Ковны совершенно ничтожныхъ личностей потребовалось, какъ мы видѣли выше, сохраненіе тайны для избѣжанія серьезныхъ безпорядковъ. Дерзость крамольниковъ доходила до крайнихъ предѣловъ, а мы только смотрѣли на нее, какъ на дѣтскую шалость. Кто въ этомъ былъ виноватъ—произнесетъ свой судъ исторія, а я скажу только одно: свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Поправки неточностей въ «Пушкинскомъ сборникѣ».

Въ недавно напечатанномъ «Пушкинскомъ сборникѣ» преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Петербургскаго университета», 1900 г., въ статьѣ профессора С. К. Булича: «Пушкинъ и русская музыка», встрѣчаются неточности, нуждающіяся въ исправленіи.

Перечисляя музыкальныя произведенія, написанныя на ошибочно приписанные Пушкину тексты, профес. Буличъ мѣстами называетъ имена настоящихъ авторовъ этихъ текстовъ, а мѣстами нѣтъ. Такъ, имъ не указано, что извѣстное стихотвореніе: «Тройка» («Вотъ мчится тройка удалая») принадлежитъ Ѳ. И. Глинкѣ; что стихи: «Зачѣмъ въ душѣ моей волненье», на которые написанъ романъ Н. Вителяро, принадлежатъ перу В. И. Туманскаго (см. стихотв. В. И. Туманскаго, Спб., 1881, стр. 145—146). Въ отдѣлѣ этомъ пропущенъ вышедшій въ Москвѣ въ 1828 г. романсъ А. Л. Гурилева на неправильно приписанныя Пушкину слова: «Я очарованъ былъ прекрасной» (см. «Русск. Стар». 1879 г., декабрь стр., 732—733).

Въ библіографической работѣ, конечно, очень трудно избѣжать недочетовъ и пропусковъ, но отъ автора большаго библіографическаго труда, внушеннаго памятью Пушкина, можно требовать простаго знакомства съ произведеніями великаго нашего поэта. Приходится съ сожалѣніемъ убѣдиться, что проф. Буличу незнакомъ «Евгеній Онѣгинъ», такъ какъ онъ считаетъ ложно приписанными Пушкину стихи: «Я позабылъ вашъ образъ милый», на которые написанъ романсъ В. Кашперовымъ. Стихи эти дѣйствительно принадлежатъ Пушкину и представляютъ собою варіантъ къ XXXII строфѣ VIII-й главы «Евгенія Онѣгина»; это отрывокъ изъ письма Онѣгина къ Татьянѣ (см. «Сочиненія Пушкина», изд. литерат. фонда, Спб., 1887, т. III, стр. 397).

Сообщ. **Евгенія Клебанская.**

Изъ переписки М. Н. Загоскина [1]).

(р. 14-го іюля 1789 † 23 іюня 1852).

V. Письма П. А. Корсакова—М. Н. Загоскину [2]).

1.

3-го іюня 1816 г. Село Буриги, Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда.

Милый и незабвенный другъ Мишелюшка!

Хотя и не удалось мнѣ тотчасъ по прибытіи моемъ въ обитель мира отдать пріятную для сердца моего дань дружеству; однакоже надѣюсь, что братъ Саша увѣдомилъ о томъ милаго моего Мишеля; я убѣдительно его объ этомъ просилъ.

Итакъ, мой другъ, наконецъ сбылись пріятныя мечты моего воображенія:

Я, покинувъ шумный кругъ,
Улетѣлъ туда, гдѣ вѣетъ
Воздухъ родины моей;

---

[1]) См. „Русскую Старину" 1902 г., іюль.

[2]) Петръ Александровичъ Корсаковъ (р. 1790 † 1844), весьма плодовитый писатель въ стихахъ и прозѣ, съ 1807 по 1810 г. состоялъ при нашей миссіи въ Гаагѣ, гдѣ изучилъ голландскій языкъ и литературу; въ 1823—1826 гг. служилъ, по выборамъ дворянства, уѣзднымъ судьею въ Порховѣ; съ 1835 г. по кончину былъ цензоромъ С.-Петербургскаго цензурнаго комитета.—Одно письмо П. А. Корсакова къ Загоскину, отъ 24-го октября 1824 года, напечатано въ „Раутѣ" Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 307—308.

Гдѣ родимые пенаты
Кровъ мой тихій, небогатый
Средь наслѣдственныхъ полей
Кроткимъ счастьемъ осѣняютъ,
Домосѣда защищаютъ
Отъ опасныхъ свѣтскихъ бурь!

Написавъ, между прочимъ, и эти стихи къ общему знакомцу нашему, а моему старому дружищу Потемкину [1]), за мѣсяцъ передъ отъѣздомъ моимъ изъ вашего пекла, я не воображалъ, чтобы все, мною придуманное, могло такъ счастливо, такъ пріятно исполниться!

Хвала Богу, благословившему меня за долгое, долгое мое терпѣніе!

Другъ мой! ты самъ имѣешь нѣжныхъ, примѣрныхъ родителей: ты знаешь имъ цѣну. У меня одинъ только отецъ [2])—и тотъ еще лишенъ зрѣнія. Я служу ему проводникомъ, я плачу ему сыновнею любовію за устройство моего благосостоянія, за образованіе сердца моего и ума, за тѣ примѣры сыновней преданности, которыми онъ, вмѣсто пустыхъ словесныхъ наставленій, училъ мою молодость!—Понимаешь ли ты всю полноту моего удовольствія? Такъ, мой другъ, можетъ быть, ты одинъ и твои братья и сестры поймутъ меня!

Кромѣ того, еще имѣю я въ утѣшеніе мое—надежду поправить не только здоровье мое, но и самый характеръ мой, который отъ безпрестанныхъ мнѣ козней начиналъ изъ филантропическаго превращаться въ мизантропическій. Боже мой! и мысль о томъ пугаетъ меня, перестать любить мнѣ подобныхъ, можетъ быть, и любезныхъ мнѣ!—Ужасно! И отъ чего?—Отъ злодѣйства нѣкоторыхъ!—Нѣтъ, мой другъ, лучше злобнымъ

поклониться
И бѣжать, пока злой духъ
Заразить насъ не успѣетъ.

Добрые друзья мои, какъ ты, какъ почтенные твои родители, какъ милое твое семейство, не позабудутъ меня—иногда удостоятъ грамоткою; а до другихъ мнѣ и дѣла нѣтъ!

Здѣсь—пусть буду я забытымъ
Злобой, завистью людей,
Пусть умру для нихъ безвѣстный,
Лишь бы, кровнымъ всѣмъ любезный,
Жилъ я въ памяти друзей.
Здѣсь тихонько, осторожно
Прошепчу Сильвановъ стихъ:
„Гдѣ намъ лучше жить возможно,
Если не въ кругу родныхъ?“

---

[1]) По всему вѣроятію, графу Сергѣю Павловичу Потемкину (р. 1787 † 1858), драматическому писателю, большому любителю театра.

[2]) Александръ Степановичъ Корсаковъ († 1832).

Прочитавъ сіе, я увѣренъ, что на слѣдующей почтѣ и милой Мишель мой скажетъ привѣтливое *да* вѣрному его деревенскому, а потому и искреннему другу Петру Корсакову.

Еще разъ скажи мое почтеніе батюшкѣ, матушкѣ, братцамъ, сестрицамъ и любезнѣйшей твоей супругѣ [1]), которая, и не бывъ еще мнѣ совершенно извѣстна, уже любезна, потому что дѣлаетъ счастіе добраго моего Мишеля, которому повторю то же, что̀ и Потемкину:

Будь здоровъ, не забывай,
Веселись, пиши, прощай!

Маралъ ли ты когда-либо въ твоихъ брульонахъ бумагу, подобно этому бѣдному, мною измаранному письму?

2.

Усадище Захонье. 15-го іюля 1816 г.

Ну какъ теперь не сказать, милый мой и безцѣнный Мишелюшка, что иногда и побраниться не дурно, особливо когда бранишься не отъ сердца, а такъ, какъ бранятся милые—только для потѣхи? Я потѣшилъ своего маленькаго червячка, котораго имѣлъ противъ моего Мишелюшки, и онъ самымъ пріятнымъ письмомъ отвѣчалъ мнѣ на легкіе мои упреки. Шутки въ сторону, братъ! А въ письмѣ твоемъ ты до того въ моихъ глазахъ оправдался, что хоть самому себя обвинять пришлось: а такъ какъ тутъ нѣтъ середины, то ужъ хоть я пусть буду виноватымъ передъ тобою, несмотря, что кажуся правымъ по всѣмъ правамъ естественнымъ и гражданскимъ... А чтобы ты и впередъ вѣрилъ моему смиренію, скажу тебѣ со всею наивностію деревенскаго простачка: прости меня въ томъ, что ты не писалъ ко мнѣ цѣлыя три недѣли,—для того, что, послѣ милаго твоего письма отъ 10-го сего мѣсяца, даже и въ этомъ обвинить тебя не имѣю силы!

Я всегда зналъ тебя за пламеннаго остряка; читалъ твои шутливые, замысловатые отрывки; забавлялся отъ души театральною твоею веселостью; но теперь еще въ первый разъ вижу, что и сердце твое, благородное, чувствительное сердце, такъ же хорошо управляетъ перомъ, какъ и бѣглый твой умъ. Ты опасаешься умницъ. Но, другъ мой, для нихъ ли ты ко мнѣ пишешь? Пусть ихъ съ хладнокровною, догматическою точностію взвѣшиваютъ каждое слово; между тѣмъ какъ мы съ тобою, скрывая отъ нихъ нашу откровенность, будемъ другъ друга любить и такъ же выражать это, какъ и чувствовать. Иногда, обманы-

[1]) М. Н. Загоскинъ былъ женатъ на Аннѣ Дмитріевнѣ Васильцовской.

вая разстояніе и разнообразя письменныя непринужденныя наши бесѣды, подсолимъ ихъ нѣсколькими веселыми шуточками (въ которыхъ у тебя недостатка не будетъ); иногда,—слѣдуя издали за послѣдователями суеты и, можетъ статься, бывъ сами, въ свою очередь, жертвами суеты,—посмѣемся (какъ въ свѣтѣ водится) надъ суетностью другихъ. Иногда—по примѣру послѣдняго твоего извѣстія о новомъ произведеніи твоей музы—и я, смирный отшельникъ отъ шума парнасскаго, скажу тебѣ словечко о своей Мельпоменѣ или Эрато, изрѣдка посѣщающихъ мое уединеніе. Но покуда что-либо затѣю, ты еще долженъ мнѣ описаніемъ твоей комедіи новаго Дворянящагося мѣщанина [1]): ты обѣщалъ мнѣ его на слѣдующей почтѣ, и, вѣрно, сдержишь обѣщаніе. Но когда придетъ эта слѣдующая почта?.. Въ ожиданіи ея прибытія, подтвердимъ еще одно условіе—взаимно отвѣчать на получаемыя письма, по старой пословицѣ—долгъ платежемъ красенъ; или, пожалуй, хоть и по новой, недавно мною слышанной отъ добраго моего отца—дѣй добро, жди добра!—Послѣ страшныхъ твоихъ заклятій, особливо подъ ужасомъ воскресенія усопшаго Демокрита на похвалу трудовъ твоихъ, повѣрю, что не только ко мнѣ письма писать, но и бочку Данаидъ ворочать можешь рѣшиться!

Жаль мнѣ бѣднаго Катенина [2]), если ему крѣпко досталось за бѣдную его «Ольгу» [3]): я люблю правду; а въ этой бѣдняжкѣ многія мѣста похвалы достойны, и въ концѣ есть, по совѣсти, такіе стихи, какихъ нѣтъ и у Жуковскаго [4]); хотя я и не прочь отъ того, что переводъ послѣдняго, особливо въ началѣ, гораздо выше Катенинскаго. Критики я еще не читалъ, отъ того, что благодѣтель нашъ и почтеннѣйшій братъ Гречъ [5]) (котораго надо бы посѣчь) вдругъ, остановя благодѣянія свои на нынѣшнемъ полугодіи, прекратилъ неизвѣстно почему присылку своего журнала. Вѣроятно, однакожъ, что въ этомъ болѣе виноваты мои петербургскіе коммиссіонеры. Опять таки, по пословицѣ, не хлѣбу ходить за брюхомъ, не Гречу за Корсаковымъ, но брюху за хлѣбомъ, Корсакову за Гречемъ, который даромъ, безъ платежа кварты, снабжалъ мое умственное чрево своимъ умствен-

---

[1]) Въ 1817 году вышла комедія Загоскина: „Господинъ Богатоновъ, или провинціалъ въ столицѣ".

[2]) Павла Александровича (р. 1792 † 1853), извѣстнаго писателя, человѣка большаго ума и образованія.

[3]) Въ „Сынѣ Отечества" 1816 года, ч. XXX, № 24, Катенинъ напечаталъ балладу „Ольга",—переложеніе Бюргеровой баллады „Ленора". Критика на „Ольгу" помѣщена въ „Сынѣ Отечества" 1816 года, ч. XXXI, № 27.

[4]) Въ 1808 году Жуковскій написалъ „Людмилу". (Русская баллада, подраженіе Бюргеровой „Ленорѣ").

[5]) Н. И. Гречъ, издававшій „Сынъ Отечества".

нымъ хлѣбомъ . . . . . Но я вижу, что нѣсколько плоское сравненіе возмутило остроту твоей натуры, и потому не лучше ли къ финису? Сегодня что-то врется; не лучше ли дать пройти этому умственному затменію и до будущей почты сказать тебѣ—прости, пиши и помни вѣрнаго твоего друга Петра Корсакова.

Село Буриги. Іюля 18-го числа.

Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Въ прошлую субботу настрочилъ я тебѣ, милый Мишелюшка, цѣлыя три страницы вранья, которыя съ переѣздами сюда, въ село батюшкино, опоздали на почту. Немного потерялъ бы ты, еслибъ онѣ и вовсе не дошли; но я, можетъ быть, потерялъ бы въ добромъ мнѣніи о моей исправности, и потому, какъ прежнее письмо мое вылилось, такъ его и посылаю, въ доказательство строгаго исполненія заключеннаго нами трактата.—Слѣдующая почта съ подробнымъ извѣстіемъ о твоей комедіи еще не приходитъ, и я жду ее на слѣдующей недѣлѣ, желая, сколько можно мнѣ будетъ, оправдывать отсутствующихъ, вопреки французскому обычаю, по которому les absents ont toujours tort. Скажи даже и Новикову, общему нашему собрату, мнѣ по Адаму и еще кое по чему, а тебѣ и по потомству Адамову, что его молчаніе на братскій мой вызовъ переношу я въ молчаніи и безъ сердца: ему, вѣрно, некогда; вотъ и все тутъ; но я увѣренъ, что и самый недосугъ его не мѣшаетъ иногда вспомнить о преданномъ ему жителѣ деревенскомъ.—Строеніе барскаго моего дома, въ усадищѣ Захоньѣ, на берегахъ излучистой Шелони, поостановилось немного за сельскою нашею меженью и такъ называемою страдною порою, т. е. временемъ уборки хлѣба.—Видишь ли, другъ мой, что и я, недавный предъ симъ горожанинъ, знакомлюсь уже съ лексикономъ поселянъ! Боюсь, чтобы скоро не начать писать языкомъ моихъ древнихъ шелонскихъ республиканцевъ; что же до разговора, то иногда, — вѣроятно отъ желанія быть внятнѣе добрымъ моимъ крестьянамъ,—я забываюсь и говорю совершенно ихъ нарѣчіемъ. Хорошо, что нѣту здѣсь на то время какого-нибудь Шишкова: онъ бы задалъ мнѣ такихъ пріема два—три изъ грамматики, отъ которыхъ бы и въ глазахъ посоловѣло. Но я вижу, что, если мнѣ слушаться моего сердца, то письму моему не видать конца. Послушаюсь на сей разъ необходимости—недостатка мѣста и скажу тебѣ въ заключеніе то же самое, что говорилъ и въ началѣ: люблю милаго Загоскина, любилъ и любить буду. Въ чемъ проситъ увѣрить и все семейство его вѣрно преданный П. Корсаковъ.

3.

(1817 года).

Безцѣнный другъ Михайла Николаевичъ!

Пріятно мнѣ видѣть, что деревенскаго пустынника не совсѣмъ еще позабыли его столичные сотоварищи. Милое письмецо твое много меня порадовало и открыло нѣкоторыя описки въ предыдущихъ письмахъ моихъ, а именно:

Написано: Ай, да братцы молодцы...

Читай: Ай, да братецъ молодецъ!,

каковую погрѣшность прошу исправить и еще разъ повторить въ единственномъ числѣ за лихой отпоръ пасынковъ.

Мнѣ кажется, другъ мой, что редакторъ «Сына Отечества» впадаетъ въ младенческую глупость: въ послѣднемъ № его читалъ я такое жалкое повтореніе твоихъ словъ, что мнѣ за него стало совѣстно. И Журналъ королевскій, и Газета Французская не отвѣчали еще съ такимъ простодушіемъ Жолтому Карлу [1]).

Не знаю, другъ мой, угодилъ ли на тебя присылкою послѣдней статьи о учителяхъ нашихъ, гдѣ, кажется, и касимовцу на грибы досталось [2]).

Посылаю при семъ окончаніе моей Исторіи [3]) и нѣсколько добытыхъ мною стиховъ. Въ первой прошу велѣть выставить по порядку номера въ замѣчаніяхъ, какъ они слѣдуютъ послѣ предыдущихъ главъ.— Если бы зналъ, какихъ трудовъ будетъ мнѣ стоить сей историческій отрывокъ, то лучше бы вовсе не предпринималъ его. Болѣе двадцати увражей прочелъ и изъ выписокъ принужденъ создать нѣчто цѣлое. Слава Богу, что кончилъ! Теперь займусь присылкою тебѣ какой-нибудь веселенькой статьи для нравовъ или политическихъ діалоговъ

---

[1]) Журналъ „Le Nain Jaune, ou journal des arts, des sciences et de littérature", основанный Cauchois Lemaire'омъ, издавался съ конца 1814 года и нападалъ на роялистовъ и противниковъ свободы. Съ возвращеніемъ Бурбоновъ (въ іюлѣ 1815 г.) „Nain Jaune" былъ запрещенъ. Cauchois удалился въ Бельгію, гдѣ съ марта по ноябрь 1816 года издавался „Le Nain Jaune refugié".

[2]) Вѣроятно, здѣсь разумѣется одна изъ двухъ статей Корсакова въ издававшемся въ 1817 году имъ вмѣстѣ М. Н. Загоскинымъ и Похорскимъ журналѣ „Сѣверный Наблюдатель": Совѣтники (№ 9, стр. 275—278), или Кого больше? Кто полезнѣе? (№ 13, стр. 401—408). Статьи подписаны псевдонимомъ Корсакова „Русскій Пустынникъ".

[3]) Статья Корсакова „Краткая исторія свободы тисненія во Франціи" печаталась въ „Сѣверномъ Наблюдателѣ" 1817 года (съ № 6 по № 18; въ концѣ статьи (въ № 18) стоитъ подпись: П. Крскв.).

Джона-Буля съ министрами, присовокупляя къ нимъ нѣсколько забавныхъ анекдотовъ.

По крайней мѣрѣ не скажешь ты, чтобы я не содѣйствовалъ братцу молодцу моему по мѣрѣ силы и способовъ.

Увѣдомь меня, что ты думаешь на будущее полугодіе [1]? Проклятыя дѣла мои меня давятъ. Но у меня есть всегда время усердно дѣйствовать съ милымъ моимъ другомъ. Весь твой Пьеръ.

Почтенному твоему семейству мое нелестное почитаніе.

4.

18-го мая 1824 г. С.-Петербургъ.

Лѣнивый, забывчивой и все еще равно памятный и любезный другъ Михайла Николаевичь!

Если бы не новыя произведенія милаго и веселаго комика Загоскина, то я не зналъ бы и до сихъ поръ, существуетъ ли прежній товарищъ мой и побратимъ парнасскій? И въ старые годы еще лѣность твоя, какъ корресподента, заставляла меня писать тебѣ упреки въ довольно негладкихъ стихахъ; теперь же, когда ты самъ такъ удачно пустился въ стихобѣсіе (mètromanie); когда прелестная комедія твоя «Урокъ холостымъ» [2], по дружбѣ ссудившаго меня ею почитателя твоего г. Каратыгина [3], разглаживаетъ морщины столичной моей скуки, не смѣю настроивать ржавыя струны запылившейся моей лиры, а буду бранить тебя въ прозѣ, какъ ты бывало бранивалъ Русскаго Пустынника подъ литтерою А и Б [4].—Бранить?... Но кстати ли?—Развѣ бранятся съ тѣми, до кого есть дѣло? Не лучше ли постараться извинить твое долгое молчаніе? И будто это такъ трудно? Мало ли увертокъ представляетъ намъ благодатная наша юриспруденція? И мнѣ ли избранному собратіями моими Порховской округи въ судьи цѣлаго уѣзда [5] съ 45.000 жителей, не найти 45 резоновъ къ оправданію стороны, въ пользу которой наклоняются вѣсы моего правосудія?—Во 1-хъ,

---

[1] Въ 1818 году „Сѣверный Наблюдатель" уже не выходилъ.

[2] Написана въ 1822 году.

[3] Извѣстнаго трагика Василія Андреевича Каратыгина († 1853 г.).

[4] „Русскій Пустынникъ"—псевдонимъ П. А. Корсакова. Въ 1817 году Корсаковъ издавалъ журналъ „Русскій Пустынникъ, или Наблюдатель отечественныхъ нравовъ". Въ № 4 этого журнала (стр. 94—95) напечатано письмо къ редактору этого журнала, подписанное буквами А. Б. В., по поводу помѣщенной въ томъ же журналѣ статьи: „Замѣчанія русскаго объ иностранномъ театрѣ".

[5] Какъ сказано выше, П. А. Корсаковъ въ 1823—1826 гг. служилъ въ Порховѣ уѣзднымъ судьею.

ты авторъ-стихотворецъ, слѣдственно часто бываешь въ маральной отлучкѣ; 2-е, ты членъ московской дирекціи [1]) и, вѣрно, не всегда свободенъ; 3-е, ты въ чаду заслуженныхъ похвалъ многолюдной столицы и, весьма естественно, не всегда властенъ думать о друзьяхъ, заточенныхъ судьбою и обязанностями на тѣсную сцену провинціальнаго театра; 4-е, 5-е, 6-е... Но неужели всѣ 45 резоновъ мнѣ выписывать? Пожалѣемъ лучше нашего времени и заключимъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ: «Объявить Михаила Николаева сына Загоскина отъ суда и слѣдствія свободнымъ».—Но такъ какъ по порядку древняго и новаго судопроизводства принято за основаніе, что правосудіе есть рѣдкая вещь и ее ни въ какихъ палатахъ не даютъ задаромъ, то и я попрошу у тебя за оправданіе твое нѣсколькихъ взятокъ.—Какихъ?—объясняюсь.

Молодой Росцій нашъ—г. Каратыгинъ,—отступя отъ общаго обычая новѣйшихъ питомцевъ русской сцены, почитающихъ—весьма основательно!!—просвѣщенныя занятія въ словесныхъ наукахъ несовмѣстными съ ихъ званіемъ, возмечталъ, согласно съ мнѣніемъ собратій своихъ Ифланда [3]), Гаррика [4]), Дмитревскаго [5]) и еще нѣкоторыхъ столь же не важныхъ лицъ, что игра актера образованнаго будто бы можетъ быть благороднѣе на театрѣ... Возмечталъ, и для опыта переложилъ твою прелестную комедію «Доброй малой» [6]) въ добрые и гладкіе русскіе стихи.—Я, прослушавъ ее, осмѣлился ему за тебя поручиться, что ты не только за посвященіе тебѣ пьесы сей и приношеніе твоего отъ твоихъ не посердишься, но и съ удовольствіемъ увидишь комедію сію въ стихотворномъ видѣ ея на сценѣ.—Скромный поэтъ нашъ, однакоже, сему не вѣритъ и хочетъ сильнѣйшихъ доказательствъ—письменнаго твоего дозволенія. Я опять таки обѣщать ему и это осмѣлился, въ надеждѣ, что ты въ семъ письменномъ дозволеніи дружбѣ моей не откажешь. Итакъ подтверди мнѣ скорѣе, что я не ошибся; напиши на все это отвѣтъ съ первою почтою и пришли письмо твое подъ кувертомъ моего кліента Василія Андреевича Каратыгина, перваго трагическаго актера С.-П(етер)бургскаго русскаго театра. — Вотъ первая моя взятка; второю — пусть будетъ другое извѣстіе: живъ ли, здоровъ ли, веселъ ли ты и все любезное твое семей-

---

[1]) Загоскинъ съ 1823 года былъ членомъ по хозяйственной части дирекціи московскаго театра.

[2]) Росцій—знаменитый римскій актеръ, пріятель Цицерона.

[3]) Августъ-Вильгельмъ Ифландъ (Iffland, р. 1759 † 1814), нѣмецкій актеръ и писатель.

[4]) Давидъ Гаррикъ (Garrick, р. 1716 † 1779), англійскій актеръ, писавшій и комедіи.

[5]) Иванъ Аѳанасьевичъ (р. 1736 † 1821), извѣстный русскій актеръ.

[6]) Эта комедія была написана Загоскинымъ въ 1820 году.

ство; что ты теперь подѣлываешь; представляютъ ли тебѣ иногда воспоминанія прошедшихъ временъ—одного довольно страннаго (какъ ты называлъ), но не совсѣмъ дурнаго провинціала, приносившаго не въ однихъ стихахъ, но на самомъ дѣлѣ жертвы родимымъ пенатамъ? Такъ ли тебѣ памятны, какъ ему, канувшіе въ нѣмую вѣчность часы, въ которые искренность и пріязнь оживляла твои съ нимъ бесѣды?... И провинціалъ твой, любезный другъ, сдѣлался, подобно тебѣ, отцемъ семейства [1]): трое прелестныхъ амуровъ увѣнчали его счастливый бракъ, и наконецъ, послѣ бурныхъ дней столичной мятели, отдохнулъ и онъ въ мирной пристани стороны родимой, забывая помалу театральныя сплетни, литературныя ненависти, тупое остроуміе недѣльныхъ журналовъ и тому подобныя утѣшенія литтераторовъ.—Кто бы увѣрилъ меня, наслаждавшагося скромною радостію жителя полей, что Ѳемида, слѣпая Ѳемида, сдѣлается рушительницею моего спокойствія? Какъ бы ты думалъ? Сперва, по ея милости, попалъ я, какъ дворянинъ, въ уѣздные судьи моей округи; а потомъ попалъ самъ, какъ помѣщикъ, въ когти уѣзднаго суда, палаты и, наконецъ, въ бездну юстиціи—въ Правительствующій Сенатъ.—Тутъ узналъ я справедливость пословицъ. Одна изъ нихъ говоритъ:

Le vrai malheur des hommes d'ici-bas—
Est d'avoir femme et procès sur les bras [2]).

За первую я, конечно, долженъ благодарить Провидѣніе, какъ за кладъ; а за второй... Но къ чему роптать прежде времени? Не помню ты, или Шамшевъ, говаривалъ: Il faut être philosophe..., и я слѣдую вашему правилу.

Молчу, покорствую и въ томъ всю славу мѣрю.

Пока правосудіе не разрѣшитъ онѣмѣлаго языка моего, позволь хоть мысленно обнять тебя такъ же крѣпко, какъ ты въ старину сжималъ руку друга твоего и побратима П. Корсакова.

5.

Г. Порховъ. Усадище Захонье. Генваря 25 дня 1830.

Любезнѣйшій другъ Михайло Николаевичъ!

Вмѣсто утраченнаго по милости петербургской театральной дирекціи экземпляра моей процензурованной трагедіи «Гедвига и Ягел-

[1]) П. А. Корсаковъ былъ женатъ два раза: первый разъ на Шарлоттѣ Бетлингъ († 1810 г.), второй разъ (съ 1818 г.)—на Александрѣ Ивановнѣ Буткевичъ.

[2]) Т. е. Истинное несчастье людей—это имѣть жену и судебную тяжбу.

лонъ», или «Судъ Божій», долженъ я былъ составить новый экземпляръ изъ черновыхъ листковъ сей піесы, дабы воспользоваться готовностію твоею удружить ея автору; итакъ, процензуровавъ вторично сію трагедію, отправляю къ тебѣ въ Москву бѣлокаменную, гдѣ по крайности не уничтожаютъ пьесъ, по чему-либо неугодныхъ начальству театра, и не лишаютъ автора достоянія—богатаго или убогаго, но тѣмъ не менѣе принадлежащаго ему по всѣмъ законамъ справедливости и разсудка.

Вотъ тебѣ, милой другъ и товарищъ, моя польская страница въ землѣ чуждей; не покинь ее, и да благоволитъ всемогущій Фебъ, чтобы вступленіе ея на помосты его московскаго храма было счастливѣе древняго царствованія на престолѣ польскомъ! Если, при критическомъ разборѣ пьесы сей, понадобилось бы сдѣлать для представленія ея на театрѣ нѣкоторыя перемѣны или урѣзки, хода дѣйствія не нарушающія, то я довѣряю ихъ произвести твоему познанію сцены, вкусу и доброжелательности къ старинному твоему собрату. При семъ случаѣ, заботясь, какъ говорятъ французы, о томъ, что они называютъ le spirituel de la chose, n'oubliez pas aussi le temporel [1]), по несчастію, тоже немаловажную вещь въ семъ мірѣ нужды и недостатковъ карманныхъ, гдѣ честь честью, а и благостыня благостынею.

Еще слѣдуетъ одна просьба: поклониться отъ меня нашему Орфею—Верстовскому [2]) и попросить его, въ память дружбы къ умолкшему навѣки кудрявому пѣвцу Николаю Корсакову [3]), написать музыку хоровъ и романса моей «Гедвиги» съ тѣмъ геніальнымъ искусствомъ, которое отличаетъ его мелодію въ твоемъ необыкновенномъ твореніи «Панъ Твердовскій» [4]).

Съ истиннымъ наслажденіемъ читалъ я твое новѣйшее произве-

---

[1]) Т. е. заботясь о духовномъ, не забывайте и матеріальнаго.

[2]) Композитору Алексѣю Николаевичу Верстовскому (р. 1799 † 1866).

[3]) Братъ П. А. Корсакова, Николай Александровичъ Корсаковъ, товарищъ Пушкина по лицею, принадлежалъ къ числу лицеистовъ-литераторовъ; онъ участвовалъ въ изданіи лицейскихъ журналовъ и самъ писалъ стихи. Но главное, чѣмъ онъ отличался, это были его музыкальныя способности: онъ прекрасно игралъ на скрипкѣ и былъ отчасти композиторъ. По выходѣ изъ лицея Н. А. Корсаковъ былъ причисленъ къ нашей миссіи въ Римѣ и въ 1820 году умеръ во Флоренціи (см. Сочиненія Пушкина (академич. изданіе, съ примѣчаніями Л. Н. Майкова), т. I, изданіе второе, Спб. 1900, примѣчанія, стр. 67).—„Кудрявымъ пѣвцомъ" Н. А. Корсаковъ названъ въ стихотвореніи Пушкина „19-го октября 1825". Строфа четвертая этого стихотворенія, посвященная памяти Корсакова, начинается такъ: „Онъ не пришелъ, кудрявый нашъ пѣвецъ". Извѣстіе о смерти Корсакова вызвало стихотвореніе Пушкина „Гробъ юноши".

[4]) Опера; текстъ Загоскина; музыка Верстовскаго (написана въ 1828 г.).

деніе—«Благородный театръ» [1]): новѣйшее для насъ, поселянъ, и, можетъ быть, не послѣднее для вашей братьи, гражданъ шумнаго свѣта. Знаешь ли, что ты изумилъ меня? Ты, дезертиръ изъ царства поэзіи, пишешь стихами, и какими! Не грѣхъ ли тебѣ было такъ долго лишать публику удовольствія читать твои прелестныя комедіи на пріятномъ, легкомъ, стихотворномъ языкѣ? Что-то теперь ты подѣлываешь? Вѣроятно, не лѣнишься: иначе стыдно тебѣ будетъ, и слѣдуетъ снять съ тебя на базарѣ шапку.

Живы ли, здоровы ли милые твои семьянитяне? Удостоиваютъ ли они и почтеннѣйшая твоя супруга воспоминаніемъ своимъ меня и жену мою Александру Ивановну [2]), ихъ записныхъ любителей?

Ты прежде меня ознакомился съ званіемъ отца семейства; но и я не отсталъ отъ тебя: трое живыхъ амуровъ à la lettre, четвертый на мази и пятый во гробѣ: вотъ мои произведенія въ пользу народонаселенія Россіи. Много радостей, милый дружище, но много и заботъ, особливо кому не всегда routé по дѣламъ хозяйства. Ты живешь на деньгахъ, и потому не знаешь, что это за звѣрь—деревенская экономія. Сегодни пожаръ, завтра неурожай, послѣзавтра удадокъ цѣнъ на продукты и, наконецъ, опись имѣнія, заложеннаго по праву россійскаго благороднаго дворянства въ Опекунскомъ совѣтѣ или Заемномъ банкѣ; а кушать-обѣдать надобно; а вина рюмку поднести доброму гостю необходимо; а неодѣтому выѣхать совѣстно, и тому подобныя тысячи тысячъ нуждъ и необходимостей образованнаго общества, неизвѣстныхъ на островахъ Тихаго моря Отаити и Овайги, гдѣ вмѣсто домовъ, стоющихъ намъ нѣсколькихъ тысячъ рублей серебромъ или ассигнаціями, живутъ въ шалашахъ, покрытыхъ банановыми листьями; гдѣ, вмѣсто аглицкаго или, что еще дороже, русскаго сукна, носятъ платье Адама и Евы; гдѣ не знаютъ ни ломбардовъ, ни банковъ, ни гражданскихъ палатъ, безъ которыхъ бы мы пропали, а съ которыми все-таки пойдемъ когда-нибудь по міру etc., etc., etc., и сколько вылилось бы еще et cetera, если бы опасность превратить письмо къ другу въ огромную диссертацію не остановила потока сихъ этцетеръ при самомъ ихъ началѣ.

Не пора ли кончить? Я думаю. Чѣмъ же заключить сіе маранье своевольнаго пера? Опять таки просьбою: возобновить имя Корсакова въ памяти незабвеннаго Ѳедора Ѳедоровича Кокошкина [3]) и донести ему нелестную преданность отъ искренняго его почитателя. Бывъ по

---

[1]) Эта комедія Загоскина написана въ 1828 году.

[2]) См. выше, стр. 357, прим. 1-е.

[3]) Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ († 1838), любитель литературы и записной театралъ, управлялъ съ 1823 по 1831 годъ московскимъ театромъ.

лѣту въ Петербургѣ, я съ немалою пріятностію удивился, найдя въ одномъ журналѣ, показанномъ мнѣ почтеннымъ нашимъ Гнѣдичемъ, что ея сіятельство княгиня Катерина Семеновна Гагарина [1]) и его превосходительство Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ порадовали всѣхъ необыкновеннымъ своимъ талантомъ въ одномъ приватномъ спектаклѣ. Слѣдовательно Мельпомена наша уже исчезла съ поприща ея прежней славы, и одна память о ея великомъ талантѣ, какъ эхо волшебной мелодіи, будетъ насъ очаровывать напредки.

Ай, ай, ай! 3-я страница уже къ концу, а я еще не кончаю. Прости же, другъ любезнѣйшій, дабы опять отрада бесѣдовать съ тобою не завлекла долѣе преданнаго тебѣ друга Петра Корсакова.

6.

Порховскаго уѣзда с. Захонье. 18-го ноября 1832 г.

Въ надеждѣ на Бога и на тебя, мой незабвенный другъ Михайла Николаевичь, хоть не бывалъ понтёромъ, а рѣшаюсь загнуть уголъ: посылаю новый списокъ моей трагедіи «Гедвига» прямо на твое имя, а не въ контору—crainte de nouvel accident.

Трагедія моя полуромантическая и не на ходуляхъ ходитъ, а потому можетъ быть и сойдетъ—середкой на половинѣ. Будетъ она достойною вниманія публики, то актеры ее не совсѣмъ уронятъ; а нѣтъ, то не поддержитъ ее и искусство актеровъ. Впрочемъ, если, по прежнему обѣщанію, напишетъ нашъ знаменитый Верстовскій для пьесы моей хоры и романсъ; если ты, мой старинный другъ, велишь дать ее съ принадлежащими къ ней украшеніями и господа актеры удостоятъ меня хоть въ половину того доброжелательства, которое имѣлъ всегда ко мнѣ нашъ неподражаемый Куперъ [2])—авторъ «Юрія» и «Рославлева» [3]), то я не совсѣмъ еще упаду духомъ, и попрошу только объ одномъ: не выставлять моего имени до поры до времени на афишѣ. Коли пойдетъ дѣло на ладъ, то автора узнать еще успѣютъ...

Нетерпѣливо жду твоего новаго зимняго гостя [4]), о которомъ пред-

---

[1]) Знаменитая актриса Екатерина Семеновна Семенова († 1849), съ 1828 года бывшая замужемъ за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ.

[2]) Знаменитый американскій романистъ (р. 1789 † 1851).

[3]) „Юрій Милославскій" вышелъ въ свѣтъ въ 1829 г., а „Рославлевъ" въ 1831 году.

[4]) Въ 1833 году былъ изданъ новый романъ Загоскина „Аскольдова могила".

увѣдомляешь письмомъ твоимъ. Жду его цѣлою семьею моею, дабы вмѣстѣ съ публикою поглотить его и затвердить его, какъ затвердилъ уже два первыя твои произведенія. Не могу не сказать одного, что и вдова твоего молчаливаго офицера, живущая отъ меня въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, узнала героя своего—Фигнера [1]) въ безъимянномъ портретѣ его, украшающемъ прекрасную галлерею «Рославлева».

Что сказать о себѣ? Жизнь моя течетъ въ единообразіи, къ коему обрекла меня судьба: тогда какъ бывшіе мои товарищи теперь министрами и мало-мало—губернаторами!.. Но когда и они, и я дойдемъ до философской цѣли нашего странствія, то, вѣроятно, и имъ такъ же, какъ и мнѣ, такъ же, какъ и недавно переселившемуся въ вѣчность доброму отцу моему Александру Степановичу—не болѣе сажени земли нужно будетъ для вѣчнаго покоя! Боюсь одного, чтобы къ вечеру дней не втащили меня подрастающія дѣти въ метель, отъ которой я такъ постоянно устранялся. Признаюсь, что начинать будетъ поздненько: но чего не рѣшится сдѣлать отецъ пятерыхъ милыхъ херувимовъ, въ которыхъ красота тѣлесная есть еще меньшее достоинство? Bon gré, mal gré il faudra que l'amour propre cède à l'amour paternel [2]). Ты, мой безцѣнный другъ, не прерывалъ теченія своей службы и потому не можешь чувствовать, какъ трудно человѣку моихъ лѣтъ идти опять въ рекруты и попасть (можетъ быть) подъ команду къ какому-нибудь писарю, котораго нѣкогда самъ я грамотѣ учивалъ... De la philosophie, et encore une fois de la philosophie! вотъ совѣтъ, который даетъ не совсѣмъ худое сердце довольно строптивому уму. Да не говоритъ ли и пословица: Il faut toujours laisser faire ce qu'on ne peut pas empêcher? [3]).

Симъ заключаетъ нынѣшнюю бесѣду съ тобою нелестный другъ твой по душевнымъ чувствамъ и почитатель по великимъ твоимъ дарованіямъ не совсѣмъ еще остылый къ міру пустынникъ Петръ К(орсаковъ).

P. S. Донеси мое и Александры Ивановны моей уваженіе почтенной и милой твоей супругѣ и, пожелавъ ей здоровья, ознакомь насъ при первомъ случаѣ съ твоею семьею, назвавъ мнѣ поименно твоихъ малютокъ. Что твоя почтенная матушка, братцы, сестрицы и батюшка? Живы ли, здоровы ли, и гдѣ?

---

[1]) Извѣстнаго партизана Отечественной войны Николая Самойловича Фигнера (р. 1787 † 1812).

[2]) Т. е. какъ ни какъ, самолюбіе должно будетъ уступить родительской любви къ дѣтямъ.

[3]) Т. е. Неизбѣжнаго не отвратишь.

VI. Письма Н. И. Гнѣдича—М. Н. Загоскину [1]).

1.

С.-Петербургъ. Апрѣля 19-го 1821.

Послѣ «Авторской клятвы» [2]) я уже перестану и удивляться твоимъ истинно блистательнымъ успѣхамъ, любезный другъ Михайло Николаевичь! Или, лучше сказать, перестану думать, что сложеніе стиховъ дѣло не легкое; оно, видно, трудно было только для меня. «Авторскую клятву» читалъ я вчера въ собраніи соревнователей [3]). Она какъ слушана съ истиннымъ удовольствіемъ, такъ и балотированіемъ принята единогласно; въ ихъ журналѣ будетъ и напечатана, также и твое ко мнѣ посланіе [4]). Съ «С(ыномъ) Отеч(ества)», при новомъ опекунѣ его [5]), я не такъ коротокъ, несмотря, что опубликованъ въ числѣ завербованныхъ поэтовъ. Въ первой піэсѣ, кромѣ все мучіетъ меня (такъ не пишется) и еще двухъ легкихъ переправокъ, все остается безъ перемѣны. Обѣ піэсы твои читалъ я Савѣ Михайл(овичу) [6]) и Мар(ьѣ) Степ(ановнѣ), и ты легко можешь вообразить ихъ изумленіе. Но удовольствіе Крылова при слушаніи «Автор(ской) клятвы», вѣрно, лучшая

---

[1]) Это письмо Гнѣдича служитъ отвѣтомъ на письмо къ нему Загоскина отъ 16-го апрѣля 1821 г., напечатанное въ приложеніи къ Отчету Императорской Публичной Библіотеки за 1895 годъ, стр. 41—42.—Три письма Гнѣдича къ Загоскину, отъ 11-го марта 1824 г., 11-го февраля и 12-го мая 1830 г., напечатаны въ „Раутѣ“ Н. В. Сушкова, книга третья (Москва. 1854), стр. 297—301. Изъ помѣщаемыхъ нынѣ писемъ Гнѣдича были приведены двѣ небольшія выписки въ „Біографіи М. Н. Загоскина“, написанной С. Т. Аксаковымъ (Москва. 1855), стр. 14 и 15.—Отвѣтомъ на это письмо Гнѣдича служитъ письмо Загоскина отъ 2-го мая, напечатанное въ „Современномъ Обозрѣніи“ 1868 г., февраль, стр. 289—290.

[2]) Сцены въ стихахъ, написанныя Загоскинымъ въ 1820 году. До этого года Загоскинъ не писалъ стиховъ.

[3]) Т. е. въ собраніи Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности.

[4]) „Авторская клятва“ напечатана въ „Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія“ 1821 года, № VII, стр. 98—105. „Посланіе къ Н. И. Гнѣдичу“, первые стихи Загоскина, помѣщены въ томъ же журналѣ за тотъ же годъ, № VI, стр. 302—307.

[5]) Въ письмѣ отъ 16-го апрѣля Загоскинъ просилъ Гнѣдича сообщить ему, намѣренъ ли Н. И. Гречъ напечатать въ своемъ журналѣ „Сынъ Отечества“ Посланіе Загоскина къ Гнѣдичу. Съ 1821 года „Сынъ Отечества“ сталъ издаваться Гречемъ совмѣстно съ А. Ѳ. Воейковымъ.

[6]) Мартынову (ср. „Современное Обозрѣніе“ 1868 года, февраль, стр. 286, прим. 9). Мать М. Н. Загоскина, Наталья Михайловна, была рожденная Мартынова.

тебѣ порука за достоинство піэсы, основанной на дѣйствіи и характерахъ и написанной живо и чисто. Самая жъ піэса порука намъ, что ты подаришь театръ комедіею въ стихахъ. Начинай смѣло и немедля, любезной другъ, но не стихами, а прозою, прозою, т. е. планомъ, планомъ. Сообрази, т. е. раздѣли предметъ на дѣйствія и явленія, назначь число лицъ и набросай кратко экстрактъ всего, что они будутъ говорить и дѣлать. Разверни, т. е., вслѣдствіе сдѣланнаго соображенія, пиши сцены въ прозѣ, пиши все, не откидывая ни одной мысли, какова бы она ни была, пиши со всѣмъ жаромъ вдохновенія, не заботясь, хорошо или дурно пишешь. А послѣ этого—съ простывшею головою, разсмотри, лишнее выкинь, холодное оставь—перемѣни и пиши стихами. Вотъ тебѣ урокъ, чтобъ ты не напрасно называлъ меня учителемъ. Но оканчиваю письмо, чтобъ успѣть на почту. Всѣ три письма, отъ марта 3-го, 7-го и 30-го [1]), я получилъ, но кн(язя) Долгорукова [2]) еще не видѣлъ. Обнимаю тебя, поэтъ, въ пріятныхъ ожиданіяхъ хорошихъ о тебѣ вѣстей и стиховъ. Тебѣ душевно преданный Н. Гнѣдичъ.

P. S. Письмо начато съ жаромъ дружбы и перевернуто Богъ знаетъ по-каковски.

2.

С.-Петербургъ. Маія 19-го 1821.

Не думаю, мой другъ, чтобъ хвалы могли избаловать тебя. Ты имѣешь и умъ, и совѣсть дарованія, чтобъ не ослѣпляться собою. Успѣхи твои дѣйствительно, во всемъ смыслѣ этого слова, блистательны—такъ никто не начиналъ; ты понимаешь меня: не начиналъ. «Выборъ невѣсты» [3])—та же пріятность, живость и красота въ стихахъ, но самой предметъ ослабленъ: есть длинноты и вялости. Я никакъ не могу сравнивать ее съ «Авторскою клятвою». При всемъ этомъ піэса имѣетъ достоинства и сдѣлала пріятное впечатлѣніе въ Обществѣ соревнов(ателей), гдѣ она была читана. Тамъ же я слышалъ и твои разговоры въ прозѣ. Ихъ читалъ Гречь, и читалъ прекрасно. Мысль чрезвычайно оригинальная, веселая и выполнена отмѣнно пріятно. Родъ этотъ, то-есть маленькія сочиненія въ разговорахъ, можетъ быть лучшимъ упражненіемъ твоего таланта для отдыховъ отъ работъ серьезныхъ, то-есть большихъ. Прочитай разговоры Лукіана, переводъ на

[1]) Эти три письма Загоскина напечатаны въ „Современномъ Обозрѣніи" 1868 г., февраль, стр. 287—289.

[2]) Князя Михаила Петровича Долгорукова, сына писателя князя Ивана Михайловича; князь М. П. Долгоруковъ желалъ заниматься въ Императорской Публичной Библіотекѣ, и Загоскинъ рекомендовалъ его Гнѣдичу (тамъ же, стр. 286, письмо отъ 3-го марта).

[3]) Написанъ Загоскинымъ также въ 1821 г.

француз(скій), а еще лучше прекрасный переводъ Виланда на нѣмецкомъ. Журналы наши ведутъ себя отмѣнно не забавно и даже не потѣшно. Этого мало—они какъ (бы) сговорились продавать свою совѣсть. Что, напримѣръ, скажутъ потомки, читая вдругъ во всѣхъ журналахъ, въ «С(ынѣ) О(течества)», въ «Вѣст(никѣ) Евр(опы)», въ «Соревноват(елѣ)», въ «Благонамѣр(енномъ)», похвалы тому, кто носитъ на челѣ своемъ печать отверженія—и музъ, и людей [1]). Читая, напримѣръ, въ одномъ журналѣ похвалы Хвостову, можно только подумать, что журналистъ заплаченъ или шутитъ. Но слышать вдругъ въ одно время во всѣхъ журналахъ о превосходномъ переводѣ «Андромахи» и стыдно, и гнусно [2]). По крайней мѣрѣ я не могъ этого видѣть безъ особеннаго чувства, которому нѣтъ названія, но оно противуположно зависти и есть родъ негодованія, наполняющаго сердце, когда видишь хвалы недостойному и такое униженіе тѣхъ, которые воздаютъ ихъ. И послѣ этого дорожи похвалами нашихъ литтераторовъ! Я даже хотѣлъ писать объ этомъ; но чего добраго?—подумаютъ отъ зависти. Сдѣлай изъ этого разговоръ въ царствѣ мертвыхъ или и живыхъ; но онъ можетъ быть очень забавенъ. Пишу тебѣ чрезъ Михаила Григорьевича Павлова [3]): онъ профес(соръ) Мос(ковскаго) университета, путешествовавшій по Европѣ, человѣкъ образованный и любезный. Прощай, мой любезной другъ. Иверская и Ѳивейской да хранятъ тебя и милуютъ. Тебѣ душевно преданный Н. Гнѣдичь.

VII. Письма М. П. Погодина—М. Н. Загоскину.

1.

(1841).

Любезнѣйшій мой Михаилъ Николаевичь! Вы говорили мнѣ когда-то о г. Неѣловѣ, а у него есть, я слышалъ недавно, повѣсти, изъ-за которыхъ я бьюсь. Нельзя ли вамъ отъ своего лица взять ихъ у него: «я, де, отдамъ ихъ журналисту—почему вы не хотите печатать ихъ, и тому под.». Понимаете, что самъ я просить не хочу для того, чтобъ не налагать на себя обязанности напечатать именно то, что получу, а чрезъ

---

[1]) Т. е. графу Д. И. Хвостову.

[2]) Въ 1821 году вышло 5-е изданіе „Андромахи" Расина, въ переводѣ графа Д. И. Хвостова.

[3]) М. Г. Павловъ (р. 1793 † 1840) былъ профессоромъ физики и агрономіи; онъ издавалъ „Атеней" и „Русскій Земледѣлецъ".

васъ это всего ловчѣе и для меня, и для него: ни онъ, ни я не явимся просителями. Устройте, мой добрый Михаилъ Николаевичъ, это дѣло и поддержите «Москвитянина» [1]), который, право, принесетъ пользу литтературѣ, если поддержится и удержится. Ольга Семеновна [2]) сказывала мнѣ, что и у васъ есть повѣсти. Нужно бы перевести ихъ изъ головы на бумагу, благо теперь пишется, а я поклонился бы чѣмъ могу, по писанію, и что вы назначите. Я хочу торговать у васъ и Мирошева [3]), когда вы кончите. Вѣдь вы слышали, что я à la Новиковъ хочу учредить издавальное заведеніе, чтобъ уничтожить опеку и опеканье нашихъ книгопродавцевъ, которые разоряютъ насъ. Преданный М. Погодинъ.

Обнимаю васъ.

2.

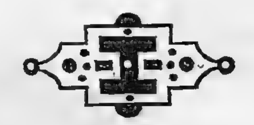
23-го августа.

Стыдно и грѣшно, что мы совсѣмъ не видимся, любезнѣйшій Михаилъ Николаевичъ! Какъ будто раззнакомились! Хоть бы разъ когда завернулъ, а я сижу дома, монахъ постриженный. Изъ Богеміи пишутъ ко мнѣ родичи наши чехи, что имъ очень хочется почитать васъ. Я посылаю имъ теперь книги. Если хотите, доставьте мнѣ экземпляра по два всѣхъ вашихъ сочиненій. Чехи хотятъ и переводить ихъ на свое нарѣчіе.

Въ ожиданіи и экземпляровъ, и васъ, остаюсь преданный М. Погодинъ.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ**.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) „Москвитянинъ" сталъ издаваться съ 1841 года.

[2]) Аксакова, жена С. Т. Аксакова, находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Загоскинымъ.

[3]) Романъ Загоскина „Кузьма Петровичъ Мирошевъ" вышелъ въ свѣтъ въ 1842 году. Отрывки изъ этого романа Загоскинъ читалъ на одномъ вечерѣ у Погодина (см. Н. Барсуковъ, Жизнь и труды Н. П. Погодина, книга одиннадцатая, стр. 339).

Двѣ награды Д. В. Давыдову.

Письмо Д. В. Давыдова генералъ-адъютанту Васильчикову.

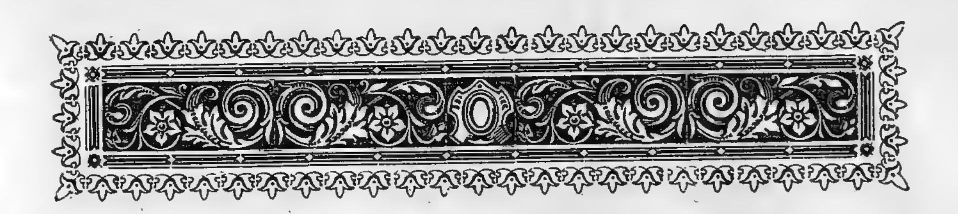
12-го декабря 1812 г. Соколы.

Милостивый государь Ларіонъ Васильевичъ!

По приказанію вашего превосходительства я остановился въ Соколахъ, гдѣ буду ожидать вашего новаго повелѣнія. Спѣшу увѣдомить ваше превосходительство, что я получилъ вдругъ двѣ монаршія милости—св. Владиміра 3 степени и Георгія 4 класса. Я сему обрадовался, какъ ребенокъ, и, увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ дружескомъ расположеніи, зная, что возьмете участіе въ моемъ удовольствіи, перваго васъ, какъ человѣка, котораго я болѣе всѣхъ почитаю, извѣщаю съ нетерпѣніемъ. Если можете, прошу ваше превосходительство отыскать въ вашемъ корпусѣ Георгіевскій крестъ съ лентою, ибо я его не имѣю, чѣмъ крайне обяжете того, который съ истиннымъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣетъ честь быть вашего превосходительства покорный слуга Денисъ Давыдовъ.

Сообщилъ В. И. Харкевичъ.

Дипломатическіе переговоры передъ Восточною войною 1853—1856 гг.

III [1]).

Дипломатическая борьба въ Константинополѣ въ 1852 и 1853 г.—Англійскій посолъ Страдфортъ Каннингъ.—Положеніе, принятое императоромъ Николаемъ въ переговорахъ.—Переписка Тувенеля съ Кастельбажакомъ.—Перемѣна министерства въ Турціи.—Возвращеніе Лавалетта въ Константинополь и его дѣятельность.—Бесѣды императора Николая съ англійскимъ посломъ Сеймуромъ.—Участіе Англіи въ дипломатическихъ переговорахъ.—Отозваніе Лавалетта изъ Константинополя.

Въ Парижѣ дипломаты были въ самомъ затруднительномъ положеніи, и Тувенель писалъ, 15-го іюня 1852 г.[2]), генералу Кастельбажаку:

«Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ чрезвычайно озабочиваетъ насъ. Молчать было бы равносильно признанію, что мы утратили до извѣстной степени свое вліяніе. Разсердиться значило бы поставить все верхъ дномъ. Россія отомстила за одержанный нами ничтожный успѣхъ слишкомъ ловко и слишкомъ сильно. Я полагаю, что вполнѣ естественное раздраженіе, вызванное фирманомъ, который былъ данъ грекамъ вопреки всѣмъ увѣреніямъ турокъ, было причиною того, что принцъ Людовикъ-Наполеонъ принялъ такъ близко къ сердцу отказъ (со стороны Порты) дать намъ фирманъ для пропуска черезъ Дарданеллы французскаго военнаго судна «Шарлемань» (le Charlemagne). Во время пребыванія адмирала Роменъ-Дефоссе (Romain-Defossés) въ Кон-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

[2]) Всѣ даты означены по новому стилю.

стантинополѣ, Порта сама подала намъ поводъ требовать у нея этого фирмана, и я вполнѣ увѣренъ, что если бы не дѣятельное вмѣшательство сэра Стратфорда Каннинга и г. Озерова, то она не отказалась бы письменно отъ предложеній, сдѣланныхъ ею словесно. Эта умышленная дерзость, которая съ точки зрѣнія права можетъ быть вполнѣ оправдана текстомъ конвенціи, заключенной 13-го іюля 1841 г., задѣла принца Людовика-Наполеона, и нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ былъ вынужденъ заявить Дивану, что если «Шарлемань» не будетъ пропущенъ черезъ Дарданеллы, то нашъ представитель будетъ отозванъ. Было бы несправедливо обвинять насъ въ нарушеніи договоровъ. Тутъ идетъ вопросъ только о сохраненіи нашего достоинства; въ этомъ смыслѣ вамъ и надлежитъ отстаивать его, если императоръ Николай или его министры коснутся этого дѣла въ разговорѣ съ вами. Лондонскій кабинетъ гораздо болѣе сдержанъ, нежели его константинопольскій представитель, и я имѣю основаніе думать, что онъ именно и подалъ Дивану мысль дать намъ фирманъ для пропуска «Шарлеманя», когда нашъ посланникъ вернется къ своему посту. Это дѣло, какъ видите, еще въ зачаткѣ; мы не могли коснуться его въ депешѣ, но я полагалъ, что вамъ необходимо знать о немъ».

Затруднительное положеніе дипломатіи, созданное двоедушіемъ турокъ и враждебнымъ отношеніемъ представителей Франціи и Россіи въ Константинополѣ, увеличилось нескончаемыми интригами англійскаго посланника, сэра Стратфорда Каннинга, который дѣйствовалъ по своему собственному усмотрѣнію, принимая во вниманіе инструкціи великобританскаго кабинета лишь по стольку, по скольку онѣ соотвѣтствовали его личнымъ планамъ, отношеніямъ и честолюбивымъ видамъ. Англійское министерство высоко цѣнило опытность, патріотизмъ и положеніе, пріобрѣтенное въ дипломатическомъ мірѣ сэромъ Стратфордомъ Каннингомъ, который уже былъ въ это время англійскимъ перомъ и получитъ званіе лорда Редклиффа. Представители велкихъ державъ въ Константинополѣ, въ особенности представители Франціи, подвергались (въ 1850—1858 г.г.) постояннымъ нападкамъ со стороны благороднаго лорда.

Сабатье также подвергался выходкамъ Каннинга и жаловался на нихъ Тувенелю:

«Сэръ Стратфордъ Каннингъ,—писалъ онъ 25-го іюня 1852 г.,—какъ человѣкъ честный и безкорыстный, не хотѣлъ принять никакого подарка для себя лично, но султанша Валиде, встрѣтивъ лэди Каннингъ на водахъ, подарила ей драгоцѣнную вещь стоимостью въ сто тысячъ піастровъ, а въ настоящее время на монетномъ дворѣ дѣлаютъ длинное ожерелье и серьги изъ алмазовъ, которые будутъ стоить болѣе 150 тысячъ франковъ».

Переговоры о Святыхъ мѣстахъ произвели въ Петербургѣ такое же смутное и тягостное впечатлѣніе, какъ въ Константинополѣ и Парижѣ; французскій посланникъ, генералъ Кастельбажакъ чувствовалъ, что дѣло не налаживается, и писалъ 2-го іюля Тувенелю въ отвѣтъ на вышеприведенное письмо касательно «Шарлеманя»:

«Любезный товарищъ, существуетъ два пункта, относительно которыхъ императоръ Николай не пойдетъ ни на какія уступки: это польскіе повстанцы и дѣла греческой вѣры. Во всѣхъ остальныхъ вопросахъ онъ съ свойственною ему справедливостію и возвышеннымъ умомъ, склоненъ уступать требованіямъ политической необходимости и доводамъ разума. Надобно сказать, что, при всей его деспотической и непреклонной волѣ, онъ относится осторожно ко всему касающемуся религіознаго и народнаго духа своихъ подданныхъ, прекрасно понимая, что въ этомъ источникъ его силы, и что это національное и религіозное чувство даетъ ему вліяніе на народъ и на войско.

«Въ Россіи императоръ Николай принадлежитъ къ партіи народа, который называетъ его своимъ отцомъ и всегда уповаетъ на поддержку монарха противъ деспотизма помѣщиковъ. Это чувство, имѣющее огромное нравственное вліяніе, очень сильно въ народѣ, въ арміи и среди купечества. Императоръ, при всей своей деспотической власти, долженъ съ нимъ считаться, въ особенности въ дѣлахъ внѣшней политики, за которыми въ Россіи очень слѣдятъ. Вотъ почему, въ особенности при нынѣшнихъ политическихъ осложненіяхъ, я былъ очень недоволенъ тѣмъ, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ былъ поднятъ, и его обсуждали вовсеуслышаніе, а газеты, въ особенности «Journal des Débats» придали ему большую огласку, послѣ отъѣзда Лавалетта. Но дѣло сдѣлано, надобно выйти изъ него съ честью. Императоръ Николай никогда не говорилъ со мною объ этомъ дѣлѣ прямо и не обмолвился также ни словомъ о «Шарлеманѣ», о которомъ ему, однако, извѣстно, такъ какъ Сенявинъ (одинъ изъ высшихъ чиновъ министерства иностранныхъ дѣлъ) говорилъ со мною о немъ и спрашивалъ, не могу ли разъяснить ему это дѣло, которое ему не вполнѣ извѣстно. Поэтому ваше письмо пришло весьма кстати; я передалъ ему на словахъ подробности, которыя вы мнѣ сообщили. Онъ прекрасно понялъ, что этотъ неожиданный фактъ сдѣлался для насъ, помимо нашей воли, вопросомъ чести. Но Сенявинъ увидитъ императора Николая не раньше, какъ чрезъ нѣсколько дней, по окончаніи большихъ трехдневныхъ маневровъ; а Сенявинъ, еще болѣе чѣмъ канцлеръ Нессельроде, никогда не высказываетъ своего мнѣнія, не узнавъ предварительно мнѣнія монарха».

Императоръ Николай не говорилъ о Святыхъ мѣстахъ не только съ французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, но даже и со своимъ канцлеромъ Нессельроде. Такъ какъ онъ былъ лютеранинъ и нѣмецъ,

то императоръ, считая вопросъ о Святыхъ мѣстахъ какъ бы вопросомъ своей религіозной совѣсти, полагалъ, что Нессельроде не можетъ понять его мысли.

Молчаніе царя было многознаменательно и чрезвычайно осложняло дѣло.

Разные мелкіе факты растравляли еще болѣе самолюбіе императора. Такъ на смотру, произведенномъ въ Парижѣ принцемъ Людовикомъ-Наполеономъ 10-го мая новаго стиля, среди его свиты виднѣлись мундиры польскихъ офицеровъ; Франція требовала отъ Турціи фирмана для пропуска черезъ Дарданеллы военнаго суда «Шарлемань»; наконецъ, маркизъ Лавалеттъ, начавшій дѣятельный походъ противъ грековъ православнаго исповѣданія, получилъ приказаніе возвратиться въ Константинополь, на этотъ разъ въ званіи посланника. Вся совокупность этихъ фактовъ свидѣтельствовала о самостоятельности дѣйствій со стороны Франціи и о ея ревностномъ желаніи отстоять свое политическое достоинство.

Императоръ же Николай, избалованный успѣхомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ ставилъ свою политическую самостоятельность такъ высоко, что почти не признавалъ ея въ другихъ.

Хотя Франція и отстаивала свои права, однако ея государственные люди считали необходимымъ дѣйствовать довольно сдержанно. Тувенель писалъ 1-го августа 1852 г. генералу Кастельбажаку:

«Побѣдные клики, коими нѣкоторыя газеты привѣтствуютъ возвращеніе Лавалетта въ Константинополь, произвели, вѣроятно, у васъ неблагопріятное впечатлѣніе. Что касается меня, то я нахожу ихъ смѣшными. Мы вовсе не намѣрены завоевывать Іерусалима, а тѣмъ болѣе ссориться съ Россіей; мы хотимъ одного—полнаго и честнаго исполненія обѣщаній, данныхъ намъ Портою. Для тѣхъ, кто знакомъ съ этимъ вопросомъ, наши требованія и нашъ успѣхъ должны казаться весьма ничтожны. Въ Петербургѣ это, конечно, понимаютъ, надѣюсь, что тамъ не заблуждаются на счетъ нашихъ намѣреній, точно такъ же, какъ и на счетъ значенія, которое надобно придавать статьямъ, помѣщаемымъ въ нашихъ католическихъ газетахъ».

Эти благоразумныя слова не вполнѣ оправдывались фактами.

Возвращеніе въ Константинополь маркиза Лавалетта совпало съ новымъ министерскимъ кризисомъ. Великій визирь, Решидъ-паша, былъ вторично смѣщенъ; его мѣсто занялъ Али-паша, а вмѣсто послѣдняго во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сталъ Фуадъ-эффенди.

Маркизъ Лавалеттъ, тотчасъ по пріѣздѣ, позаботился объ исполненіи на мѣстѣ фирмана 8-го февраля. Турецкій коммиссаръ, Афифъ-бей, давно уже назначенный въ Іерусалимъ, все еще туда не ѣхалъ, и маркизъ писалъ Тувенелю 17-го августа:

«Я не могу признать инструкцій, данныхъ Афифъ-бею. Онѣ написаны очевидно для грековъ! Въ воскресеніе утромъ у меня назначено свиданіе съ Фуадъ-эффенди у Али-паши. Меня преслѣдуетъ одна забота: какъ бы основательно похоронить этотъ вопросъ; надѣюсь, что это мнѣ удастся».

25-го августа 1852 г. Лавалеттъ писалъ Тувенелю:

«Если мнѣ удастся добиться ноты, которую я требую отъ турецкихъ министровъ, то наше положеніе улучшится; въ противномъ случаѣ, намъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, энергично протестовать и заявить туркамъ, что они нарушили договоръ и что это отразится неизбѣжно на нашихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Поведенію Али-паши должно быть выражено строгое порицаніе. Я объ этомъ позабочусь. Читая мою депешу, вы будете, вѣроятно, поражены, точно такъ же, какъ и я былъ пораженъ слѣдующей фразою Фуадъ-эффенди: «Я понялъ бы,—сказалъ онъ,—если бы вы сдѣлали ради Святыхъ мѣстъ то, что вы сдѣлали для Триполи, но послѣдняго я никакъ не могу понять»[1]).

«Это признаніе серьезной вины со своей стороны и этотъ вызывающій тонъ сильно задѣли меня, и я долженъ былъ принудить себя, чтобы отвѣтить ему съ подобающей сдержанностью».

Маркизъ Лавалеттъ при всякомъ свиданіи съ турецкими сановниками настаивалъ на исполненіи ихъ обѣщаній и старался убѣдить ихъ въ томъ, что Франція не отступитъ отъ своихъ требованій, и былъ почти увѣренъ, что все обѣщанное фирманомъ 8-го февраля будетъ исполнено. Онъ дѣйствительно добился того, что министръ иностранныхъ дѣлъ, Фуадъ-эффенди, далъ турецкому коммиссару въ Іерусалимѣ самыя обстоятельныя и точныя инструкціи.

Такимъ образомъ каждая изъ двухъ сторонъ считала себя удовлетворенной и воздерживалась нѣкоторое время отъ всякихъ жалобъ и нареканій.

Лавалеттъ писалъ Тувенелю 25-го сентября 1852 года:

«Относительно Іерусалима нѣтъ ничего новаго. Мы ожидаемъ исполненія фирмана на мѣстѣ. Я предвижу энергическое сопротивленіе со стороны Россіи только по поводу ключа отъ Виѳлеемской церкви. Относительно этого пункта мы не можемъ и не должны уступить. Остается выждать дальнѣйшихъ событій, сдѣлавъ предварительно все возможное, чтобы повернуть ихъ въ нашу пользу».

Видимо маркизъ Лавалеттъ все еще опасался какихъ-то осложненій. И, дѣйствительно, когда турецкій коммиссаръ, Афифъ-бей, посланный въ Іерусалимъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ для того, чтобы выяснить на

---

[1]) Франція только-что передъ этимъ послала въ Триполи флотъ, чтобы освободить нѣкоторыхъ изъ своихъ подданныхъ, обиженныхъ пашою.

*

мѣстѣ права латинянъ и грековъ, прибылъ въ этотъ городъ, то обманъ вскорѣ открылся, и въ Іерусалимѣ разыгралась оригинальная сцена.

Одновременно съ Афифъ-беемъ, въ Палестину прибылъ русскій генеральный консулъ Базили. Онъ торжественно высадился въ Яффѣ на берегъ съ многочисленной свитою, направился оттуда въ Святой городъ и вступилъ въ него при звукахъ барабаннаго боя и залпа изъ мушкетовъ. На томъ же пароходѣ, на которомъ прибылъ Базили, пріѣхалъ и французскій консулъ Ботта. И тотъ и другой вѣдали только тотъ фирманъ, который ихъ касался, поэтому тотъ и другой собирались торжествовать. Когда представители державъ обмѣнялись оффиціальными визитами, то Афифъ-бей пригласилъ (16-го октября) въ церковь Святаго Гроба патріарховъ греческаго, латинскаго и армянскаго всѣхъ консуловъ и высшихъ должностныхъ лицъ для чтенія фирмана. Монахи расщедрились и предложили гостямъ угощеніе. Турецкій коммиссаръ произнесъ рѣчь, въ которой онъ восхвалялъ отеческую заботливость своего монарха и объявилъ, что султанъ обѣщаетъ исправить куполъ храма. Затѣмъ, всѣ отправились въ церковь Богородицы, гдѣ былъ прочитанъ фирманъ, коимъ латинянамъ даровалось право совершать службу въ этомъ храмѣ. Но Афифъ-бей, истолковывая въ самомъ строгомъ смыслѣ ту статью фирмана, коей повелѣвалось «ничего не измѣнять» во внѣшнемъ видѣ святилища, заявилъ рѣшительно, что онъ не дозволитъ латинянамъ ничего передѣлывать въ церкви, такъ что католическіе монахи были поставлены въ необходимость либо совершать богослуженіе въ греческомъ алтарѣ, либо отказаться отъ привилегіи, дарованной имъ султаномъ. Они ожидали бо́льшаго и громко протестовали, придавая огромное значеніе нѣкоторымъ чисто обрядовымъ вопросамъ; а такъ какъ, давъ имъ право совершать богослуженіе по обряду католической церкви, имъ запретили передѣлать алтарь и измѣнить его украшенія, то они считали себя жестоко обманутыми. Едва удалось нѣсколько успокоить латинянъ, какъ заволновались греки. Русскій консулъ, Базили, потребовалъ, чтобы былъ прочитанъ фирманъ, данный спеціально грекамъ.

— Какой фирманъ?—возразилъ Афифъ-бей.

— Тотъ,—отвѣчалъ Базили,—который былъ составленъ и написанъ собственноручно вами, какъ вторымъ секретаремъ, и коимъ всѣ требованія латинянъ признаны неправильными и утверждено statu quo.

— Я не получилъ на этотъ счетъ никакихъ инструкцій,—возразилъ турецкій коммиссаръ.

Противорѣчіе турецкихъ указовъ было очевидно, греки были обмануты въ такой же степени, какъ и латиняне.

Произошла весьма бурная сцена...

Базили поспѣшно командировалъ чиновника посольства въ Константинополь, чтобы получить объясненія поступковъ у турецкаго пра-

вительства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ въ Петербургъ о томъ, какъ поступаютъ турки.

Россія требовала, чтобы фирманъ, благопріятный грекамъ, былъ торжественно прочитанъ въ Іерусалимѣ въ присутствіи представителей всѣхъ исповѣданій. Франція, считая это торжественное чтеніе для себя пораженіемъ, настаивала на томъ, чтобы фирманъ былъ только зарегистрованъ. Послѣ долгихъ пререканій, та и другая сторона пошла на уступки; было рѣшено, что фирманы будутъ прочитаны, но только передъ незначительнымъ собраніемъ пашей, патріарховъ и нѣсколькихъ должностныхъ лицъ.

Оставался еще вопросъ о ключахъ отъ Виѳлеемской церкви и о знаменитой серебряной звѣздѣ, которую, какъ оказалось, нигдѣ не могли отыскать.

18-го октября состоялось второе собраніе въ Виѳлеемской церкви для рѣшенія вопроса о ключѣ, который тѣмъ же фирманомъ было присуждено дать латинянамъ. Но тутъ пошли интриги. Турки рѣшили, что латиняне могутъ пользоваться имъ только четыре раза въ годъ.

Это коварство свидѣтельствовало о томъ, какой страхъ внушалъ туркамъ императоръ Николай.

— Я не требовалъ и десятой доли того, на что латиняне имѣютъ право въ силу трактатовъ [1],—говорилъ Лавалеттъ.

Во все это время англійскіе дипломаты были невозмутимы и только посмѣивались.

— Покончите этотъ споръ между христіанами въ христіанскомъ духѣ, — повторяли они, сопровождая эти колкія слова язвительной улыбкою.

— Я не понимаю,—говорилъ въ Петербургѣ графъ Нессельроде,— почему турки предпочитаютъ милліонамъ своихъ греческихъ подданныхъ нѣсколько сотъ туристовъ-католиковъ [2].

Во Франціи провозглашеніе имперіи, совпавшее съ этими осложненіями, было причиною, что они прошли почти незамѣченныя публикою, хотя положеніе дѣлъ было гораздо серьезнѣе, нежели думали многіе.

Лавалеттъ, понимая, какое неблагопріятное впечатлѣніе должно было произвести торжественное и публичное чтеніе въ Іерусалимѣ фирмана, даннаго грекамъ, въ присутствіи тѣхъ самыхъ латинянъ, кои занимали нѣкогда въ Святомъ городѣ первенствующее положеніе, добивался того, чтобы это чтеніе было отмѣнено. Узнавъ объ этомъ, греки,

---

[1]) Депеша полковника Роза къ лорду Мальмсбюри отъ 14-го августа 1852 г. (Correspondence respecting, и т. д., ч. I, стр. 42).

[2]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Мальмсбюри, 31-го декабря 1852 г. (Correspondence respecting, и т. д., ч. I, стр. 55).

поддерживаемые Россіей, стали дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ и, не смотря на всѣ обѣщанія, данныя французамъ, фирманъ былъ наконецъ торжественно прочитанъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ опасаясь послѣдствій этого чтенія и не зная, что̀ дѣлать, турецкіе министры выдумали секретно предписать Афифъ-бею не приводить въ исполненіе тѣхъ статей греческаго фирмана, которыя могли оскорбить латинянъ. Россія зорко слѣдила за тѣмъ, что̀ дѣлалось въ Іерусалимѣ, и всякая комбинація, которая могла привести къ униженію грековъ, была бы встрѣчена ею враждебно. Императоръ Николай уже не скрывалъ своего желанія, чтобы въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ былъ соблюденъ statu quo; съ этой цѣлью къ греческому патріарху было послано два курьера съ предписаніемъ выѣхать изъ Іерусалима въ томъ случаѣ, если Афифъ-бей будетъ дѣйствовать согласно фирману 8-го февраля, а русскому консулу въ Іерусалимѣ, Базили, было приказано энергично воспротивиться выполненію этого акта.

Положеніе дѣлъ ухудшалось, но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось взаимное положеніе заинтересованныхъ въ нихъ лицъ. Маркизъ Лавалеттъ старался утѣшиться надеждою, что ожидаемое провозглашеніе имперіи дастъ ему новое орудіе для борьбы. Онъ писалъ Тувенелю 15-го декабря 1852 года:

«Любезный другъ, іерусалимское дѣло производитъ здѣсь сильнѣйшее впечатлѣніе. Одни не хотятъ вѣрить, чтобы фирманъ 8-го февраля былъ приведенъ въ исполненіе; другіе раздражаются; наконецъ, иные, и ихъ большинство, смотрятъ на насъ, какъ на новую силу, въ которой они надѣются найти поддержку. Не смотря на недоброжелательство многихъ и на всѣ дѣлаемыя намъ непріятности, наше положеніе упрочивается, и до сихъ поръ всѣ эти непріятности обращались во вредъ нашимъ противникамъ. Что сдѣлаетъ русскій императоръ въ виду огласки, которую придалъ дѣлу г. Базили, доведя его до крайности и не соглашаясь даже на тѣ ничтожныя уступки, которыя намъ были сдѣланы и которыя только и давали намъ возможность выйти съ честью изъ этой борьбы? Въ всякомъ случаѣ, отнынѣ, мы приняли оборонительное положеніе, которое предпочтительнѣе всякаго другаго, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Весьма возможно, что теперешній министръ будетъ искупительной жертвой, которую принесутъ разгнѣванной Россіи. Я очень остороженъ и сдержанъ съ великимъ визиремъ Али-пашою; ибо, хотя онъ и обѣщаетъ выполнить обязательство, данное въ февралѣ мѣсяцѣ, но я все-таки принимаю видъ жертвы. Съ нами начинаютъ считаться, но мнѣ кажется, нельзя допускать, чтобы на насъ слишкомъ разсчитывали. Турція—изъ тѣхъ особъ, за которыми ухаживаютъ, но на которыхъ не женятся! Ея семейство слишкомъ бѣдно и пользуется слишкомъ дурной репутаціей».

«Между тѣмъ, за публичное чтеніе фирмана въ Іерусалимѣ Озерову и первому драгоману русскаго посольства выражено высочайшее благоволеніе,—писалъ Лавалеттъ Тувенелю 6-го января 1853 г.,—первый произведенъ въ тайные совѣтники, а второй получилъ Анну на шею и шесть тысячъ франковъ прибавки къ жалованію! Это не много поспѣшно, но, какъ бы то ни было, я писалъ Озерову и поздравилъ его. Онъ отвѣтилъ мнѣ любезнѣйшимъ образомъ. Разумѣется, я старался скрыть свое неудовольствіе».

Маркизу Лавалетту не пришлось быть свидѣтелемъ развязки тѣхъ недоразумѣній, въ которыхъ онъ принималъ столь живое участіе. Французское правительство, желая какъ-нибудь уладить дѣло, было не только готово удовольствоваться самыми незначительными уступками, но французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ-де-Люисъ, озабоченный тѣмъ оборотомъ, какой принимало дѣло о Святыхъ мѣстахъ, рѣшилъ сдѣлать еще одинъ шагъ къ примиренію и отозвать изъ Константинополя Лавалетта, замѣнивъ его новымъ лицомъ, не причастнымъ къ бывшимъ спорамъ и недоразумѣніямъ.

Тувенель писалъ по этому поводу генералу Кастельбажаку:

«Надобно вамъ сказать, дабы вы могли упомянуть объ этомъ мимоходомъ въ разговорѣ, что Лавалеттъ снова уѣзжаетъ въ отпускъ и что около половины февраля въ Константинополь отправится посланникомъ Бренье. Съ отъѣздомъ нашего посланника однимъ поводомъ къ неудовольствію будетъ меньше. Газетныя статьи, въ которыхъ воспѣвались похвалы маркизу Лавалетту, вызвали въ насъ досаду, не менѣе какъ въ Нессельроде. Говорю вамъ истинную правду: мы отнюдь не желаемъ войны. Если бы мы не были связаны прошлымъ, то мы оставили бы это дѣло. Но оно зашло такъ далеко, что намъ необходимо окончить его съ честью, и то, чего мы добиваемся, вполнѣ невинно. Вотъ истинная правда относительно вопроса о Святыхъ мѣстахъ. Слово, которое должно утишить бурю или сдѣлать ее еще болѣе грозной, должно раздаться изъ Петербурга».

Но въ то самое время, когда Друэнъ-де-Люисъ дѣлалъ послѣднее усиліе, чтобы уладить какъ-нибудь жгучій вопросъ о Святыхъ мѣстахъ и предупредить его драматическую развязку, въ Петербургѣ разыгрывался первый актъ этой драмы.

9-го января 1853 г., на большомъ вечерѣ во дворцѣ великой княгини Елены Павловны, императоръ Николай, замѣтивъ англійскаго посланника, сэра Гамильтона Сеймура, подошелъ къ нему и, поздравивъ его съ образованіемъ новаго министерства, смѣнившаго 26-го декабря кабинетъ лорда Дерби, отозвался весьма лестно о первомъ министрѣ, лордѣ Абердинѣ, котораго государь, по его словамъ, зналъ лично уже сорокъ лѣтъ.

— Я хотѣлъ бы,—сказалъ онъ,—тѣснѣе сблизиться съ Англіей... Вы находитесь здѣсь уже нѣсколько времени, и вамъ извѣстно, что наши интересы сходятся почти во всѣхъ отношеніяхъ. Когда мы находимся въ добромъ согласіи, то я вполнѣ спокоенъ за Западную Европу. Что другіе думаютъ, въ сущности неважно. Что касается Турціи, то это иной вопросъ, эта страна находится въ критическомъ положеніи и можетъ доставить намъ много хлопотъ.

Весьма удивленный этой неожиданной откровенностью и чрезвычайно заинтересованный ею, Сеймуръ осмѣлился замѣтить своему августѣйшему собесѣднику:

— Слова вашего величества,—сказалъ онъ, — вызовутъ всеобщее удовольствіе. Не соблаговолите ли, ваше величество, успокоить насъ относительно Турціи?

Царь, нѣсколько подумавъ, сказалъ:

— Турецкія дѣла въ крайнемъ разстройствѣ. Надобно сговориться. У насъ на рукахъ человѣкъ больной, серьезно больной: было бы большое несчастье, если бы мы лишились его, когда еще не сдѣланы всѣ нужныя распоряженія... Но теперь не время говорить объ этомъ,—присовокупилъ онъ и прервалъ свою рѣчь.

Сеймуръ понялъ, что пора было откланяться.

— Ваше величество говорите,—сказалъ онъ,—что это человѣкъ больной. Прошу ваше величество извинить меня, если я скажу, что человѣку великодушному и сильному слѣдуетъ щадить больнаго и слабаго [1]).

Дней пять послѣ этого неожиданнаго разговора, Сеймуръ увидѣлъ опять императора Николая, который тотчасъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Вамъ извѣстны,—сказалъ онъ,—планы императрицы Екатерины. Я не унаслѣдовалъ ея проекты, или, если хотите, ея мечты... Моя имперія обширна: дальнѣйшее расширеніе ослабило бы ее... Намъ болѣе нечего опасаться Турціи: она была до сихъ поръ достаточно сильна, чтобы охранять свою независимость; но въ настоящее время она настолько слаба, что не можетъ смутить ничьего спокойствія. Въ Турціи есть нѣсколько милліоновъ христіанъ, за интересами которыхъ я долженъ наблюдать. Я пользуюсь своимъ правомъ умѣренно, но это право существуетъ, и я не могу отказаться отъ него.

Затѣмъ императоръ высказалъ свою мысль еще яснѣе:

— Намъ желательно,—сказалъ онъ,—продлить существованіе больнаго человѣка; но онъ можетъ умереть внезапно, и мертваго намъ уже

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю, 11-го января 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 1—3).

не удастся воскресить. Не лучше ли подготовиться заранѣе къ этой случайности, нежели подвергать себя неизвѣстности, которая можетъ изъ этого произойти? Вотъ вопросъ, который я хотѣлъ бы предложить вашему правительству.

Вопросъ былъ слишкомъ ясенъ, чтобы можно быть уклониться отъ отвѣта.

— Въ Англіи,—говорилъ Сеймуръ,—всегда смотрѣли неохотно на наслѣдіе бывшаго союзника.

— Безъ сомнѣнія, это прекрасный принципъ, однако надобно объясниться. Я буду говорить съ вами, какъ другъ и джентльменъ,—прибавилъ императоръ, впадая все болѣе и болѣе въ откровенный тонъ.—Если намъ удастся столковаться, то нѣтъ нужды, какъ поступятъ другіе. Я вамъ скажу, чего я хочу. Я не позволю Англіи утвердиться въ Константинополѣ и, само собою разумѣется, самъ не сдѣлаюсь его собственникомъ.

— Великобританскій кабинетъ весьма мало склоненъ принимать на себя какія-либо обязательства на этотъ счетъ,—сказалъ Сеймуръ.

— Но я уже говорилъ по этому поводу съ Веллингтономъ,—возразилъ императоръ.

Разговоръ перешелъ на другіе предметы, затѣмъ государь сказалъ посланнику на прощанье:

— Вы донесете правительству королевы о томъ, что произошло между нами, и скажете, что я готовъ принять всякое сообщеніе, какое оно сочтетъ нужнымъ мнѣ сдѣлать [1]).

Англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ уже было извѣстно о предложеніяхъ императора Николая. Великобританскій кабинетъ относился, въ то время, не особенно благопріятно къ французской политикѣ на Востокѣ. Въ новомъ англійскомъ министерствѣ у Наполеона былъ только одинъ другъ,—лордъ Пальмерстонъ, но онъ вѣдалъ въ то время дѣлами внутренняго управленія. Въ Лондонѣ осуждали чрезмѣрное, какъ говорили, усердіе Лавалетта въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ и, когда баронъ Брунновъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, прочитывалъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ какую-нибудь депешу Нессельроде, недоброжелательную къ Тюильрійскому двору, то ее выслушивали съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Англійская пресса, со своей стороны, выражалась о Портѣ рѣзко, и «Times» предсказывалъ тотъ день, когда покончитъ существованіе это обезсиленное тѣло [2]).

---

[1]) Сэръ Гамильтонъ Сеймуръ лорду Джону Русселю, 22-го января 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 3—6).

[2]) „Times“, 22-го января 1853 г.

Но какъ бы недружелюбно ни относился англійскій кабинетъ къ Франціи и презрительно къ Турціи, отъ этого еще было далеко до рѣшительныхъ мѣръ, которыя могли бы ускорить паденіе Оттоманской имперіи.

Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, чтобы кабинетъ, руководимый осторожнымъ лордомъ Абердиномъ, принялъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Отвѣтъ министра иностранныхъ дѣлъ лорда Джона Русселя былъ написанъ 9-го февраля въ вѣжливомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ твердомъ тонѣ. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ:

«Никакой кризисъ не даетъ права,—писалъ лордъ Руссель,—располагать Турціей. Вопросъ о Святыхъ мѣстахъ не важенъ. Нельзя разсчитывать на наслѣдіе Оттоманской имперіи подобно тому, какъ Вильгельмъ III и Людовикъ XIV разсчитывали въ исходѣ XVII вѣка на наслѣдіе Карла II, ибо нельзя предвидѣть, когда наступитъ этотъ моментъ. Кромѣ того, столь важный шагъ не могъ бы быть сдѣланъ безъ вѣдома Франціи и Австріи, и переговоры по этому поводу не могли бы остаться тайною, а коль скоро они стали бы извѣстны, то это могло бы послужить поощреніемъ всѣмъ врагамъ султана; такимъ образомъ слишкомъ большая предусмотрительность друзей больнаго человѣка сдѣлалась бы причиною его смерти».

Послѣднія ироническія слова смягчались самыми дружескими увѣреніями по адресу Россіи и обѣщаніемъ, что Англія не приступитъ ни къ какимъ переговорамъ относительно возможнаго раздѣла Оттоманской Имперіи, не войдя предварительно въ соглашеніе съ императоромъ Николаемъ [1]).

20-го февраля, на балу у наслѣдника, Сеймуръ встрѣтился въ третій разъ съ императоромъ Николаемъ, который тотчасъ подошелъ къ посланнику, поздоровался съ нимъ какъ нельзя болѣе привѣтливо и, отведя его въ сторону, спросилъ:

— Ну что? получили ли вы отвѣтъ?

— Получилъ, ваше величество, онъ таковъ, какъ я предполагалъ.

— Мнѣ очень прискорбно слышать это. Ваше правительство не поняло моей цѣли. Не столько важно знать, что̀ будетъ сдѣлано, когда больной человѣкъ умретъ, сколько рѣшить совмѣстно съ Англіей то, что̀ не будетъ сдѣлано.

— Но мы не имѣемъ никакого повода думать, что больной находится при смерти.

— Нѣтъ, нѣтъ,—замѣтилъ государь,—онъ умираетъ. Надобно сговориться. Если бы я могъ поговорить минутъ десять съ вашими мини-

---

[1]) Депеша лорда Джона Русселя сэру Гамильтону Сеймуру, 9-го февраля 1853 г. (Eastern Papers, ч. V, стр. 7 и 8).

страми, напр. съ лордомъ Абердиномъ, то мы легко пришли бы къ соглашенію. Я говорю не о какомъ-либо протоколѣ или договорѣ, а о взаимномъ соглашеніи. Повидайтесь со мною завтра.

Возвратившись нѣсколько часовъ спустя въ посольство, Сеймуръ поспѣшилъ дать своему двору отчетъ объ этомъ разговорѣ.

«Мысль императора,—писалъ Сеймуръ,—ясно проглядываетъ сквозь дымку, которою онъ ее окутываетъ. Ясно видно его желаніе, чтобы раздѣлъ Турціи совершился помимо участія Франціи» [1]).

Бесѣда, которую имѣлъ англійскій посланникъ съ императоромъ на слѣдующій день, еще болѣе утвердила его въ увѣренности,что монархъ, обсуждавшій съ такою настойчивостью возможность паденія сосѣдней державы, имѣлъ твердое намѣреніе не ожидать этого событія, но самъ вызвать его.

— Будьте увѣрены,—сказалъ императоръ,—что катастрофа неизбѣжна. Иноземная война, возстаніе христіанъ, соперничество старой и младо-турецкой партій,—все можетъ ускорить кризисъ. Я хочу уяснить, чего нельзя будетъ сдѣлать.

— Но какія же будутъ эти отрицательныя условія?

Императоръ подумалъ съ минуту:

— Я не желаю,—сказалъ онъ,—чтобы Константинополь былъ занятъ русскими, французами, англичанами или какой-либо иной державою. Я никогда не допущу возстановленія Византійской имперіи и увеличенія Греціи: тѣмъ болѣе я не позволю, чтобы Турція распалась на нѣсколько небольшихъ государствъ, которыя служили бы надежнымъ пріютомъ для разныхъ Мадзини, Кошутовъ и иныхъ революціонеровъ.

— Въ такомъ случаѣ надобно будетъ объявить, что никому не будетъ дозволено овладѣть ни одной провинціей Турецкой имперіи, которая будетъ находиться какъ бы подъ охраною до наступленія дружескаго соглашенія.

— Это трудно будетъ сдѣлать,—возразилъ императоръ,—христіане и турки будутъ воевать.

— Ваше величество,—сказалъ Сеймуръ, становясь смѣлѣе по мѣрѣ того какъ разговоръ затягивался,—между вами и нами есть различіе: ваше величество постоянно думаете о паденіи Турціи, а мы стараемся не допустить ее до упадка.

— А! вы говорите, какъ Нессельроде, но катастрофа случится.

Разговоръ коснулся прочихъ державъ.

— Я не забочусь о Франціи,—сказалъ императоръ Николай,—она только старается поссорить насъ; если мы придемъ къ соглашенію съ вами, то я не забочусь объ остальномъ.

---

[1]) Сеймуръ Русселю 21-го февраля (Тамъ же, стр. 8—9).

— А Австрія, ваше величество?

— Австрія!—возразилъ пренебрежительно императоръ; чтò годится Россіи, то годится и Австріи.....

Императоръ похвасталъ своею умѣренностью относительно султана.

— Этотъ господинъ,—сказалъ онъ,—не сдержалъ своего слова.

— Если бѣдные турки не сдержали слова, даннаго вашему величеству, то это было изъ боязни Франціи [1]).

Императоръ возвратился еще разъ къ мысли, которая его преслѣдовала:

— Княжества,—сказалъ онъ,—независимы подъ моимъ протекторатомъ. Въ случаѣ распаденія Турціи, почему бы Сербіи и Болгаріи не имѣть подобнаго же правительства? Что касается Египта, я понимаю, что Англія дорожитъ имъ: пусть она займетъ его, если хочетъ, такъ же, какъ и Кандію.

— О!—возразилъ небрежно Сеймуръ,—мы хотимъ только имѣть удобное сообщеніе Индіи съ метрополіей.

— Напишите вашему двору,—сказалъ императоръ на прощанье,—что я не требую заключенія трактата, а хочу только слова джентльмена.

Канцлеръ Нессельроде сознавалъ, какъ опасны могли быть откровенныя бесѣды императора съ англійскимъ посланникомъ, и, желая умалить ихъ значеніе, составилъ меморандумъ, въ которомъ говорилось о начатыхъ переговорахъ, какъ о простомъ обмѣнѣ мыслей.

Въ Парижѣ о нихъ ничего не знали.

Между тѣмъ французскій посланникъ въ Петербургѣ, генералъ Кастельбажакъ, видя приближающуюся грозу, просилъ инструкцій.

1-го февраля 1853 г. онъ писалъ Тувенелю:

«Надѣюсь, что, не смотря на греко-русское упрямство г. Сенявина, основанное на искренней вѣрѣ, и г. Лабенскаго (одинъ изъ высшихъ сановниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ), который старается казаться болѣе ярымъ грекомъ, нежели самые греки, прямодушіе императора Николая и разсудительный умъ Нессельроде дадутъ намъ возможность преодолѣть трудности, которыя представляетъ вопросъ о Святыхъ мѣстахъ. Но надобно ковать желѣзо, пока оно горячо, а я нахожусь въ положеніи кузнеца, который готовъ работать, но у котораго нѣтъ нужныхъ для этого инструментовъ. Поэтому прошу васъ снабдить меня таковыми своевременно. Мнѣ все извѣстно въ общихъ чертахъ, но я ничего не знаю подробно, въ особенности, что касается переговоровъ съ г. Лавалеттомъ, объ отъѣздѣ котораго вторично въ отпускъ я намекнулъ мимоходомъ, чтò произвело самое благопріятное впе-

---

[1]) Депеша сэра Гамильтона Сеймура лорду Джону Русселю, 22-го февраля 1853 г. (Тамъ же, стр. 10 и 11).

чатлѣніе. Императоръ Николай, какъ я уже вамъ говорилъ, заинтересованъ въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ изъ личнаго, а еще болѣе изъ присущихъ русскому народу религіозныхъ чувствъ. Это единственный вопросъ, имѣющій корни въ народныхъ чувствахъ, которые въ Россіи гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Но повѣрьте, что въ этой обширной Имперіи хватитъ работы на трехъ монарховъ, пока для нея явится возможность распространить свои границы. Только паденіе Турецкой имперіи могло бы заставить Россію овладѣть Константинополемъ. Императоръ Николай сказалъ мнѣ: «Я не хочу Константинополя, но если бы имъ вздумала овладѣть какая-нибудь другая держава, то я буду тамъ раньше ея. Поэтому намъ слѣдуетъ сдѣлать все возможное для того, чтобы покончить миролюбиво вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, не поступаясь конечно нашимъ политическимъ и религіознымъ достоинствомъ, и тѣмъ избѣжать осложненій на востокѣ».

Тувенель, со своей стороны писалъ тоже 1-го февраля 1853 г. генералу Кастельбажаку, по поводу отставки маркиза Лавалетта:

«Нашъ спорный вопросъ будетъ скорѣе улаженъ съ Россіей въ отсутствіе Лавалетта. Впрочемъ, онъ самъ просилъ объ отпускѣ, и его замѣнитъ его другъ, г. Бренье, съ его собственнаго согласія; слѣдовательно, его отъѣздъ не есть порицаніе его дѣйствій или уступка, это только счастливое стеченіе обстоятельствъ».

Какими благовидными предлогами ни старалась французская дипломатія обставить отъѣздъ Лавалетта изъ Константинополя, все же было ясно, что его удаленіе было уступкою Россіи. Но императоръ Николай дѣлалъ видъ, что онъ не замѣчаетъ этого новаго доказательства сговорчивости французскаго правительства.

IV.

Осложненіе политическихъ переговоровъ въ Константинополѣ.—Прибытіе чрезвычайнаго австрійскаго посла и его требованія.—Посольство кн. Меншикова въ Константинополь.—Его поведеніе.—Кажущееся политическое положеніе европейскихъ державъ.—Восторженная встрѣча греками кн. Меншикова.—Участіе европейской печати въ обсужденіи политическихъ событій.—Переписка Кастельбажака съ Тувенелемъ и Друенъ-де-Люисомъ.—Положеніе Англіи.

Совершенно неожиданное событіе еще болѣе осложнило и безъ того запутанное положеніе дѣлъ въ Константинополѣ. Къ султану прибылъ (30-го января новаго стиля 1853 г.) чрезвычайный австрій-

скій посолъ, которому было приказано добиться, подъ угрозою ультиматума, отозванія турецкихъ войскъ, блокировавшихъ Черногорію, въ то время вассальное владѣніе Турціи, пытавшееся освободиться изъ подъ турецкаго ига. Австрія потребовала, чтобы турецкія войска очистили Черногорію, чтобы было отмѣнено запрещеніе вывозить въ Австрію дрова, чтобы былъ обложенъ пошлиною табакъ, и отмѣнены возвышенныя пошлины съ товаровъ, ввозимыхъ въ Австрію и вывозимыхъ оттуда.

Порта отвѣчала сначала отказомъ, но когда въ Трансильваніи и Далмаціи были сосредоточены войска, то султанъ уступилъ энергичнымъ требованіямъ графа Лейнингена.

По поводу этого факта, въ которомъ можно было видѣть пробный шаръ, пущенный Австріей противъ Турціи, по наущенію Россіи, генералъ Кастельбажакъ писалъ Тувенелю изъ Петербурга:

«Возникшее осложненіе съ Черногорій объясняютъ здѣсь различно.

«Россія, разумѣется, искренно желаетъ, чтобы черногорцы могли противустоять туркамъ и сохранить независимость, которой они пользовались доселѣ. Но она не можетъ помочь имъ въ ихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ и требовать отъ турокъ, чтобы они не отвѣчали на эти вызывающія дѣйствія. Она совѣтуетъ черногорцамъ подчиниться Турціи, но въ то же время послала въ Рагузу вліятельнаго человѣка, которому поручила слѣдить затѣмъ, чтобы Порта не злоупотребила своею властью.

«Этотъ важный человѣкъ—начальникъ штаба русскаго черноморскаго флота, вице-адмиралъ и генералъ-адъютантъ [1]). Какъ попалъ онъ въ Рагузу, этого я въ точности не знаю. Во всякомъ случаѣ, онъ пріѣхалъ или на маленькомъ пароходикѣ, или совсѣмъ одинъ, подъ видомъ простаго путешественника».

Обстоятельства слагались такъ, чтобы окончательно смутить боязливаго отъ природы Абдулъ-Меджида, и три года, предшествовавшіе Крымской войнѣ, могутъ считаться крайне тяжелымъ временемъ, пережитымъ Оттоманской имперіей.

Неожиданная миссія, возложенная на графа Лейнингена, помѣшала маркизу Лавалетту немедленно воспользоваться отпускомъ, и это замедленіе дало ему возможность вручить султану, 6-го февраля, въ торжественной аудіенціи, новыя ввѣрительныя грамоты, коими онъ былъ аккредитованъ при Абдулъ-Меджидѣ въ качествѣ посланника императора Наполеона III.

15-го февраля 1853 г. онъ писалъ Тувенелю:

«Любезный другъ, гроза пронеслась, но бѣдные турки потеряли при

---

[1]) В. А. Корниловъ.

этомъ нѣсколько перышковъ. Я оказалъ имъ нравственную поддержку въ той степени, какая совмѣстима съ моимъ страстнымъ желаніемъ сохранить миръ. Вы увидите изъ письма ко мнѣ Фуадъ-эффенди, что по крайней мѣрѣ одна изъ сторонъ осталась нами довольна. Что касается австрійцевъ, которые были вначалѣ встревожены положеніемъ, принятымъ мною и полковникомъ Розе [1]), то они признаютъ теперь, что мои совѣты значительно способствовали миролюбивому разрѣшенію вопроса».

Въ дипломатическомъ мірѣ полагали, что въ черногорскомъ вопросѣ Австріей руководило до извѣстной степени желаніе сдѣлать угодное Россіи. Съ другой стороны Пруссія также была озабочена вопросомъ, какое положеніе ей надлежало принять въ виду возможной войны на Востокѣ.

Вотъ что писалъ по этому поводу (14-го февраля 1853 г.) прусскій министръ Мантейфель прусскому посланнику графу Гацфельду:

«Инструкціи графа Лейнингена отнюдь не носятъ того миролюбиваго характера, какой придаетъ имъ австрійскій кабинетъ въ своихъ сообщеніяхъ, посланныхъ въ Лондонъ и Парижъ. Графу поручено высказать Турціи самые тяжелые упреки относительно ея образа дѣйствій въ послѣдніе годы и угрожать ей на всякій случай тѣмъ, что австрійскія войска будутъ двинуты въ Боснію. Въ Россіи на дѣйствія Австріи смотрятъ, какъ на оказанную ей услугу. Англійское правительство, повидимому, очень встревоженное этимъ, обращаетъ наше вниманіе на то, что Систовскій договоръ (1795 г.), коимъ признана верховная власть Порты надъ Черногоріей, былъ заключенъ подъ гарантіей Англіи, Голландіи и Пруссіи. Вареннъ говоритъ, что наши интересы требуютъ сохраненія неприкосновенности Турецкой имперіи, и присовокупляетъ, что если Россія и Австрія раздѣлятъ между собою Турецкую имперію, то европейское равновѣсіе будетъ этимъ нарушено, и что для поддержанія его Франція также должна будетъ расширить свои границы.

«Я послалъ въ Вѣну и въ Петербургъ успокоительныя депеши, съ цѣлью предотвратить скандалъ, но приходится дѣйствовать крайне осмотрительно, такъ какъ ихъ величества находятъ, что турокъ слѣдуетъ изгнать изъ Европы. Поэтому я совѣтовалъ Портѣ дѣйствовать осторожно».

«Въ Константинополѣ считаютъ Австрію авангардомъ Россіи [2]), и полагаютъ, что обѣ державы думаютъ совмѣстно о раздѣлѣ европейской Турціи. Впрочемъ, я убѣжденъ, на основаніи донесеній, полученныхъ мною изъ Вѣны и Петербурга, что тамъ не помышляютъ о территоріаль-

---

[1]) Повѣреннымъ въ дѣлахъ Англіи.

[2]) Другое письмо Мантейфеля Гацфельду отъ 24-го февраля.

ныхъ пріобрѣтеніяхъ, но я полагаю, что въ случаѣ какихъ-либо перемѣнъ въ этомъ отношеніи, мы не можемъ остаться хладнокровными зрителями, хотя благоразуміе требуетъ, чтобы мы не вмѣшивались въ это дѣло преждевременно. Въ Вѣнѣ жалуются на то, что французскій и англійскій посланники въ Константинополѣ относятся другъ къ другу иначе и при томъ дружелюбнѣе, нежели ихъ кабинеты. Я очень боюсь, что это дѣло доставитъ всѣмъ еще не мало хлопотъ, и я желалъ бы, чтобы оно поскорѣе было окончено».

Государственные люди Пруссіи были того мнѣнія, что этой державѣ слѣдовало какъ можно долѣе не вмѣшиваться въ мало ее касавшійся вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было зорко слѣдить за событіями и содѣйствовать, по мѣрѣ возможности, миролюбивому рѣшенію возникшихъ недоразумѣній, такъ какъ для Пруссіи во всякомъ случаѣ было желательно сохраненіе неприкосновенности Турецкой имперіи.

Если бы Россія или Австрія расширили свои границы за счетъ Турціи, то Пруссіи нельзя было бы оставаться равнодушной зрительницей событій, а слѣдовало добиваться въ томъ или иномъ видѣ территоріальнаго вознагражденія.

«Восточный вопросъ скоро уладился,—писалъ принцъ прусскій Мантейфелю, 9-го марта 1853 г., узнавъ о миролюбивомъ окончаніи переговоровъ, веденныхъ графомъ Лейнингеномъ, и о возвращеніи его въ Вѣну. Меня тревожила мысль о роли, которую пришлось бы играть Пруссіи, если бы дѣло не приняло мирнаго оборота. Вы сами осуждали Австрію за то, что она такъ необдуманно вмѣшалась въ это дѣло. Мнѣ кажется, Пруссія имѣетъ полное право потребовать отъ Австріи отчета въ ея политикѣ на Востокѣ, такъ какъ она можетъ повести къ столкновеніямъ между европейскими державами, въ коихъ Пруссія неизбѣжно будетъ замѣшана; поэтому она не можетъ смотрѣть равнодушно или безмолвно на то, какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Австрія.

«Я считаю обязанностью Пруссіи зорко слѣдить за политикой Австріи и предостерегать ее».

Въ то время, какъ великія державы были озабочены исходомъ недоразумѣній, возникшихъ на Востокѣ, русскій посланникъ при оттоманской Портѣ, Озеровъ, объявилъ 23-го декабря своимъ коллегамъ по дипломатическому корпусу объ ожидаемомъ пріѣздѣ въ Константинополь чрезвычайнаго посланника русскаго царя, адмирала и свѣтлѣйшаго князя Меншикова.

Чѣмъ могла быть вызвана такая посылка, турецкимъ министрамъ объ этомъ ничего не было извѣстно. Озеровъ также умалчивалъ объ этомъ. Поспѣшная посылка такого важнаго лица и тайна, которой она была окружена, взволновали весь политическій міръ, а въ Петербургѣ между

тѣмъ все было, повидимому, спокойно. Кастельбажакъ писалъ Тувенелю 15-го февраля:

«Я далъ большой праздникъ, балъ и ужинъ, по случаю бракосочетанія нашего императора (Наполеона). На немъ присутствовали канцлеръ Нессельроде, всѣ министры, весь дворъ, весь дипломатическій корпусъ. Наслѣдникъ цесаревичъ и его три брата были какъ нельзя болѣе любезны со мною. Это произвело тѣмъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, что великіе князья не переступали порога французскаго посольства ни въ царствованіе короля Людовика-Филиппа, ни во времена республики, и что они давно уже не были ни на одномъ пріемѣ въ иностранныхъ посольствахъ, которымъ оказываютъ въ Россіи, вообще, весьма мало вниманія. Что касается императора и императрицы, то съ тѣхъ поръ какъ ихъ постигли разныя семейныя огорченія, и какъ они постарѣли, они никуда не выѣзжаютъ, и я не хотѣлъ подвергать себя отказу, который получаютъ всѣ, но который при теперешнихъ обстоятельствахъ могъ бы быть дурно истолкованъ публикою».

«Скажу вамъ,—писалъ Тувенель въ отвѣтъ на это письмо [1]),—что русскимъ оказываютъ при нашемъ дворѣ самый лучшій пріемъ, и что въ салонѣ княгини Ливенъ снова появились наши государственные люди. У насъ начинаютъ поговаривать, быть можетъ, преждевременно, о выгодахъ союза съ Россіей. Присутствіе великихъ князей у васъ на балу произвело здѣсь наилучшее впечатлѣніе; всѣ приписываютъ это улучшеніе во взаимныхъ отношеніяхъ вамъ!»

Къ сожалѣнію, всѣ эти взаимныя любезности не могли пріостановить рокового хода событій.

24-го февраля, на почтовомъ пароходѣ прибылъ изъ Одессы въ Константинополь полковникъ Волковъ, адъютантъ князя Меншикова, съ порученіемъ приготовить пріемъ для своего начальника. Пріемъ долженъ былъ быть торжественный: турецкому правительству даже было подтверждено оффиціально, чтобы были соблюдены всѣ правила обычнаго церемоніала. Нѣсколько дней спустя, пронесся слухъ, что Меншиковъ произвелъ смотръ черноморскому флоту и, кромѣ того, осмотрѣлъ армейскій корпусъ, сосредоточенный на границѣ Бессарабіи. По полученіи этого извѣстія догадки смѣнились опасеніями.

Между тѣмъ въ русскомъ посольствѣ шли усиленныя приготовленія, а среди грековъ, весьма многочисленныхъ въ Константинополѣ, замѣчалось необычайное волненіе.

1-го марта пароходъ, на которомъ ѣхалъ Меншиковъ, появился въ водахъ Босфора. Посла сопровождало множество должностныхъ лицъ, генераловъ и офицеровъ всевозможныхъ чиновъ. Въ этой блестящей

---

[1]) Письмо отъ 1-го марта 1853 г.

свитѣ находились флигель-адъютантъ князь Голицынъ, графъ Дмитрій Нессельроде, сынъ канцлера, и другія не менѣе важныя лица. Можно было подумать, что ѣхалъ не мирный дипломатъ, для переговоровъ съ монархомъ дружественной державы, но какой-то вице-король, явившійся отъ имени своего монарха принять изъявленіе покорности отъ вассальнаго государства. Это впечатлѣніе еще увеличивалось поведеніемъ грековъ, которые оглашали воздухъ своими громкими криками, столпились вокругъ парохода и на набережной въ количествѣ 7 или 8 тысячъ человѣкъ. Нѣсколько часовъ спустя послѣ пріѣзда Меншикова ожидался второй пароходъ, на которомъ плыли вице-адмиралъ черноморскаго флота Корниловъ и генералъ Непокойчицкій.

Одновременно стало извѣстно, что на югѣ Россіи были приведены на военное положеніе два армейскихъ корпуса и что въ Придунайскихъ княжествахъ заготовлялись большіе запасы съѣстныхъ припасовъ.

Миссія, возложенная на князя Меншикова, надѣлала столько шума и имѣла столь важныя послѣдствія, что на ней надобно остановиться нѣсколько подробнѣе.

Уступки, которыхъ добился отъ Турціи графъ Лейнингенъ, несомнѣнно, побудили Россію въ свою очередь возвысить голосъ. Почему бы въ самомъ дѣлѣ императору Николаю было не добиться отъ султана, путемъ угрозъ, результата, благопріятнаго для греческой церкви, коль скоро императоръ австрійскій одержалъ весьма значительную дипломатическую побѣду гораздо болѣе скромнымъ путемъ? Казалось, что тогдашнее политическое положеніе Европы какъ нельзя болѣе этому благопріятствовало. Франція, по возстановленіи имперіи, была занята своими внутренними дѣлами, Англіи не было причины вмѣшиваться въ дѣло, касавшееся исключительно католиковъ, Пруссія держалась выжидательной политики, а Австрія, признательная русскому царю за усмиреніе Венгріи, еще не подала ему повода сомнѣваться въ ея преданности. Турція же сама по себѣ была безсильна.

Первое впечатлѣніе, произведенное кн. Меншиковымъ на жителей Константинополя, дѣйствительно было огромное. Радости грековъ по случаю его пріѣзда не было предѣла. Они осаждали весь день русское посольство, въ Перѣ, гдѣ остановился посолъ «покровитель Восточной церкви». Какъ только князь показывался народу, раздавались громкіе крики привѣтствія, всѣ греки обнажали головы, что̀ они дѣлаютъ обыкновенно только во время церковныхъ празднествъ.

На другой день по пріѣздѣ князя, 2-го марта, должно было произойти его оффиціальное представленіе Абдулъ-Меджиду.

Вопреки принятому обычаю, князь Меншиковъ отправился къ султану не въ мундирѣ, а въ простомъ сюртукѣ; видя это пренебреженіе этикетомъ, турецкіе сановники не могли придти въ себя отъ изумленія.

Центральная Рабочая Библиотека-Читальня ... Совета Профессиональных Союзов
Изъ сераля волненіе охватило весь дипломатическій міръ; вся европейская печать заговорила объ этомъ.

По принятому этикету, всѣ вновь пріѣхавшіе дипломаты должны сдѣлать два визита, первый великому визирю, а второй министру иностранныхъ дѣлъ. Послѣднимъ былъ въ то время Фуадъ-эффенди, одинъ изъ самыхъ выдающихся людей современной Турціи, столь извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ Фуада-паши, но котораго Россія обвиняла въ пристрастіи къ Франціи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

Меншиковъ, выйдя изъ дворца султана, отправился къ великому визирю. Фуадъ-эффенди, покои котораго были смежны съ помѣщеніемъ великаго визиря, ожидалъ князя на порогѣ зала, роскошно убраннаго по этому случаю. Двери были открыты настежь; отъ входа до пріемной залы стояли шпалерами тѣлохранители. Возлѣ дворца стояла несмѣтная толпа турокъ и грековъ, такъ что ни малѣйшее отступленіе отъ принятыхъ обычаевъ не могло пройти незамѣченнымъ, но Меншиковъ, посѣтивъ великаго визиря, гордо прошелъ мимо покоевъ Фуадъ-эффенди и, не заходя къ нему, возвратился въ русское посольство.

Правда, на слѣдующій день онъ сообщилъ великому визирю, что, не зайдя къ Фуадъ-эффенди, онъ не имѣлъ намѣренія публично оскорбить оттоманское правительство въ лицѣ одного изъ главныхъ его сановниковъ, но что онъ не можетъ вести переговоры съ этимъ «лживымъ министромъ». Презрительный отзывъ о министрѣ иностранныхъ дѣлъ еще болѣе усилилъ смущеніе турокъ.

Во время могущества Оттоманской имперіи султанъ всеконечно приказалъ бы ввергнуть дерзновеннаго посла въ темницу и отвѣтилъ бы на это оскорбленіе объявленіемъ войны. Но эти времена прошли, и страхъ, внушенный надменнымъ поступкомъ Меншикова, былъ такъ великъ, что Фуадъ-эффенди, имѣвшій несчастье возбудить неудовольствіе петербургскаго кабинета, былъ принесенъ въ жертву и замѣненъ Рифатъ-пашою, рекомендованнымъ султану императоромъ Николаемъ.

Затруднительное положеніе Порты увеличивалось отсутствіемъ ея естественныхъ совѣтниковъ, французскаго и англійскаго посланниковъ. Сэръ Стратфордъ Редклиффъ находился въ отпуску; маркизъ Лавалеттъ также уѣхалъ изъ Константинополя, а его преемникъ, де-Лакуръ, еще не успѣлъ прибыть. Взволнованные турецкіе министры то и дѣло совѣщались съ секретарями французскаго и англійскаго посольствъ, Бенедетти и полковникомъ Розе. Смущенные этимъ неожиданнымъ осложненіемъ, не зная, что̀ отвѣтить, представители двухъ западныхъ державъ совѣтовали дѣйствовать осторожно и хладнокровно. Бенедетти посылалъ въ Парижъ тревожныя донесенія, а полковникъ Розе писалъ лорду Джону Русселю 7-го марта 1853 г.:

*

«Миссія, возложенная на князя Меншикова, возбуждаетъ серьезныя опасенія за независимость и, быть можетъ, даже за существованіе Турціи». По просьбѣ оттоманскаго правительства онъ послалъ курьера въ Мальту къ адмиралу Дундасу (Dundas), командовавшему англійскимъ флотомъ въ Средиземномъ морѣ, съ просьбою двинуть его эскадру въ Архипелагъ.

Между тѣмъ князь Меншиковъ нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда разослалъ по всей Оттоманской имперіи русскихъ эмиссаровъ, коимъ было приказано освѣдомиться о нуждахъ подданныхъ султана, исповѣдывавшихъ греческую вѣру, а адмиралъ Корниловъ былъ посланъ въ Аѳины для совѣщаній съ греческимъ королемъ Оттономъ I, коему услужливые царедворцы уже давали византійскій титулъ, а королева Амалія намекала окружающимъ, что когда Константинополь сдѣлается наконецъ столицею новой Греческой имперіи, то ея резиденція будетъ перенесена въ Безикъ-Ташъ, дворецъ, незадолго передъ тѣмъ построенный султаномъ на волшебныхъ берегахъ Босфора.

Какъ несбыточны ни могли казаться эти мечтанія, но всѣ чувствовали, что готовились важныя событія.

Князь Меншиковъ, котораго, вопреки всѣмъ принятымъ обычаямъ, посѣтилъ великій визирь, облачился нѣсколько дней спустя (15-го марта) въ полную парадную форму, которую онъ не счелъ нужнымъ надѣть на аудіенцію султана, и отправился къ Хозревъ-пашѣ, извѣстному приверженцу Россіи, принимавшему въ 1833 г. участіе въ заключеніи Ункіаръ-Скелесскаго договора и который, послѣ кончины султана Махмуда, жилъ вдали отъ дѣлъ, въ совершенной опалѣ.

Столь необычайное поведеніе посла окончательно встревожило политическій міръ и заставило его задуматься.

Во Франціи на биржѣ упали всѣ цѣнности. Французская пресса проповѣдывала почти единодушно крестовый походъ противъ русскаго царя. Одинъ изъ самыхъ главныхъ органовъ французской печати «Journal des Débats» писалъ, что Россія добивается протектората надъ греческой церковью [1]).

«Если хотятъ уничтожить преобладающее вліяніе Россіи въ Константинополѣ,—говорилось въ этой газетѣ,—то надобно заботиться не о возстановленіи Оттоманской имперіи, а объ ослабленіи Россіи. До тѣхъ поръ, пока на берегахъ Чернаго моря будетъ существовать могущественная имперія, простирающаяся отъ Азовскаго моря до Балтійскаго, до тѣхъ поръ, пока эта имперія будетъ имѣть въ Севастополѣ наготовѣ вооруженный флотъ, Константинополь будетъ подвергаться опасности, по причинѣ могущества Россіи. Графъ Лейнингенъ ворчалъ, а князь Меншиковъ

---

[1]) Journal des Débats, 1-го апрѣля 1853 г.

мечетъ громъ и молніи. Очевидно, что если Россія и Австрія, и въ особенности Россія, добьются того, что оффиціально будетъ признанъ ихъ религіозный и, можно сказать, политическій протекторатъ (ибо религія всегда идетъ на Востокѣ рука объ руку съ политикой) надъ населеніемъ Болгаріи, Сербіи, Македоніи, Босніи, т. е. надъ одиннадцатью милліонами православныхъ жителей Турціи, то въ Европѣ останется не болѣе трехъ милліоновъ турокъ, и послѣдствія этого само собою понятны».

Въ Парижѣ, въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не заблуждались на счетъ того, что готовилось на Востокѣ. Тувенель писалъ 15-го марта 1853 г. Кастельбажаку въ Петербургъ:

«Недостатокъ времени не позволяетъ мнѣ обстоятельно поговорить съ вами о дѣлахъ, но я не могу скрыть отъ васъ крайняго безпокойства, испытываемаго мною по поводу миссіи князя Меншикова. Я опасаюсь, что графъ Нессельроде сказалъ не всю правду, и ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Константинополя. Сюда только-что пріѣхалъ Лавалеттъ. Картина Турція, набросанная имъ, ужасающая. Малѣйшій толчокъ можетъ повлечь за собою паденіе всего зданія. Мы ускоримъ отъѣздъ де-Лакура, но ему будетъ трудно прибыть къ своему посту ранѣе первыхъ чиселъ апрѣля, а тѣмъ временемъ мало ли что можетъ случиться?».

Что касается самаго министра иностранныхъ дѣлъ, Друэнъ де-Люиса, то онъ громко протестовалъ противъ дѣйствій Меншикова:

«Всѣ дѣйствія князя Меншикова указываютъ достаточно,—писалъ онъ Кастельбажаку 21-го марта 1853 г. [1]),—что онъ пріѣхалъ не столько, чтобы вести переговоры, сколько для того, чтобы предложить ультиматумъ. Сосредоточеніе войскъ на югѣ Россіи, чрезвычайныя приготовленія, дѣлаемыя въ Севастополѣ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что Петербургскій кабинетъ считаетъ войну съ Портою весьма вѣроятною».

Напомнивъ о договорѣ, заключенномъ 15-го іюля 1841 г., коимъ цѣлость и неприкосновенность Турецкой имперіи были поставлены подъ гарантію всѣхъ державъ, онъ присовокуплялъ:

«Миссія, возложенная на князя Меншикова, если принять во вниманіе всѣ сопровождающія ее обстоятельства, повидимому, совершенно не соотвѣтствуетъ духу этого договора. Можно опасаться, что петербургскій кабинетъ рѣшилъ произвести на Порту давленіе. Подчинившись ему, она утратитъ то небольшое значеніе, коимъ она еще пользуется; если же она попытается противустоять ему, то это можетъ повлечь для нея неисчислимыя опасности».

---

[1]) „Moniteur" 1854 г., стр. 153.

Въ тотъ же день, когда было написано вышеприведенное письмо, де-Лакуръ выѣхалъ изъ Парижа, получивъ самыя точныя инструкціи, въ которыхъ были предусмотрѣны всевозможныя случайности, а 19-го марта французской эскардѣ, находившейся въ Средиземномъ морѣ, было приказано быть готовой къ отплытію. 23-го числа она вышла изъ Тулона и ушла въ Архипелагъ.

Англійское министерство отнеслось къ послѣднимъ событіямъ въ Константинополѣ совершенно иначе; отклонивъ предложенія, сдѣланныя ему императоромъ Николаемъ, оно все-таки находилось до извѣстной степени подъ обаяніемъ этихъ предложеній.

— Дѣло идетъ только о Святыхъ мѣстахъ, и могущественной Англіи не стоитъ волноваться изъ-за столь ничтожнаго повода, касающагося исключительно католиковъ,—говорили англійскіе министры.

Опасенія полковника Розе были признаны чрезмѣрными, и адмиралу Дундасу было приказано остаться въ Мальтѣ. Когда французскій посланникъ въ Лондонѣ, Валевскій, сообщилъ лорду Кларендону объ отплытіи французскаго флота въ Грецію, то послѣдній нашелъ эту мѣру преждевременною.

— Въ донесеніяхъ, полученныхъ изъ Константинополя,—сказалъ онъ,—отражается волненіе, царящее на берегахъ Босфора. Если отъ нихъ отбросить всѣ прикрасы, то въ поступкахъ князя Меншикова окажется только одинъ неестественный фактъ, именно его отказъ вести переговоры съ Фуадъ-эффенди. Но такого ничтожнаго обстоятельства, право, недостаточно, чтобы встревожить насъ [1]).

Англійская печать дѣлала видъ, что она раздѣляетъ этотъ взглядъ, и выражала свое неодобреніе дѣйствіямъ Тюильрійскаго кабинета.

Въ Петербургѣ старались поддержать эту увѣренность и въ особенности разъединить обѣ западныя державы. Нессельроде, къ которому Сеймуръ обратился за разъясненіемъ, всячески успокоивалъ его.

— Франція,—говорилъ онъ,—напрасно жалуется. Въ миссіи, возложенной на князя Меншикова, нѣтъ ничего тревожнаго. Она касается вопроса о Святыхъ мѣстахъ, который не можетъ вызвать столкновенія. Князя давно уже было рѣшено послать въ Константинополь, только плохое состояніе здоровья помѣшало ему выѣхать раньше.

— Имѣете ли вы какой-либо поводъ неудовольствія противъ Порты, помимо вопроса о Святыхъ мѣстахъ?—спросилъ Сеймуръ.

— Да нѣтъ же,—возразилъ Нессельроде,—нѣтъ, и онъ прибавилъ небрежно: мы имѣемъ предъявить ей только кое-какія незначительныя требованія.

---

[1]) Депеша лорда Кларендона лорду Коуэлею отъ 22-го марта 1853 года. (Correspondence respecting и т. д., ч. I, стр. 93).

Сеймуръ настаивалъ и просилъ канцлера выразиться яснѣе.

— Успокойтесь,—сказалъ Нессельроде,—это касается только нѣкоторыхъ текущихъ дѣлъ, какія бываютъ постоянно между дружественными націями [1]).

Мало того, Нессельроде позаботился разсѣять опасенія англійскаго правительства и въ депешѣ къ барону Бруннову, русскому посланнику въ Лондонѣ, въ которой онъ порицалъ всякое стремленіе къ новымъ пріобрѣтеніямъ и желаніе занять Придунайскія княжества, однимъ словомъ, всякіе честолюбивые виды Россіи и говорилъ, что русскіе хотятъ только согласовать фирманы, данные латинянамъ, съ фирманомъ, который былъ данъ грекамъ. Императоръ, писалъ онъ, очень признателенъ лорду Абердину и лорду Кларендону за то, что они не послѣдовали примѣру Тюильрійскаго кабинета и удержали британскій флотъ въ Мальтѣ. Разумѣется,—продолжалъ Нессельроде,—цѣли Франціи и Англіи совершенно различны, но надобно, чтобы Европа объ этомъ знала.

Лордъ Кларендонъ былъ совершенно успокоенъ этими дружескими увѣреніями и приписалъ тревогу, царствовавшую въ Парижѣ, неопытности Наполеона III, и его министровъ [2]). Когда Валевскій (французскій посланникъ въ Лондонѣ) высказывалъ въ началѣ апрѣля свои опасенія относительно заключенія между Портою и Россіей какого-нибудь тайнаго договора, ссылаясь, въ доказательство своихъ опасеній, на тревожныя депеши г. Бенедетти, то Кларендонъ отвѣчалъ равнодушно:

— Ахъ! полковникъ Розе твердитъ намъ то же самое; но успокойтесь, дѣло идетъ только о Святыхъ мѣстахъ.

Основываясь на этомъ разговорѣ, графъ Валевскій писалъ Тувенелю 24-го марта 1853 г.:

«Англія относится безучастно къ вопросу о Святыхъ мѣстахъ и будетъ такъ относиться къ нему впредь. Она пылаетъ и будетъ пылать лишь въ томъ случаѣ, когда Оттоманской имперіи угрожаетъ опасность. Если бы паденіе Оттоманской имперіи было близко, то я ручаюсь, что Англія дѣйствовала бы съ нами заодно, если бы мы захотѣли этого. Есть одинъ пунктъ, относительно котораго я всегда сходился во мнѣніи съ Брунновымъ, что Россія хочетъ, прежде всего, щадить наше самолюбіе, и что она примирилась съ мыслію, что латиняне будутъ пользоваться нѣкоторыми преимуществами, кои признаны за ними фирманомъ 8-го февраля».

Это заявленіе графа Валевскаго весьма важно; оно свидѣтельствуетъ,

---

[1]) Депеши сэра Гамильтона Сеймура лорду Кларендону 1-го, 24-го, 26-го, 29-го марта 1853 г. (Correspondence respecting и т. д., ч. I, стр. 90, 101, 102, 104).

[2]) Greville, Memoirs, т. VII, стр. 54. „Друэнъ де-Люисъ очень жалкій и недалекій министръ",— говорилъ лордъ Кларендонъ.

во-первыхъ, о томъ, что высокомѣрное поведеніе князя Меншикова не вполнѣ соотвѣтствовало духу возложенной на него миссіи, и во-вторыхъ, что Россія, по сознанію самого Бруннова, была готова согласиться на то, чтобы латиняне воспользовались нѣкоторыми преимуществами фирмана 8-го февраля. Но французскіе дипломаты, въ лицѣ Друэнъ де-Люиса, человѣка весьма проницательнаго, и Тувенеля, много лѣтъ прожившаго на Востокѣ и понимавшаго намѣренія Россіи, постарались разъяснить истину англійскимъ министрамъ, и послѣдніе стали защищать Турцію, съ той минуты, какъ вопросъ былъ поставленъ на политическую почву, такъ же ревностно, какъ они относились холодно къ нему до тѣхъ поръ, пока онъ касался только Святыхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого, Меншиковъ, не измѣняя принятаго имъ высокомѣрнаго тона, то и дѣло измѣнялъ свои требованія, переходилъ отъ одной мысли къ другой и старался сбить съ толку турокъ своими безчисленными домогательствами, которыя выражалъ словесно и письменно.

16-го марта, князь Меншиковъ вручилъ Блистательной Портѣ свою первую записку, въ которой онъ напоминалъ туркамъ, что 10-го февраля 1852 г., т. е. слишкомъ годъ передъ тѣмъ, султанъ обѣщалъ императору, что вопросъ о Святыхъ мѣстахъ будетъ скоро окончательно рѣшенъ, и что императоромъ Николаемъ въ отвѣтъ на это были сдѣланы извѣстныя оговорки. Но Турція не удовлетворила ни одного изъ требованій, предъявленныхъ Россіей, въ виду тѣхъ преимуществъ, кои были дарованы латинянамъ фирманомъ 8-го февраля 1852 г.

22-го марта князь Меншиковъ предъявилъ новыя требованія въ своей второй еще болѣе обстоятельной запискѣ. Этотъ разъ онъ уже завелъ рѣчь не о простомъ дополнительномъ фирманѣ, а о дипломатическомъ договорѣ, въ силу котораго Россія пользовалась бы въ Іерусалимѣ равными правами съ Франціей. Исчисливъ нѣкоторые пункты, на коихъ особенно настаивалъ императоръ Николай, посланникъ требовалъ, чтобы ключъ отъ Виѳлеемской церкви, по поводу котораго велось столько переговоровъ, былъ отобранъ у латинянъ, которые, слѣдовательно, снова не имѣли бы доступа къ гробу Богородицы. Кромѣ того, греки требовали, чтобы имъ было разрѣшено передѣлать, безъ посторонняго вмѣшательства, на ихъ собственный счетъ, большой куполъ церкви Святаго Гроба и, наконецъ, чтобы Турція торжественно обязалась не производить въ Іерусалимѣ никакихъ перемѣнъ, не войдя предварительно въ соглашеніе съ Россіей.

Новый министръ иностранныхъ дѣлъ, Рифатъ-паша, не смотря на приписываемыя ему симпатіи къ Россіи, рѣшился сообщить, по секрету, ноту кн. Меншикова французскому посольству въ Константинополѣ. Живя въ странѣ, гдѣ никакая тайна не можетъ быть долго соблюдаема, князь Меншиковъ узналъ вскорѣ о болтливости турецкихъ министровъ,

сдѣлался нервенъ, раздражителенъ, но зато менѣе требователенъ въ своихъ словесныхъ заявленіяхъ, нежели въ своихъ письменныхъ нотахъ. Крайне недовольный тѣмъ, что французскому посланнику было извѣстно объ его требованіяхъ, относительно которыхъ онъ не могъ разсчитывать, что они будутъ исполнены турками, Меншиковъ настаивалъ на томъ, чтобы его ноты хранились въ величайшей тайнѣ. Не удовлетворившись обѣщаніемъ турокъ и желая вліять какъ можно болѣе на боязливаго и нерѣшительнаго Абдулъ-Меджида, онъ просилъ разрѣшенія являться во дворецъ, не испрашивая предварительно аудіенціи, на что и послѣдовало согласіе султана. Наконецъ, стараясь завербовать себѣ приверженцевъ среди турецкихъ сановниковъ, князь былъ донельзя любезенъ и предупредителенъ съ Решидъ и Риза-пашами, коихъ онъ называлъ публично «честными противниками».

Нѣсколько дней спустя, Меншиковъ совершенно неожиданно заговорилъ о Черногоріи и просилъ султана признать ея независимость. Это неожиданное требованіе имѣло, вѣроятно, цѣлью изгладить въ умѣ обитателей воинственнаго маленькаго княжества благопріятное впечатлѣніе, произведенное на нихъ вмѣшательствомъ Австріи, которая спасла ихъ нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ отъ жестокости турокъ.

Посолъ русскаго царя затронулъ еще одинъ щекотливый вопросъ: онъ требовалъ низложенія греческаго патріарха въ Константинополѣ съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ этотъ сановникъ назначался русскимъ царемъ, дабы, какъ говорилъ Меншиковъ, устранить позорную продажность, которою дѣйствительно сопровождалось обыкновенно назначеніе и смѣщеніе патріарха. Кромѣ того, посолъ потребовалъ смѣщенія сербскаго министра Гарашанина, который былъ не достаточно покоренъ волѣ Россіи.

Чрезмѣрность этихъ требованій, ихъ разнообразность и то обстоятельство, что они касались самыхъ больныхъ мѣстъ турецкаго правительства, быстрота и неожиданность, съ какою предъявлялись эти требованія, окончательно сбили съ толку оттоманскихъ министровъ, привыкшихъ вѣками дѣйствовать медлительно, и повергли ихъ въ страшное недоумѣніе. Они прибѣгли по своему обыкновенію къ проволочкамъ, избѣгали дать окончательный отвѣтъ, не узнавъ предварительно мнѣнія Франціи и Англіи и, со свойственнымъ имъ политическимъ умомъ, поняли сразу, что имъ слѣдуетъ воспользоваться общностью видовъ, соединявшихъ, въ восточномъ вопросѣ, Францію и Англію. Увѣренные въ томъ, что обѣ великія державы не захотятъ содѣйствовать нравственной и матеріальной гибели Турціи, они упорно слѣдовали принятой ими системѣ отвѣчать на всѣ требованія Меншикова отказомъ.

Когда французскому флоту было приказано отплыть въ Средиземное море, Тувенель писалъ генералу Кастельбажаку (1-го апрѣля 1853 г.):

«Вамъ пришлось, вѣроятно, выдержать бурю по поводу посылки нашего флота, но я надѣюсь, что вы благополучно выпутались изъ нея. При томъ, изъ словъ самого Меншикова вытекаетъ, что если бы дѣла Черногоріи не уладились, то русскимъ войскамъ, сосредоточеннымъ въ Бессарабіи, было бы приказано идти къ границѣ. Слѣдовательно, мы поступили благоразумно, принявъ со своей стороны нѣкоторыя мѣры. Не мѣшаетъ, чтобы всѣ знали, что мы не останемся равнодушными зрителями безпорядковъ, происходящихъ на Востокѣ. Самый очевидный результатъ, какой имѣла демонстрація, сдѣланная Россіей, заключается въ томъ, что это дало многимъ поводъ строить планы относительно паденія Турціи. Это еще принесетъ плоды со временемъ, и я очень опасаюсь, что старинная тема о неприкосновенности Оттоманской имперіи окончательно истощилась. Мы очень довольны Пруссіей. Въ Берлинѣ, какъ вамъ извѣстно, только и думаютъ объ увеличеніи владѣній, и Пруссія никогда не допуститъ, чтобы Австрія присоединила къ себѣ какую-нибудь провинцію, не заявивъ претензій на соразмѣрную часть. Въ Берлинѣ тронуты нашими сообщеніями, тѣмъ болѣе, что Вѣнскій и Петербургскій кабинеты держали Берлинскій въ невѣдѣніи. Г. Вильденбрукъ, прусскій посланникъ въ Константинополѣ, дѣйствовалъ все время заодно съ нами. Мнѣ весьма любопытно, генералъ, узнать, наконецъ, къ чему именно сводятся требованіи Россіи въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ.

«Если я не ошибаюсь, она потребуетъ права возобновить куполъ церкви Гроба Господня [1]). Вотъ, въ двухъ словахъ, исторія этого свя-

---

[1]) Надъ церковью Святаго Гроба въ Іерусалимѣ возвышаются два купола, большой и малый. Большой куполъ имѣлъ, до пожара 1808 г., форму усѣченной пирамиды. Послѣ пожара онъ былъ передѣланъ по измѣненному чертежу и хотя все-таки имѣлъ на верху оригинальную усѣченную форму, но уже болѣе походилъ на обыкновенный куполъ. Въ настоящее время большой куполъ церкви Святаго Гроба, именуемой также церковью Воскресенія Христова, деревянный со свинцовой обшивкой, малый же куполъ построенъ изъ камня, и этимъ объясняется его прочность и то обстоятельство, что о передѣлкѣ его не заходило рѣчи. Внутри храма, въ томъ мѣстѣ, надъ которымъ возвышается большой куполъ, находится часовенька, построенная надъ самою могилою Христа; часовенька эта также была уничтожена пожаромъ 1808 г. и построена вновь на томъ же самомъ мѣстѣ, но въ другомъ стилѣ одновременно съ большимъ куполомъ. Къ этой-то часовенькѣ, сооруженной внутри большой церкви, и тяготѣютъ страстныя вожделѣнія людей всѣхъ вѣроисповѣданій. Приблизиться къ ней какъ можно ближе составляетъ желаніе каждаго. Ключи отъ церкви Святаго Гроба находятся въ рукахъ турокъ. Принимая во вниманіе страшное соперничество, которое разыгрывается по поводу этого святилища между представителями христіанскихъ вѣроисповѣданій, это, въ сущности ненормальное, положеніе дѣлъ все же предпочтительнѣе того, если бы этотъ ключъ находился въ рукахъ какой-либо изъ христіанскихъ державъ.

тилища: до 1808 г. оно было собственностью латинянъ, которые возобновили его въ прошломъ столѣтіи. Въ 1808 г. оно было истреблено пожаромъ; какъ это случилось, одному Богу извѣстно; латиняне говорятъ, что его подожгли греки. Какъ бы то ни было, пожаръ послужилъ грекамъ на пользу, и Порта, недовольная тильзитскимъ свиданіемъ и тѣмъ, что мы предоставили ее во власть Россіи, желая либо успокоить гнѣвъ своего врага, либо дать грекамъ такія преимущества, которыя удержали бы ихъ на пути долга, дала имъ фирманъ, въ силу котораго церковь Гроба Господня перешла въ ихъ руки. Тогда греки перестроили ее и украсили образами и надписями. Въ 1812 г. ла-Туръ-Мобуръ протестовалъ противъ этого и добился противоположнаго фирмана, который впрочемъ не былъ приведенъ въ исполненіе, но коимъ были признаны права латинянъ. Наконецъ, куполъ, по словамъ грековъ, пришелъ въ совершенную ветхость, и Россія потребовала въ 1843 г. для грековъ новаго фирмана. Г. де-Буркене воспротивился этому; было рѣшено, что куполъ, который былъ вовсе не такъ ветхъ, какъ говорили, будетъ исправленъ не раньше, какъ черезъ 30 лѣтъ. Въ 1852 г., султанъ, въ виду новыхъ настояній грековъ, желая прекратить домогательства соперничествующихъ вѣроисповѣданій, заявилъ намѣреніе самъ перестроить церковь Святаго Гроба, на что̀ Франція и Россія изъявили согласіе. Вслѣдствіе этого на мѣсто былъ посланъ архитекторъ для составленія чертежей. На томъ дѣло и остановилось. Но между тѣмъ греки хотятъ, чтобы новая часовня была возобновлена, до мельчайшихъ подробностей, по прежнему плану, т. е. была бы украшена тѣми же иконами и надписями; съ своей стороны, латиняне требуютъ, чтобы эти признаки, свидѣтельствующіе о правахъ грековъ на святилище, были уничтожены. Мы подали мысль, чтобы надписи были сдѣланы на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и армянскомъ. Существовало еще предположеніе сдѣлать надпись только по-турецки, въ воспоминаніе о великодушіи султана. Мы готовы согласиться на ту и другую комбинацію, но мы сильно поспорили бы, ежели бы церковь Святаго Гроба была перестроена греками и если бы на ней снова появились признаки ихъ исключительнаго господства. И такъ, мы требуемъ либо statu quo, ежели его еще возможно продлить, либо возобновленія церкви султаномъ или же на общія средства христіанъ разныхъ исповѣданій, но съ надписями, которыя удовлетворили бы всѣхъ и каждаго. Я полагалъ необходимымъ сообщить вамъ эти подробности, чтобы вы могли поддержать разговоръ съ г. Нессельроде, ежели онъ коснется этого спеціальнаго вопроса».

Извѣщая Тувенеля о полученіи этого письма, изъ котораго видно, въ какой сѣти всякихъ недоразумѣній запутался вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, генералъ Кастельбажакъ писалъ 15-го апрѣля 1853 г.:

«Ваши частныя письма, любезный коллега, представляютъ для меня

огромный интересъ, и кромѣ того весьма полезны мнѣ. Въ настоящее время князь Меншиковъ уже получилъ новыя инструкціи отъ своего правительства, поэтому я начинаю успокаиваться и оставлю Нессельроде въ покоѣ. Мнѣ кажется, надобно лишить русскихъ возможности дѣйствовать въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ, т. е. въ нашемъ личномъ дѣлѣ, на Турцію устрашающе и помимо насъ. Де-Лакуру надобно дать всѣ необходимыя инструкціи для того, чтобы какъ можно быстрѣе окончить дѣло съ княземъ Меншиковымъ.

«Я не могъ говорить съ нимъ о Святыхъ мѣстахъ, такъ какъ онъ уѣхалъ совершенно неожиданно. Наканунѣ онъ долженъ былъ присутствовать на раутѣ, который я далъ по случаю бракосочетанія нашего императора, и прислалъ мнѣ записочку съ извиненіемъ, ссылаясь на свое нездоровье. Князь Меншиковъ человѣкъ умный; его манеры простыя и вѣжливыя, при этомъ онъ напоминаетъ своимъ обхожденіемъ нашихъ вельможъ двора Людовика XV. Онъ любитъ женщинъ, карты, лошадей и веселую компанію, не разбирая, хороша она или худа. Но, имѣя недостатки людей дурнаго общества, онъ имѣетъ также многія качества, въ противность своимъ соотечественникамъ, которые, вообще говоря, обладаютъ только первыми. Онъ честенъ, характера независимаго и никого не щадитъ въ остроумныхъ и язвительныхъ замѣчаніяхъ. Въ самый день своего отъѣзда онъ встрѣтилъ во дворцѣ, на лѣстницѣ, фрейлину императрицы, графиню Баранову, которая спросила его, правда ли, что онъ уѣзжаетъ и куда онъ ѣдетъ. «Какъ! вы не знаете? Скажу вамъ по секрету, дорогая графиня; вамъ извѣстны милости, оказанныя императоромъ Чернышеву, при выходѣ его въ отставку; его величество, по неисчерпаемой добротѣ своей, находитъ, что этого мало по его заслугамъ и хочетъ женить Чернышева на одной изъ дочерей султана! Съ этой цѣлью его величество и посылаетъ меня въ Константинополь, и поэтому-то меня и сопровождаетъ Дмитрій Нессельроде (сынъ канцлера), который, какъ вамъ извѣстно, мастеръ устраивать браки». Графиня Баранова поспѣшила передать эту великую новость императрицѣ. Императоръ Николай только посмѣялся надъ шуткою князя Меншикова, котораго онъ любитъ и уважаетъ. Но говорятъ, и это немудрено, что Нессельроде и Чернышевъ были не особенно довольны этой шуткой. Этотъ анекдотъ подтверждаетъ то, что я всегда думалъ, и объясняетъ мнѣ отчасти затруднительное положеніе Нессельроде, который не руководитъ самостоятельно этимъ дѣломъ. Но канцлеръ, по обыкновенію, одержитъ верхъ своимъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ и своей политической опытностью. Тогда дѣло уладится. Самое главное то, что князю Меншикову даны въ настоящее время послѣднія инструкціи; надобно дать таковыя же и де-Лакуру, чтобы покончить дѣло какъ можно скорѣе, ибо если, при этихъ огромныхъ разстояніяхъ, понадо-

бятся еще разъясненія и если петербургской канцеляріи, разнымъ Сенявинымъ и Лабенскимъ, дадутъ сунуть носъ въ это дѣло, то оно никогда не кончится, или, лучше сказать, оно окончится разрывомъ».

Между тѣмъ Англія, видя осложненіе дѣлъ на Востокѣ, поспѣшила послать обратно въ Константинополь своего представителя, лорда Стратфорда Редклиффа, который прибылъ въ Перу 4-го апрѣля.

Прослуживъ сорокъ лѣтъ на Востокѣ, между прочимъ двѣнадцать лѣтъ въ Константинополѣ, лордъ Редклиффъ вполнѣ освоился съ обычаями страны, гдѣ, при полномъ отсутствіи гласности, всѣми дѣлами руководитъ интрига.

Высокомѣрный и самоувѣрный, Стратфордъ былъ болѣе чѣмъ обыкновенный посланникъ; вслѣдствіе своего многолѣтняго пребыванія въ Константинополѣ, онъ сдѣлался съ теченіемъ времени для турецкихъ министровъ и для самихъ султановъ совѣтникомъ, словомъ котораго дорожили и коего гнѣва боялись. Онъ командовалъ турками съ такою увѣренностью, что никому и въ умъ не приходило, что его можно было не послушать. Посланники прочихъ державъ время отъ времени смѣнялись, и Стратфордъ, пробывшій въ Константинополѣ много лѣтъ, посвящалъ ихъ въ существовавшія тамъ отношенія и обнаруживалъ передъ ними только ту часть правды, которую онъ считалъ удобнымъ открыть имъ. Такимъ образомъ, онъ былъ какъ бы главою дипломатическаго корпуса, и ничто не дѣлалось безъ его совѣта; по его желанію смѣнялись великіе визири и посланники.

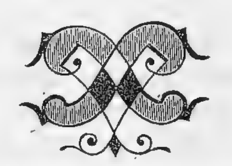
Онъ руководилъ англійскими консулами на Востокѣ и старался создать изъ нихъ агентовъ, которые властвовали бы надъ пашами точно такъ же, какъ онъ властвовалъ надъ Портою. Въ Германіи и въ Россіи его называли, съ оттѣнкомъ нѣкотораго озлобленія, константинопольскимъ султаномъ. Это недоброжелательство, смѣшанное съ завистью, не только нравилось ему, но приводило его въ восторгъ; оно было для него доказательствомъ услугъ, оказанныхъ имъ Великобританіи. Собственно говоря, онъ былъ прежде всего англійскій патріотъ, радѣвшій о величіи своего отечества, хотя не терялъ въ то же время изъ вида и своихъ личныхъ интересовъ; чрезвычайно дѣятельный, онъ не допускалъ посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла, но самъ любилъ вмѣшиваться въ дѣла другихъ; характера страстнаго, хотя на видъ холодный, онъ былъ чувствителенъ ко всякой обидѣ и во всякой личной обидѣ видѣлъ оскорбленіе, нанесенное Англіи; къ восточнымъ людямъ, коихъ онъ считалъ низшей расой, онъ относился свысока и вообще по манерамъ и тону былъ настоящій англійскій аристократъ. Друзья говорили о немъ, что за исключеніемъ Пальмерстона никто лучше его не олицетворялъ собою англійскаго генія.

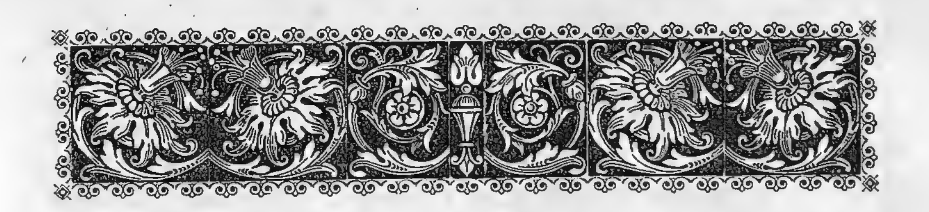
Въ 1833 г. лордъ Редклиффъ добивался быть аккредитованнымъ

при русскомъ дворѣ, но императоръ Николай не одобрилъ этого выбора, и Редклиффъ питалъ къ нему съ тѣхъ поръ злобу, которую онъ не старался скрывать, что еще болѣе увеличивало его значеніе въ глазахъ турокъ. Они чувствовали, что Стратфордъ, защищая ихъ отъ поползновеній Россіи, будетъ не только дѣйствовать въ ихъ интересахъ, но удовлетворитъ этимъ и свое личное злопамятство. Они привыкли мало-по-малу ничего не скрывать отъ него, и имъ казалось, что пока Стратфордъ руководитъ ими, всякое событіе будетъ поправимо. Таковъ былъ дипломатъ, прибывшій въ Константинополь 4-го апрѣля 1853 г. Между нимъ и княземъ Меншиковымъ весьма скоро установились самыя натянутыя отношенія, и личныя враждебныя чувства лорда Редклиффа сыграли немалую роль въ разрывѣ, происшедшемъ въ 1854 году.

В. Тимощукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXIX [1]).

Генералъ Чевкинъ, какъ главноуправляющій путями сообщенія.—Образованіе имъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.—Вопросъ о продажѣ Николаевской дороги.—Злоупотребленія контрагента Уайнанса.—Оставленіе дороги въ вѣдѣніи правительства.

По возвращеніи изъ-за границы, мнѣ пришлось въ продолженіе многихъ лѣтъ работать съ генераломъ Чевкинымъ, и я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ истинно государственномъ человѣкѣ.

При вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ путей сообщенія, Чевкинъ былъ, также какъ и графъ Клейнмихель, сильно предубѣжденъ противъ вѣдомства; но это предубѣжденіе тоже скоро исчезло.

По распространенному общественному мнѣнію, вѣдомство путей сообщенія считалось, какъ бы исключительно, зараженнымъ болѣзнью казнообирательства. Между тѣмъ, это мнѣніе сильно грѣшило противъ правды, и едва-ли вѣдомство путей сообщенія не было, наоборотъ, вѣдомствомъ наименѣе другихъ грѣховнымъ.

Чѣмъ менѣе человѣкъ развитъ и менѣе образованъ, тѣмъ менѣе онъ щекотливъ въ отношеніи нравственнаго своего долга и, тѣмъ болѣе, является онъ въ этомъ отношеніи циничнымъ. Институтъ путей сообщенія, до конца сороковыхъ годовъ, давалъ самое серьезное и самое высокое образованіе. Одно время, какъ я замѣтилъ, онъ стоялъ

¹) См. „Русскую Старину“ іюнь 1902 г.

даже выше политехнической Парижской школы съ ея спеціальностями. Въ институтѣ сосредоточилась тогда цѣлая плеяда великихъ и знаменитыхъ профессоровъ, которые не только блестящимъ образомъ передавали свои познанія ученикамъ, но, кромѣ того, дѣйствовали на облагораживаніе духа послѣднихъ и на ихъ нравственную сторону.

Я позволю себѣ утверждать, что, вслѣдствіе большей степени развитія инженеровъ сравнительно съ чиновными массами другихъ вѣдомствъ, вѣдомство путей сообщенія несло на себѣ незаслуженный укоръ въ исключительной грѣховности казнообирательства. Я полагаю, что многимъ случалось слышать безцеремонные разговоры товарищей о полученіи тепленькаго мѣстечка или о хлопотахъ по этому предмету, и такіе безцеремонные разговоры происходили иногда въ публичныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ могли слышать совершенно посторонніе люди. Могу засвидѣтельствовать, что мнѣ ни разу не случалось слышать такого циническаго разговора между офицерами путей сообщенія. Это можетъ служить доказательствомъ, что извѣстная степень развитія накладываетъ узду, т. е. внутреннее сознаніе о грѣховности того или другаго. При этомъ надо обратить вниманіе еще на слѣдующій фактъ: я предлагаю сопоставить число служившихъ въ тѣ времена инженеровъ съ мизернымъ бюджетомъ вѣдомства путей сообщенія, включая, конечно, и расходы по работамъ. Между тѣмъ, вѣдомство путей сообщенія сооружало каналы, шоссе, мосты, шлюзы и проч., т. е. оставляло видимый слѣдъ навѣки ассигнуемыхъ ему бюджетовъ, которые всегда можно проконтролировать и убѣдиться, что укоры вѣдомству въ исключительной грѣховности казнообирательства были сущимъ вздоромъ.

По вступленіи въ управленіе Чевкина, онъ тотчасъ обратилъ свое вниманіе на развитіе у насъ желѣзныхъ дорогъ и задумалъ образовать Главное общество желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ французскимъ элементомъ во главѣ, что и осуществилось въ 1857 году. За созданіе этого общества Чевкинъ потерпѣлъ много нареканій.

Какъ всякое дѣло не бываетъ безъ ошибокъ, то и Чевкинъ впалъ въ ошибку, оказавъ въ началѣ слишкомъ большое довѣріе къ представителямъ общества. По прошествіи, однако, съ небольшимъ одного года, обнаружилось, что общество, считая себя могучей силой, вознамѣрилось разыгрывать роль министерства въ министерствѣ, стало игнорировать вѣдомствомъ путей сообщенія и дѣйствовать въ ущербъ общимъ государственнымъ интересамъ, охранителемъ которыхъ былъ Чевкинъ. Кромѣ того, обнаружилось, что, за исключеніемъ весьма малаго числа достойныхъ инженеровъ, вся масса прочихъ иностранныхъ инженеровъ отличалась вопіющимъ невѣжествомъ и стремленіемъ къ наглому воровству. Тогда Чевкинъ вступилъ въ упорную борьбу съ обществомъ которое онъ самъ же создалъ. Я говорю въ борьбу, потому что онъ

могъ бы, по своему положенію, обуздать общество и безъ борьбы, но ему, главнымъ образомъ, пришлось бороться съ тѣми вліятельными высшими сферами, которыя стояли за общество.

Мнѣ пришлось быть и дѣйствующимъ лицомъ и свидѣтелемъ означенной борьбы, и я разскажу одинъ изъ самыхъ крупныхъ ея эпизодовъ. Въ началѣ 1860 года обнаружилась полная несостоятельность Главнаго общества: капиталъ, собранный имъ на устройство 4.000 верстъ, былъ весь израсходованъ на устройство только Варшавской и Нижегородской дорогъ, тогда какъ общество обязано было построить еще Московско-Ѳеодосійскую и Орлово-Рижскую, т. е. общество не исполнило вполнѣ даже и половины своего обязательства. Въ виду такого плачевнаго обстоятельства, наше правительство, не желая допустить разоренія десятковъ тысячъ акціонеровъ и не скомпрометтировать тѣмъ первую попытку устройства дорогъ на частные капиталы, рѣшилось утвердить гарантію не по разсчету построенныхъ верстъ, а на весь собранный капиталъ, чѣмъ совершило актъ мудрости и возвышенной справедливости. Но представители Главнаго общества не удовлетворились этимъ и, видя снисходительность правительства, повели интригу о забраніи въ свои руки Николаевской желѣзной дороги за половину той цѣны, во что̀ она обошлась казнѣ.

Это предложеніе было принято во вліятельныхъ сферахъ очень благосклонно, подъ предлогомъ, что этою покупкою Главное общество окажетъ большую услугу казнѣ усиленіемъ государственнаго фонда.

Вопреки оппозиціи Чевкина, вопросъ о продажѣ Николаевской дороги и о немедленной передачѣ ея Главному обществу былъ рѣшенъ комитетомъ министровъ, и это рѣшеніе было утверждено государемъ. На другой же день послѣ этого рѣшенія, Чевкинъ призвалъ начальника дороги и приказалъ составить, какъ можно скорѣе, опись для передачи дороги. Случилось такъ, что я находился въ пріемной Чевкина, ожидая очереди своего доклада, когда вышелъ изъ кабинета начальникъ дороги и сообщилъ мнѣ отданное ему приказаніе. Вслѣдъ за затѣмъ вошелъ въ кабинетъ я и, сдѣлавъ свой докладъ, спросилъ Чевкина:

— Неужели правда, что Николаевская желѣзная дорога продается?

— Къ сожалѣнію, сущая правда,—отвѣчалъ Чевкинъ.

По тону отвѣта я заключилъ, что Чевкинъ былъ противъ продажи. Тогда я предложилъ ему составить записку о тѣхъ вредныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ явиться отъ того, что правительство выпустить изъ рукъ то оружіе, которымъ оно можетъ дѣйствовать для урегулированія всей будущей сѣти замосковныхъ дорогъ, а равно и служить, вообще, примѣромъ для частныхъ дорогъ. Чевкинъ поблагодарилъ меня за мое предложеніе, но сказалъ: «поздно».

Едва я вернулся домой, какъ черезъ четверть часа прибылъ курьеръ, съ запиской отъ Чевкина, чтобы я явился сейчасъ же къ нему.

Когда я вошелъ, Чевкинъ сказалъ мнѣ:

— Вы говорили мнѣ, что можете написать записку противъ продажи Николаевской дороги; напишите, что знаете, и принесите ее не позже среды вечера.

Такъ какъ этотъ день былъ канунъ докладовъ его государю, то я понялъ, что этимъ назначеніемъ дня онъ хотѣлъ дать мнѣ почувствовать о цѣли записки, дабы въ редакціи ея не вкралось чего-либо неудобнаго. Въ назначенное время я явился и встрѣтилъ у Чевкина директора департамента желѣзныхъ дорогъ, интриговавшаго въ пользу Главнаго общества, чего Чевкинъ не подозрѣвалъ и вполнѣ довѣрялся ему. Провѣдавъ, конечно, что Чевкинъ намѣревается поднять вновь вопросъ о продажѣ дороги, и, зная, уже навѣрно, что мнѣ поручено составить записку, директоръ департамента всячески старался парализовать дѣло, но ему не удалось поколебать Чевкина. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ прислалъ за мною.

Когда я вошелъ, то нашелъ Чевкина, на этотъ разъ, въ очень пріятномъ настроеніи, и онъ сказалъ мнѣ:

— При послѣднемъ докладѣ, я прочелъ государю мою записку въ видѣ взгляда русскихъ людей на продажу Николаевской желѣзной дороги. Содержаніе этой записки очень понравилось государю, и онъ одобряетъ изложенные въ ней взгляды. Вамъ извѣстно,—добавилъ онъ,— что продажа въ принципѣ рѣшена совѣтомъ министровъ, и рѣшеніе это было одобрено государемъ, но теперь, въ виду измѣнившихся нѣсколько воззрѣній, можно поправить дѣло. Не можете ли вы составить такія условія продажи, при которыхъ Главное общество нашло бы неудобнымъ для себя купить дорогу?

— Могу,—отвѣчалъ я.

Такъ какъ этотъ вопросъ былъ обдуманъ мною прежде, то черезъ три дня я доставилъ Чевкину желаемую имъ записку.

Суть была въ томъ, что сторонники продажи опирались на аргументъ усиленія государственнаго размѣннаго фонда. Поэтому, я и построилъ свою записку, объ условіяхъ продажи, преимущественно на томъ, чтобы Главное общество внесло весь капиталъ звонкою монетою, не допуская даже взноса государственными бумажными фондами. Эту записку Чевкинъ передалъ въ коммиссію, подъ предсѣдательствомъ С. В. Кербедза, назначенную для передачи дороги Главному обществу, и, по предъявленіи ему означенныхъ условій продажи, оно, какъ извѣстно, отказалось тогда отъ пріобрѣтенія Николаевской дороги.

Разсказанное мною обстоятельство происходило въ томъ же 1860

году, когда былъ измѣненъ уставъ общества. Выйдя побѣдителемъ изъ борьбы, Чевкинъ приступилъ, какъ Кутузовъ, къ удаленію иноплеменнаго нашествія на Россію.

Видя, что Николаевская желѣзная дорога не приноситъ никакого дохода, онъ, не успѣвъ еще ознакомиться съ вопросомъ, полагалъ, что причина такого положенія кроется въ злоупотребленіяхъ, и потому рѣшилъ, вскорѣ по вступленіи своемъ въ управленіе вѣдомствомъ, произвести самую подробную и строгую ревизію дороги. Эту ревизію онъ поручилъ двумъ лицамъ: мнѣ отъ Петербурга до Бологое и инженеру Поземковскому отъ Бологое до Москвы. Мнѣ пришлось производить эту ревизію съ ранней весны и до зимы. Результатомъ этой ревизіи было выясненіе Чевкину, что причина незавиднаго состоянія дороги кроется не въ злоупотребленіяхъ, а въ самой системѣ ремонта пути и, главное, подвижнаго состава. Вслѣдствіе этого Чевкинъ отправилъ меня за границу, на продолжительное время, для изученія администраціи желѣзныхъ дорогъ и подвижнаго состава, предписавъ обратить вниманіе преимущественно на правительственныя дороги въ Бельгіи, и, независимо отъ этого, поручилъ еще ознакомиться вообще съ общимъ государственнымъ контролемъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, гдѣ я пробылъ около двухъ лѣтъ, знакомившись со всѣми отраслями желѣзныхъ дорогъ въ Бельгіи, Англіи, Франціи и Германіи, Чевкинъ тотчасъ же назначилъ коммиссію, подъ предсѣдательствомъ своего товарища, инженеръ-генералъ-лейтенанта Герсфельда, для измѣненія системы ремонта пути и сооруженій Николаевской дороги. Не смотря на сильную оппозицію большинства членовъ коммиссіи и департамента желѣзныхъ дорогъ, Чевкинъ одобрилъ мое особое мнѣніе, система оптоваго подряда была отвергнута, и ремонтъ дороги былъ переданъ въ хозяйственное распоряженіе управленія дороги. Результатомъ было то, что вмѣсто 1.000.000 руб., платившихся до того время оптовому подрядчику, ремонтъ, въ первый же годъ, обошелся лишь въ 650.000 руб. При этой реформѣ мнѣ удалось склонить Чевкина къ тому, чтобы инженерамъ, служащимъ на дорогѣ, вмѣсто ничтожнаго жалованья по чину, назначено было надлежащее содержаніе, а именно — по 5.000 руб. начальникамъ отдѣленій и по 2.500 руб. начальникамъ дистанцій, безъ чего, по моимъ понятіямъ, нельзя было подвергать ихъ строжайшей безпощадной отвѣтственности, при чемъ былъ указанъ и вѣрный способъ дѣйствительнаго контроля.

Но, по отношенію къ Николаевской дорогѣ, Чевкину предстояло рѣшить болѣе серьезную и болѣе крупную задачу, касающуюся ремонта подвижнаго состава. Въ то время всѣмъ былъ извѣстенъ пресловутый контрактъ Уайнанса, по которому всѣ 95 его параграфовъ ограждали лишь интересы контрагента, въ полный ущербъ казны. Когда я,

вернувшись изъ-за границы, представилъ Чевкину, съ приложеніемъ самыхъ подробныхъ документовъ, результаты изученія мною вопроса о ремонтѣ подвижнаго состава въ разныхъ странахъ Европы, то оказалось, что по ремонту, напримѣръ, вагоновъ, составлявшему главную цифру платежей по контракту, Уайнансъ получалъ въ 17 разъ болѣе, чѣмъ этотъ ремонтъ обходился въ другихъ странахъ Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я усмотрѣлъ въ контрактѣ одинъ параграфъ, 43-й (введенный контрагентомъ для огражденія своихъ интересовъ), который представлялъ возможность понизить, на основаніи этого параграфа, платимую контрагенту сумму за ремонтъ по крайней мѣрѣ на три четверти. Дѣло было въ томъ, что, на основаніи означеннаго параграфа, правительство имѣло право построить подвижной составъ иной конструкціи, чѣмъ та, которая была введена тѣми же контрагентами на Николаевской дорогѣ, и, въ такомъ случаѣ, контрактныя цѣны ремонта не были обязательны для обѣихъ сторонъ. По разсчету выходило, что если поставить на Николаевскую дорогу новый подвижной составъ и предложить Уайнансу только $^1/_4$ прежней цѣны, или, въ случаѣ его отказа, ремонтировать новый подвижной составъ самому управленію—что было бы еще выгоднѣе—то въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ, которыя оставались еще за контрагентомъ, сберегалась бы сумма не только достаточная на покрытіе расходовъ по устройству новаго подвижнаго состава, но явился бы немалый остатокъ.

По моему рапорту Чевкинъ приказалъ собрать немедленно коммиссію, не гласную. По разнымъ обстоятельствамъ, коммиссія эта не собиралась, и Чевкинъ разсудилъ не подымать новой борьбы по этому предмету, въ виду скораго истеченія контрактнаго срока.

Я употребилъ опять слово борьбы, потому, что Уайнансъ представлялъ изъ себя могучую денежную силу, поддерживаемую вліятельными сферами. Только при этой поддержкѣ и могъ быть заключенъ такой контрактъ, который представлялъ изъ себя образецъ наглаго обирательства казны. Но Уайнансъ не довольствовался одной баснословной цѣной, получаемой имъ за ремонтъ по контракту, онъ щипалъ казну весьма крупно и другими путями, необусловленными контрактомъ, при чемъ изобрѣтательность его достигла до степени невѣроятнаго. Вообще вопросъ объ обузданіи Уайнанса и затѣмъ объ отстраненіи его отъ ремонта представился Чевкину вопросомъ серьезнымъ, и онъ велъ по этому дѣлу упорную борьбу. Перечислять всѣ фазисы этой борьбы было бы долго. Я разскажу лишь два болѣе выдающіеся факта.

По истеченіи срока контракта, Уайнансъ былъ обязанъ сдать паровозы въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ ихъ принялъ. Понятно, что, послѣ 12 лѣтъ движенія, котлы паровозовъ должны были быть признаны негодными. Дабы не дѣлать на свой счетъ новыхъ котловъ, Уай-

нансъ употребилъ слѣдующій фортель. Заблаговременно, еще до развитія по дорогѣ надлежащаго движенія, онъ поставилъ на паровозы невѣрные, слабые манометры; — что онъ могъ сдѣлать незамѣтнымъ образомъ, такъ какъ подвижной составъ былъ въ его рукахъ. Вслѣдствіе этого увеличилось число паровозо-верстъ, т. е. число оплачиваемыхъ казною единицъ. Проработавъ такимъ образомъ много лѣтъ, Уайнансъ, за $2^1/_2$ года до окончанія контракта, сдѣлалъ слѣдующее предложеніе.

Въ виду развитія въ настоящее время движенія, паровозы оказываются очевидно малосильными, и потому онъ готовъ передѣлать всѣ паровозы, за извѣстную плату, на новый типъ, такой, который будетъ возить вдвое болѣе грузные поѣзда, и предъявилъ къ осмотру передѣланный имъ паровозъ по новому типу, объясняя, при этомъ, что расходъ казны на передѣлку паровозовъ вознаградится съ излишкомъ отъ экономіи въ числѣ паровозо-верстъ. Чевкинъ принялъ это предложеніе; но въ тотъ день, когда департаментъ сдѣлалъ уже заказъ на передѣлку паровозовъ, Чевкину вздумалось убѣдиться еще разъ въ достоинствѣ новаго типа. Онъ послалъ за мной и приказалъ освидѣтельствовать передѣланный паровозъ и въ тотъ же день донести ему о результатѣ осмотра. По освидѣтельствованіи, я донесъ ему, что болѣе милліона рублей, назначенныхъ на передѣлку паровозовъ, будутъ брошенными деньгами, что гораздо лучшее на эти деньги купить совсѣмъ новые паровозы, и что цѣль передѣлки паровозовъ, сдѣланной Уайнансомъ—есть замѣна старыхъ котловъ новыми, между тѣмъ какъ онъ былъ бы обязанъ поставить новые котлы ко времени сдачи паровозовъ на свой счетъ. Тутъ же при мнѣ Чевкинъ написалъ собственноручно записку директору департамента:—«остановить заказъ». Но на другой день Уайнансъ подалъ заявленіе, что онъ, получивъ заказъ отъ департамента, въ тотъ же часъ сдѣлалъ, по телеграфу заказъ разныхъ предметовъ въ Лондонѣ, на 500.000 руб., и откажется отъ дѣла, если ему будетъ уплачена эта сумма. Чевкинъ, конечно, не измѣнилъ своего рѣшенія объ остановкѣ заказа, и потому Уайнансъ завелъ процессъ, дошедшій до Сената, но чѣмъ онъ кончился, мнѣ не извѣстно.

XXX.

Проектъ станціи въ Москвѣ для Нижегородской дороги.—Бельгійскій инженеръ де-Брауеръ.—Составленіе имъ компаніи на постройку Саратовской дороги.—Неудовлетворительное веденіе дѣлъ.—Удаленіе де-Брауера.—Желаніе совѣта общества имѣть директоромъ В. А. Панаева.—Отказъ Чевкина отпустить его отъ себя.—Дальнѣйшая исторія постройки Саратовской дороги.

Въ 1860 году, Главное общество желѣзныхъ дорогъ представило главноуправляющему проектъ станціи въ Москвѣ для строившейся Нижегородской дороги и предполагавшейся Ѳеодосійской, ассигнуя на это 4.000.000 руб. Чевкину предположеніе Общества почему-то не совсѣмъ понравилось. Онъ призвалъ меня и сказалъ, что назначаетъ коммиссію подъ предсѣдательствомъ Мельникова изъ пяти членовъ, въ которой должны участвовать: Кербедзъ, Языковъ, Серебряковъ, Липинъ и я; при чемъ обратилъ мое вниманіе на важность вопроса. Я тутъ же замѣтилъ ему, что подобные вопросы уже поднялись теперь въ большихъ городахъ Европы, гдѣ станціи помѣщались почти на окраинахъ городовъ, и теперь раздумываютъ уже о мѣрахъ къ исправленію неудобствъ, изъ того вытекающихъ, и которыя потребуютъ значительныхъ затратъ, и потому было бы желательно избѣжать въ будущемъ этихъ затратъ, для чего надо подумать объ устройствѣ въ Москвѣ центральной станціи.

— Прошу васъ,—сказалъ Чевкинъ,—выяснить этотъ вопросъ въ коммиссіи.

Вслѣдствіе этого, я представилъ двѣ записки (20-го января и 9-го февраля 1860 г.) о центральной станціи въ Москвѣ, въ которыхъ между прочимъ говорилъ:

1) Что въ городѣ, представляющемъ средоточіе нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, наивыгоднѣйшее рѣшеніе задачи, относительно помѣщенія пассажирской станціи, есть устройство общей центральной станціи.

2) Что таковая станція представляетъ много удобствъ и матеріальныхъ выгодъ для города и для самихъ дорогъ, и въ то же время экономизируетъ общій народный капиталъ какъ при постройкѣ, такъ и при эксплоатаціи дорогъ.

3) Что Москва представляетъ возможность для устройства центральной пассажирской станціи и прохода по городу.

4) Что отдача единственно удобнаго для этого мѣста въ руки одной компаніи или лишитъ всѣ прочія дороги удобнаго сообщенія съ городомъ или поставитъ ихъ въ полную зависимость отъ одной дороги.

Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть подробнѣе, въ чемъ именно заключаются удобства и выгоды общей центральной станціи, по сравненію съ тѣмъ, если бы каждая дорога имѣла свою особую станцію.

Относительно города. Естественнымъ слѣдствіемъ желѣзныхъ дорогъ, выходящихъ изъ многолюднаго города, есть быстрое развитіе населенія окрестныхъ мѣстъ, по линіямъ желѣзныхъ дорогъ, если только окрестности сколько-нибудь тому благопріятны и если окрестное направленіе дорогъ проведено удачно.

Дешевизна окрестной жизни, въ сравненіи съ городскою, чистый воздухъ и удобства сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ суть три условія, которыя способствуютъ быстрому населенію окрестныхъ мѣстъ города.

Желѣзныя дороги имѣютъ свойство умѣрять чрезмѣрное развитіе городскаго населенія, что̀ важно въ отношеніи гигіеническомъ, нравственномъ и даже политическомъ. Въ настоящее время, въ такихъ большихъ городахъ, какъ Лондонъ и Парижъ, замѣтно даже переселеніе въ окрестныя мѣста прежнихъ постоянныхъ жителей города и даже такихъ, которые имѣютъ ежедневныя въ немъ занятія.

Окрестная жизнь совмѣщаетъ въ себѣ удобства какъ городской, такъ и деревенской жизни; между тѣмъ, развитіе окрестнаго населенія способствуетъ развитію торговли, промышленности, а, слѣдовательно, и производительности въ той же самой мѣрѣ, какъ и развитіе городскаго населенія, а потому окрестная жизнь, не ослабляя нисколько полезныхъ сторонъ средоточія населенія, отстраняетъ при этомъ дурныя его стороны.

Въ Россіи, вслѣдствіе особенныхъ условій страны и, главное, вслѣдствіе характера народа, городская жизнь вообще мало развилась и едва-ли можетъ когда-либо развиться въ той степени, какъ въ другихъ странахъ. Развитіе большихъ центровъ жизни должно возбудить полезное вліяніе центровъ и, въ то же время, какъ нельзя лучше можетъ удовлетворить потребностямъ страны и характеру русскаго народа.

Но развитіе окрестнаго населенія на счетъ развитія чисто городскаго населенія можетъ имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, когда сообщенія съ окрестностями города доведены до крайняго удобства и дешевизны, а этого нельзя допустить иначе, какъ помѣщеніемъ станціи желѣзныхъ дорогъ, по возможности, ближе къ центру города.

Обращаясь теперь къ Москвѣ, очевидно, что если отдать центральное въ оной мѣсто въ руки одной компаніи, то окрестная жизнь можетъ развиваться только въ одномъ направленіи, а не по всѣмъ направленіямъ выходящихъ изъ города желѣзныхъ дорогъ.

Относительно пассажировъ. Пассажировъ можно раздѣлить на 4 разряда въ отношеніи города Москвы.

1) Пассажиры окрестные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія окрестныя мѣста и Москву, или окрестныя мѣста, лежащія по ту и другую сторону города.

2) Пассажиры сквозные (проѣзжіе), имѣющіе крайнимъ пунктомъ передвиженія не Москву, но пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, не въ значительномъ отъ него удаленіи.

3) Пассажиры сквозные, имѣющіе крайними пунктами передвиженія пункты, лежащіе по ту или другую сторону города, въ значительномъ отъ него разстояніи.

4) Пассажиры дальніе, выѣзжающіе изъ Москвы и прибывающіе туда.

Изъ отсутствія общей центральной станціи вытекаютъ слѣдующія неудобства для пассажировъ:

Для пассажировъ перваго разряда неудобства и относительное возвышеніе расходовъ на сообщеніе, при отсутствіи центральной станціи, такъ чувствительны, что самое развитіе движенія этого рода пассажировъ будетъ до крайности парализовано.

Пассажиры втораго разряда, во-первыхъ, будутъ терять время на переѣзды или переходы съ багажемъ со станціи на станцію, а, во-вторыхъ, расходы на проѣздъ для многихъ неизбѣжно увеличатся отъ 20 до 25 процентовъ и даже болѣе.

Такъ, напримѣръ, пассажиръ изъ Твери или Клина въ Коломну и обратно, при существованіи центральной станціи, легко можетъ въ одинъ и тотъ же день пріѣхать на мѣсто, сдѣлать свое дѣло и вечеромъ ѣхать назадъ. При отсутствіи же общей центральной станціи, онъ этого сдѣлать не можетъ и, въ добавокъ, израсходуетъ лишнія деньги на переѣздъ отъ станціи до станціи и на плату за подноску и относку багажа. Можно положительно сказать, что, при отсутствіи центральной станціи, пассажиры втораго разряда, при своихъ перемѣщеніяхъ, постоянно будутъ терять не нѣсколько часовъ, а цѣлый день безъ всякой нужды—соображенія, заслуживающія вниманія, независимо отъ неизбѣжныхъ лишнихъ расходовъ пассажира.

Для пассажировъ третьяго разряда, т. е. сквозныхъ дальнихъ, отсутствіе центральной станціи будетъ имѣть послѣдствіемъ то, что эти пассажиры будутъ вынуждены проводить день въ Москвѣ. Будь центральная станція—пассажиръ третьяго разряда охотно отдохнетъ на ней часъ, два или три и отправится далѣе. Но если пассажиръ вынужденъ взять свой багажъ и, затѣмъ, ѣхать въ гостиницу, то весьма натурально, что онъ останется на цѣлый день въ Москвѣ. Это обстоятельство влечетъ за собой значительный расходъ, чувствительный, въ особенности, для пассажировъ средняго класса. Проѣздъ съ багажемъ въ гостиницу, расходы въ оной и обратный переѣздъ на станцію обойдутся ему, за исключеніемъ пищи, не менѣе какъ отъ 4 до 5 р. сер.

Въ нѣкоторыхъ городахъ Западной Европы, напримѣръ, въ Брюсселѣ, умышленно сдѣланы двѣ станціи, для того, чтобы городъ могъ

пользоваться отъ проѣзжающихъ пассажировъ; но нынѣ признали уже всю узкость такого взгляда и имѣютъ намѣреніе преобразовать существующій порядокъ и устроить такъ, чтобы не стѣснять болѣе, искусственнымъ образомъ, пассажировъ, давъ желающимъ возможность проѣзжать городъ насквозь безъ задержки.

Потеря Москвы отъ сквозныхъ пассажировъ будетъ состоять только въ томъ, что въ городѣ пятью или шестью гостиницами и нѣсколькими сотнями извозчиковъ будетъ менѣе. Конечно, большая часть пассажировъ, вынужденныхъ провести день въ Москвѣ, естественно сдѣлаютъ и другіе, неизбѣжные расходы, но разсчитывать на эти искусственныя прибыли для города, если бы онѣ и дѣйствительно могли быть серьезны, было бы, съ точки зрѣнія общей пользы, несовмѣстно и, для такой страны, какъ Россія, вовсе неприлично, тѣмъ болѣе, что Россія внутреннихъ заставъ не имѣетъ, посредствомъ которыхъ въ другихъ странахъ искусственнымъ образомъ развиваютъ извѣстные пункты.

Отсутствіе общей центральной станціи, въ томъ случаѣ, когда есть возможность ее устроить, можно разсматривать какъ заставу въ отношеніи сквозныхъ пассажировъ, а расходы, въ которые они, волею или неволею, должны вовлекаться—какъ бы налогъ съ нихъ въ пользу города.

Всего менѣе чувствительно отсутствіе общей центральной станціи для пассажировъ четвертаго разряда, т. е. для такихъ, которые выѣзжаютъ изъ Москвы и пріѣзжаютъ туда. Но для извѣстнаго класса пассажировъ затрудненіе это все-таки чувствительно, и, въ общей массѣ, увеличеніе расходовъ на переѣзды въ отдаленныя отъ центра города станціи составитъ не малую сумму.

Всѣ исчисленныя выше неудобства и лишніе расходы для пассажировъ становятся гораздо внушительнѣе для людей семейныхъ.

Относительно желѣзныхъ дорогъ. Выше сказано уже было, что отсутствіе общей центральной станціи сильно парализуетъ развитіе движенія окрестныхъ пассажировъ и чрезвычайно затрудняетъ движеніе сквозныхъ недальнихъ пассажировъ.

Общая центральная станція будетъ имѣть слѣдствіемъ возрожденіе окрестнаго движенія и значительное усиленіе движенія сквозныхъ недальнихъ пассажировъ. На пассажировъ же прочихъ разрядовъ общая центральная станція не можетъ имѣть сильнаго вліянія. Но уже одни пассажиры перваго разряда могутъ доставить дорогамъ весьма значительный доходъ. На Западной дорогѣ во Франціи сборъ по движенію окрестныхъ пассажировъ составляетъ одинъ изъ главныхъ ресурсовъ дороги. Такъ, напримѣръ, весь сборъ съ пассажировъ въ 1857 году простирался до 20.000.000 фр., и въ этомъ числѣ 6.050.000 фр. или около 30% падаетъ на долю сбора съ однихъ окрестныхъ пассажировъ,

которыхъ среднее разстояніе переѣзда не превышаетъ 11 километровъ, а средній сборъ съ каждаго пассажира простирается только до 56 сантимовъ, или до 14 коп. сер. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы станція этой дороги находилась не по близости къ центру Парижа, то сборъ съ окрестнаго движенія далеко не достигалъ бы означенной цифры.

Центральное положеніе станціи, независимо отъ окрестнаго движенія пассажировъ, даетъ еще другіе источники доходовъ, а именно—ежедневное доставленіе свѣжихъ продуктовъ изъ окрестностей въ городъ. Напримѣръ, въ Парижъ ежедневно доставляется изъ окрестныхъ мѣстъ, по желѣзнымъ дорогамъ, особыми поѣздами, свѣжее молоко, а по нѣкоторымъ дорогамъ и свѣжая рыба.

Итакъ, устройство общей центральной станціи въ Москвѣ должно имѣть послѣдствіемъ:

1) Увеличеніе окрестнаго населенія. Отъ этого усилится полезное вліяніе города безъ вреднаго, во многихъ отношеніяхъ, развитія городскаго населенія.

2) Доставленіе значительныхъ удобствъ пассажирамъ всѣхъ разрядовъ.

3) Сбереженіе народнаго капитала въ рукахъ пассажировъ.

4) Усиленіе сборовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

И кромѣ того:

5) Уменьшеніе расходовъ какъ на первоначальное устройство, такъ и во время эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ; ибо очевидно, что устройство 3-хъ и 4-хъ станцій и путей къ нимъ, съ пріобрѣтеніемъ земель, будетъ стоить несравненно дороже, нежели устройство одной общей станціи.

Если бы даже вопросъ былъ рѣшенъ тѣмъ, чтобы отдать центральное мѣсто въ руки одной компаніи, то рано или поздно, прочія дороги вынуждены будутъ соединить свои станціи съ этою центральною станціею и войти съ привилегированной дорогой въ сдѣлку; слѣдовательно, не смотря на истраченный уже капиталъ на устройство отдѣльныхъ станцій для каждой дороги, все-таки придется дѣлать новые и огромные расходы на проложеніе путей по городу и на перестройку центральной станціи, сообразно новымъ нуждамъ; при каковой перестройкѣ, замѣтить надо, нельзя уже достигнуть того же удобства, какъ это возможно въ томъ случаѣ, когда станція первоначально строится для удовлетворенія извѣстнымъ условіямъ.

Возможность выполненія изложенной идеи. На основаніи всѣхъ выше изложенныхъ соображеній, слѣдуетъ употребить всѣ мѣры къ осуществленію идеи общей центральной станціи въ Москвѣ.

Характеръ общей центральной пассажирской станціи долженъ заключаться въ слѣдующихъ условіяхъ:

1) Станціонное зданіе, дебаркадеры и пути должны быть расположены такъ, чтобы каждая дорога могла отправлять свои поѣзды независимо отъ другихъ дорогъ.

2) Каждая дорога должна имѣть особую кассу для раздачи билетовъ.

3) Хозяйства подвижнаго состава каждой дороги должны быть независимы отъ центральной станціи.

4) Каждая дорога должна производить движеніе, относящееся до центральной станціи собственнымъ подвижнымъ составомъ.

5) Ремонтъ и содержаніе въ исправности станціоннаго зданія и соединительнаго пути, равно и станціонная прислуга должны быть въ одномъ управленіи.

6) Сущность назначенія центральной станціи должна состоять въ отправленіи и пріемкѣ пассажировъ и мелкихъ кладей.

Единственное препятствіе, которое можетъ представиться къ выполненію высказанной здѣсь идеи—это несогласіе со стороны правленія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ.

Но можетъ ли имѣть правленіе Главнаго общества разумную причину къ подобному несогласію, и имѣетъ ли оно право требовать, чтобы Обществу непремѣнно было уступлено извѣстное центральное въ городѣ мѣсто—эти вопросы подлежатъ обсужденію.

Единственно разумныя причины, которыя правленіе Общества можетъ привести въ оправданіе своего несогласія, суть слѣдующія:

1) Что распоряженія по отправленію и прибытію поѣздовъ и, вообще, по станціонной службѣ будутъ стѣснены и

2) Что правленіе Общества предполагаетъ помѣстить въ станціонномъ зданіи управленіе дорогъ.

Причины эти легко могутъ быть отстранены.

1) Стѣсненіе или нестѣсненіе, затрудненія или неудобства въ распоряженіяхъ на станціи (какой бы то ни было—общей или отдѣльной) зависятъ не отъ того, что станція будетъ общая или частная, а зависятъ отъ плана станціи и отъ расположенія путей. Слѣдовательно, этотъ вопросъ всегда можетъ быть рѣшенъ, сообразно извѣстнымъ требованіямъ и нуждамъ, и для выполненія этого проектъ общей станціи долженъ быть разсмотрѣнъ и обсужденъ депутатами отъ всѣхъ дорогъ.

2) Если правленіе Главнаго общества желаетъ помѣстить управленіе замосковныхъ дорогъ въ станціонномъ зданіи, то ничто не помѣшаетъ ему устроить особое зданіе подлѣ центральной станціи, ибо мѣсто, назначенное подъ станцію, чрезвычайно обширно. При этомъ, нѣкоторый излишекъ въ расходахъ, на устройство особаго зданія, не можетъ быть серьезнымъ доводомъ въ опроверженіе устройства общей станціи, тѣмъ болѣе, что правленіе проектировало станціонное зданіе въ одинъ

этажъ; слѣдовательно, оно имѣло же какія-нибудь причины для того, чтобы не воспользоваться главными выгодами, представляемыми общимъ зданіемъ.

Правленіе Общества могло бы сказать еще, что устройство общей станціи не можетъ быть скоро исполнено, а, между тѣмъ, одна изъ дорогъ ихъ Общества должна быть въ непродолжительномъ времени открыта. Такой доводъ не могъ бы имѣть тоже основанія, ибо, все равно, будетъ ли строиться станція самимъ правленіемъ для двухъ дорогъ, или она будетъ строиться для всѣхъ дорогъ—Главное общество не можетъ обойтись безъ того, чтобы не устроить временную станцію, и таковую оно можетъ поставить на мѣстѣ, назначаемомъ для товарной станціи.

Итакъ, кромѣ выше изложенныхъ причинъ, которыя легко могутъ быть отстранены, правленіе не можетъ имѣть другихъ разумныхъ причинъ въ опроверженіе идеи общей станціи. Слѣдовательно, предполагаемое несогласіе съ его стороны могло бы быть объяснено только тѣмъ, что правленіе имѣетъ въ виду, чрезъ пріобрѣтеніе центральнаго мѣста, завладѣть окрестнымъ движеніемъ и поставить въ зависимость отъ своихъ дорогъ всѣ прочія дороги.

Предполагая, что правленіе Общества, не смотря ни на какіе доводы, не пожелаетъ участвовать въ общей станціи — возраждается вопросъ: слѣдуетъ ли уступить одному этому Обществу центральное мѣсто въ городѣ, или нѣтъ?

Кажется, что, въ виду тѣхъ важныхъ удобствъ и выгодъ, которыя, со всѣхъ сторонъ, представляетъ общая центральная станція, уступать этого мѣста не слѣдуетъ, и въ случаѣ упорнаго несогласія со стороны правленія, можно предоставить ему выбрать другое мѣсто. Непремѣннымъ слѣдствіемъ такой мѣры будетъ то, что правленіе выразитъ свое согласіе на участіе въ общей станціи, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не будетъ имѣть никакого довода для оправданія себя передъ совѣтомъ и публикой въ пренебреженіи къ сбереженію расходовъ, которые вытекаетъ изъ устройства общей станціи.

Что же касается теперь до того, имѣетъ ли Главное общество право на требуемое имъ мѣсто, на томъ основаніи, что оно его выбрало, надо замѣтить, что ни одинъ параграфъ устава Общества ни прямо, ни косвенно, такого права Обществу не даетъ. Если бы еще движеніе по отправленію и прибытію пассажировъ, по двумъ дорогамъ Главнаго общества, могло бы значительно превышать общее движеніе пассажировъ по остальнымъ дорогамъ, то это обстоятельство могло бы еще быть принято во вниманіе, но пассажирское движеніе въ Москвѣ, по тремъ остальнымъ дорогамъ, а именно: Николаевской, Саратовской и Ярославской, конечно, будетъ несравненно сильнѣе, нежели по двумъ до-

рогамъ Главнаго общества. Слѣдовательно, Главное общество не имѣетъ за собой и права большинства, если бы даже это право и въ самомъ дѣлѣ составляло дѣйствительное право.

Коммиссія признала, что изложенная мною идея будетъ самымъ лучшимъ рѣшеніемъ вопроса, что устройство центральной станціи необходимо, а представленный проектъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ слѣдуетъ отклонить, и въ концѣ засѣданія Мельниковъ обратился къ производителю дѣлъ Полежаеву, и, можно сказать, продиктовалъ ему редакцію журнала.

Надо замѣтить, что журналы коммиссій, въ которыя я назначался членомъ, доставлялись для подписанія ко мнѣ изъ департамента, наканунѣ ихъ доклада Чевкину, часовъ въ 12 ночи. По этому поводу я подалъ рапортъ Чевкину, въ которомъ жаловался, что, при такихъ порядкахъ, я не имѣю времени излагать мои особыя мнѣнія, не согласныя съ редакціею журнала, который по обыкновенію приносился уже подписаннымъ всѣми прочими членами. И вотъ, вслѣдствіе замѣчанія, сдѣланнаго Чевкинымъ директору департамента Языкову, послѣдній вызвалъ меня въ департаментъ.

— Вы жаловались главноуправляющему, что вамъ доставляютъ поздно журналы, то прошу васъ прочесть изготовленный къ завтрашнему докладу журналъ о центральной станціи.

Когда я прочелъ, то увидалъ, что редакція журнала двухсмысленнаго свойства; въ этомъ отношеніи онъ былъ составленъ необыкновенно искусно.

— Позвольте мнѣ замѣтить,—сказалъ я производителю дѣлъ Полежаеву,—коммиссія пришла къ заключенію о необходимости центральной станціи и къ полному отклоненію проекта Главнаго общества. Самъ предсѣдатель указалъ редакцію журнала, но я ничего подобнаго не вижу, и потому журнала теперь не подпишу.

— Да вѣдь въ журналѣ говорится о разрѣшеніи лишь временнаго пути,—отвѣтилъ мнѣ Полежаевъ.

На другой день утромъ я поспѣшилъ поѣхать къ Мельникову, чтобъ предупредить его о редакціи журнала. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ съ журналомъ и Полежаевъ, предчувствуя, что я предупрежу Мельникова. Когда Полежаевъ прочелъ журналъ, Мельниковъ, недовольный редакціей, сказалъ:

— Да это совсѣмъ не то, какъ я приказалъ вамъ составить журналъ.

Полежаевъ молча подалъ журналъ Мельникову, гдѣ значились уже подписи всѣхъ членовъ, кромѣ меня.

— Ахъ! журналъ уже подписанъ, и директоръ подписалъ; ну, дѣлать нечего—и онъ взялся за перо.

Полежаевъ очень хорошо зналъ слабость Мельникова, что онъ никогда не пойдетъ на борьбу и подпишетъ, когда увидитъ всѣ подписи.

Въ этотъ моментъ я остановилъ Мельникова и сказалъ:

— Вы сгубите дѣло. Извините меня, Павелъ Петровичъ, я подпишу при особомъ мнѣніи.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ Мельниковъ и подмахнулъ.

Въ этотъ же день журналъ пошелъ къ докладу, и Чевкинъ, не замѣтивъ мою подпись при особомъ мнѣніи, подписалъ этотъ журналъ, въ полной увѣренности, что проектъ Главнаго общества отклоненъ.

Здѣсь надо объяснить подкладку дѣла. Главною цѣлью Общества и заинтересованныхъ лицъ было отчужденіе домовъ и земель по Москвѣ, которое оцѣнивалось болѣе одного милліона рублей. Въ журналѣ проскочило слово о временномъ пути. Разъ разрѣшенъ путь временной, то дѣло было улажено къ удовольствію Общества и заинтересованныхъ лицъ.

Ко времени дебатовъ коммиссіи о центральной станціи былъ вызванъ изъ Москвы инспекторъ желѣзной дороги Казначеевъ. Онъ между прочимъ доложилъ Чевкину, что Главное общество дѣлаетъ всѣ приготовленія для устройства своей станціи, и небольшая артель стоитъ уже на работахъ. Чевкинъ приказалъ Казначееву немедленно остановить всѣ подготовки. Черезъ нѣсколько дней Чевкинъ получаетъ телеграмму отъ Казначеева, что, не смотря на его приказаніе, Главное общество поставило сегодня на работу болѣе 500 человѣкъ, ссылаясь на то, что работы разрѣшены главноуправляющимъ.

Чевкинъ послалъ за мною:

— Посмотрите, какую депешу я получилъ отъ Казначеева,—что это значитъ?

— Вы утвердили журналъ, гдѣ сказано о разрѣшеніи временнаго пути; я подписалъ журналъ при особомъ мнѣніи.

— При какомъ мнѣніи?—я его не знаю.

— Департаментъ сдѣлалъ вамъ докладъ, не дождавшись моего особаго мнѣнія, которое было доставлено ему черезъ день послѣ того, какъ я подписалъ журналъ. Еслибы вы имѣли въ виду мое особое мнѣніе, то вѣроятно не утвердили бы журнала.

Чевкинъ потеръ лобъ, нахмурился и замолчалъ.

Такъ какъ проектъ станціи Главнаго общества былъ журналомъ отклоненъ, и положено было устройство центральной станціи, для чего требовалось соглашеніе дорогъ, выборъ мѣста и въ крайнемъ случаѣ устройство центральной станціи за счетъ казны, то, въ виду этого, я подалъ Чевкину записку о назначеніи нѣсколькихъ компетентныхъ лицъ для уясненія вопроса на мѣстѣ.

Чевкинъ назначилъ коммиссію изъ нѣсколькихъ лицъ подъ предсѣдательствомъ генерала Кербедза.

Дальнѣйшій ходъ по вопросу центральной станціи мнѣ неизвѣстенъ, ибо я вскорѣ уѣхалъ на Донъ.

Послѣ отдачи концессіи Главному обществу на постройку дорогъ отъ Петербурга въ Варшаву, отъ Москвы въ Нижній и въ Ѳеодосію, и отъ Орла въ Ригу, протяженіе которыхъ превышало 4.000 верстъ, возбудилась лихорадка на полученіе концессій. Серьезнымъ представилось предложеніе на дорогу изъ Москвы въ Ярославль и изъ Москвы въ Саратовъ.

Дорога въ Саратовъ представляла неоспоримыя выгоды въ государственномъ отношеніи, и потому Чевкинъ особенно расположился къ этому предпріятію.

Инціаторомъ этого дѣла явился бельгіецъ, нѣкто де-Брауеръ де-Гогендорфъ. Этотъ господинъ былъ вліятельнымъ депутатомъ въ брюссельскомъ парламентѣ. Не будучи инженеромъ или техникомъ, онъ пристально изучалъ все относящееся до желѣзныхъ дорогъ, и въ особенности до администраціи ихъ. Всякій разъ, когда вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ вносился въ палату, она назначала коммиссію съ предсѣдателемъ де-Брауеромъ. Въ палатѣ было двѣ партіи: одна, стремившаяся признать правительственныя дороги убыточными и вредными, и клонила къ необходимости отдать дороги въ частныя руки,—и эта партія была многочисленна,—другая, малочисленная, отстаивала правительственныя желѣзныя дороги. Де-Брауеръ былъ представителемъ огромной партіи, враждебной системѣ правительственныхъ дорогъ. Былъ постоянно докладчикомъ въ палатѣ наряжавшихся коммиссій, а послѣ трехлѣтнихъ изслѣдованій, долженъ былъ громогласно заявить палатѣ, что коммиссія пришла къ заключенію, что можно только ожидать экономности отъ эксплоатаціи правительственныхъ дорогъ.

Вотъ тогда-то де-Брауеръ пріѣхалъ въ Россію, гдѣ началось лихорадочное движеніе на полученіе концессій. Ему, при тогдашнемъ настроеніи, было не трудно составить компанію учредителей изъ числа лицъ, выдающихся по служебному своему положенію.

Де-Брауеръ очень понравился и Чевкину, такъ какъ былъ въ курсѣ вопросовъ, до желѣзныхъ дорогъ относящихся. Когда Чевкинъ отправлялъ меня за границу, то, кромѣ писемъ всѣмъ посланникамъ, онъ далъ мнѣ, какъ я упомянулъ выше, письма къ Мазюи и къ де-Брауеру, съ просьбою оказывать мнѣ содѣйствіе въ Брюсселѣ. Вслѣдствіе этого, я познакомился съ де-Брауеромъ и его семействомъ, который дѣйствительно помогалъ мнѣ, знакомя меня съ разными государственными дѣятелями въ Бельгіи.

Во время бытности моей за границей, концессія на Саратовскую

дорогу была утверждена, и, послѣ моего возвращенія, открыта была подписка на акціи, а вскорѣ назначено было общее собраніе для выбора членовъ совѣта и директора-распорядителя. Въ члены совѣта попали всѣ учредители и нѣсколько постороннихъ лицъ, принадлежащихъ къ кликѣ банкира Марка. Совѣтъ, по рекомендаціи своего члена генералъ-лейтенанта Поливанова, избралъ въ секретари Павла фонъ-Дервиза, человѣка замѣчательнаго, умнаго, особенно энергичнаго и очень дѣльнаго. О томъ, почему Поливановъ рекомендовалъ Дервиза, будетъ сказано въ одной изъ слѣдующихъ главъ, такъ какъ этотъ эпизодъ представляетъ большой интересъ.

Мѣсяца черезъ два совѣтъ представилъ Чевкину проектъ, который онъ поручилъ разсмотрѣть мнѣ и представить свое заключеніе. Проектъ оказался рѣшительно неудовлетворительнымъ, что было непріятно Чевкину, разсчитывавшему на дѣльность де-Брауера.

Секретарь общества, Павелъ Дервизъ, вскорѣ обнаружилъ непригодность де-Брауера. Онъ былъ краснорѣчивый ораторъ въ палатѣ по вопросамъ желѣзныхъ дорогъ, но практическое дѣло было ему не подъ силу. И вотъ Дервизъ, побуждаемый членомъ совѣта Маркомъ, стеръ вскорѣ изъ директоровъ де-Брауера.

Маркъ былъ учредителемъ и банкиромъ, подписавшимся на 20.000 акцій, поэтому, въ сущности, орудовалъ совѣтомъ. Но онъ наткнулся на секретаря совѣта Дервиза, который, хотя и не имѣлъ капитала, но умомъ и энергіей стоялъ на нѣсколько головъ выше Марка и въ скоромъ времени обнаружилъ дутую банкирскую репутацію Марка, разъѣзжавшаго по гористымъ улицамъ Москвы цугомъ.

Съ удаленіемъ де-Брауера, поднялся вопросъ объ избраніи новаго директора.

Въ одинъ прекрасный день ко мнѣ явился генералъ-лейтенантъ Поливановъ, отрекомендовавшись членомъ совѣта Саратовскаго общества, и спросилъ меня, не пожелаю ли я принять званіе директора-распорядителя?

— Если главноуправляющій,—отвѣчалъ я,—отчислитъ меня въ распоряженіе Общества, то я готовъ. Но позвольте мнѣ узнать, отъ чьего имени вы обращаетесь ко мнѣ съ предложеніемъ? Вѣдь теперь общаго собранія акціонеровъ нѣтъ.

— Совѣтъ уполномоченъ на избраніе директора-распорядителя,—сказалъ Поливановъ.—И я къ вамъ явился отъ имени предсѣдателя совѣта генералъ-адъютанта Анненкова, и вотъ вамъ письмо отъ него.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

«Желая давно поближе съ вами познакомиться и побесѣдовать объ истинно-русскомъ, важномъ для меня дѣлѣ, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою обязать и посѣтить меня, завтра, въ воскресенье,

въ 7 ч. вечера». Я не успѣлъ еще посѣтить Анненкова, какъ черезъ два дня Поливановъ явился опять уже вмѣстѣ съ Анненковымъ. Я отвѣтилъ Анненкову то же, что̀ и Поливанову при первомъ его посѣщеніи.

Что предприняли по этому вопросу Анненковъ и Поливановъ, мнѣ тогда не было извѣстно. Только мѣсяца черезъ полтора Поливановъ доставилъ мнѣ двѣ свои записки, поданныя имъ Чевкину съ согласія предсѣдателя Анненкова, въ доказательство того, что они сильно хлопотали о моемъ назначеніи директоромъ Общества. Вотъ эти записки:

«По поводу вопроса,—писалъ генералъ-лейтенантъ Поливановъ Чевкину,—возникшаго въ совѣтѣ, о перемѣнѣ главнаго директора при правленіи Общества Саратовской желѣзной дороги, я уже выразилъ свое мнѣніе, согласное съ мнѣніемъ г. предсѣдателя, въ пользу русскаго инженера. Съ мнѣніемъ нашимъ большинство членовъ совѣта не согласилось и предпочло, по настоятельному представленію правленія, иностранца г. Жаклина. Но при первоначальномъ рѣшеніи этого вопроса, совѣтъ не имѣлъ въ виду какъ отзывовъ о достоинствахъ подполковника Панаева, такъ и того обстоятельства, что иностранный инженеръ требуетъ заключенія съ нимъ контракта на 3 года, на нижеслѣдующихъ условіяхъ: содержанія по 12.000 руб. сер. въ годъ; суточныхъ, во время разъѣздовъ, дѣлаемыхъ на счетъ Общества, по 10 руб. сер. въ день; по открытіи движенія отъ Москвы до Коломны—вознагражденія, въ видѣ преміи, 8.000 руб. сер.; на дальнѣйшее производство отъ Коломны до Саратова, при томъ же содержаніи, выдавать за каждую открытую для ѣзды версту по 50 руб. сер. преміи, что̀ составитъ болѣе 30.000 руб. серебр., на протяженіи отъ Коломны до Саратова; въ случаѣ же перемѣны директора, заплатить ему неустойки 15.000 руб. сер.

«Я не только не могу согласиться на заключеніе контракта съ г. Жаклинымъ, и въ особенности на предлагаемыхъ имъ стѣснительныхъ для Общества условіяхъ, но остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи относительно выбора директора и считаю своею обязанностью, при настоящемъ случаѣ, заявить совѣту основаніе моихъ убѣжденій, тѣмъ болѣе, что выборъ директора, на которомъ лежитъ все дѣло, есть самый первѣйшій и важнѣйшій вопросъ успѣха предпріятія.

«Начну съ того, что сдѣлаю краткій обзоръ какъ прошедшихъ фактовъ, такъ и настоящаго положенія дѣлъ.

«Для производства изысканій отъ Москвы до Саратова приглашенъ былъ иностранный инженеръ Кемп. На эти изысканія, до утвержденія Общества, истрачено было 48.000 руб. сер. За тѣмъ, по утвержденіи Общества, приглашенъ былъ другой иностранный инженеръ, для производства окончательныхъ изысканій отъ Москвы до Коломны. На 87 верстъ неполныхъ изысканій между этими пунктами израсходовано 28.000 руб. сер. Представленный этими инженерами правительству

проектъ оказался не только до крайности неудовлетворительнымъ, но и въ отношеніи основательности избраннаго направленія весьма сомнительнымъ, а потому и былъ возвращенъ Обществу для исправленія и для пополненія надлежащими данными. Слѣдовательно, истративъ, въ оба раза, до 385 руб. сер. на версту изысканій отъ Москвы до Коломны, мы не имѣемъ до сихъ поръ проекта, по которому бы можно было приступить къ работамъ; тогда какъ до начатія работъ остается нѣсколько недѣль, и вызванные и объявившіе цѣну подрядчики съ нетерпѣніемъ ожидаютъ рѣшительнаго отвѣта.

«Естественно, что такое неудачное начало не могло не отразиться на общественномъ мнѣніи, въ подрывъ кредита предпріятія. Изъ собранныхъ по первому взносу 3.000.000 руб. сер., сколько мнѣ извѣстно, израсходовано Обществомъ до 130.000 р. сер., что составляетъ съ небольшимъ 4% всей суммы; между тѣмъ пониженіе акцій дошло до 25%. Это обстоятельство ясно обнаруживаетъ недовѣріе къ успѣшному выполненію предпріятія, не смотря на то, что Саратовская дорога представляетъ неоспоримыя выгоды.

«Таковое положеніе дѣлъ побудило совѣтъ отстранить какъ прежняго директора, такъ и инженера, съ тѣмъ, чтобы избрать въ директоры такое лицо, которое бы соединяло въ себѣ всѣ условія, нужныя къ тому, чтобы установить наконецъ надлежащій порядокъ и успокоить тѣмъ акціонеровъ.

«Нынѣ правленіе настоятельно испрашиваетъ у совѣта утвержденія главнымъ директоромъ иностранца Жаклина, соглашаясь даже и на предъявленныя имъ стѣснительныя для Общества условія. Между тѣмъ правленіе не представляетъ никакихъ соображеній, которыя бы могли убѣдить кого бы то ни было, что предлагаемое имъ лицо дѣйствительно можетъ исполнить важную обязанность директора, въ особенности при настоящемъ положеніи дѣлъ Саратовской дороги. Хотя г. Жаклинъ и имѣлъ въ Главномъ обществѣ отдѣльную линію работъ отъ Москвы до Нижняго, но какъ операція эта имъ не окончена, то о результатѣ его дѣйствій мы судить еще не можемъ. Свое удаленіе изъ Главнаго общества г. Жаклинъ объясняетъ несогласіемъ Общества заключить съ нимъ контрактъ; между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, Общество другимъ инженерамъ въ этомъ не отказываетъ. И что побуждаетъ Главное общество не заключать съ г. Жаклиномъ контракта, намъ не извѣстно.

«При подобныхъ неопредѣленныхъ и неясныхъ данныхъ, можетъ ли совѣтъ сознательно удостовѣрить акціонеровъ въ томъ, что избираемое имъ лицо совмѣщаетъ въ себѣ всѣ нужныя для директора условія? Неудача выбора, на этотъ разъ, могу съ увѣренностью сказать, окон-

чательно подорветъ довѣріе къ совѣту, отчего немпнуемо сильно пострадаетъ и самое предпріятіе.

«Собственный нашъ опытъ, не говоря уже объ операціяхъ въ другихъ чуждыхъ намъ предпріятіяхъ, показалъ намъ, что три иностранца не оправдали нашихъ ожиданій. А потому руководствуясь этимъ опытомъ и простыми логическими соображеніями, что всякому иностранцу трудно вести дѣло въ чужой странѣ, что каждая страна имѣетъ свои особыя условія и что мѣстный человѣкъ непремѣнно лучше знаетъ и понимаетъ ихъ, г. предсѣдатель и я, съ полнымъ убѣжденіемъ, подали голоса не въ пользу четвертаго иностранца, а въ пользу русскаго инженера Панаева.

«Г. Панаевъ былъ первымъ ученикомъ въ первоклассномъ заведеніи института корпуса инженеровъ путей сообщенія. Окончивъ курсъ, онъ 10 лѣтъ былъ начальникомъ дистанціи при постройкѣ, а потомъ и при эксплоатаціи Николаевской желѣзной дороги, гдѣ, между прочимъ, изучалъ машинную часть, не входящую обыкновенно въ кругъ дѣйствія инженеровъ путей сообщенія. Затѣмъ г. Панаевъ производилъ, какъ начальникъ отдѣльной линіи, изысканія для двухъ желѣзныхъ дорогъ, имѣя подъ командой многихъ офицеровъ. Успѣхи его дѣйствій, по этому предмету, можно видѣть изъ опубликованной имъ въ журналѣ путей сообщенія статьи. Послѣ того подполковникъ Панаевъ былъ отправленъ на $1^1/_2$ года за границу, для расширенія круга своихъ познаній по инженерной и административной частямъ. Сверхъ того онъ, въ бытность свою за границею, усовершенствовалъ себя по части паровозовъ и занимался изученіемъ счетной и контрольной частей, относящихся до операціи желѣзныхъ дорогъ. Ко всѣмъ этимъ даннымъ Панаевъ пользуется отличнымъ положеніемъ въ службѣ и стоитъ на счету одного изъ самыхъ лучшихъ офицеровъ корпуса. Что г. Панаевъ достоинъ своего призванія—это засвидѣтельствовано не только главными авторитетами вѣдомства путей сообщенія, но и самымъ г. главноуправляющимъ, о чемъ уже извѣстно совѣту изъ отзыва г. предсѣдателя.

«Въ г. Жаклинѣ мы можемъ пріобрѣсти, быть можетъ, хорошаго практическаго строителя, но отнюдь не директора. Для директора мало имѣть одни практическія познанія строителя. Директоръ долженъ обнимать всѣ отрасли предпріятія, и г. Панаевъ, какъ видно изъ предыдущаго, совмѣщаетъ въ себѣ всѣ необходимыя для того условія, и при этомъ важно то, что онъ, какъ русскій, знаетъ свой народъ и всѣ условія своей страны, и можетъ привлечь съ собою лучшихъ молодыхъ офицеровъ корпуса; наконецъ, г. Панаевъ въ затруднительныхъ случаяхъ всегда можетъ обращаться за совѣтомъ къ знаменитымъ нашимъ авторитетамъ корпуса, сооруженіями коихъ укра-

шается наша имперія, и безъ которыхъ авторитетовъ, сколько извѣстно публикѣ, многія сооруженія Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ были бы въ жалкомъ положеніи или не могли бы быть исполнены. Эти лица, безъ сомнѣнія, вполнѣ готовы будутъ содѣйствовать г. Панаеву, какъ ихъ воспитаннику.

«Нынѣ, когда представился новый вопросъ, не бывшій у совѣта въ виду, о заключеніи на 3 года контракта съ г. Жаклиномъ, я считаю своею обязанностью, передъ совѣтомъ и акціонерами, заявить г.г. членамъ совѣта нижеслѣдующее обстоятельство.

«Кондиціи, объявленныя мнѣ г. Панаевымъ, были основаны на примѣрѣ Волго-Донской желѣзной дороги. Но когда г. Панаевъ узналъ, что имя его было сопоставлено въ совѣтѣ съ другимъ именемъ иностранца, и что большинство членовъ совѣта не согласилось на предложеніе г. предсѣдателя, то онъ, принимая во вниманіе, что большинство членовъ совѣта не могло его знать, что рѣшеніемъ вопроса могло руководить только одно соображеніе—выборъ между русскимъ и иностранцемъ,—и видя, что пристрастіе къ иностранцамъ опять взяло верхъ,—рѣшился, какъ человѣкъ, лично замѣшанный въ вопросъ, безъ всякой съ его стороны инціативы, сдѣлать, ради защиты чести русскихъ инженеровъ, слѣдующее предложеніе.

«Онъ предлагалъ взять на себя обязанность директора безъ всякихъ предварительныхъ условій, какъ на счетъ жалованья, такъ и на счетъ премій, предоставляя на совѣсть совѣта, или общаго собранія акціонеровъ, назначить ему содержаніе и вознагражденіе по истеченіи года, когда будутъ видны результаты его дѣйствій; и, предвидя возможность доставить Обществу, сравнительно, значительныя выгоды, онъ предлагалъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ предпріятія, представить свои соображенія принять на себя извѣстныя гарантирующія Общество обязательства, для подтвержденія основательности которыхъ предлагалъ принять отъ него залогъ въ 30.000 руб. сер.

«Сравнивая извѣстныя намъ данныя о г. Панаевѣ и его нестѣсняющія Общество предложенія съ мало извѣстными для насъ данными о г. Жаклинѣ и его стѣснительныя условія, и принимая въ соображеніе, что, при пріобрѣтенномъ подполковникомъ Панаевымъ положеніи въ службѣ, онъ не можетъ рисковать своимъ именемъ ни съ какой стороны, и наконецъ, видя твердое его убѣжденіе въ своихъ силахъ, я считаю долгомъ обратить вниманіе совѣта на слѣдующій вопросъ:—Можно ли найти лучшія гарантіи, и имѣемъ ли мы право, по совѣсти и по возложенной на насъ отвѣтственности, предпочесть связать себя контрактомъ съ лицомъ, конечно, быть можетъ, достойнымъ, но не представляющимъ ни тѣхъ условій, ни тѣхъ гарантій, какъ г. Панаевъ.

«Ко всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ надо прибавить, что

русскій инженеръ, вообще, подвергается дѣйствительной и строгой отвѣтственности и передъ правительствомъ, и необходимо долженъ дорожить своимъ именемъ. А иностранецъ? Связанъ ли онъ въ этомъ отношеніи серьезною отвѣтственностью—примѣръ у насъ передъ глазами: приглашенные нами иностранцы, совершивъ свои обязанности дурно и забравъ отъ насъ значительныя деньги, удаляются въ свою страну и насъ же обвиняютъ въ нераспорядительности и несправедливости.

«Пока мы не будемъ имѣть директора не по названію, а по сущности, до тѣхъ поръ наше дѣло не пойдетъ. Отъ выбора директора зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ предпріятія, и вопросъ этотъ слишкомъ важенъ, чтобы можно было не обсудить его безпристрастно со всѣхъ сторонъ и не войти, по этому предмету, въ болѣе серьезное разсмотрѣніе. Тогда и сами акціонеры не посѣтуютъ на насъ за прежнія наши ошибки, вкравшіяся отъ нашей неопытности.

«Не время утаивать далѣе грустное положеніе нашего дѣла. Остановить справедливо возрастающее къ намъ съ каждымъ днемъ недовѣріе публики можно только безпристрастными и рѣшительными дѣйствіями. А потому я полагаю, что для безошибочнаго выбора директора, необходимо обратиться за совѣтомъ къ извѣстнымъ здѣсь лицамъ главнаго управленія путей сообщенія, и этими только авторитетами руководствоваться въ разрѣшеніи столь важнаго для насъ вопроса».

Вторая записка генералъ-маіора Поливанова была слѣдующаго содержанія:

«Опытъ всюду и вездѣ показываетъ, что единственная гарантія успѣха какого бы то ни было предпріятія зависитъ вполнѣ отъ личности главнаго распорядителя. Никакія административныя организаціи и комбинаціи не могутъ имѣть силы оживить предпріятіе, вложить, такъ сказать, въ него душу и тѣмъ обезпечить полный его успѣхъ.

«Въ силу этихъ неоспоримыхъ убѣжденій, я взглянулъ на вопросъ выбора директора Саратовской желѣзной дороги, какъ на вопросъ самый важнѣйшій, отъ котораго, въ моихъ понятіяхъ, зависитъ осуществленіе дороги, въ тѣхъ условіяхъ, которыя налагаются на общество высочайше утвержденнымъ уставомъ, принимавшимся акціонерами въ соображеніе при подпискѣ. Замедленіе осуществленія дороги на 10 или 15 лѣтъ равносильно паденію общества.

«Въ особомъ мнѣніи, поданномъ мною въ совѣтъ, я изложилъ отчасти тѣ соображенія, которыя побуждали меня остановиться на подполковникѣ Панаевѣ, какъ представляющемъ всевозможныя данныя и гарантіи для полнаго удовлетворенія тому, что нужно, для директора большаго государственнаго и народнаго предпріятія желѣзной дороги въ Россіи. Но независимо отъ этихъ соображеній, я руководствовался дру-

гими, весьма важными, которыя я не могъ изложить въ особомъ мнѣніи, и которыя заставляли меня настоятельно желать въ директоры личность русскую и самостоятельную.

«Если я буду умалчивать далѣе объ этихъ соображеніяхъ, то я приму на себя строгую отвѣтственность, какъ передъ правительствомъ и вашимъ высокопревосходительствомъ, такъ и передъ обществомъ, ибо соображенія мои составляютъ мое твердое убѣжденіе. Документальныхъ доказательствъ въ такомъ предметѣ, который я буду излагать, не можетъ и быть, но мои убѣжденія основываются на внимательныхъ и постоянныхъ наблюденіяхъ за ходомъ дѣлъ Саратовской желѣзной дороги со времени образованія общества, и на множествѣ мелочныхъ и серьезныхъ фактовъ, которыхъ нѣтъ никакой возможности передать, но которые вмѣстѣ даютъ вѣрную картину направленія дѣла.

«Вотъ результатъ моихъ наблюденій.

«На Саратовской дорогѣ нѣтъ въ сущности ни совѣта, ни управленія, а существуетъ диктатура Марка. Конечно, въ извѣстныхъ случаяхъ, когда личность диктатора заключаетъ всѣ нужныя условія, когда есть опытность и знаніе дѣла, и когда при этомъ личность эта руководится не личными интересами, а полною преданностью прямому успѣху дѣла, тогда характеръ диктаторства въ предпріятіи не только не можетъ быть вреденъ, но будетъ чрезвычайно полезенъ. Но на Саратовской дорогѣ я не вижу не одного изъ тѣхъ условій, которыя бы внушали хотя малѣйшее довѣріе къ личности, направляющей всѣмъ предпріятіемъ по своему произволу. Напротивъ, къ сожалѣнію, я ясно вижу и неискусное и темное и, главное, неодобрительное, если не сказать хуже, веденіе дѣлъ.

«Маркъ, имѣя въ своихъ рукахъ 20.000 акцій, которыя, въ сущности, могъ взять на себя всякій коммерческій человѣкъ, ибо за этотъ капиталъ платятся учредителями $7^1/_2$ процентовъ—имѣлъ возможность своимъ вліяніемъ управлять выборами въ члены совѣта, а за тѣмъ и назначеніемъ членовъ правленія. Два введенные Маркомъ члена правленія суть лица совершенно до того чуждыя предпріятію, и главное—не акціонеры. Необходимое для выбора число акцій дано этимъ членамъ Маркомъ. Слѣдовательно, эти два члена не суть лица независимыя и самостоятельныя; они, получая 6.000 руб. сер. въ годъ, обязаны этимъ Марку и потому во всемъ должны будутъ соглашаться съ нимъ. Одинъ де-Брауеръ представлялъ затрудненіе для Марка, и вотъ онъ, не позволительной интригой, успѣлъ, внезапнымъ, неожиданнымъ образомъ, въ три минуты, безъ всякихъ обсужденій, вырвать у совѣта согласіе на замѣненіе де-Брауера Жаклиномъ,—личностью весьма темною. По дошедшимъ до меня въ послѣднее время положительнымъ слухамъ, Жаклинъ не могъ оставаться въ Главномъ обществѣ, и если вѣ-

рить всему, то по причинамъ, о которыхъ считаю лучшимъ умолчать. При такихъ обстоятельствахъ Жаклинъ спасенъ Маркомъ и, слѣдовательно, дѣлается тоже лицомъ не самостоятельнымъ, но рабски преданнымъ Марку,—чего и нужно было послѣднему.

«Главный планъ Марка—есть стремленіе способствовать видамъ Главнаго общества, дабы, по системѣ взаимнаго одолженія, пріобрѣсть чрезъ Главное общество возможность расширить свои банкирскія операціи и интересы.

«Чтобъ сдѣлать Главному обществу угодное, ему надо направить дѣло такъ, чтобъ, по окончаніи постройки участка Саратовской дороги до Коломны, Общество Саратовской дороги не могло разсчитывать на реализацію новаго капитала для продолженія дороги. Это самосознанное безсиліе будетъ оффиціальнымъ ударомъ для кредита Саратовской дороги и торжествомъ Главнаго общества во всѣхъ отношеніяхъ. Въ рукахъ Главнаго общества, во-первыхъ, является сильное оружіе для оправданія своихъ неудачъ и, во-вторыхъ, подобное обстоятельство открываетъ ему путь къ осуществленію прежняго своего плана, на которомъ оно потерпѣло пораженіе. Чтобъ не манкируя достигнуть такого положенія дѣлъ, Марку нужно искать въ директоры такое лицо, которое бы никакъ не могло возбудить довѣріе къ публикѣ, и повести дѣло въ глазахъ ея такъ, чтобы дать надежду на успѣшное осуществленіе дороги до Саратова. Независимо отъ этого, для достиженія тѣхъ же цѣлей, Марку нѣтъ нужды, чтобъ директоръ былъ—директоръ для дѣла, ему нужно въ директоры лицо, лично ему обязанное и преданное. Въ такомъ же родѣ должна быть и вся обстановка. Чего онъ также достигъ.

«Итакъ Маркъ достигъ той обстановки дѣла, какая ему нужна, и нѣтъ никого, кто бы могъ думать, что, при настоящей обстановкѣ дѣла, не смотря на выгоды, представляемыя Саратовской дорогою, публика дала бы хотя копѣйку на продолженіе дороги до Саратова. Но вышеизложенное обстоятельство влечетъ за собою новое зло, которое и не могло быть въ видахъ Марка, но которое есть необходимое слѣдствіе дѣлъ, несущихъ въ себѣ характеръ интриги.

«Если бы даже Маркъ и не сообщилъ всѣмъ преданнымъ ему лицамъ своихъ заднихъ плановъ, то лица эти должны ихъ угадать и дѣйствовать скрытно въ его духѣ. Таковыми своими отношеніями лица, отъ которыхъ на самомъ дѣлѣ должны зависѣть интересы общества, легко могутъ воспользоваться и воспользоваться въ пользу своихъ личныхъ интересовъ и во вредъ интересамъ общества. Не ускользнуло отъ меня и это обстоятельство, и я вижу уже зародышъ образованія конклава съ предосудительнымъ направленіемъ. Еслибъ Маркъ и замѣтилъ это направленіе—онъ обреченъ на молчаніе.

«Я нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи. Все видѣть и молчать—значитъ принять на себя отвѣтственность и нареканіе. Разглашать же характеръ положенія нашихъ дѣлъ,—мнѣ кажется, до поры до время, неприлично и неблагоразумно. Пока капиталы не истрачены, есть еще время предупредить зло, а потому я прежде всего рѣшился обратиться къ вашему высокопревосходительству, ибо Саратовская дорога есть дѣло государственное».

Между тѣмъ, поощряемый нѣсколько разъ словами Чевкина, чтобы я не стѣснялся ничѣмъ, когда нахожу нужнымъ сообщить ему о серьезномъ дѣлѣ и высказывать все откровенно,—я написалъ записку о ходѣ дѣла по Саратовской дорогѣ, въ которой предупреждалъ его о многомъ, не взирая на то, что эта моя записка имѣла видъ какъ бы поученія.

Въ то же время одинъ мой хорошій знакомый, который взялъ большое дѣло на Саратовской дорогѣ, держалъ меня въ курсѣ событій, совершавшихся въ ея управленіи, какъ человѣкъ заинтересованный. И вотъ онъ написалъ мнѣ, что директоромъ назначенъ совѣтомъ французъ Жаклинъ, и что всѣ обращавшіеся къ Чевкину касательно избранія меня въ директоры получили отъ него слѣдующій отвѣтъ:

— Берите, кого хотите, исключая Панаева. Этого офицера я дать не могу, и не просите его, онъ мнѣ нуженъ.

Тогда я задумался о своемъ будущемъ и сталъ подводить итоги моихъ трудовъ у Чевкина. Оказывалось, что я былъ обреченъ на безконечную борьбу съ разными крупными личностями путейскаго вѣдомства и обнаруживанію умышленныхъ или неумышленныхъ ихъ ошибокъ и промаховъ, и это созидало мнѣ множество враговъ. Обдумавъ все это, я рѣшился, не смотря на исключительное довѣріе, оказываемое мнѣ Чевкинымъ, подать въ отставку, при чемъ написалъ ему длинное письмо.

Когда я пришелъ къ Чевкину, то онъ при разговорѣ какъ будто прослезился.

— Послушайте, Панаевъ,—сказалъ онъ,—я не разъ показалъ вамъ, что вы пользуетесь такимъ моимъ довѣріемъ, какъ никто, и всякій можетъ позавидовать этому. Что же касается до матеріальной обстановки, то я, сверхъ занимаемыхъ вами обязанностей, прикомандирую васъ къ департаменту и все получаемое вами отъ казны будетъ удвоено по высочайшему повелѣнію.

— Да, вотъ, что я еще вамъ скажу,—онъ усмѣхнулся.—Вѣдь я могу не выпустить васъ теперь. Вѣдь по закону, находившійся, какъ вы, почти два года за границей на казенный счетъ, обязанъ прослужить извѣстное время.

Понятно, что такое обращеніе Чевкина побудило меня взять отставку назадъ. Да и мнѣ тяжело было разстаться съ этимъ умнѣйшимъ, добрѣй-

шимъ, высокообразованнымъ и деликатнѣйшимъ человѣкомъ-министромъ, имѣвшимъ преобладающее вліяніе на всѣ государственные вопросы.

Доскажу теперь исторію постройки Саратовской дороги.

Иностранецъ Жаклинъ провелъ линію такъ неудачно, что весною размыло насыпь на огромное пространство. Назначена была Чевкинымъ коммиссія для обсужденія вопроса. Эта коммиссія пришла къ убѣжденію—перемѣнить направленіе дороги на значительномъ протяженіи, не смотря на увеличеніе расхода,—чуть ли не на милліонъ. Жаклинъ былъ удаленъ, и Общество осталось безъ директора. Но подрядчики-инженеры: Садовскій и фонъ-Меккъ, окончили постройку до Коломны благополучно, споспѣшествуемые секретаремъ совѣта фонъ-Дервизомъ, замѣстившимъ директора, не будучи инженеромъ.

Банкиръ Маркъ оказался несостоятельнымъ. Онъ не только не внесъ денегъ за 20.000 акцій, но рѣшительно ничего.

Капиталъ, собранный для Саратовской дороги, былъ израсходованъ на постройку до Коломны, и дальнѣйшая постройка прекратилась. Уставъ Саратовскаго общества былъ уничтоженъ и замѣненъ уставомъ дороги отъ Москвы до Коломны.

Такъ какъ въ это же время обнаружилась несостоятельность Главнаго общества, которое, вмѣсто гарантированныхъ 62.500 руб. на версту, израсходовало 120.000 руб. на версту, а Саратовская дорога 100.000 на версту,—то Чевкинъ пришелъ къ убѣжденію, что денегъ за границей давать на желѣзныя дороги въ настоящее время не будутъ.

Но бывшій секретарь совѣта Саратовской дороги, изучивъ степень движенія грузовъ къ Москвѣ и, видя тѣ особенныя выгоды, которыя можетъ дать дорога при ея продолженіи за Коломну, явился въ Петербургъ къ Чевкину съ предложеніемъ продолжать дорогу хотя бы, сначала, до Рязани.

Чевкинъ, сочувствуя этому предложенію, отвѣтилъ, что денегъ достать теперь подъ желѣзныя дороги нельзя. Тогда Дервизъ сказалъ, что это его дѣло, надо только, чтобы онъ могъ быть гарантированъ промессомъ отъ правительства. Тогда Чевкинъ, послѣ разныхъ колебаній, рѣшился выдать просимый Дервизомъ промессъ.

Между тѣмъ Дервизъ заключилъ съ инженеръ-подрядчикомъ Меккомъ оптовый подрядъ на постройку дороги за 62.000 руб. съ версты, съ подвижнымъ составомъ, мостами, станціями и всѣми вполнѣ принадлежностями дороги.

Меккъ построилъ уже дорогу до Коломны и оказался въ этомъ подрядѣ исправнымъ, слѣдовательно, представляющимъ гарантію.

Дервизъ, заручившись промессомъ и контрактомъ съ Меккомъ, отправился немедленно въ Берлинъ. Недѣли черезъ двѣ онъ возвратился и доставилъ Чевкину подписку банкировъ, что они принимаютъ на себя

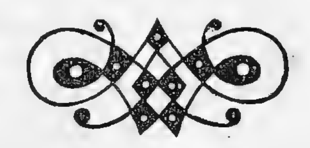
реализацію капитала. Конечно, они приняли это дѣло въ свои руки, имѣя въ виду оптовый опредѣленный контрактъ, заключенный съ Мекномъ, заявившимъ свою исправность, какъ подрядчика.

Чевкинъ былъ въ особенномъ восторгѣ отъ операціи, сдѣланной Дервизомъ.

Послѣ этого, въ скоромъ времени образовалось уже общество Московско-Рязанской дороги, и уставъ Московско-Коломенской былъ уничтоженъ.

При постройкѣ Московско-Рязанской дороги, Дервизъ былъ уже директоромъ. Когда эта дорога была построена, Дервизъ получилъ на свое уже имя концессію на продолженіе дороги отъ Рязани до Козлова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Экспедиція Государственнаго Хозяйства.

(1797—1803 гг.).

IX [1]).

По отношенію къ шелководству дѣятельность Экспедиціи была лишь развитіемъ и исправленіемъ предшествующей дѣятельности правительства по этой части и шла параллельно съ дѣятельностью Мануфактуръ-Коллегіи.

Въ апрѣлѣ 1797 года, академикъ Лепехинъ представилъ «краткое начертаніе о заведеніи шелковыхъ заводовъ», которое и было передано на разсмотрѣніе Экспедиціи [2]).

Членъ Экспедиціи Габлицъ, которому было поручено разсмотрѣть эту записку, обратилъ вниманіе на два вопроса, о которыхъ въ запискѣ ничего не было сказано: 1) почему у насъ шелководство производилось съ столь малымъ успѣхомъ? и 2) какими способами можетъ оно впредь быть распространено и въ цвѣтущее состояніе на пользу общую приведено?

Причиною печальнаго положенія у насъ шелководства Габлицъ считалъ невѣжество приставленныхъ къ этому дѣлу смотрителей и нерадѣніе начальниковъ губерній. Чтобы привести эту отрасль хозяйства въ лучшее состояніе, слѣдовало, по его мнѣнію, заботиться не о томъ, чтобы заводить шелководство повсюду, гдѣ позволяетъ климатъ, но населеніе не имѣетъ о немъ никакого понятія, а о томъ, чтобы поддержи-

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

[2]) Дѣло Экспедиціи 1797 г. № 14.593 по архиву М. Г. И.

вать и развивать это дѣло въ мѣстностяхъ, гдѣ къ нему уже издавна привыкли, именно въ Астрахани, Кизлярѣ, Моздокѣ, на Терекѣ, по всей Кавказской линіи и въ Крыму. Наиболѣе цѣлесообразными средствами для этого Габлицъ считалъ въ началѣ—«повелѣніе, а потомъ—ободреніе и поощреніе». По его мнѣнію, слѣдовало «возложить на попеченіе начальниковъ губерній распоряженіе, чтобы въ указанныхъ мѣстностяхъ во всякомъ селеніи каждая семья или дворъ обязаны были, въ собственномъ ли огородѣ, или въ общественномъ всего селенія, повсегодно развести 10 тутовыхъ деревъ». За неисполненіе этого предписанія предлагалось брать штрафы, а за ревностное исполненіе давать разныя награды. Генералъ-прокуроръ кн. Куракинъ, соглашаясь съ мнѣніемъ и предложеніемъ Габлица, поручилъ Экспедиціи составить и представить на Высочайшее утвержденіе докладъ.

Основываясь на мнѣніи Габлица, Экспедиція, считая наиболѣе дѣйствительными средствами для распространенія и усовершенствованія шелководства разведеніе тутовыхъ деревъ, предлагала: 1) предписать правителямъ губерній, чтобы они, соображаясь съ пространствомъ и качествомъ земли и съ состояніемъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ тутовыя деревья разведены быть могутъ, обязали бы каждую семью сажать ежегодно по 10 деревъ въ собственномъ своемъ огородѣ или въ общественномъ всего селенія мѣстѣ; для побужденія же нерадивыхъ назначить денежную пеню по 10 коп. за каждое дерево, которое изъ положеннаго числа не находится или не сохранится; 2) затѣмъ для поощренія дѣлателей шелка, Экспедиція полагала установить слѣдующія поощренія: для дворянъ, особенно отличавшихся въ разведеніи шелка и распространеніи сего полезнаго промысла, предлагалось назначать особыя медали; лицамъ изъ купечества и мѣщанства, служащимъ людямъ и казакамъ, поселянамъ и крестьянамъ выдавать въ награжденіе тѣмъ, кои не менѣе 10 фунтовъ сдѣлаютъ шелка, по 10 рублей; за каждые же 20 фунтовъ 25 рублей, а за пудъ 50 рублей, оставляя шелкъ въ собственную ихъ пользу и наблюдая, чтобы не давать одному болѣе 3 разъ.

Сверхъ того Экспедиція предлагала опредѣлить смотрителей, которые, объѣзжая всѣ селенія и мѣста, къ шелководству отведенныя, могли бы слѣдить за насажденіемъ шелковичныхъ деревъ и давать наставленія. Такую должность при заведеніяхъ въ Тавридѣ предполагалось возложить на смотрителя Ново-Водолажскаго завода, а надзоръ въ Астраханской губерніи—поручить смотрителю возобновленнаго Ахтубинскаго завода; каждому изъ нихъ полагалось по одному помощнику.

Сверхъ того предполагалось опредѣлить въ Симферополѣ, Астрахани и Кизлярѣ по одному искусному мотальщику и въ помощь имъ придать по два воспитанника изъ воспитательнаго дома.

Именнымъ указомъ 8-го ноября 1798 г. [1]), даннымъ на имя генералъ-прокурора, Павелъ I, утверждая докладъ Экспедиціи во всѣхъ частяхъ, «возложилъ на особенное ея попеченіе, чтобы предположенія ея по части шелководства были во всей точности исполняемы и объ успѣхахъ въ семъ дѣлѣ передъ наступленіемъ каждаго года было доносимо его императорскому величеству».

На сколько Павелъ I интересовался успѣхами шелководства, видно изъ послѣдующихъ именныхъ указовъ по поводу представленныхъ ему Сенатомъ годовыхъ докладовъ о состояніи шелководства. Такъ въ именномъ указѣ отъ 9-го января 1799 г. [2]), во уваженіе нарочитыхъ успѣховъ шелководства въ 1798 г. въ Астрахани и на Кавказской линіи, повелѣно было положенную за ненасаженныя деревья пеню на 1799 г. отмѣнить, а смотрителя за шелководствомъ по Кавказской линіи барона Биберштейна наградить чиномъ надворнаго совѣтника. Принятыя Экспедиціею вышеуказанныя мѣры оказались настолько удачными, что въ 1799 году было посажено и посѣяно болѣе 600 тыс. тутовыхъ деревьевъ, а шелку выдѣлано около 200 пудовъ, втрое болѣе противъ 1798 г. «Взирая съ особеннымъ удовольствіемъ на столь дѣятельное попеченіе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и на возвышеніе между прочими заведеніями наипаче сей важной отрасли разведенія шелководства», Павелъ I повелѣлъ именнымъ указомъ Сенату отъ 29-го декабря 1799 г. [3]): объявить присутствующимъ и членамъ свое монаршее благоволеніе и производить имъ сполна назначенное въ штатѣ Экспедиціи жалованье, сверхъ получаемаго нѣкоторыми изъ нихъ, изъ другихъ мѣстъ; правителя же канцеляріи надворнаго совѣтника Безака пожаловалъ въ коллежскіе совѣтники.

Другимъ указомъ Сенату, отъ 28-го декабря того же 1799 года [4]) изъявивъ свое благоволеніе барону Биберштейну, съ производствомъ его въ коллежскіе совѣтники, Павелъ наградилъ также чинами смотрителей: по Астрахани титулярнаго совѣтника Смирнова и по Крыму Жеребцова. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были награды отличившимся четыремъ грузинскимъ дворянамъ и одному армянину.

29-го мая 1799 года, по высочайшему повелѣнію, былъ учрежденъ особый комитетъ «для усовершенія шелководства и овчарныхъ заводовъ въ Россійскомъ государствѣ, а также мануфактуръ вообще». Указомъ, даннымъ на имя членовъ этого комитета, сенатора графа Завадовскаго, графа Румянцева и князя Юсупова, имъ поручено было «собрать по

---

[1]) П. С. З., т. XXIV, № 18240.

[2]) Сенатскій Архивъ I, 1888 г., стр. 484.

[3]) Сенатскій Архивъ I, 1888 г., стр. 576.

[4]) Тамъ же.

симъ предметамъ и вообще по части мануфактуръ, вѣрныя и достаточныя свѣдѣнія и предложить надежнѣйшія мѣры къ усовершенію и расширенію сей важной вѣтви государственной экономіи».

Изъ собранныхъ комитетомъ свѣдѣній оказалось [1]), что въ 1799 г. выдѣлано было въ Россіи 190 пудовъ шелка, иностраннаго же въ привозѣ было въ 1798 г. 14.594 пуда цѣною на 1.963.762 рубля, да шелковыхъ матерій на 486.763 р., а всего на 2.450.382 руб. Хотя на основаніи этихъ данныхъ казенная Кунавинская фабрика шелковыхъ матерій могла быть снабжена на всѣ свои издѣлія туземнымъ шелкомъ, однако, по мнѣнію означеннаго комитета, которое было поддержано и разсматривавшими его президентомъ Коммерцъ-Коллегіи дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Гагаринымъ и генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, невозможно еще было приступить къ запрещенію привоза иностраннаго шелка или шелковыхъ матерій; ибо, не смотря на успѣхи, сдѣланные у насъ въ дѣлѣ насажденія тутовыхъ деревьевъ, дѣйствительной пользы отъ нихъ нельзя было ожидать ранѣе 10 или 12 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе едва прошло 10 мѣсяцевъ, какъ 23-го декабря 1800 г. послѣдовалъ указъ Сенату [2]) о воспрещеніи привоза не только шерстяныхъ, но и шелковыхъ матерій. Въ запискѣ, представленной императору княземъ Гагаринымъ и генералъ-прокуроромъ Обольяниновымъ, предложены были слѣдующія средства къ усовершенію и распространенію шелковичнаго производства въ Россіи:

1) Существующее въ Астраханской губ. и въ горной части Крыма положеніе о насажденіи тутовыхъ деревъ и о награжденіи отличившихся въ выдѣлываніи шелка сохранить въ силѣ.

2) Шелковый заводъ армянина Хастатова близъ Кизляра, за неплатежъ выданной ему въ 1784 г. ссуды, взять въ казну, сложивъ недоимку въ 35.836 рублей и причисливъ собственныхъ Хастатова русскихъ крестьянъ къ числу государственныхъ, живущихъ же тамъ по особымъ условіямъ армянъ и грузинъ оставить на отведенной имъ землѣ, предоставивъ пользоваться дарованными имъ правами и привилегіями.

3) Отданную въ 1764 г. близъ г. Саратова иностранцу Вердію подъ шелковичную плантацію землю, 60 десятинъ, отдать въ полное распоряженіе городской думы съ тѣмъ, чтобы она засадила ее тутовыми деревьями въ теченіе 6 лѣтъ не менѣе 250 деревъ на десятину, подъ опасеніемъ взысканія пени.

4) Въ Астрахани, по Кавказской линіи и въ Крыму опредѣлить искусныхъ мотальщиковъ, изъ Кизлярскихъ армянъ и грузинъ или

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19290.
[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19697.

иныхъ способныхъ лицъ, и при каждомъ изъ мотальщиковъ опредѣлить по два ученика изъ сиропитательныхъ домовъ.

5) Признавалось полезнымъ завести, на счетъ казны, у частнаго лица, съ успѣхомъ выдѣлывающаго шелкъ, снарядъ употребительный въ другихъ европейскихъ странахъ при воспитаніи шелковичныхъ червей.

6) Для облегченія сбыта шелка жителями Астраханской губерніи и Крыма, предлагалось смотрителямъ шелководства пріобрѣтать приносимый ими добровольно шелкъ, по цѣнѣ иностраннаго шелка, одинаковой доброты, на наличныя деньги и доставлять чрезъ гражданскаго губернатора на казенную шелковую фабрику. При этомъ предлагалось губернаторамъ внушать жителямъ пользу отъ заведенія фабрикъ шелковыхъ матерій въ мѣстахъ, гдѣ добывается достаточное количество шелка; когда же, по прошествіи 5 лѣтъ, «значительное количество шелка» въ Россіи будетъ выдѣлываться, тогда обложить фабрики, употребляющія иностранный шелкъ, пошлиною по 10 процентовъ съ цѣны шелка, ими покупаемаго, и деньги эти обращать на награжденіе производителей шелковыхъ матерій изъ туземнаго шелка.

7) Для поощренія къ насажденію возможно большаго числа тутовыхъ деревъ, предлагалось: лицамъ купеческаго званія, за посадку въ одно лѣто 10.000 тутовыхъ деревъ, давать медали, для ношенія на груди; мѣщанамъ же, поселянамъ и крестьянамъ за посадку 11.000 деревъ выдавать по 10 рублей; за 2.000 по 25 руб. и за 4.000 по 50 руб., притомъ одному лицу не болѣе 3 разъ; дворянъ же, наиболѣе отличившихся, представлять къ особенному высокомонаршему благоволенію. Для дворянъ и купцовъ, не имѣющихъ земли и желающихъ заняться насажденіемъ тутовыхъ деревьевъ, опредѣлено было раздавать пустопорожнія и оброчныя казенныя земли, оставшіяся свободными за надѣломъ крестьянъ.

8) Экспедиціи Государственнаго Хозяйства поручалось войти въ разсмотрѣніе, въ какихъ еще мѣстностяхъ и губерніяхъ окажется удобнымъ и возможнымъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ.

9) Въ виду препятствій, возникающихъ для распространенія шелководства въ Астраханской губ. и въ южной части Крыма, отъ недостатка тамъ населенія, предлагалось приложить попеченіе о заселеніи тѣхъ странъ.

Исполненіе этихъ предначертаній князь Гагаринъ и генералъ-прокуроръ Обольяниновъ полагали возложить на Экспедицію Государственнаго Хозяйства съ тѣмъ, чтобы по окончаніи въ каждомъ году шелковаго производства, ею доносимо было его величеству о достигнутыхъ успѣхахъ и о лицахъ, особенно отличившихся въ семъ дѣлѣ и заслуживающихъ награжденія, а равно и новыхъ опытахъ, средствахъ

къ дальнѣйшему распространенію и улучшенію сей вѣтви государственной экономіи.

Докладъ князя Гагарина и генералъ-прокурора Обольянинова былъ утвержденъ 22-го февраля 1800 года высочайшею резолюціею: «быть по сему» [1]).

По представленіи отчета за 1800 г., Павелъ I указомъ Сенату отъ 1-го февраля 1801 г. [2]) приказалъ наградить отличившихся, съ нерадивыхъ же взыскать установленную пеню непремѣнно.

Изъ дальнѣйшихъ донесеній главнаго инспектора надъ шелководствомъ, барона маршала Биберштейна объ успѣхахъ шелководства видно [3]), что въ теченіе 1802 года какъ разведеніе тутовыхъ деревьевъ, такъ и выдѣлка шелка шли успѣшнѣе, чѣмъ въ прежніе года. Количество деревьевъ, вновь разсаженныхъ съ 1798 года, дошло до 1.016.000, а шелку въ 1802 году выдѣлано 364 пуда $3^1/_2$ фунта,—на 78 п. 9 ф. болѣе сравнительно съ 1801 годомъ. Особенные успѣхи были замѣчены среди армянскаго населенія Кавказа и Екатеринославской губерніи; менѣе успѣшно шло дѣло въ горной части Крыма и всего менѣе—въ Саратовской губерніи. Ахтубинскіе крестьяне дотого были нестарательны, что даже данныя имъ отъ инспектора сѣмена по большей части оставили безъ употребленія.

При этомъ баронъ Биберштейнъ замѣтилъ, что «понынѣ разведеніе шелковицъ послѣдовало почти единственно въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ инспекторы и унтеръ-инспекторы надъ шелководствомъ лично быть могли. Куда же они, по обширности губерніи, пересылали шелковичныя сѣмена къ мѣстнымъ начальникамъ, тамъ посѣва или вовсе не было, или, по крайней мѣрѣ, инспекторы не получили отъ мѣстнаго начальства надлежащихъ свѣдѣній о раздачѣ сѣмянъ и результатахъ урожая».

X.

Одновременно съ разработкою вопросовъ о мѣрахъ къ поощренію разведенія тутовыхъ деревьевъ и къ увеличенію добычи шелка въ Россіи, генералъ-прокуроръ князь Куракинъ объявилъ въ апрѣлѣ 1797 г. Экспедиціи Государственнаго Хозяйства высочайшую волю, чтобы она занялась также мѣрами къ размноженію виноградныхъ садовъ въ Астраханской губерніи и приняла подъ свой присмотръ и управленіе имѣющіеся

---

[1]) Дѣло Экспедиціи № 17611.

[2]) Сенатскій Архивъ, I, стр. 708. Дѣло Экспедиціи 1801 г., № 14640 по архиву М. Г. И.

[3]) Дѣло Экспедиціи, № 14686.

уже казенные сады, пригласивъ къ совѣщанію по этому дѣлу смотрителя гатчинскаго виноградного сада Банка (Bang). Дѣло это Экспедиція поручила члену своему, статскому совѣтнику Габлицу, какъ опытному ботанику, вполнѣ знакомому съ положеніемъ садовъ Астраханской губерніи, вслѣдствіе долговременнаго пребыванія его въ томъ краѣ [1]).

Изъ представленной Экспедиціи Габлицомъ обстоятельной записки о положеніи виноградныхъ садовъ и состояніи винодѣлія въ Россіи видно, что начало виноградныхъ насажденій въ Астрахани относится къ 1613 году, но, лишь со времени похода Петра Великаго въ Персію, приложено было стараніе къ размноженію казенныхъ астраханскихъ садовъ. Въ 1736 году считалось уже 19 казенныхъ садовъ, для которыхъ виноградныя лозы выписывались изъ Персіи, Турціи, Венгріи и Франціи и иногда раздавались для насажденія частнымъ лицамъ, при чемъ имѣлись и искусные мастера изъ иностранцевъ. Когда казенные сады стали приходить въ упадокъ, учреждена была въ 1752 г. особая садовая контора подъ управленіемъ директора, маіора Паробича, съ припискою въ конторѣ садовыхъ работниковъ изъ безпаспортныхъ и праздношатающихся въ Астрахани русскихъ крестьянъ, изъ крещеныхъ иновѣрцевъ и изъ татаръ. Число ихъ къ 1762 г. доходило до 1.370 душъ.

Благодаря стараніямъ Паробича, получившаго 300 р. въ ссуду, число какъ казенныхъ, такъ и частныхъ садовъ увеличилось (первыхъ до 26, вторыхъ до 350). Но, такъ какъ Паробичъ для умноженія доходовъ началъ заводить разныя другія хозяйственныя заведенія, а число приписныхъ къ конторѣ людей уменьшилось вслѣдствіе возвращенія ихъ прежнимъ владѣльцамъ, то посему казенныя заведенія начали приходить въ упадокъ.

Въ 1786 году, по высочайшему повелѣнію, всѣ казенные сады отданы были въ вѣдѣніе города Астрахани, но какъ по дороговизнѣ рабочихъ рукъ содержаніе тѣхъ садовъ обратилось въ тягость купечеству, то по ходатайству Астраханскаго магистрата объ обращеніи вновь тѣхъ садовъ въ казну, разрѣшено было продать ихъ съ публичныхъ торговъ. Всего продано было 26 садовъ въ Астрахани, въ Красномъ Яру и на Терекѣ за 28.500 рублей.

По отзыву какъ Габлица, такъ и Банка, астраханскій климатъ по своей сухости и безплодію почвы, требующей постоянной поливки, мало благопріятенъ для разведенія винограда. Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для этой цѣли считались мѣста близъ Кизляра и Моздока, по Тереку и по Кавказской линіи, а также на Дону и въ Крыму.

Предполагалось учредить три казенныхъ училища винодѣлія: одно—

[1]) Дѣло Экспедиціи о виноградныхъ садахъ въ Астрахани.

на Терекѣ, другое—на Дону въ Цимлянской станицѣ, или и ниже оттуда къ Черкасску, и третье—въ Тавридѣ. По мнѣнію Экспедиціи, учрежденіе училищъ послужило бы къ вящшему распространенію и усовершенствованію винодѣлія и для поправленія неудобствъ и погрѣшностей, существующихъ въ виноградномъ садоводствѣ Россіи. У насъ вездѣ лозы были разсажены безъ различія родовъ и безъ разбора мѣстоположенія, нигдѣ не имѣлось надлежащаго искусства дѣлать вина и вездѣ почти чувствовался недостатокъ въ хорошихъ бочкахъ и погребахъ, поэтому выходили вина или дурныя, или только посредственныя, и продавались по низкой цѣнѣ.

Въ училищахъ предполагалось преподавать практически нужныя наставленія, какъ сообразно климату и свойству земли насаждать виноградъ, ходить за нимъ, дѣлать вина по выработанымъ способамъ и какъ сберегать вина. Для сего считалось необходимымъ при каждомъ училищѣ имѣть одного искуснаго виноградаря, одного купера, одного бочара и 20 рабочихъ; первыхъ трехъ—изъ саратовскихъ колонистовъ, вышедшихъ изъ винодѣльныхъ мѣстностей, или выписать ихъ изъ-за границы, работниковъ же изъ людей, бывшихъ приписанными къ садовой конторѣ. Сверхъ того, допускалось брать и учениковъ отъ частныхъ людей, на собственномъ ихъ содержаніи.

Для большаго успѣха отъ таковыхъ заведеній въ размноженіи винограда и усовершенствованіи винодѣлія предполагалось выписывать со временемъ новыя лозы изъ Европы и Азіи, а также испытывать перенесеніе домашнихъ лозъ изъ одного края въ другой для полученія лучшаго со временемъ вина. При этомъ указывалось на примѣръ капскаго вина, происшедшаго отъ лозъ, перенесенныхъ съ Рейна на мысъ Доброй Надежды. Какъ выписныя изъ чужихъ странъ, такъ и перевозимыя свои домашнія лозы предполагалось раздавать также и частнымъ лицамъ, съ наставленіемъ, какъ съ ними обходиться.

Существующій уже опытъ научилъ, что по Тереку и на Дону выходятъ преимущественно красныя вина превосходнаго качества и сходныя съ красными французскими винами, а поэтому для сихъ мѣстъ нужно выписывать лозы бургонскихъ и другихъ красныхъ виноградовъ; въ Тавридѣ же вообще—бѣлыя вина имѣютъ преимущества передъ красными, и сходство или съ шампанскими, или съ рейнвейномъ, или съ мозелемъ, а потому полезно выписывать туда вина изъ Шампаніи, съ Рейна и Мозеля; сладкія, мускатныя вина еще нигдѣ не удавались, хотя мускатный виноградъ разводился уже въ Тавридѣ; поэтому въ виду сходства климата южнаго берега Крыма съ итальянскимъ, считалось полезнымъ выписать туда изъ Италіи и Франціи лозы лучшихъ сортовъ винограда, изъ коихъ дѣлаются ликерныя вина.

Такъ какъ размноженію винограда препятствуетъ трудность въ сбытѣ

и продажѣ винъ и низкая ихъ цѣна, то, въ ожиданіи успѣха отъ распространенія винограднаго садоводства, предлагалось, въ видахъ его поощренія, учрежденіе казенныхъ винокурень для дѣланія французской водки, отчего цѣна на вина поднимется и всегда въ денежномъ равновѣсіи съ трудами и издержками виноградныхъ заводчиковъ можетъ быть содержима; государственная же польза будетъ состоять въ томъ, что иностранной водки тогда менѣе будетъ привозимо въ Россію.

Учрежденіе такихъ винокурень признавалось излишнимъ на Дону и около Кизляра, потому что донское вино по своей лучшей добротѣ было уже довольно цѣнно, доходя до 10 р. за ведро, съ тѣхъ поръ, какъ оно вошло въ употребленіе по окрестнымъ губерніямъ и въ столицахъ, а около Кизляра—потому, что тамъ уже были многіе частные водочные заводы. Учрежденіе подобныхъ винокурень признавалось особенно полезнымъ въ Тавридѣ, пока обиходъ винограда не усовершенствуется и цѣна на вина не поднимется.

Докладъ Экспедиціи, по одобреніи его Сенатомъ, былъ утвержденъ 15-го февраля 1798 г. резолюціей Павла: «быть по сему» [1]).

Осуществленіе предположеній Экспедиціи послѣдовало лишь въ началѣ 800-хъ годовъ, такъ какъ переписка съ мѣстными властями о выборѣ мѣстъ для училищъ затянулась, а выписка иностранныхъ виноградарей и винодѣловъ встрѣтила затрудненіе въ существовавшемъ при Павлѣ запрещеніи такой выписки. Первымъ было открыто, по докладу князя Кочубея, винодѣльное училище въ Крыму въ Судацкой долинѣ, подъ наблюденіемъ академика Палласа и ближайшемъ участіи инспектора шелководства Хр. Хр. Стевена.

XI.

На обязанности состоявшаго при Экспедиціи Государственнаго Хозяйства Географическаго Департамента лежало печатаніе вексельной бумаги и географическихъ картъ. Первая операція приносила ей доходъ, на которой были относимы нѣкоторыя хозяйственныя предпріятія Экспедиціи.

Именнымъ указомъ Сенату 9-го декабря 1798 г. [2]) повелѣно было, чтобы въ пресѣченіе злоупотребленій, могущихъ произойти отъ напечатанія и изданія общихъ и частныхъ картъ и плановъ земель Импе-

[1]) П. С. З., т. XXV, № 18375.
[2]) П. С. З., т. XXV, № 18778.

ріи, всѣ географическія, обыкновенныя карты и планы, къ печатанію и изданію предполагаемые, предварительно были вносимы на разсмотрѣніе Географическаго Департамента; топографическія же, крѣпостныя и всякаго рода карты, съ показаніями, относящимися до военныхъ операцій, были представляемы на разсмотрѣніе въ Императорское депо картъ, и не прежде приступать къ печатанію и изданію, какъ по полученіи его разрѣшенія.

Именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 18-го октября 1800 года [1]), Географическому Департаменту повелѣно было вновь состоять при собственномъ его величества Депо картъ, въ вѣдѣніи адмирала графа Кушелева; но заготовленіе вексельной и гербовой бумаги оставалось при Экспедиціи Государственнаго Хозяйства до 1802 г., т. е. до учрежденія министерствъ.

XII.

Хотя дѣла финансоваго свойства не входили въ кругъ дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства, такъ какъ они вѣдались особою Экспедиціею о доходахъ и расходахъ, но тѣмъ не менѣе большая часть финансовыхъ проектовъ, которые подавались разными лицами императору, были передаваемы имъ обыкновенно на разсмотрѣніе Экспедиціи Государственнаго Хозяйства.

XIII.

При учрежденіи императоромъ Александромъ I министерствъ къ вѣдѣнію министра внутреннихъ дѣлъ отнесено было, кромѣ заботъ о благосостояніи народа, спокойствіи, тишинѣ и благоустройствѣ Имперіи, также управленіе всѣхъ частей государственной промышленности, кромѣ городской. На этомъ основаніи, непосредственному вѣдѣнію этого министра подчинена была Экспедиція Государственнаго Хозяйства, Опекунства Иностранныхъ и Сельскаго Домоводства, кромѣ той части ея, которая вѣдаетъ дѣла по камеральному столу и печатанію векселей и заемныхъ писемъ. Эти послѣднія части, вмѣстѣ съ Экспедиціею Мануфактуръ-Коллегіи по заготовленію и храненію вексельной и гербовой бумаги, ввѣрены были министру финансовъ.

Въ октябрѣ того же года Экспедиція Государственнаго Хозяйства возбудила передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ рядъ вопросовъ объ отношеніяхъ своихъ къ Сенату и о производствѣ дѣлъ, начатыхъ въ прежнемъ порядкѣ. Посему, въ отмѣну прежде существовавшаго по-

---

[1]) П. С. З., т. XXVI, № 19607.

рядка, министръ внутреннихъ дѣлъ испросилъ 17-го октября 1802 г.[1]) высочайшее утвержденіе: 1) чтобы Экспедиція Государственнаго Хозяйства по всѣмъ дѣламъ, власть ея превышающимъ, относилась къ министру, а въ случаяхъ, превышающихъ власть министра, испрашивала разрѣшеніе или Сената или его императорскаго величества, особыми отъ себя представленіями; 2) чтобы неоконченныя въ Экспедиціи дѣла производились и оканчивались въ прежнемъ порядкѣ.

Послѣ 10-мѣсячнаго опыта завѣдыванія дѣлами, ему ввѣренными, министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о неудобствахъ отдѣльнаго завѣдыванія дѣлами Мануфактуръ-Коллегіи Экспедиціи Государственнаго Хозяйства и Главной Соляной Конторы, и о соединеніи всѣхъ сихъ частей въ одно управленіе съ Департаментомъ внутреннихъ дѣлъ подъ именемъ Экспедиціи Государственнаго Хозяйства. На основаніи именного указа, даннаго Сенату 18-го іюля 1803 года, и утвержденнаго вмѣстѣ съ тѣмъ положенія сей Экспедиціи, она заключала въ себѣ три отдѣленія, съ управляющимъ во главѣ.

Первымъ управляющимъ вновь преобразованной Экспедиціи назначенъ былъ статскій совѣтникъ Габлицъ, остававшійся въ этой должности до 1808 г.

XIV.

Подводя итоги дѣятельности Экспедиціи Государственнаго Хозяйства при Павлѣ I, за время ея самостоятельнаго существованія при Сенатѣ, подъ вѣдѣніемъ генералъ-прокуроровъ, нельзя не признать, что учрежденіе это было задумано въ весьма широкихъ размѣрахъ и съ очень благонамѣренными цѣлями улучшенія разныхъ частей государственнаго хозяйства. Если не всѣ намѣченныя Экспедиціею задачи и не всѣ начатыя ею предпріятія получили осуществленіе, то вина этого должна быть отнесена, конечно, не къ самой Экспедиціи, а къ той неустойчивости и шаткости, которыми отличалась вообще администрація временъ Павла I, подъ вліяніемъ его нервнаго, недовѣрчиваго и впечатлительнаго характера. Едва задумывалось какое-либо полезное предпріятіе и начинало устраиваться на выработанныхъ Экспедиціею началахъ, какъ Павелъ вырывалъ его изъ рукъ Экспедиціи и передавалъ въ другое вѣдомство. Такъ было съ учрежденіемъ земледѣльческой школы, съ лѣсною частью, съ Географическимъ Департаментомъ. Наибольшею послѣдовательностью и выдержанностію отличалась дѣятельность по развитію шелководства и отчасти винодѣлія; хотя заботы относительно

---

[1]) П. С. З., т. XXVII, № 20470.

послѣдняго встрѣтили неодолимыя препятствія въ недовѣрчивости Павла I къ иноземнымъ элементамъ, безъ которыхъ оказывалось невозможнымъ двинуть это дѣло. То же почти можно сказать и относительно овчарныхъ заводовъ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отдать полную справедливость, что благодаря крупнымъ талантамъ, опытности и знаніямъ главныхъ дѣятелей Экспедиціи, какъ сенаторы Храповицкій и Тарбѣевъ, и члены Самборскій и Габлицъ, труды и доклады Экспедиціи отличались основательностью и послѣдовательностью. Они не носили на себѣ теоретическаго характера, а по возможности стремились примѣняться къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и считаться съ экономическими привычками и наклонностями населенія. Обнаруживая въ своихъ докладахъ, особенно при разсмотрѣніи разнообразныхъ, подлежавшихъ ея разбору плановъ и проектовъ, положительное знакомство съ здравыми началами тогдашней экономической науки, члены Экспедиціи не всегда, конечно, могли отрѣшиться отъ господствовавшаго въ XVIII столѣтіи въ Россіи предубѣжденія, что развитіе разныхъ отраслей сельскаго хозяйства и промышленности можетъ быть достигаемо приложеніемъ къ этому дѣлу обязательнаго труда, денежныхъ поощреній и штрафовъ.

Въ общемъ нельзя не сказать, что дѣятельность Экспедиціи была почтенна и заслуживаетъ тѣмъ болѣе быть помянутою добрымъ словомъ, что это былъ первый опытъ систематическаго правительственнаго воздѣйствія на сельское хозяйство, который постепенно привелъ къ болѣе широкому и разумному проявленію этой дѣятельности. Благодаря хорошему руководительству первыхъ главныхъ дѣятелей Экспедиціи, ни частое обновленіе состава членовъ, ни четырехкратная смѣна генералъ-прокуроровъ [1]) не отразились ощутительно на дѣятельности Экспедиціи. Императоръ Павелъ съ самаго начала живо интересовался работами и докладами Экспедиціи, о чемъ свидѣтельствуетъ частое обращеніе его къ ней за содѣйствіемъ въ разрѣшеніи самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и разныя резолюціи его, доказывающія, что онъ внимательно относился къ докладамъ Экспедиціи и не скупился на личныя указанія въ интересующихъ его вопросахъ.

Съ 8-го сентября 1802 года Экспедиція Государственнаго Хозяйства вошла въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и была отдѣлена отъ Сената, оставаясь въ его подчиненіи наравнѣ со всѣми прочими административными учрежденіями.

В. Вешняковъ.

[1]) Князя А. Б. Куракина, князя П. В. Лопухина, генераловъ Беклешова и П. Х. Обольянинова.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи [1]).

Въ Іерусалимѣ.

36.

6-го августа Іерусалимъ.

Впечатлѣніе горы Елеонской, т. е. трехъ вершинъ Елеона, я никогда не забуду. На Елеонѣ есть и мѣсто, на которомъ Спаситель научалъ учениковъ молитвѣ «Отче нашъ». Близъ оной есть кармелитскій латинскій монастырь, женскій, изъ котораго отшельницы никогда не выходятъ и въ стѣнахъ онаго никто не бываетъ. Говорятъ, что есть тамъ крытый корридоръ, на стѣнахъ котораго на 33 языкахъ, по числу лѣтъ земной жизни Спасителя, переведена молитва «Отче нашъ», въ томъ числѣ на славянскомъ и русскомъ языкахъ.

Я говорила выше, что на Елеонѣ три вершины: средняя, самая большая, называется мѣстомъ Вознесенія Господня, т. е. малая Галилея; южная—гора соблазна, потому что на ней Соломонъ поставилъ идоловъ въ угожденіе своимъ женамъ-идолопоклонницамъ, а сѣверная вершина носитъ названіе горы Мужей Галилейскихъ, потому что тутъ былъ по преданію домъ, въ которомъ гостили всѣ пришельцы галилейскіе и гдѣ часто проживали и св. апостолы, оттуда они всѣ смотрѣли на Вознесеніе Господне и были утѣшены видѣніемъ ангела. На томъ же Елеонѣ, т. е. на половинѣ горы среди группы маслинъ находится мѣсто «Плача» Іисуса Христа объ Іерусалимѣ, въ день его торжественнаго входа въ оный, что мы читаемъ въ Евангеліи.

---

[1]) См. „Русскую Старину“ іюль 1902 г.

37.

8-го августа.

Сколько христіанъ находитъ утѣшеніе и спокойствіе, покоряясь волѣ Божіей, какъ утѣшительно повергаться предъ крестомъ! Какъ же жить иначе, какъ покоряясь волѣ Его, Спасителя міра. Вчера послѣ всенощной я пошла исповѣдываться къ великому старцу Веніамину. Долго говорила я съ нимъ, и онъ положительно не совѣтуетъ мнѣ здѣсь оставаться. Ему жизнь палестинская хорошо знакома. Отецъ архимандритъ Рафаилъ отъ скорбей сильно боленъ, 6-го числа служилъ черезъ силу, думалъ онъ освѣжиться на Елеонѣ, но пуще заболѣлъ, его привезли обратно на осликѣ, очень слабъ и похудѣлъ. Дѣла же съ греками и Пастинскимъ обществомъ ему не подъ силу; жаль, если ему готовится скорая могила въ церкви Елеонской. Послѣ обѣдни я пришла домой, дотого устала, что легла отдохнуть съ часъ, потомъ немного почитала. Люблю я углубляться въ твореніе св. Августина; преосвященный Антоній воронежскій въ 1851 г. мнѣ совѣтовалъ почаще читать его книгу «Бесѣда души съ Богомъ».

38.

13-го августа.

Вчера и сегодня страдала отъ жары; въ августѣ мѣсяцѣ стоятъ необычайные жары, и во истину вспомнишь благодатную Россію. Третьяго дня вечеромъ въ 6 часовъ, патріархъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ ѣдетъ за границу, т. е. въ Парижъ, для совѣта съ докторами, а потому, желая со мною проститься, проситъ меня къ нему придти съ его келейникомъ, побесѣдовать послѣдній вечерокъ, не смотря на то, что онъ надѣется, что я дождусь возвращенія его въ Іерусалимъ обратно. Такое отеческое вниманіе къ моему убожеству заставило меня преодолѣть всѣ мои недуги, и я пошла въ патріархію немедленно. Бѣдный патріархъ очень измѣнился; оказывается, у него болѣзнь печени и катарръ желудка. Изъ Парижа онъ ѣдетъ въ Виши. Поговоривъ съ нимъ около часу, я просила его блаженство помолиться за меня слабую, глубокоуважающую его, и дала ему слово, что если я не поѣду скоро въ Россію, то дождусь его въ Яффѣ, такъ какъ по многимъ причинамъ, спеціально климатическимъ, мнѣ слѣдуетъ выѣхать изъ Іерусалима въ концѣ сентября, а послѣ Воздвиженія ѣхать на Іорданъ. Его блаженство просилъ меня не ѣхать, какъ предполагаю, въ концѣ августа, такъ какъ тамъ теперь еще жарче, чѣмъ въ Іерусалимѣ, что тамъ невыносимо. Конечно, я по словамъ его не поѣду и буду ждать поры болѣе сносной.

Возвратившись изъ патріархіи въ 8 часовъ вечера, я узнала, что по нашей улицѣ въ 4 часа утра пройдетъ крестный ходъ изъ Геѳсиманскаго подворья въ Геѳсиманію съ чудотворнымъ образомъ Успенія Божіей Матери, который ежегодно носятъ туда на Гробъ Господень до отданія праздника; а потому встала въ 3 часа утра, открыла окно, и такъ какъ наша квартира во второмъ этажѣ, то мнѣ было отлично видно. Въ это время я горько заплакала, видя нерадѣніе греческаго духовенства. Ночь была лунная, народъ съ зажженными свѣчами; впереди всѣхъ (шла) толпа изъ русскихъ поклонниковъ, и женскіе голоса умилительно пѣли стихиры Успенію. Съ умиленіемъ жду шествія духовенства съ чудотворной иконой, и что я вижу? Среди тысячей свѣчей богомольцевъ одинъ несетъ шестъ, на верху котораго крестъ вершковъ 6—8, за нимъ двое несутъ репиды и два фонаря, идутъ два діакона безъ кадилъ, и іеромонахъ несетъ икону, которую поддерживаютъ два каваса въ фескахъ и стучатъ по камнямъ своими булавами. Еслибъ не хоръ русскихъ паломниковъ, то въ воздухѣ не было бы слышно ни пѣнія, ни сердечнаго торжества. Этотъ постъ всѣ православные жители Іерусалима ежедневно ходятъ въ Геѳсиманію съ 2-хъ часовъ утра, оттуда идутъ на Елеонъ по стопочкамъ Христа Спасителя,—это ужъ обычай, но грустно сказать, что при такой святынѣ нѣтъ обычнаго русскаго православнаго благоговѣнія. Грустно мнѣ все это описывать, всего болѣе меня смущаютъ ночевки у Гроба Господня, и это мнѣніе всѣхъ глубоко-религіозныхъ людей.

39.

14-го августа.

Слава Богу, дожила я грѣшная до кануна праздника. Такъ жарко, что не могу даже ничѣмъ заняться, только ночью прохладно. Утромъ въ 4 часа открываю окно, а съ вечера у меня открыто окно въ коридоръ, гдѣ въ сводахъ есть отдушины; не будь того, то можно задохнуться отъ духоты. Вчера ко мнѣ утромъ приходила съ русской постройки жена яффскаго консула; она пріѣхала сюда, чтобы отдохнуть на двѣ недѣли отъ яффскихъ жаровъ, говоря, что здѣсь въ Іерусалимѣ ночи прохладнѣе, а въ Яффѣ и ночью духота. Дождей здѣсь нѣтъ никогда. Начинаются они только въ половинѣ октября и то рѣдко; обыкновенно въ началѣ ноября начинаетъ идти дождь ежедневно, весь день и всю ночъ. Потоки воды орошаютъ въ эти мѣсяцы не всю Палестину, а только Іерусалимъ. Иногда здѣсь не прерывается дождь два и три мѣсяца. Но будетъ для меня то, что будетъ, я покоряюсь волѣ Божіей, должна принять совѣтъ патріарха и ѣхать на Іорданъ послѣ Воздвиженія, тогда буду собираться въ Яффу и Назаретъ и вѣроятно прощусь съ св. городомъ.

Завтра буду у службы на раскопкѣ, а ко всенощной пойду въ нашу миссію, Филарету отпустила въ крестный ходъ, который изъ патріархіи шествуетъ въ Геѳсиманію. Тамъ на гробѣ Матери Божіей всякій день архіерейская обѣдня. Сегодня въ 8 час. утра, какъ говорятъ здѣсь, погребаютъ Матерь Божію; тамъ музыка турецкая встрѣчаетъ этотъ ходъ; турки, греки, армяне, копты тамъ угощаются. Я сочла лучше не тревожиться и въ эту толпу не пошла, а прочла себѣ дома въ уединеніи акафистъ Успенію. Ольга (сестра милосердія) осталась со мной готовить мнѣ чай, спасибо ей, она меня покоитъ, безъ нея не знаю, что было бы со мною.

40.

25-го августа.

Сегодня ровно три мѣсяца съ половиною, какъ ничего отъ тебя не получала. Отъ изнуренія я очень изнемогла, даже цѣлую недѣлю не ходила къ Св. Гробу. Теперь благодаря Бога мнѣ стало лучше, ходила въ Воскресенскую церковь и послѣ оной совершила мой обычный ежедневный крестный ходъ. Думаю здѣсь пробыть до начала октября; послѣ Воздвиженія поѣду на Іорданъ, Покровъ пробуду въ Іерусалимѣ, а затѣмъ поѣду въ Яффу, гдѣ надѣюсь окрѣпнуть, такъ какъ тамъ, во-первыхъ, морской воздухъ, а во-вторыхъ, свѣжая рыба и коровье молоко, а здѣсь я совершенно отощала.

41.

8-го сентября. Іерусалимъ.

Всѣ эти дни писала для тебя икону Св. Троицы на св. дубѣ Маврійскомъ и вчера, 7-го сентября, я ее окончила и съ помощью Всевышняго моими 70-лѣтними глазами совершила чудо. Говорятъ, что хороша, несмотря на миніатюрность ликовъ. Св. дубъ величественъ. Для тебя же Господь мнѣ помогъ привести въ должный порядокъ св. икону Спаса Нерукотвореннаго. Вѣнецъ я придумала сдѣлать перламутровый; виѳліемецъ по моему узору сдѣлалъ, теперь дѣлается мозаиковая рамка изъ всѣхъ деревъ Св. Земли; всѣ дивятся моему изобрѣтенію. Икона эта мнѣ очень дорога, напоминаетъ дорогое для меня время, когда я въ 1850 году, съ благословенія митрополита Филарета, списывала ее съ чудотворной иконы, на стѣнѣ изображенной въ храмѣ Борыковской богадѣльни, на Пречистенкѣ, въ Полуэктовскомъ переулкѣ. Писала я ее въ совершенномъ уединеніи, бывъ проникнута тѣми чувствами, которыя ты сама не разъ испытала, занимаясь съ молодыхъ лѣтъ иконописаніемъ. Въ то время я готовилась въ монастырь, писала двѣ недѣли эту икону въ храмѣ, по благословенію митрополита Филарета; она вышла подобна

оригиналу. До смерти сестры моей въ монашествѣ Алексіи, она была у нея, а послѣ ея смерти она постоянно у меня была въ молельнѣ. Я такъ люблю этотъ св. ликъ, что, смотря на него, мнѣ кажется, что Спаситель на меня глядитъ, обращаюсь къ нему, какъ бы къ живому, думаю: я недостойна имѣть этотъ ликъ при себѣ,—пусть онъ будетъ въ твоемъ Казанскомъ храмѣ, на утѣшеніе тебѣ и всѣмъ твоимъ чадамъ. У меня на мысли, чтобы у тебя было въ храмѣ Распятіе во весь ростъ, какъ здѣсь на Голгофѣ, подобный ему, надѣюсь, что доживу до осуществленія этой идеи. Сегодня принуждена была быть у всеночной съ утра и у обѣдни въ арабской церкви. У грековъ все не по-нашему, а потому въ Воскресенскомъ главномъ храмѣ не было ни всенощной, ни обѣдни. Всенощныхъ здѣсь нѣтъ съ вечеру никогда, идти на русскую постройку мнѣ положительно трудно, тѣмъ болѣе, что темнѣетъ въ 6 часовъ, а всенощная отходитъ въ 7-мь, экипажей не найти, если бъ и были, то у Яффскихъ воротъ, куда нужно идти пѣшкомъ. Когда было посвѣтлѣе, то можно было идти хорошо; но ночью мнѣ слабой идти пѣшкомъ по улицамъ Іерусалима немыслимо. Трудно мнѣ то, что служба здѣсь греческая или арабская, пѣніе настолько крикливое, раздражительное, что молитва не возможна безъ смущенія; музыкальный слухъ здѣсь вполнѣ оскорбленъ. Во время обѣдни въ Воскресенскомъ храмѣ только отдыхаетъ духъ мой, когда долетаетъ до слуха моего великолѣпный органъ католиковъ, который перерывается крикомъ грековъ. Кромѣ того для духа моего великій недостатокъ въ томъ, что здѣсь монашества нѣтъ. Манетейныхъ нѣтъ ни въ мужскихъ, ни въ женскихъ греческихъ монастыряхъ — всѣ рясофоры. Монахи ѣдятъ мясо, рыбы нѣтъ никакой, кромѣ консервовъ, которые привозятъ изъ Лондона, но они дороги; изъ Яффы привозятъ рыбу морскую зимой.

42.

9-го сентября.

Часы ночи, часы любимые мои, когда всѣ спятъ, эти часы были моей отрадой еще въ домѣ матери моей, они утѣшали меня и назидали, когда вступила въ монастырь. Бывало, въ часы полуночи, взирая и молясь распятому Господу, Который былъ въ моей келіи, я всѣ скорби забываю, а скорбей было много. Послѣ молитвы у креста святаго, утромъ встану точно обновленная, и при усердномъ трудѣ я забывала о причинахъ моего волненія. Никогда никто этого не зналъ, я хранила мои чувства, какъ нѣкое сокровище, любила особенно молиться и передъ ликомъ Спаса Нерукотвореннаго и Матери Божіей Тихвинской. Распятіе писала при поступленіи моемъ въ Алексѣевскій монастырь, писала его съ цѣлію, чтобы этотъ крестъ охранялъ мою могилу до общаго воскре-

сенія мертвыхъ; но когда пришлось мнѣ ѣхать на Кавказъ, думая, что я тамъ умру, я это большое Распятіе пожертвовала въ монастырь моихъ благодѣтелей Лабзиныхъ, и онъ поставленъ въ храмѣ близъ могилы незабвеннаго Якова Ивановича (Лабзина). Тихвинскую я пожертвовала въ Горбатовку, въ церковь усадьбы генеральши Турчаниновой (станц. по Ник. жел. дорогѣ), устроила ее подъ клиросомъ въ 1891 году. Ночное время для меня, въ началѣ моего убогаго подвижничества, считала я преддверіемъ рая. Въ то время я отдыхала духомъ отъ всего того, что тяжело ложилось на сердце въ теченіе дня. Конечно, эти чувства довѣряю тебѣ одной. Всѣ думаютъ, что я матеріалистка во всей силѣ слова—пусть думаютъ; я рада, что меня не понимаютъ. Надѣюсь на милость Божію, можетъ быть, труды мои для страждущаго человѣчества и молитвы сиротъ, больныхъ и угнетенныхъ покроютъ хотя десятую часть моихъ грѣховъ. Схиму на меня надѣли уже давно, но схиму, которая состоитъ въ моемъ безвинномъ страданіи за любовь мою къ страждущимъ. Я оную несу по милосердію Божію терпѣливо.

43.

11-го сентября.

Сегодня весь день трудилась: написала эскизъ Распятія въ $1^3/_4$ арш., т. е. тѣло Спасителя, а завтра, если Богъ благословитъ, сдѣлаю эскизъ во всю величину Голгофскаго Распятія, тѣло $2^3/_4$ арш., т. е. копія съ настоящаго оригинала. Если умру, то мой трудъ будетъ тебѣ переданъ. Здѣсь, собственно на Голгофѣ, тѣло Спасителя накладное, писано на кипарисѣ и положено на крестъ, который величиною до 5 аршинъ. Если Богъ поможетъ, все совершится согласно моему желанію, завтра пойду на раскопки къ русской службѣ.

44.

12-го сентября.

Съ отрадой стояла сегодня обѣдню въ церкви св. Александра Невскаго на раскопкахъ. Пѣли два голоса тихо, музыкально, утѣшительно. Послѣ обѣдни пошли ко Гробу Господню и на Голгофу. Тихо, уединенно помолилась и тамъ всю мою надежду возложила на Господа. Гдѣ буду Пасху, не знаю; гдѣ буду жить, вернувшись въ Россію, тоже не вѣмъ, все знаетъ одинъ Богъ, а здѣсь оставаться немыслимо, относительно средствъ и климата. Все упованіе возлагаю на Царицу Небесную.

45.

13-го сентября.

Въ 5 часовъ я встала, загремѣли колокола, и въ 6 пошла я въ храмъ. Храмовой праздникъ; служилъ архіерей съ двумя дьяконами; чтобы ты имѣла понятіе о нерадѣніи грековъ, скажу тебѣ мое пораженіе: въ шествіи съ большимъ выходомъ посохъ несъ мальчикъ въ пиджакѣ; при архіерейской службѣ, въ храмовой праздникъ пѣлъ одинъ монахъ и болѣе никого. Возмущается духъ мой при видѣ такого безобразія; на амвонѣ въ царскихъ вратахъ не было ковра, и все здѣсь совершается небрежно, хуже, чѣмъ у насъ въ деревенской церкви.

46.

16-го сентября.

Сейчасъ вернулась съ постройки, гдѣ пріобщалась св. таинъ, такъ сложились обстоятельства. Я отъ усталости не рѣшилась идти ночевать въ церковь Св. Гроба, а потому вчера не могла быть причастницей, тѣмъ болѣе, что, чтобъ исповѣдоваться, мнѣ слѣдовало быть у старца духовника, а туда путешествіе для моихъ ногъ и силъ тяжеленько; а потому вычитавши себѣ всю службу дома, также и правило, пошла сегодня утромъ на постройку. Старецъ меня ждалъ въ своей келіи. Въ то время благовѣстили, я успѣла исповѣдоваться и поспѣла къ часамъ. Никого почти въ церкви не было, кромѣ нѣкоторыхъ старухъ; пѣли тихо, сердце неслось къ серцевѣдущему Іисусу. Пріобщившись, мнѣ стало легко.

Скажу тебѣ о моихъ впечатлѣніяхъ въ праздникъ Воздвиженія. Начну съ того, что въ 5 часовъ я встала, одѣлась и ждала шествія архіерейскаго, которое возвѣщается колоколомъ. Это всегда такъ бываетъ, когда патріархъ или архіерей выходитъ изъ патріархіи къ служенію съ кавасами и съ своимъ монашескимъ штатомъ. Трезвонятъ до прихода ихъ въ Воскресенскій храмъ; затѣмъ на колокольнѣ все затихаетъ, и начинается богослуженіе. Но въ этотъ годовой праздникъ стали колотить въ колокола, которые повѣшены на хорахъ св. алтаря, колотили долго, пока митрополитъ Никаноръ ходилъ прикладываться къ Св. Гробу, потомъ замолкли. Букетъ цвѣтовъ, который мнѣ принесли наканунѣ изъ патріархіи для шествія въ крестномъ ходу, я предпочла поставить на Святой Гробъ, который извнѣ и изнутри горѣлъ разноцвѣтными лампадами. Храмъ былъ великолѣпно освѣщенъ. Внѣ Кувукліи было теплящихся лампадъ до 200, вокругъ до 100 паникадилъ,— всѣ съ разноцвѣтными лампадами. Всѣ придѣлы освѣщены, въ каждомъ по 3 лампады, гдѣ Камень мѵропомазанія, тамъ было тоже до 100 лам-

падъ. Внутри Кувукліи весь сводъ былъ украшенъ богатѣйшими лампадами до 50 штукъ. Храмъ Воскресенія сіялъ также огнемъ: одно паникадило въ 6 арш. въ діаметрѣ, стоющее 15.000 руб. сереб., сіяло свѣчами и лампадами, другое противъ патріаршаго мѣста освѣщено было свѣчами, между ними лампады съ разноцвѣтными огоньками. Соборъ освѣщенъ 6-ю паникадилами; въ дверяхъ храма напротивъ Кувукліи горѣли также лампады. Всѣ паникадила составляютъ большую цѣнность; кромѣ того по иконостасамъ и противъ нихъ были особо повѣшены богатѣйшія серебряныя лампады въ числѣ по 37 съ каждой стороны. Я считала, что въ Воскресенскомъ храмѣ, кромѣ свѣчей, были освѣщены до 600 лампадъ; алтарь отдѣльно, Голгофа отдѣльно горѣла отъ великолѣпныхъ лампадъ. Все торжество св. храма высказывалось открытіемъ всѣхъ паникадилъ, богатствомъ лампадъ, которыхъ я насчитала до 1.300, а потомъ спуталась даже.

Когда архіерей взошелъ въ Воскресенскій храмъ, народу было много, начали сбѣгаться всѣ арабы Іерусалима. Въ первый разъ при мнѣ облаченіе происходило по нашему обычаю, и митрополита облачали какъ слѣдуетъ: два архіерея вышли изъ алтаря уже облаченные, за ними 12 священниковъ облаченныхъ и 5 діаконовъ.

Я не выдержала крестнаго хода, видя слабость силъ, пошла потихоньку на Голгофу; народъ толпился, выжидая крестнаго хода. Я прошла свободно по лѣстницѣ, поставила свѣчку передъ крестомъ, съ хоровъ видѣла шествіе трехъ архіереевъ. Облаченія у священниковъ были тѣ же, которыя были на вечернѣ: архіереи были въ пунцовыхъ съ золотомъ облаченіяхъ, митры всѣ жемчужныя. Въ этотъ день былъ хоръ изъ 20 крикуновъ (прости за выраженіе). Здѣсь чѣмъ больше кричатъ, тѣмъ праздникъ торжественнѣе. Въ этотъ день были въ стихаряхъ тѣ мальчики, которые держатъ репиды, кресты, свѣчи и посохъ. Вообще все было чинно относительно одѣянія, а малыши пѣвчіе были въ монашескихъ рясочкахъ. Прежде всего пошелъ крестный ходъ въ церковь св. Константина и Елены. Священники, архіереи пошли воздвигать крестъ въ пещеру, тамъ, гдѣ онъ былъ обрѣтенъ. Митрополитъ несъ на головѣ животворящій крестъ, который мѣрою всего не болѣе 8 вершковъ, усыпанъ бриллiантами; изъ части его сдѣланы маленькіе кресты, въ которыхъ врѣзаны частицы креста Господня по 2 и 3 вершка каждый. Всѣ священники имѣли въ рукахъ эти кресты, букетъ цвѣтовъ и свѣчу. Въ колокольцы били и колотили, но не долго. Воздвигнувши крестъ на блюдѣ, покрытомъ цвѣтами, одинъ архимандритъ окропилъ оный ароматами. Изъ церкви св. Константина и Елены крестный ходъ пришелъ на Голгофу, въ числѣ трехъ архіереевъ и русскаго архимандрита, который пріѣхалъ къ крестному ходу, и съ нимъ пріѣхали консулъ и палестинскіе дѣятели.

Помолившись и все посмотрѣвши, пришла къ мысли, что въ грекахъ нѣтъ того благоговѣнія, къ которому мы привыкли въ Россіи. Здѣсь только эффектъ, золото, серебро и масса разноцвѣтныхъ огней, то, что плѣняетъ дикарей и необразованныхъ русскихъ поклонниковъ, а о молитвѣ тутъ не спрашивайте. Въ церкви во время крестнаго хода гулъ, крикъ неистовый, громкій разговоръ арабовъ, и послѣ этого торжества изъ торжествъ идешь домой усталая безъ малѣйшаго сожалѣнія, что служба отошла.

Вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя произведены были въ душѣ моей во время Воздвиженія въ св. градѣ Іерусалимѣ. Можетъ быть, эти впечатлѣнія вызваны настроеніемъ души моей, которая всецѣло ищетъ спокойствія и уединенія въ пустынной келіи, въ церкви, гдѣ не думаютъ о внѣшнемъ эффектѣ, а только о молитвѣ искренной, сердечной? Богатства Іерусалимскаго храма видятъ только 4 раза въ годъ: въ Пасху, въ Рождество, въ день Воздвиженія и въ день Православія, т. е. на первой недѣлѣ великаго поста.

Теперь я намѣреваюсь ѣхать на Іорданъ. Игуменъ Іорданскаго св. Іоанна Предтечи монастыря пріѣхалъ въ Іерусалимъ и меня приглашаетъ съ нимъ ѣхать, дней черезъ пять или шесть. Расходы, конечно, мои, но онъ найметъ мнѣ экипажъ, сядетъ съ нами и будетъ, какъ говоритъ, моимъ драгоманомъ. Онъ говоритъ немного по-русски; какъ тамошній житель, повезетъ меня прямо въ Виѳанію, а оттуда на Іорданъ въ свой монастырь, гдѣ отецъ Веніаминъ сегодня послѣ исповѣди и причастія благословилъ меня поговѣть. Вотъ и сонъ мой 1874 года въ руку. Ты помнишь, что я на день Крещенія въ ночь съ 5-го по 6-е января, бывши по злобѣ людской подъ арестомъ, сильно скорбѣла съ вечера, что не могла быть на водоосвященіи. Въ то время ночью я проснулась съ чувствомъ несказанной радости отъ того, что я видѣла себя въ струяхъ Іордана и, погружаясь въ ономъ, слышала пѣніе: «во Іорданѣ крещающуся» и проч. и дала обѣтъ ѣхать въ Іерусалимъ.

Игуменъ Іорданскій ждетъ письма отъ патріарха съ разрѣшеніемъ открыть дорогу, имъ проведенную, изъ его монастыря на Іорданъ, къ мѣсту, гдѣ въ нынѣшнемъ году по волѣ Спасителя найдено мѣсто, гдѣ самъ Іисусъ Христосъ погружался въ рѣку при крещеніи своемъ отъ св. Предтечи и Крестителя Іоанна. Оно было замѣчено апостолами, а по нѣкоторымъ обыскамъ и путеводителямъ ученыхъ паломниковъ были сдѣланы раскопки, и все свидѣтельствуетъ о мѣстѣ томъ. Получивши разрѣшеніе отъ патріарха, онъ вмѣстѣ со мной поѣдетъ освятить воду, и послѣ того я первая изъ поклонниковъ погружусь въ этомъ самомъ мѣстѣ, или близъ того, гдѣ самъ Спаситель. Считаю это чудомъ, совершающимся надо мною грѣшной, опозоренной, когда мнѣ приснился этотъ сонъ.

47.

18-го сентября.

Сегодня я утѣшена необыкновеннымъ вниманіемъ ко мнѣ уважаемаго католика ордена St.-François, Абата Іосифа. Великолѣпный костелъ устроенъ ими въ Іерусалимѣ. Вся живописная работа стѣнъ, мозаиковый полъ, рѣзьба, золоченіе—все работы французскихъ монаховъ, которыхъ въ орденѣ 120 человѣкъ. Водилъ онъ меня, любящую искусство, по всѣмъ мастерскимъ, начиная съ типографіи, потомъ пошли въ переплетную, гдѣ сегодня переплеталось Евангеліе латинское съ арабскимъ. Любовалась я на словолитную, на фабрикацію макаронъ, устройствомъ мельницы и кузницею, изготовляющею разныя вещи. Осмотрѣвши весь этажъ мастерскихъ, мы пошли въ другой корпусъ, гдѣ имѣютъ пріютъ поклонники. Принимаютъ ихъ на двѣ недѣли безплатно съ самоваромъ и всѣмъ продовольствіемъ; 1-го и 2-го класса номера положительно барскіе, 3-го класса очень хорошіе, кровать, постельное бѣлье, все прилично и главное, что все даромъ; рядомъ общая трапеза, великолѣпно устроенная. Оттуда повели меня въ аптеку, въ которой по книгамъ видно, что каждый мѣсяцъ выдается безплатно лѣкарствъ всѣмъ приходящимъ отъ 3 до 4.000 номеровъ. Больница также великолѣпно устроена для паломниковъ безплатно; все сдѣлано съ любовью и со смысломъ.

Простившись со мною, отецъ Іосифъ, пригласилъ меня придти къ нему, когда захочу, чтобы сходить съ нимъ въ католическій женскій монастырь, а въ воскресенье пригласилъ придти къ обѣднѣ слушать замѣчательный органъ и хоровое пѣніе, обѣщалъ показать въ храмѣ Гроба Господня и ихъ ризницу, въ которой хранится много замѣчательныхъ вещей.

Ѣду завтра на Іорданъ вмѣстѣ съ игуменомъ отцемъ Пахоміемъ, который ѣдетъ съ турецкими властями для измѣренія мѣстности (?), такъ какъ султанъ разрѣшилъ монастырю св. Іоанна Крестителя имѣть свой маленькій пароходъ для слѣдованія по Іордану до Мертваго моря и Мертвымъ моремъ въ Тиверіаду и Назаретъ.

Сообщилъ **Князь А. Дадіанъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Издатель С. Зыковъ. Редакторъ Н. Дубровинъ.

колыбель кладутъ новорожденнаго кронпринца. Платье и шпага Густава Вазы. Платье, въ коемъ найденъ убитымъ Густавъ Адольфъ, и простыня, на коей его несли, залитая кровью; также кинжалъ, коимъ хотѣлъ его зарѣзать монахъ.—Прострѣленная шляпа и перчатки въ крови Карла XII и все его платье, въ коемъ онъ убитъ.—Маска, камзолъ и рубашка и все платье въ крови Густава III.—Костюмъ королей.—Обѣдалъ у кронпринца.—Ввечеру балъ у королевы, душный и тѣсный. Пальмсширна, Нординъ, Берцелліусъ.—Провожали государя. Пальба ввечеру. Ордена, розданные нашимъ, и смѣшной гнѣвъ Сухтельна, получившаго табакерку; онъ здѣсь не въ чести.

1 (13) іюня, середа[1]. Поутру у великаго князя, потомъ у графа Потоцкаго. Кронпринцъ возилъ насъ показывать Академію Наукъ, въ которой замѣчательны только собранія естественной исторіи. Большая часть состоитъ изъ туземныхъ животныхъ, особенно птицъ.—Видѣли собраніе портретовъ членовъ академіи. Между прочимъ Линнеевъ[2]), съ него самого писанный. Заходили въ лабораторію Берцелліуса. Jörta, президентъ академіи и директоръ архивовъ[3]). Изъ академіи въ Карлбергъ, гдѣ кадетскій корпусъ на 100 человѣкъ; кадеты повидимому всѣ свѣжіе и здоровые. Экзерцировали и потомъ показывали гимнастическое свое искусство, которое доведено до нельзя и до излишества.—Ихъ обѣдъ простой, но не роскошный; всего на все 100 человѣкъ, и достаточно. Отчего наши усилія колоссальныя безъ результату и особенно нѣтъ у насъ правильнаго результата? Оттого, что правительство во все само мѣшается; исключаетъ домашнее воспитаніе, ему поперечитъ.—Наказанія отеческія и наказанія публичныя.—Женское воспитаніе. Ужасный жаръ, но между тѣмъ простудился на пароходѣ. Обѣдъ у королевы. Послѣ обѣда разговоръ съ кронпринцемъ о кадетскомъ корпусѣ (женская прислуга), о свободѣ тисненія. Минуту ввечеру въ концертѣ.

2 (14) іюня, четвергъ. Поутру былъ у Берцелліуса, съ которымъ размѣнялся крестами; потомъ у Потоцкаго, который читалъ мнѣ нѣсколько умныхъ бумагъ своихъ. Его маленькій, или, лучше сказать, тѣсный домъ днемъ обращается весь въ балъ.—Знакомство съ Беско-

---

[1]) Затѣмъ идетъ подъ заголовкомъ: Savants de la Suède и Littérateurs писанный по-французски перечень главныхъ представителей науки и литературы въ Швеціи.

[2]) Знаменитаго шведскаго натуралиста (р. 1707†1778).

[3]) Въ дневникѣ здѣсь ошибка: президентомъ Академіи наукъ былъ Берцелліусъ; Гансъ Ерта (Jaerta, р. 1774†1847), ученый, извѣстный своими трудами по исторіи шведскаго законодательства, былъ архиваріусомъ Стокгольмскаго государственнаго архива.

вымъ [1]).—Старикъ Мёрнеръ разсказывалъ мнѣ забавные стихи свои (на) шахматную игру между Фридрихомъ и Карломъ XII. — Въ Библіотеку, зданіе довольно красивое; оно состоитъ изъ одной длинной, высокой залы, обставленной шкафами, и заключаетъ въ себѣ до 80.000 книгъ. На полу бронзовая статуя Карла XII-го; онъ представленъ лежащій съ прострѣленною головою, какъ то было при Фридригсгаллѣ. Весьма не эстетическое произведеніе. Опять побывалъ у Река, который показывалъ мнѣ рисунки Французской школы.—Крестилъ у Глинки [2]) именемъ государя. Обѣдъ у кронпринца, сидѣлъ между графинею Шарлоттою Мёрнеръ и графинею Гильденштольпе. Противъ меня бѣдный Юрьевичъ, которому куда трудно съ французскимъ языкомъ, также между двумя дамами. Послѣ обѣда разговоръ довольно длинный съ кронринцессою, которая весьма и мила, и умна, съ нѣмецкой сантиментальностію. Вообще здѣшнее общество имѣетъ характеръ добродушія, привѣтливо чрезвычайно, и эта привѣтливость весьма искренна. Думаю, что съ нимъ весьма бы можно было хорошо ужиться и короткое знакомство было бы пріятно. Балъ у графа Потоцкаго. Благодарилъ короля за Полярную Звѣзду [3]). Онъ не имѣетъ никакихъ королевскихъ ухватокъ; но въ его неловкости есть что-то патріархальное, радушное, беретъ за руку, жметъ ее, цѣлуетъ тебя и проч. Съ нимъ не удалось поговорить, какъ съ кронпринцемъ, котораго манеры болѣе comme il faut, но который не такъ кажется мнѣ простъ. Королева безъ всякой наружности; прежняя маска съ нея не упала; но имѣетъ коечто привлекательное.—На балѣ разговоръ съ графомъ Біорнширна, министромъ въ Англіи [4]). Знакомство съ англійскимъ, прусскимъ и голландскимъ министрами. Разговоръ съ Бесковымъ о здѣшней литературѣ. На бѣду я много болталъ своего и не разспросилъ довольно о здѣшнемъ. Вся литература наводнена политическими, покупными болтунами: безнравственное здѣсь не то еще, что личныя обиды и публичныя о(с)корбленія о(с)таются ненаказанными и неизбѣжными, но то, что вообще падаетъ презрѣніе на благороднѣйшее человѣческое достояніе, свободное выраженіе мысли. Что возстановитъ достоинство книгопеча-

---

[1]) Бернгардъ фонъ Бесковъ (р. 1796 † 1868), шведскій драматическій поэтъ, секретарь Стокгольмской Академіи наукъ и гофмаршалъ Шведскаго двора.

[2]) У Д. Г. Глинки 16-го мая 1838 г. родился сынъ Николай Дмитріевичъ († 1884), бывшій впослѣдствіи нашимъ консуломъ во Франкфуртѣ.

[3]) За полученный Жуковскимъ орденъ Полярной Звѣзды.

[4]) Графъ Магнусъ-Фридрихъ-Фердинандъ Біорнширна (Bjoernstjerna, р. 1779†1847), генералъ, дипломатъ и политико-экономическій писатель. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ низверженіи династіи Ваза въ 1809 г.

танія? Одна только цензура, но ужъ конечно не à la Красовскій[1]) и Уваровъ.

3 (15) іюня, пятница. Въ 10 часовъ отъѣздъ изъ Штокгольма на пароходѣ Gulf. Характеръ озера—некрутые гранитные берега, составленные и(зъ) округлыхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ; вообще ель и сосна, цѣпляющіяся своими корнями за голые камни; много и другихъ деревьевъ; очень рослыя липы и дубы. Наступле(ніе) грозы при проѣздѣ черезъ Грипсхольмъ и послѣ осмотръ пушекъ, приготовленныхъ для Россіи барономъ Варендорфомъ[2]). Проѣздъ во время сильной грозы къ Варендорфу по такой же сторонѣ, которая похожа своими мѣстностями на озера, если вмѣсто воды будетъ зелень, пашня, луга. Хижины опрятныя; привѣтливость жителей. Ихъ хижины, выкрашенныя красною краскою. Ихъ малорослыя сильныя лошади. Обѣдъ у барона Варендорфа. Гёте[3]), скульпторъ и архитекторъ; его башня къ церкви каѳедральной, литая изъ желѣза[4]), 160 футовъ въ вышину. Длинный обѣдъ; за обѣдомъ пѣніе «Боже, царя храни», студентской народной пѣсни для кронпринца и еще другой прекрасной народной; пріятная музыка особеннаго характера. Посѣщеніе литейнаго завода, хаосъ машинъ. Потомъ сельскаго училища для крестьянскихъ дѣтей по ланкастерской методѣ. Чтеніе, писаніе. Исторія одни имена королей шведскихъ; пѣніе съ органомъ. Чистое жилище учителя. Возвращеніе въ Грипсхольмъ. Мнѣ отведена комната на дворѣ, въ углу[5]); лѣстница витушка упирается въ уголъ. Передняя, завѣшенная портретами Голстинской фамиліи, но между прочимъ и огромная генеалогія султановъ. Старинная кафельная печь на ножкахъ. Спальня круглая горница съ окнами въ глубокихъ амбразурахъ. Портреты русскихъ императоровъ и Ал(ексѣя) Михайловича. Екатерина вмѣстѣ съ Петромъ, арапомъ и собачкою. Нѣкоторые голстинцы, двѣ женщины въ родѣ Бѣлой Женщины[6]); есть Собескаго[7]) очень хорошій портретъ. Кровать старинная со штофнымъ занавѣсомъ; зеркало; печь кафельная и наконецъ дверка, отворяющаяся въ темный корридоръ, и на ней портретъ. Слово(мъ), все, что

---

[1]) Извѣстный своими притѣсненіями и своенравіемъ цензоръ Александръ Ивановичъ Красовскій (р. 1776 † 1857).

[2]) На его чугунно-литейномъ заводѣ.

[3]) Шведскій скульпторъ Эрикъ-Густавъ Гёте (р. 1779†1838).

[4]) Чугунный шпицъ къ Риддаргольмской церкви въ Стокгольмѣ.

[5]) Ср. „Очерки Швеціи“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 39—43).

[6]) „Особенно не понравились мнѣ два женскихъ портрета, которые оба показались списанными съ берлинской Бѣлой Женщины“ — писалъ Жуковскій, тамъ же.

[7]) Короля Польскаго Яна Собѣскаго.

*

нужно для явленія самаго полновѣснаго мерзавца. Ужинъ въ залѣ Густава Вазы [1]), длинная камора съ потолкомъ, росписаннымъ четвероугольниками. Портреты его потомковъ и современниковъ. Тутъ и несчастный Эрикъ XIV. Подъ портретами деревянныя рѣзныя панели. За ужиномъ зрители и между ними Бѣлая Женщина [2]). Послѣ ужина осмотръ нѣкоторыхъ горницъ. Замѣчательный портретъ Маріи-Антуанетты съ дѣтьми. Тюрьма Іоанна [3]), довольно опрятная горница, оставленная такъ, какъ была; кровать мѣсто рожденія Сигизмунда [4]), противъ нея родъ мѣшка, служившаго ему колыбелью. Дверка на лѣстницу закладенную; остатки дыма на верхней перекладинѣ. Надъ дверями образъ Спасителя; панели росписаны разными цвѣтами, также и сводъ. Кресла голубыя штофныя; маленькая скамейка. Подлѣ чуланъ для часовыхъ.—Осмотръ театра; небольшой, прекрасной архитектуры, построенный Густавомъ III. Зеркальные промежутки посреди первыхъ четырехъ колоннъ; въ серединѣ королевская ложа; партеръ амфитеатромъ. — Рядомъ съ этимъ театромъ тюрьма Эрикова, круглая, тѣсная клѣтка съ двумя окнами, съ дырявымъ поломъ, огромнымъ каминомъ и полуистлѣвшимъ ковромъ, висѣвшимъ въ томъ углу, гдѣ стояла кровать затворника; и эта тюрьма еще роскошь въ сравненіи съ тою, гдѣ погибъ Эрикъ [5]). Около корридоръ для часоваго. Вытертое мѣсто въ кирпичахъ окна и въ половицѣ, гдѣ стоялъ онъ и сидѣлъ на кровати. Но эта тюрьма имъ самимъ была назначена для Іоанна, который отплатилъ его монетою, но только съ ужаснымъ процентомъ.

---

[1]) Построившаго замокъ Грипсгольмъ.

[2]) „За столомъ сказали мнѣ, — писалъ Жуковскій въ „Очеркахъ Швеціи“,—что изъ всѣхъ комнатъ замка та именно, которая была отведена мнѣ для ночлега, была особенно предпочитаема тѣми привидѣніями, кои издавна выбрали его мѣстомъ своего пребыванія. Это заставило меня задуматься—и то, что насъ окружало, получило въ глазахъ моихъ какую-то сверхъестественную таинственность. Вдругъ смотрю на зрителей. . . .—и что же вижу! Блѣдная фигура съ оловянными глазами, которые тускло свѣтились сквозь очки, надвинутыя на длинный носъ, смотритъ на меня пристально. Я невольно вздрогнулъ. Фигура тронулась, прошла мимо зрителей такъ тихо и медленно, что казалось не шла, а вѣяла, и вдругъ пропала. Кто была эта гостья—не знаю. Но мнѣ пришло въ голову, что это былъ образчикъ того явленія, которое ожидало меня ночью“ (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. 6, стр. 40).

[3]) Сына Густава Вазы, Іоаннъ († 1592) былъ заключенъ въ тюрьму братомъ своимъ, королемъ Эрикомъ XIV († 1577).

[4]) Сына Іоаннова (см. предыдущее примѣчаніе), бывшаго потомъ королемъ польскимъ († 1632).

[5]) Т. е. назначенная Эрикомъ XIV для Іоанна.

[6]) Король Эрикъ XIV въ свою очередь былъ заключенъ въ темницу своимъ братомъ Іоанномъ.

Въ Дронтгольмѣ хранится платокъ Эрика, коимъ онъ обтеръ кинжалъ, поразившій Стура [1]). Правосудіе неба не оправдываетъ человѣческой жестокости. Ночь удивительная. Тишина; ходьба; ровность озера, видъ на него сквозь рѣшетку листьевъ; церковь городка, широкія полосы безъ шума, внизу столъ, часовня; мѣсяцъ безъ отблеска, сіяющія волны. Освѣщ(енный) рабочій столъ предъ окнами его передней; пауки въ окнахъ; тѣни на зеркалахъ; шаги, храпѣнье, ожиданье, мысли о прошломъ.—На дворѣ двѣ русскія пушки, взятыя въ 1581 Понтусомъ де ла Гардія, съ надписями: I) Пищаль воякъ въ лѣто 7085 дѣлалъ Ондрей Чоховъ. II) Божею милостію Іоаннъ, царь и великій князь, государь всея Руси. Здѣлана сія пищаль воякъ въ лѣто 7087. Дѣлалъ Андрей Чоховъ.

4 (16), суббота. Рано утромъ рисовалъ. Потомъ всѣ вмѣстѣ слишкомъ скоро осматривали картины, или портреты замка. Цѣлое зало, наполненное портретами бывшихъ на Вестфальскомъ конгресѣ [2]); всѣ писаны однимъ живописцемъ, современникомъ, по повелѣнію Христины [3]).—Замѣчательный портретъ Карла I. Сходство съ Рейтерномъ. Портреты Лудвига XIV, XV, ихъ женъ и Карла X. Но ни одинъ не остался въ памяти, спѣшили уѣхать. Посѣщеніе тюрьмы Эрика. Балка съ корзиною, по веревкѣ спускалась вдова Густава-Адольфа; старинный барельефъ въ стѣнѣ: король съ сіяніемъ на головѣ, за нимъ держатъ діадиму въ три короны, онъ на колѣняхъ передъ Спасителемъ, возстающимъ изъ гроба. Ужасная тюрьма, гдѣ умеръ съ голоду заѣденный вшами епископъ. Исторія о запертомъ нечаянно въ этой [4]); въ подобной умеръ Эрикъ.—Дорогою много рисовалъ и имѣлъ интересный разговоръ съ кронпринцемъ: умно, пріятно и здраво. Онъ хорошо описалъ характеръ шведовъ. Главныя добродѣтели: любовь къ законности и воинственность. Конскрипты не бѣгаютъ отъ конскрипціи, а плачутъ, если не попадутъ въ нее. Здѣсь опасность не отъ вымышленія болѣзней, а отъ ихъ скрытія. Кто не записанъ, покрывается стыдомъ, и дѣвушки на него указываютъ пальцами.—Король здѣсь правительствуетъ, у него не подсудные министры, а просто совѣтники, коихъ онъ можетъ и не слушать, но которые, не отвѣчая за событія, отвѣчаютъ за неподаніе совѣта. Ихъ контроль. Другая подпора сил(ьная) та, что старый бюджетъ существуетъ, если не сдѣланъ новый. (Правда, новый можетъ уничтожить старый). Невыгоды здѣшней конституціи, происходящія

---

[1]) Сынъ извѣстнаго Сванте Стуре, Нильсъ Стуре, заключенный Эрикомъ XIV безъ вины въ темницѣ, былъ имъ тамъ заколотъ кинжаломъ.

[2]) Которымъ окончилась Тридцатилѣтняя война.

[3]) Королевы шведской, дочери Густава-Адольфа.

[4]) Фраза, очевидно, не дописана; вѣроятно, пропущено слово: тюрьмѣ.

отъ четырехъ классовъ, состоятъ въ томъ, что исправленія происходятъ слишкомъ медленно, и отъ невѣжества класса поселянъ, который долженъ разсматривать политическіе вопросы, не понимая ихъ; за то сія медленность, противъ которой не умолкая дѣйствуетъ сивилизація, контрабалансируется твердостію порядка установленнаго. Невозможно минутной нуждѣ жертвовать будущимъ государства. — Тяжелая рана государства есть пьянство, введенное постановленіемъ Густава III [1]); и нѣтъ возможности сладить съ народомъ, ибо не удается по сію пору измѣнить сихъ постановленій. Ввести бы общество умѣренности. Другая бѣда есть богатство матеріаловъ и недостатокъ капиталовъ для ихъ употребленія въ свою и общую пользу; отъ сего нѣтъ движенія промышленности и пр. и пр. — Посѣщеніе Дронингхольма. Замокъ Карла X [2]), гдѣ живетъ кронпринцъ. Завѣшенные обои. Нѣсколько очень хорошихъ картинъ. Библіотека. Архитектура рококо, но великолѣпная. Садъ, напоминающій въ маломъ версальскій. Разные остатки: платокъ; туфля и письмо любовное Густава-Адольфа; и прочее.—Переѣздъ въ колясках въ Розенбергъ. Дорога безъ гардфу [3]) и скачка. Видъ стороны тотъ же, что озеръ. Опрятныя хижины. Верстъ 40 до Розенберга. Обѣдали (послѣ трехъ пріемовъ) у короля въ 10 часовъ. Я сидѣлъ подлѣ графини Біоршірна, жены министра въ Англіи, ученаго, но, кажется, гордаго и честолюбиваго. Послѣ обѣда веревочка, à la guerre и фанты [4]).

19 іюня (1 іюля н. с.), воскресенье. Поутру осматривалъ съ Томпсономъ [5]) музеумъ скандинавскихъ древностей. Вѣкъ каменный, мѣдный и золотой, мѣдножелѣзный, желѣзный. Памятники временъ среднихъ: св. Георгій изъ дерева. Рубашка утопленицы. Инструмен(т)ы и прочее.—Въ три часа на смотрѣ. Van Huyson. Разговоръ о Даніи. Разговоръ съ королевой и кронпринцемъ.—Король показываетъ самъ больному [6]) в(еликому) к(нязю) войско. Обѣдалъ у Николая [7]). Онъ весьма непривлекателенъ, и все, что его окружаетъ, также.

---

[1]) Король Густавъ III царствовалъ съ 1771 по 1792 г.

[2]) Король Карлъ X царствовалъ съ 1654 по 1660 г.

[3]) Т. е. gardefou, балюстрада.

[4]) Описанія дальнѣйшаго пребыванія Жуковскаго въ Швеціи и первыхъ дней, проведенныхъ въ Копенгагенѣ (т. е. періода времени съ 5-го (17-го) по 18-е (30-е) іюня), въ дневникѣ не имѣется.

[5]) Христіанъ-Юргенсенъ Томсенъ (Thomsen, р. 1788†1865), датскій археологъ, директоръ музея сѣверныхъ древностей.

[6]) Наслѣдникъ простудился и захворалъ лихорадкою.

[7]) У барона Павла Андреевича Николаи (р. 1777†1847), нашего посланника въ Копенгагенѣ.

20 (2), понедѣльникъ. Въ Фридриксбергѣ (порфира для коронаціи и гроба). На кладбищѣ. Въ Розенбургѣ[1]). Послѣ обѣда поѣздка въ Роскильдъ. Церковь и гробы[2]). Органъ. Возвратился въ $^1/_2$ перваго.

21 (3), вторникъ. Обозрѣніе Торваль(д)сеновыхъ[3]) гипсовъ. Выставка произведеній живописи въ Академіи. Живописецъ Rörby[4]). Его картина: Турокъ публичный писарь. Семейство рыбаковъ, освѣщенное вечернимъ солнцемъ. Заѣзжалъ къ Эленшлегеру. Послѣ обѣда осматривали здѣшній музеумъ: работы изъ слоновой кости: Снятіе со креста. Щитъ Бенвенуто Челлини[5]). Чаша и компасъ Петра Великаго. Вечеръ у великаго князя. Сцена Енохина[6]) съ докторами.

22 іюня (4 іюля), середа. Обозрѣніе съ профессоромъ Тиле кабинета гравюръ; до 100.000 листовъ. Отъ него къ живописцу Рöрби[7]). Его портфель. Осматривалъ мѣсто пожара. Въ Kunsthandlung. Вечеръ у в(еликаго) князя.

23 іюня (5 іюля), четвергъ. Весь день до 9 часовъ дома. Утро занимался по пустому маршрутомъ. Кавелинъ......: съ нимъ надобно избѣгать было всяка(го) разговора. За обѣдомъ подлѣ умнаго Баудиссена[8]); разговоръ о философіи. Ввечеру въ Charlotten-Lund къ ландграву Гессенскому[9]). Разговоръ съ ландгравомъ, его женой[10]), съ Христіаномъ[11]) и принцессою Фердинандъ[12]).

24 іюня (6 іюля), пятница. Professor Brorson. Поутру осматривалъ два заведенія: 1) Школу слѣпыхъ подъ вѣдомствомъ благотворительнаго общества. Счетъ, пѣнье. Часть слѣпыхъ остается на

---

[1]) Т. е. Rosenborg.

[2]) Датскихъ королей.

[3]) См. выше, стр. 181, прим. 3-е.

[4]) Мартинъ-Вессельтофтъ Рöрби (Roerbye) (р. 1804), копенгагенскій живописецъ.

[5]) Знаменитый итальянскій скульпторъ и граверъ († 1571).

[6]) Лейбъ-хирургъ Иванъ Васильевичъ Енохинъ (р. 1791 † 1863).

[7]) См. выше, прим. 4-е.

[8]) Одинъ графъ Baudissin (Вольфъ-Генрихъ-Фридрихъ-Карлъ, р. 1789 † 1878), писатель, принималъ участіе въ предпринятомъ Тикомъ переводѣ Шекспира; его братъ, графъ Отто-Фридрихъ-Магнусъ (р. 1792†1805), служилъ въ военной службѣ.

[9]) Вильгельму, датской службы генералъ-маіору и губернатору Копенгагена.

[10]) Ландграфъ Гессенскій Вильгельмъ былъ женатъ на принцессѣ Датской Луизѣ-Шарлоттѣ, дочери наслѣднаго принца Датскаго Фридриха († 1805).

[11]) Наслѣдный принцъ Датскій Христіанъ (впослѣдствіи король Датскій Христіанъ VIII, р. 1786†1848).

[12]) Принцъ Датскій Фердинандъ былъ женатъ на дочери короля Датскаго Фридриха VI, принцессѣ Каролинѣ.

житье въ домѣ, принадлежащемъ обществу. Это неимущіе. Остальные отдаются роднымъ. 2) Пріютъ для дѣтей бѣдныхъ ремесленниковъ. Такихъ четыре пріюта въ Копенгагенѣ. Пятый подъ особеннымъ надзоромъ принцессы Каролины-Амаліи [1]), будущей королевы. Веселость дѣтей. Одежда отъ родителей. Ученіе отъ приходящихъ студентовъ. Дежурныя дамы.—Обѣдъ у принца Христіана въ Зоргенфрейѣ [2]). Длинный и удушливый. Я между M-e Gutlof и M-elle Walter(s)dorff [3]). Продолжалось до 7 вечера съ 4-хъ. Прогулка по прекрасному парку. Разговоръ съ Молтке [4]). Знакомст(во) съ Адлеромъ [5]). Поутру у Рафна [6]).

25 іюня (7 іюля), суббота. Рожденіе государя. Великій князь все еще слабъ. Спалъ хуже. У обѣдни долженъ былъ сидѣть. Послѣ обѣдни съ визитомъ къ Эленшлегеру, отнесъ ему перстень; потомъ къ барону Шульцу [7]), прусскому посланнику. Длинный обѣдъ у короля; я сидѣлъ по сосѣдству съ Сутгофъ, которая болтала и хохотала съ Толстымъ; мнѣ по пере(хо)дѣ досталась M-elle Holck Winterfeld [8]); рядомъ съ нею Ранцау [9]).—Вечеръ дома. Игра въ мушку.

26 іюня (8 іюля), воскресенье. Весь день дома. Поутру визитъ Краббе [10]) и Ранцау. Великому князю нынче хуже, нежели вчера. У меня поутру Öленшлегеръ. Ввечеру на лодкѣ. Holmskirche [11]). Балъ у барона Николая. Знакомство съ Öрстедомъ [12]). Его новое сочиненіе о существѣ красоты.

27 іюня (9 іюля), понедѣльникъ. Рано поутру на лодкѣ. Плаваніе по бассейну и рисованье. Биржа. Зала для купцовъ и лавки. Великій князь нѣсколько лучше. Парадъ передъ окнами. Поѣздка къ Ранцау

---

[1]) Супруги наслѣднаго принца Христіана, рожденной принцессы Гольштейнъ-Августенбургской.

[2]) Вилла Sorgenfri.

[3]) Фрейлина супруги наслѣднаго принца.

[4]) Вѣроятно, съ министромъ финансовъ графомъ Адамомъ-Вильгельмомъ Мольтке.

[5]) Датскій ученый и государственный дѣятель Іоганнъ-Гундеръ Адлеръ (р. 1784 † 1852), бывшій директоромъ королевскаго театра.

[6]) Извѣстный археологъ Карлъ-Христіанъ Рафнъ (р. 1795 † 1864).

[7]) Прусскимъ посланникомъ въ Копенгагенѣ былъ баронъ Августъ Шульцъ фонъ Ашераденъ.

[8]) Фрейлина принцессы Фердинандъ.

[9]) Оберъ-шенкъ королевскаго двора, графъ Ранцау.

[10]) Датскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

[11]) Т. е. Holmenskirche.

[12]) Гансъ-Христіанъ Эрстедъ (Oersted, р. 1777†1851), датскій физикъ, первый директоръ Технологическаго института въ Копенгагенѣ.

за городъ. Чтеніе о Струензе[1]). Обѣдъ дома. Послѣ обѣда в(еликій) к(нязь) перевезенъ въ Амаліенбургъ. Вечеръ у него.

28 іюня (10 іюля), вторникъ. Поутру къ Эрстеду. Отъ него къ в(еликому) к(нязю), которому лучше. Брандисъ [2]). Чтеніе Bertrand et Raton [3]). Обѣдъ у Николая съ Гершау [4]). Вечеръ у в(еликаго) князя. Разговоръ о прошломъ.

29 іюня (11 іюля), середа. Поутру писалъ къ Марьѣ Николаевнѣ [5]). У в(еликаго) к(назя). Брандисъ. Прощаніе съ королемъ. Послѣ обѣда съ Баудиссеномъ и Бюловымъ [6]) у Эрстета [7]). Осмотръ Технологическаго института. Заведеніе на мало(мъ) маштабѣ. Университетъ безъ университетскаго правленія. Зданіе университета. Данеброгъ [8]).

30 іюня (12 іюля), четвергъ. Выѣздъ изъ Копенгагена въ $^1/_2$ 3-го часа. Поутру визиты. У принца Христіана: вазы, картины датскихъ живописцевъ.—Погода поутру дождливая. Къ ночи прочистилось. Прекрасный день.

1 (13) іюля, пятница. Прекрасное утро. Въ 10 часовъ пріѣхали въ Травеминде. Здоровье императрицы съ пушечною пальбою у пристани. Встрѣчены синдикомъ Бухолцемъ, сенаторомъ[9]), Шлецеромъ[10]) и Вьельгорскимъ. Завтракъ въ Травеминде. Переѣздъ въ Любекъ. Прекрасная шоссе, частію осѣненная липами; живые огороды. Остановились въ Hôtel du Nord. Послѣ обѣда (посѣтилъ меня Шлецеръ) вмѣстѣ съ Вьельгорскимъ осматривалъ Domkirche. Легенда о построеніи Любека. Карлъ Великій, олень съ ожерельемъ и крестомъ, убитый Генрихомъ Львомъ. Любекъ старый за часъ ѣзды отъ новаго къ морю. Два образа Богоматери, одинъ ваятелемъ, другой горшечникомъ, спасаютъ обоихъ отъ казни. Часы. Гробы великолѣпные нѣкоторыхъ домгеровъ. Легенда о томъ, что смерть домгеровъ предсказывалась появленіемъ бѣлой розы, что перемѣнилось отъ того, что одинъ изъ домгеровъ отослалъ свою розу другому; съ тѣхъ поръ предвѣщаніе громовымъ ударомъ.—

---

[1]) Объ извѣстномъ датскомъ государственномъ дѣятелѣ графѣ Іоганнѣ-Фридрихѣ Струензе (р. 1737; казненъ въ 1772 году).

[2]) Извѣстный врачъ и писатель Іоахимъ Брандисъ (р. 1762†1846), бывшій лейбъ-медикомъ короля Датскаго Фридриха VI.

[3]) Комедія Скриба.

[4]) Генеральный консулъ въ Копенгагенѣ Петръ Петровичъ Гершау.

[5]) Письмо къ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ было начато Жуковскимъ въ Копенгагенѣ 24 іюня, а окончено въ Любекѣ 4 (14) іюля 1838 г. (см. Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 603—613).

[6]) Генералъ-адъютантъ Датскаго короля графъ Бюловъ.

[7]) Въ дневникѣ описка: Эрнстета.

[8]) Т. е. пожалованіе Жуковскому датскаго ордена Данеброга.

[9]) Для фамиліи сенатора оставленъ пробѣлъ.

[10]) Карломъ Шлецеромъ, нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Любекѣ (см. выше, стр. 218, прим. 13-е).

Картина Геммелинка [1]) створчатая: 1. Благовѣщеніе. 2. Четыре святыхъ. 3. Несеніе креста, Распятіе, Положеніе во гробъ. — Маріинская церковь, болѣе великолѣпная, съ картиною Овербека [2]) и съ часами, въ которыхъ въ полдень всегда императоръ и 7 курфирстовъ поклоняются Христу; ангелы трубятъ. Въ Domkirche часы, въ коихъ смерть бьетъ часы, а солнце водитъ глазами.—Ратуша, старинная замѣчательная фасада и зала засѣданій съ бархатными софами.—Посѣщеніе Балка.—Рѣзная горница, купленная за 5.000 синдикомъ Бухольцемъ. Съ Балкомъ объѣхалъ городъ по валу, обсаженному липами, кои всѣ (въ) цвѣту. Осмотръ горницъ, приготовленныхъ великому князю. У Шлецера. Его жена, милая дочка и прекрасная женка его сына. Вечеръ у в(еликаго) князя. Несравненное письмо Бистрома [3]).

2 (14), суббота. Ночь писалъ письма. Утро провелъ въ хлопотахъ. Покупки. Осматривалъ Ортепедическій институтъ, ванны; натаціонная школа. Садъ. Русскія: княжна Голицына (Кутайсова), Кирѣевская изъ Москвы, Похвистнева.—Холодный пріемъ синдика и сенатора. Выѣздъ въ четыре часа. Проѣхали песчаною дорогою только четыре мили до Мейлена [4]). Мѣста живописныя; Рацебургское озеро влѣво отъ дороги; лѣсистыя ущелины, гдѣ водились разбойники. Въ Мейленѣ в(еликому) к(нязю) отведена была душная квартира на верху. За ужиномъ разсказъ Долгорукова о его дѣлѣ.

3 (15) іюля, воскресенье. Переѣздъ изъ Мелена въ Люнебургъ. Дорога песчаная; кое-гдѣ лоскутки шоссе, которая не иное что, какъ весьма худая мостовая, хуже песку. Кругомъ удобренныя поля, раздѣленныя живыми огородами, съ прекрасными рощами. Живописная переправа черезъ Эльбу, знаменитая въ войнѣ 1813 года. Перемѣняли лошадей въ Бюхенѣ. Обѣдали въ Артленбургѣ у самой переправы черезъ Эльбу. Пріѣхали ночевать въ Люнебургъ, живописный городъ, окруженный зелеными аллеями. Въ Артленбургѣ встрѣчены ф(лигель)-адъютантомъ Ган(н)оверскаго короля. Ввечеру в(еликій) к(нязь) довольно веселъ и не такъ съ виду боленъ, какъ вчера.

4 (16) іюля, понедѣльникъ. Въ 7 часовъ въ путь. Объѣздъ города. Люнебургъ картинный городъ. Передняя фасада треугольная. Высокіе фронтоны съ множествомъ оконъ, Fachwerk, стеклянные выпуски. Гульбище на валу, Kalkberg и оттуда видъ. Тюрьма. Соловарня. 3 источника. 26 процентовъ соли. 3 резервуара. 22 котла (24 ф. длин. 16 шир. 1 глуб.). 6 проводовъ подъ каж(дымъ) котломъ изъ ручья въ

---

[1]) См. выше, стр. 160, прим. 3-е.
[2]) См. выше, стр. 156, прим. 9-е.
[3]) См. выше, стр. 228, прим. 1-е.
[4]) Т. е. Mölln'a.

reservoir; въ котлѣ; кипяченье; примѣсь крови; отдѣленіе отсѣды; наливанье; осадка чистой соли; сушенье соли; черезъ воронки въ мѣшки; по 175 фунтовъ мѣшокъ. Каждый котелъ въ 24 часа 5.000 фунтовъ. Въ Маріинскую церковь. Картина испорченная. Глупая поправка. На мельницу. На валъ. Въ ратушу. 1. Рѣзная комната Албертусъ изъ Soest [1]) 1567. Изображеніе на одной двери гильотины, казнящей Манліева сына [2]). Prinzensaal съ множествомъ портретовъ. Старый Rathhaus; множество старинныхъ бокаловъ. Всходъ на верхъ подъ колокола. Ночевали въ Ильзенѣ [3]). Переѣздъ по pavé. Прекрасная окрестность.

5 (17) іюля, вторникъ. Переѣздъ изъ Ильзена въ Целле. Обѣдали въ Эшеде. Lieschen и Mütterchen. Дорога частію pavé, частію песокъ. Много степи. Ночевали въ Целле.

6 (18) іюля, середа. Переѣздъ изъ Целле въ Ган(н)оверъ. Осмотръ города. Много зелени. Зданія Fachwerk. Замокъ, гдѣ умерла Каролина-Матильда [4]). Ея гробница въ церкви, которая не велика, но прекрасна. Мраморные монументы герцоговъ Люнебургскихъ. Искалъ дома, гдѣ родилась королева Луиза [5]), и не нашелъ; ничего не узналъ, что прежде видѣлъ. Выходитъ на повѣрку, что королева совсѣмъ не здѣсь родилась, а въ Ган(н)оверѣ. Памятникъ Королины-Матильды въ саду. Переѣздъ изъ Целле въ Ган(н)оверъ совсѣмъ ничѣмъ не примѣчателенъ. Ровныя, довольно хорошо обработанныя мѣста; болѣе ничего. Мы остановились въ замкѣ Геррнгаузенъ, старинномъ, хорошо убранномъ. Отдохнувъ, къ королю [6]). — Обѣдали у короля. Принцъ Солмскій [7]) съ женою. Обершталмейстеръ Кильмансегге.

7 (19) іюля, четвергъ. День смерти королевы Луизы. Визиты поутру. Великій князь представлялъ насъ кронпринцу [8]). У него обѣдъ со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ. Фрезе [9]) и Дюрингъ [10]), сопут-

---

[1]) Т. е. Albert von Soest.

[2]) Манлій Торкватъ, римскій консулъ (въ 340 г. до Р. Х.); по его приказанію былъ обезглавленъ его сынъ, сражавшійся вопреки его приказанію.

[3]) Т. е. Ülzen.

[4]) Датская королева († 1775), извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Струензе (см. выше, стр. 393, прим. 1-е).

[5]) Королева Прусская Луиза.

[6]) Королемъ Ганноверскимъ былъ Эрнстъ-Августъ (р. 1771†1851) (о немъ см. выше, стр. 76, прим. 5-е).

[7]) Принцъ Вильгельмъ Сольмсъ (сынъ королевы Ганноверской Фридерики отъ втораго ея брака съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Сольмсъ); онъ былъ женатъ на графинѣ Маріи Кинской.

[8]) Кронпринцу (впослѣдствіи послѣднему королю Ганноверскому) Георгу (р. 1819†1878).

[9]) Артиллеріи лейтенантъ фонъ Фрессе (Fresse), состоявшій при кронпринцѣ Георгѣ для военнаго воспитанія.

[10]) Полковникъ Іоганнъ-Христіанъ фонъ Дюрингъ (р. 1792 † 1862), ранѣе

никъ Бр.... [1]). Его воспитатель. Гефль. Рочестерскій епископъ, прибывшій, дабы его [2]) конфирмировать. Прекрасная натура, развитая несчастіемъ [3]). Я подлѣ кронпринца и министра Шульте [4]) за столомъ. Зала съ огромною картиною, представляющая Генриха Льва и Барбароссу. Статуи и картины довольно плохія. Принцъ Брауншвейгскій: ввечеру мушка. Разговоръ о сочиненіи Баварскаго короля и потомъ съ Ливеномъ [5]) у меня.

8 (20) іюля, пятница. Поутру рисовалъ въ саду. Потомъ прогулка, но не долгая, дождь помѣшалъ. Обѣдъ у короля. Сидѣлъ подлѣ кронпринца. Разговоръ о женщинахъ. Вотъ женихъ в(еликой) к(няжнѣ) Александрѣ Николаевнѣ [6]). Послѣ обѣда театръ. Въ оркестрѣ. Fra-Diavolo [7]). Очень порядочно. Актеры брауншвейгскіе. Передъ обѣдомъ визитъ съ в(еликимъ) к(няземъ) Брауншвейгскому герцогу, который боленъ. Вечеръ у короля. Сидѣлъ за ужиномъ между двумя дамами очень любезными; одна госпожа Бушъ, урожденная Малорти [8]), а другая, очень милая, графиня Штольбергъ, третья жена графа Штольберга, сына поэта Фридриха-Леопольда [9])... Знакомство съ женою Вангенгейма [10]), очень умною, и графинею Бенигсенъ; также съ молодымъ Малорти [11]) и его прекрасною женою. Въ театрѣ подлѣ Кан(и)ца [12]).

служившій по лѣсному вѣдомству, а въ 1838—1842 гг. бывшій воспитателемъ кронпринца Георга.

[1]) Фамилія написана неразборчиво.

[2]) Т. е. кронпринца Георга.

[3]) Кронпринцъ Георгъ страдалъ крайнею слабостью зрѣнія, а потомъ совсѣмъ ослѣпъ.

[4]) Министръ финансовъ и торговли Каспаръ-Детлефъ фонъ Шульте (р. 1771†1846).

[5]) Генералъ-адъютантомъ княземъ Христофоромъ Андреевичемъ Ливеномъ († 1838), бывшимъ попечителемъ наслѣдника Александра Николаевича.

[6]) Великая княжна Александра Николаевна вышла (въ 1844 г.) замужъ за принца Фридриха-Вильгельма Гессенъ-Кассельскаго.

[7]) Опера Обера.

[8]) Статсъ-дама баронесса Бушъ, рожденная баронесса Малорти.

[9]) Поэтъ графъ Фридрихъ-Леопольдъ Штольбергъ умеръ въ 1819 году.

[10]) Баронъ (впослѣдствіи графъ) Георгъ фонъ Вангенгеймъ (р. 1780†1851) былъ оберъ-гофмаршаломъ ганноверскаго двора. Его жена была статсъ-дамою.

[11]) Одинъ баронъ Малорти былъ въ это время ганноверскимъ оберъ-егермейстеромъ; его сынъ былъ камергеромъ.

[12]) Генералъ Карлъ-Вильгельмъ-Эрнстъ фонъ Каницъ (von Canitz, р. 1787 † 1850), ранѣе бывшій адъютантомъ Прусскаго принца Вильгельма (брата короля Фридриха-Вильгельма III), съ 1828 г. перешедшій на дипломатическое поприще; въ 1833 — 1841 гг. Каницъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Ганноверѣ.

9 (21) іюля, суббота. Утро дождливое. Ѣздилъ въ городъ. Осматривалъ новостроющійся дворецъ: подъ глав(нымъ) присмотромъ Вангенгейма и архитектора Лавеса[1]). Много вкусу. Двѣ лѣстницы, одна парадная съ великолѣпнымъ портикомъ. Rittersaal. Плафонъ съ портретами. Портреты курфирстровъ и королей. Барельефы; паркетъ; серебро; зеркала, столы и сосуды. Зеленая комната съ фресками: Любовь, вино и поэзія. Комната Гомерова, комната ландшафтовъ, комната Психеи, зала танцевъ: Музы, Граціи, Геба, Ганимедъ, Венера, Вакхъ и Амуръ. Комната морская. Комната Юпитера, Ут(р)о и вечеръ. Церковь, позолота, гробницы, картины фреско и способъ живописи alfresco.—Обѣдъ у короля. Регентъ Гессенскій. Вечеръ дома.

10 (22) іюля, воскресенье. Утро дождливое. Крейтонъ [2]). Во дворцѣ Confirmation [3]). Обѣдня и проповѣдь епископа рочестерскаго, причащеніе.—Обѣдалъ дома. Послѣ обѣда у Крейтона. Анекдоты о сынѣ. Экзаменъ и билеты. Ссора съ товарищами за гувернера. Вечеръ дома.

11 (23) іюля, понедѣльникъ. Все утро читалъ критику на Штрауса[4]). Обѣдъ у короля. Въ театрѣ: Nachtlager bey Grenada [5]), Крейцера. Длинная, скучная музыка.

12 (24) іюля, вторникъ. Поутру въ лавку. Всходъ на колонну [6]) 180 ст(упеней). Видъ на Дейстеръ, Гарцъ, городъ, Bella Wista [7]). Въ домъ Вангенгейма: очень хорошо построенный. Кухня, такъ что одинъ ходъ, весьма просторная. Корридоръ, запирающійся створчатыми дверями. Въ конюшнѣ стойла съ рѣшетками, чтобы болѣе свѣта, лошади другъ друга видятъ; полукругъ; столбы желѣзные, ясли также; кругомъ ихъ обложено цинкомъ. Въ дверяхъ спуски для сѣна и соломы; желоба для овса.—N.B. Сдѣлать для кухни машину, чтобы все подавалось не руками, и такъ, чтобы одно опускалось, какъ скоро подымается другое.—Къ архитектору Лавесу. Модель висячаго моста, который можетъ быть переложенъ черезъ широкую рѣку. Въ Библіотекѣ. Манускрипты Лейбница: 12 томовъ in f(olio) неизданной исторіи Германіи. Его письмо къ Лудв(игу) XIV о занятіи французами Египта, также неизданное; его письмо Брюсу о войнѣ съ турками. Манускриптъ

[1]) Придворный архитекторъ Георгъ-Лудвигъ-Фридрихъ Лавесъ (Lavess, р. 1789†1864), построившій много зданій въ Ганноверѣ.

[2]) См. выше, стр. 85, прим. 1-е.

[3]) Конфирмація кронпринца Георга.

[4]) На сочиненіе извѣстнаго тюбингенскаго профессора Давида-Фридриха Штрауса (р. 1808 † 1874) „Жизнь Іисуса“ (Das Leben Jesu), вышедшее въ 1835 году.

[5]) Das Nachtlager von Granada—опера Конрадина Крейцера (о немъ см. выше, стр. 109, прим. 3-е.

[6]) Въ память побѣды при Ватерлоо (см. выше, стр. 220).

[7]) Т. е. Bella Vista.

Ѳеодицеи [1]). Множество неразобранныхъ рукописей. Стулъ, на коемъ умеръ Лейбницъ съ Аргенидою Барклая [2]) въ рукахъ. Желѣзный обручъ Петра Великаго для поддержанья руки при стрѣльбѣ. Двадцать томовъ писемъ герцогини Орлеанской къ курфирстринѣ Софіи въ послѣдніе годы Лудвига XIV и во время регента. Грамоты за подписью Лудвига Германскаго, Лудвига Младшаго, Генриха IV и пр. Актъ о возведеніи на англійскій тронъ Ганноверской фамиліи [3]), скрѣпленный подписями Wright и Pitt [4]). Манускриптъ молитвенника на пергаментѣ, принадлеж(авшій) Карлу V и подар(енный) имъ Генриху VIII. Біографія въ портретахъ, начинающаяся портретомъ брюха матери и оканчивающаяся портретомъ гроба. Работы Пертца [5]). — Заѣзжалъ къ Штольбергу, потомъ къ Каницу. Его любезная сестра (жена его брата и сестра его бывшей жены), его хорошенькія двѣ дочки. Обѣдъ у короля. Ввечеру у в(еликаго) князя. Потомъ на балъ въ 12 часовъ въ домѣ бывшемъ герцога Кембричскаго. Возвратился въ $2^1/_2$ часа. Дождь.

13 (25) іюля, середа. Поутру замѣчательный разговоръ съ в(еликимъ) к(няземъ) и съ Кавелинымъ. Обѣдъ у короля въ городѣ. Король нѣсколько боленъ. Ввечеру у насъ скучная опера Le postillon de Longjumeau [6]). Послѣ того весьма пріятныя минуты съ в(еликимъ) к(няземъ). Дождь.

14 (26) іюля, четвергъ. Поутру дома. Чтеніе и долгій разговоръ съ великимъ княземъ. Надобно часъ отъ часу быть къ нему ближе для его же пользы. Обѣдъ у короля въ городѣ. Роза-пуфъ. Вечеръ дома. Дождь.

15 (27) іюля, пятница. Утро дома. У меня Каницъ. Обѣдъ у короля. Вечеръ дома. Мушка. Дождь.

16 (28) іюля, суббота. Погода начинаетъ разгуливаться; воспользовался ясною минутою дня для прогулки, она кончилась дождемъ. Обѣдъ у короля; за столомъ подлѣ Лейста, бывшаго профессора правъ Геттингенскаго университета. Онъ большой дѣлецъ. Разговоръ о конституціи ганноверской. Ввечеру у насъ концертъ. Ничего особеннаго. Арія кронпринца.

17 (29) іюля, воскресенье. Поутру къ Лейсту; потомъ къ Каницу,

---

[1]) Сочиненіе Лейбница (Essay de Théodicée), изданное въ 1710 году.

[2]) Argenis—романъ Джона Барклая (Barclay, р. 1582 † 1621), англійскаго поэта и сатирика.

[3]) Первымъ англійскимъ королемъ изъ Ганноверскаго дома былъ Георгъ I (съ 1714 по 1727 г.).

[4]) Англійскими министрами.

[5]) См. выше, стр. 220, прим. 3-е.

[6]) Комическая опера французскаго композитора Адольфа Адама (Adam, р. 1803 † 1856).

котораго не засталъ, и къ Шультену [1]), котораго засталъ вмѣстѣ съ болтливою его женою. Замѣчательный садъ. Обѣдъ у короля. За столомъ между Мартина [2]) и Деделя [3]). Послѣдній разсказывалъ о покражѣ брилліантовъ в(еликой) к(нягини) Анны Павловны. Ѣдемъ послѣзавтра. Негоціація съ Кильмансеггомъ [4]) о домѣ Штейна въ Нассау для в(еликаго) князя. Вечеръ дома. Мушка.

18 (30) іюля, понедѣльникъ. Поутру завтракъ въ королевскомъ погребѣ.—Писалъ къ М(аріи) Никол(аевнѣ) и къ Тургеневу.—Прощанье съ королемъ. У меня Лейстъ. — Смотръ лошадей королевскихъ. Четыре цуга. Обѣдалъ у Шееля [5]), рядомъ со мною Мартинъ.—Гельфъ.—Балъ и иллюминація у насъ въ Герренгаузенѣ.

19 (31) іюля, вторникъ. Переѣздъ изъ Ганновера въ Эйнбекъ. Прекрасная сторона. Мили двѣ отъ Ганновера довольно однообразно. Потомъ начинаются горы, и виды становятся живописны. Въ Эйнбекѣ развалины готической недавно сгорѣвшей церкви.

20 іюля (1 августа), середа. Переѣздъ изъ Эйнбека въ Кассель. Проѣздъ черезъ Геттингенъ. Посѣщеніе Герена [6]). Онъ живетъ въ домѣ бывшемъ Шлёцера [7]) противъ Johanniskirche. Домъ въ три этажа. Чистота. Гипсы на лѣстницѣ. Точно слогъ Геерена. Отдача перстня. Разговоръ о исторіи, о карьерѣ Геерена, о настоящемъ времени и пр.—Ратуша, четвероугольный старинный домъ. Новое университетское зданіе.—Депутація къ великому князю. Виды живописны. Особенно Минденъ и Porta Westphalica. Прибытіе въ Кассель. Руль [8]). Въ театрѣ: Enzio [9]).

21 іюля (2 августа), четвергъ. Утромъ рано съ Рулемъ въ Бельвю. Картинная галлерея; особенно замѣчательны картины школы Фламандской. Большая зала. Potter'овы Коровы; прекрасная Рубенсова Вакханаль. Снидерсъ и Рубенсъ. Гольбейново Семейство. Портреты Вандика. Нѣсколько Теньеровъ. Двѣ головы Герарда Дова. Итальянскія картины не столько замѣчательны.—Поѣздка въ Wilhelmshöhe.

---

[1]) Вѣроятно описка, вмѣсто: Шульте.

[2]) A. Martin—французскій посланникъ въ Ганноверѣ.

[3]) W.-G. Dedel—голландскій посланникъ тамъ же.

[4]) Графъ Кильмансегге былъ женатъ на дочери извѣстнаго барона Штейна (см. выше, стр. 201, прим. 6-е.

[5]) Баронъ Георгъ-Викторъ-Дидрихъ фонъ Шеле (Schele, р. 1771 † 1844) былъ въ то время ганноверскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

[6]) Извѣстнаго историка Арнольда Герена (Heeren, р. 1760†1842).

[7]) Знаменитаго историка Августа Шлёцера.

[8]) См. выше, стр. 188, прим. 9-е.

[9]) König Enzio, трагедія Эрнста Раупаха (о которомъ см. выше, стр. 374, прим. 12-е).

Фонтанъ. Нѣсколько прекрасныхъ картинъ. Копіи Аполлона Бельведерскаго, Венеры Медицейской и Танцорки Кановы. Комната съ стекломъ вмѣсто зеркала. Завтракъ у курфирстрины; ея дочь со своею воспитательницею M-elle Scheele. M-elle Osterhamm. Отъ Касселя до Марбурга дождь. Передъ въѣздомъ въ Марбургъ на время луна и прекрасный видъ на живописный городъ на берегу Ланы съ его горнымъ замкомъ и готическою церковью,

22 іюля (3 августа), пятница. Переѣздъ изъ Марбурга въ Франкфуртъ. Осмотръ каѳедральной церкви. Суперинтендентъ Юппи [1]). Церковь чистаго готическаго стиля. Цвѣтныя окна. Мѣсто, гдѣ только гробъ Елисаветы [2]) съ камнемъ, вытертымъ колѣнами молельщиковъ. Рѣзьба будто А(ль)брехта Дюрера. Гробы Гессенскихъ ландграфовъ. Особенно замѣчателенъ одинъ съ изображеніемъ ландграва въ латахъ на верху и его же, съѣденнаго звѣрями и покрытаго всякими гадами внизу. Рака св. Елисаветы, мѣдная позолоченая, фигуры серебреныя съ выломленными камнями, во времена вестфальскія, какъ здѣсь говорятъ.— Завтракъ въ Гиссенѣ; встрѣча съ нашимъ химикомъ Воскресенскимъ [3]).— Мѣста пріятныя до Франкфурта, куда мы пріѣхали въ 3 часа пополудни. — Убриль [4]), Васильчиковъ, гр(афъ) Толстой [5]), Маркеловъ [6]), Штруве [7]). —Свиданіе съ Тургеневымъ [8]), явленіе Вьельгорскихъ. Консультація съ Коппомъ [9]). Лауницъ [10]).

23 іюля (4 августа), суббота. Поутру у Радовица [11]). Разговоръ о

---

[1]) Не Juppe ли? Быть можетъ, потомокъ Лудвига Юппе (Juppe, жилъ въ XVI в.), работы котораго (нѣсколько алтарей) находятся въ церкви св. Елизаветы въ Марбургѣ.

[2]) Супруги ландграфа Тюрингенскаго Лудвига IV Святаго, дочери короля Венгерскаго Андрея II, скончавшейся въ 1231 году, 24 лѣтъ отъ роду.

[3]) Съ Александромъ Абрамовичемъ Воскресенскимъ (р. 1809†1880), впослѣдствіи ректоромъ С.-Петербургскаго университета и попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа. Въ Гиссенѣ Воскресенскій слушалъ знаменитаго Либиха.

[4]) Петръ Яковлевичъ Убри (Oubril, р. 1774 † 1847), нашъ посланникъ во Франкфуртѣ.

[5]) Извѣстный впослѣдствіи поэтъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой (р. 1817†1875), состоявшій съ 1836 г. при нашей миссіи во Франкфуртѣ (см. Полное собраніе сочиненій графа А. К. Толстого, т. I, Спб. 1895, стр. X).

[6]) См. выше, стр. 230, прим. 5-е.

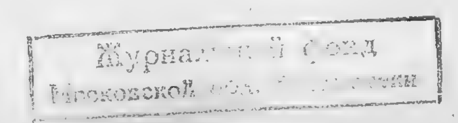
[7]) Антонъ Густавовичъ Струве, второй секретарь миссіи во Франкфуртѣ.

[8]) Александромъ Ивановичемъ.

[9]) См. выше, стр. 231, прим. 1-е.

[10]) См. выше, стр. 230, прим. 6-е.

[11]) Радовицъ (о которомъ см. выше, стр. 211, прим. 6-е) былъ въ это время прусскимъ военнымъ уполномоченнымъ во Франкфуртѣ.

Журнальный фонд
Московской ...

лась, даже въ глазахъ императрицы Анны Іоанновны, опаснѣйшею претенденткою на престолъ. Неприязнь русскихъ правительственныхъ сферъ наглядно выражалась въ томъ обстоятельствѣ, что никто изъ русскихъ сановниковъ не являлся въ открытый домъ французскаго посольства. Всѣ стали его избѣгать и ограничивались обмѣномъ визитовъ и комплиментовъ съ французскимъ посломъ. Только когда маркизъ сталъ жаловаться графу Остерману на такое явное недружелюбіе лицъ высшаго петербургскаго общества, положеніе измѣнилось къ лучшему: на блестящіе обѣды и вечера во французскомъ посольствѣ стали ѣздить, но на откровенности съ посломъ никто не отваживался.

Во времена бироновщины и правленія принцессы Анны Леопольдовны маркизъ Шетарди игралъ при русскомъ дворѣ весьма опасную игру, вызванную прямыми предписаніями его правительства и отчасти оправдываемую положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Версальскій дворъ отлично зналъ объ общей ненависти русскаго народа и войска къ временщику Бирону и къ правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ съ ея клевретами; онъ зналъ, что всѣ надежды русскаго народа обращены на дочь преобразователя Россіи, царевну Елизавету Петровну, воцаренія которой пламенно желали многочисленные враги нѣмецкой принцессы-правительницы. Этими обстоятельствами желалъ воспользоваться Версальскій дворъ для сокрушенія въ Россіи «нѣмецкой партіи», естественно склонявшейся къ союзу съ Австріей, и для оказанія помощи вѣковому союзнику Франціи — Швеціи. Въ виду этого, маркизу приказано было: вступить въ секретнѣйшіе переговоры съ принцессою Елисаветою Петровною и уговорить ее подписать тайное соглашеніе съ Швеціей.

Въ продолженіе всей первой половины 1741 г. онъ старался «подстрекнуть» великую княжну Елисавету Петровну рѣшиться на совершеніе государственнаго переворота.

Въ ночь съ 6-го на 7-е декабря 1741 г. совершился давно ожидаемый государственный переворотъ: царевна Елисавета Петровна вступила на прародительскій престолъ. Маркизъ приписывалъ себѣ чуть не главную роль въ этомъ событіи. Въ своихъ донесеніяхъ Версальскому кабинету онъ разсказываетъ, что гренадеры-солдаты называли его «б а т ю ш к а», цѣловали ему руки и пришли его поздравить съ восшествіемъ на престолъ царевны. Онъ отдавалъ приказанія, кого арестовать изъ высшихъ сановниковъ и какія принимать мѣры предосторожности. Въ дѣйствительности же домъ французскаго посланника былъ наглухо запертъ, всѣ огни были погашены, и самъ маркизъ спрятался за занавѣскою у окна, откуда онъ могъ видѣть, чрезъ скважину ставень, что происходило на улицѣ. Для Шетарди эта революція была сюрпризомъ: онъ ея такъ скоро не ожидалъ.

Въ виду настоятельныхъ предписаній изъ Версаля и при полномъ заблужденіи насчетъ своего дѣйствительнаго положенія при дворѣ императрицы Елисаветы Петровны, маркизъ продолжалъ назойливымъ образомъ требовать, чтобы миръ съ Швеціей былъ заключенъ при посредничествѣ Франціи и на условіяхъ, которыя она предложитъ Россіи. Ему было объявлено единогласное рѣшеніе совѣта русскихъ министровъ не дѣлать Швеціи никакихъ территоріальныхъ уступокъ. Такой оборотъ дѣлъ долженъ былъ въ высшей степени раздражить маркиза, который сталъ открыто жаловаться на «черную неблагодарность» императрицы и ея приближенныхъ. Раздраженіе его дошло до того, что онъ сказалъ императрицѣ, что всѣ ее обманываютъ и что ея министры—«негодяи и подлецы»; между тѣмъ онъ, Шетарди, рисковалъ своею жизнью для нея и много разъ подвергался изъ-за нея опасности потерять ноги и руки. Къ этому онъ прибавилъ: «черезъ два мѣсяца ваше величество будете освобождены отъ моего присутствія». Императрица, естественно, стала избѣгать встрѣчъ съ французскимъ посланникомъ и стала отказывать ему въ просьбахъ объ аудіенціяхъ.

Наконецъ, самъ французскій король убѣдился въ безполезности дальнѣйшаго пребыванія маркиза при русскомъ дворѣ и охотно исполнилъ его просьбу объ отозваніи. Въ іюнѣ 1742 г. Шетарди получилъ свою отзывную грамату и сталъ готовиться къ отъѣзду. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ имѣлъ большую неосторожность писать своему двору донесенія, въ которыхъ личность, характеръ и образъ жизни императрицы подвергались ѣдкой критикѣ и злымъ насмѣшкамъ.

Очень интересенъ историческій очеркъ, въ которомъ изложена исторія участія Россіи въ заключеніи Версальскихъ мирныхъ трактатовъ 1783 г., которыми была признана политическая независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Роль Россіи, въ качествѣ посредницы при заключеніи этихъ трактатовъ, была по настоящее время такъ мало извѣстна, что она обыкновенно не считалась участницею въ этихъ международныхъ актахъ. Между тѣмъ Россія участвовала въ переговорахъ, приведшихъ къ миру, по просьбѣ всѣхъ воевавшихъ державъ.

Съ воцареніемъ императора Александра I начинается новый фазисъ въ исторіи международныхъ сношеній Россіи и Франціи, центромъ которыхъ сдѣлалась геніальная личность Наполеона I.

Исторія мирнаго трактата 1806 г., подписаннаго Убри въ явное превышеніе своихъ полномочій, изложена Ѳ. Ѳ. Мартенсомъ на основаніи архивныхъ источниковъ, вполнѣ обнаруживающихъ несомнѣнную оплошность этого русскаго дипломата.

Заканчивается этотъ томъ трактатами, подписанными въ 1807 году въ Тильзитѣ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины", Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ" помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину"** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно**.

Издатель **С. Зыковъ**. Редакторъ **Н. Дубровинъ**.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

383, 5/IX

